3 1761 05107073 8

Lermontov, Mikhail Yur'evich
...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Polnoe sobranie sochinenij

E. 3-4.

ТОМЪ ТРЕТІЙ
Том четвертый

2 vols. in 1

459303
14. 3. 47

1 9 2 1
[Berlin]

Драматическія произведенія

ИСПАНЦЫ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ

1830 г.

Посвященіе

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежной.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ, —
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю: все равно ему —
Душѣ-ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла:
Страдальца ты не осмѣяла,
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла.

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!...

—

Дѣйствующія лица:

Донъ-Алварецъ. Дворянинъ испанскій
Эмилія. Дочь его
Донна-Марія. Мачеха ея
Фернандо. Молодой испанецъ, воспитанный Алварецомъ
Патеръ Соррини. Италіанецъ-іезуитъ, служащій при инквизиціи
Доминиканецъ. Пріятель Соррини
Моисей. Еврей
Ноэми. Дочь его
Сарра. Старая няня, еврейка
Испанцы — бродяги, подкупленные Соррини
Жиды и жидовки
Служители инквизиціи

Слуги Алвареца, слуги Соррини съ ихъ начальникомъ, народъ гробовщики. (Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Сцена I

Комната у Алвареца. Столъ, портреты на стѣнахъ и зеркало на стѣнѣ. Донна Марія сидитъ на креслахъ, Эмилія стоитъ и перебираетъ четки

Донна Марія. Да, съ этихъ поръ тебѣ я запрещаю
Съ Фернандо говорить. Во-первыхъ, онъ
Неблагородный. Оттого мой мужъ
Тебѣ съ нимъ не позволитъ съединиться
Супружествомъ; и я въ томъ настою!

Эмилія. Повѣрьте, благородство не въ бумагахъ,
А въ сердцѣ.

Донна Марія. Такъ, ужъ вѣрно, отъ него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!...

Эмилія. Не мудрено, что мнѣ Фернандо много
Прекрасныхъ чувствъ помогъ узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, онъ,

Безвѣстный сирота, былъ взятъ моимъ отцомъ;
И съ этихъ поръ я подъ одной съ нимъ кровлей
Жила, какъ съ братомъ, и, бывало,
Вдвоемъ гуляли мы въ горахъ Кастильскихъ:
Онъ былъ подпора и вожатый мнѣ,
И не было на тѣхъ вершинахъ розы,
Которой для меня не могъ бы онъ достать.

(Донна Марія въ разсѣяньи какъ бы поправляетъ что-нибудь въ своемъ одѣяньи и не слушаетъ)

Однажды мы до ночи заходились;
Душистый вѣтерокъ свѣжѣе становился,
И мѣсяцъ по небу катился.
Предъ нами быстрый былъ потокъ. Фернандо,
Чтобъ перенесть, взялъ на руки меня.
Мы перешли, но я все оставалась
Въ его объятьяхъ. Вдругъ, я помню,
Онъ страннымъ голосомъ спросилъ меня:
„Эмилія меня не любитъ?“ — „Нѣтъ, люблю!“ —
Сказала я, и ужъ съ того мгновенья
Люблю его нѣжнѣй всего на свѣтѣ!

Донна Марія. Вотъ это именно меня и заставляетъ
Тебѣ совѣтовать не говорить съ нимъ:
Тебѣ я замѣняю мать, могу —
И мнѣ дано отъ Алвареца право —
Смотрѣть, какъ можно строго, за тобою;
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилія. А, можетъ быть, гаданья ваши ложны.

Донна Марія. Повѣрь, тебя я не глупѣе, потому
Что ужъ за третьимъ мужемъ: опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливы супружества, когда
Мужъ и жена не равны состояньемъ.

Эмилія. Неужели умершіе мужья
Разсудку придаютъ?

Донна Марія (будто не слыхавъ) Звонятъ къ обѣднѣ!

Эмилія. Звонятъ! (въ сторону) а онъ все не приходитъ.

Донна Марія. Взяла-ли ты молитвенную книжку?

Эмилія. Ахъ, позабыла! (беретъ со стола) о, какъ долго!

(Фернандо входитъ. Донна Марія не видитъ его, выходитъ въ дверь. Эмилія изъ-подъ мантильи, слѣдуя за мачехой, роняетъ записку. Фернандо, глядѣвшій вслѣдъ за нею, подымаетъ)

Фернандо (открываетъ). „Я знаю, что батюшка слышалъ о нашей любви и о твоемъ намѣреніи жениться на мнѣ. Онъ тебѣ, вѣрно, станетъ говорить объ этомъ. Ради Бога, не горячись съ нимъ; иначе мы никогда не будемъ счастливы".
Ты много требуешь, Эмилія! (Молчаніе)
Кто-бъ могъ подумать, что такой глупецъ,
Такой безчувственный... Чудна природа...
И это милое, небесное созданье —
Эмилія... нѣтъ, нѣтъ! — она не дочь его.
Мнѣ скажутъ: благодарность! благодарность!...
За что? — За то-ль, что каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рожденъ
Я въ низкомъ состояньи, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то-ли, что ломоть вседневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?...
За это — благодарность отъ меня?
О, лучше бы отъ голода погибнуть,

Чѣмъ выносить такія укоризны!...
И какъ онъ могъ узнать мои желанья? странно!...
Но, что ни будь, — а даже для нея
Малѣйшей не стерплю обиды! полно!
Любовь возьметъ свое... но не теперь...

(Алварецъ входитъ тихими шагами и садится въ крес ла

Фернандо. Какой же гордый видъ, какъ будто въ немъ
Соединилися всѣ души предковъ! (Обращаясь къ портретамъ)
О вы, вы, образы людей великихъ
Своею мудростью и силой!
Скажите мнѣ, ужель гніющія
Нѣмыхъ гробовъ безчувственныя жертвы
Отнимутъ у меня мою Эмилію?...
Смѣшно! — я не могу себѣ представить,
Чтобъ мертвые имѣли предразсудки!...

Алварецъ. Фернандо! до меня доходятъ слухи,
Что ищешь ты войти въ мое семейство...
Безумецъ ты! — клянусь Святою Дѣвой! —
И мысль одна, мой милый, быть мнѣ зятемъ
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо. Желательно, чтобы моя обида
Могла вамъ заплатить за ваши...

Алварецъ. Мои обиды!... Слушай же, глупецъ,
Что я скажу тебѣ, да со вниманьемъ.

Фернандо (насмѣшливо) Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ, оказавъ
Добро одинъ разъ въ жизни человѣку,
Бранить его сто разъ и каждый день!

Алварецъ. Узнать ты долженъ, наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я

Тебя почти совсѣмъ какъ бы родного,
Но съ этихъ поръ перемѣнилось все!
Я повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
Съ слугой однажды шелъ я изъ Бургоса
(Тогда еще я только-что женился).
Ужъ смерклось, и сырой туманъ покрылъ
Вершины горъ. Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь
Забытая, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачъ... и на крыльцѣ
Находимъ бѣднаго ребенка, — то былъ ты;
Я взялъ тебя, принесъ домой и воспиталъ. (Насмѣшливо)
Но для чего тебя тамъ положили,
И кто родители твои, — Богъ знаетъ!
А я такъ не хочу и знать. Да, да!

Фернандо (пораженный, про себя)

Такъ, такъ, совсѣмъ, совсѣмъ забытый сирота!...
Въ великомъ Божьемъ мірѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!...
Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колѣнахъ. Чуждый голосъ
Училъ меня родному языку
И пѣлъ надъ колыбелію моей. (Молчаніе)

(Ходитъ взадъ и впередъ, потомъ опять приходитъ въ спокойное положеніе)

Алварецъ. О чемъ печаленъ? точно, вотъ какъ было.
Возможно-ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что послѣ скажутъ
Другіе благородные испанцы?...

Фернандо. Поговорятъ — и замолчатъ.

Алварецъ. Не замолчатъ: Не слыхано у насъ,
Чтобы на улицѣ найденный человѣкъ

Съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ
Могъ сблизиться.

Фернандо. Сказать вамъ отчего?
Боятся эти люди, чтобъ тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали...

(Алварецъ подходитъ къ портретамъ)

Алварецъ. Вотъ этотъ, здѣсь, мой первый предокъ, жилъ
При Карлѣ Первомъ, при дворѣ, въ благоволеньи
У короля; второй при инквизиціи
Священной былъ не въ малыхъ людяхъ;
Вотъ тутъ написано, что сдѣлалъ онъ:
Три тысячи невѣрныхъ сжегъ и триста
Въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ.

Фернандо (насмѣшливо). О, этотъ былъ безъ спору мужъ святой;
Конечно, онъ причисленъ къ лику?

Алварецъ (равнодушно). Нѣтъ еще!...
Вотъ третій здѣсь, въ военномъ одѣяньи,
Съ перомъ на шляпѣ краснымъ, и съ усами:
Вторымъ служилъ на флотѣ онъ и утонулъ
Въ сраженьи противъ англичанъ проклятыхъ.
Еще-жъ пятнадцать прадѣдовъ моихъ ты видишь
(Дай Богъ, чтобъ и меня сюда вписали,
И родъ нашъ до трубы послѣдней продолжался).
И ты, ты захотѣлъ вступить въ число ихъ?
Гдѣ, гдѣ твои родители, бродящіе
По свѣту негодяи, подлые... или...
Несчастные любовники, или какіе
Нибудь еще похуже... Дерзкій! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все, — тогда я замолчу.

Фернандо. О, если-бъ только я хотѣлъ молчать

аставить васъ (трогая шпагу), то безъ пергаментовъ
Я-бъ это могъ.

Алварецъ. Ужъ слишкомъ ты забылся,
Бродяга! Покажи-жъ сейчасъ,
Какъ ты меня молчать заставишь; а не то
Велю тебя прибить, — и это вѣрно,
Какъ то, что папа есть апостоловъ намѣстникъ!
Какъ ты меня молчать заставишь?
Бѣдняга, плутъ, найденышъ!... Ты не помнишь,
Что я, испанскій дворянинъ, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (тошнувъ). Видишь ты передъ собою
Изображенія отцовъ моихъ?
Кто-жъ твой отецъ?... Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви?... Вѣрно ужъ жидовка,
А съ христіанкой быть сего не можетъ.
Итакъ, смирись, жидовское отродье,
Чтобъ я тебя изъ жалости простилъ!...

Фернандо (въ безпокойствѣ) Послушай, Алварецъ! теперь, теперь я
Ничѣмъ тебѣ не долженъ!... Алварецъ,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй отъ меня. Кровь благородная
Текла понынѣ въ жилахъ этихъ. (Минута молчанія)
Вотъ эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставитъ.

Алварецъ. Вонъ! вонъ скорѣй изъ дома моего,
Чтобъ никогда ни самъ, ни дочь моя
Тебя близъ этихъ мѣстъ не увидали.
Но если-жъ ты замыслишь потихоньку
Видаться съ нею, — то, клянусь Мадритомъ,

Клянусь портретами отцовъ моихъ,
Заплатишь кровью мнѣ.

Фернандо. Ты можешь кровь мою
Испить до капли всю, но честь, но честь
Отнять не въ силахъ, Алварецъ!...

Алварецъ. Вонъ! вонъ, глупецъ!... Когда ты
хлѣба
Имѣть не будешь, къ моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.
(Въ сторону) Каковъ же негодяй Фернандо сталъ!...

Фернандо. О адъ и небо!... ну, прощай!...
Но бойся, если я рѣшусь на что-нибудь.

(Убѣгаетъ въ бѣшенствѣ и сталкивается въ дверяхъ съ патеромъ Соррини, котораго не замѣчаетъ. Соррини на минуту пораженъ, но, наконецъ, сгибаетъ спину и съ поклономъ входитъ. Алварецъ идетъ радостно іезуиту навстрѣчу)

Алварецъ. А! добрый день отцу Соррини
(онъ его сначала въ безпокойствѣ не замѣтилъ)
Какъ поживаете, святой служитель Божій?

Соррини (кланяясь съ притворствомъ, глаза къ небу):
Помилуйте, я лишь смиренный рабъ
Его и вашъ слуга покорнѣйшій.
Да что у васъ за шумъ въ дому случился?
Какъ бѣшеный, тутъ кто-то пробѣжалъ
И даже мнѣ не поклонился.

Алварецъ. Да, я теперь лишь изъ дому
прогналъ
Питомца своего; давно пора ужъ было.

Соррини. И я давно уже замѣтилъ это,
Но не хотѣлъ лишь безпокоить васъ...
Повѣса онъ большой и пылкій малый,
Съ мечтательной и буйной головой;
Такіе люди не служить родились,
Но всѣмъ другимъ приказывать;

Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно въ прахѣ,
Чтобъ чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми дѣлами
Купить себѣ прощенье за грѣхи.
А что онъ сдѣлалъ, должно ли мнѣ знать?
Быть-можетъ, противъ церкви или короля,
Такъ мнѣ не худо знать...

Алварецъ. Бѣдняга этотъ...

Соррини. Бѣдняга?

Алварецъ. Какъ же! я его нашелъ
Ребенкомъ, брошеннымъ на улицѣ.

Соррини. Такимъ бы людямъ надобно прощать:
Они наказаны ужъ Богомъ...

Алварецъ. Какъ прощать?
Да я вамъ разскажу, что сдѣлалъ онъ.

Соррини (въ сторону). Какъ жалко, что его карманы пусты,
А то набилъ бы я свои потуже:
Такъ въ мірѣ все изъ рукъ въ другія переходитъ.

Алварецъ (съ таинственнымъ видомъ).
Когда онъ былъ еще ребенкомъ, позволялъ
Ему я съ дочерью моей играть;
Они играли, да играли, — я не думалъ,
Что выйдетъ что-нибудь изъ этого худое.
Бывало, спросишь: что вы, дѣти? — Мы играемъ. —
Во что? — Въ любовь! — И нѣжно цѣловались,
Какъ горлицы. Фернандо, ставъ постарше,
Ужъ понялъ, что нейдетъ такъ вольно обращаться,
И началъ думать, какъ бы продолжать
Игру когда-нибудь... Изъ словъ его я видѣлъ
Нерѣдко, что желалъ бы онъ жениться
На дочери моей. Какъ я взбѣсился,

Вы можете понять, отецъ Соррини!...
Съ тѣхъ поръ я сталъ съ нимъ грубъ, суровъ, хоть
противъ воли.
Какъ вы ни говорите, — взялъ его
Еще ребенкомъ я подъ эту крышу,
Онъ жилъ со мною двадцать лѣтъ,
Былъ будто первенцемъ моимъ... Недавно
Я вновь хотѣлъ съ нимъ показаться нѣжнымъ, —
Какъ вдругъ узналъ я отъ жены моей,
Что хочетъ у меня просить Фернандо
Эмилію въ замужество... Ну-жъ, меня
Вы знаете: хоть сѣдъ, но какъ взбѣшусь...
Ну!... я и уговаривалъ его
И представлялъ всѣ важныя причины;
Онъ много мнѣ грубилъ, — и я рѣшился
Прогнать его изъ дома наконецъ.
И не увидитъ христіанская душа
Его ноги въ дверяхъ моихъ, — въ томъ я увѣренъ!...

Соррини. Хмъ, хмъ! что-жъ ваша дочь?

Алварецъ. Не знаю, у обѣдни
Она теперь сидитъ съ моей женою
И вѣрно молится о немъ. Да какъ вы
Мальчишкѣ этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже онъ?
Какъ вы его не удержали тотчасъ,
Чтобъ должнаго потребовать почтенья?

Соррини. Слѣпымъ дорогу должно очищать.

Алварецъ. Слѣпымъ? Да онъ глядѣлъ
вѣдь въ оба глаза.

Соррини (съ презрительной улыбкой).
Конечно, вы не поняли меня.
Покуда ни одной сѣдинки не видать
На головѣ, пока огнемъ живымъ,
Какъ розами, красуются ланиты,

Пока глаза во лбу не потускнѣли,
Пока трепещетъ сердце отъ всего —
Отъ радости, печали, ревности, любви,
Надежды, счастья, и пока все это
Не пронеслось и навсегда, — есть страсти, страсти
Ужасныя: какъ тучею онѣ
Взоръ человѣка покрываютъ: ихъ гроза
Свирѣпствуетъ въ душѣ несчастной, и она
Достойна сожалѣнія безспорно.
Такіе люди слѣпы: вашъ Фернандо
Изъ ихъ числа. Такъ что-жъ мнѣ было дѣлать?
Я долженъ былъ дорогу уступить,
Совсѣмъ не отъ того, чтобъ я боялся...
А... безъ причинъ съ опасностію спорить
Нейдетъ ни званью моему ни чину.
Вы согласитесь (показывая на крестъ): этотъ крестъ
смиренью учитъ
Меня. Тотъ, Кто на немъ былъ распятъ,
Моимъ примѣромъ долженъ быть, и я,
Какъ могъ, свою обязанность исполнилъ!...

(Слуга Соррини входитъ съ письмомъ и отдаетъ его своему господину)

Слуга. Отецъ Соррини! вотъ письмо отъ
бѣдной;
Лишь только вы ушли, она явилась въ домъ нашъ.
Соррини. Да отъ кого письмо, какая крайность?
Слуга. Отъ бѣдной женщины, которую прогнали
Намедни вы...
Соррини (прерываетъ его). И нынче приходить
велѣлъ...
Слуга. О, господинъ мой, какъ она жалка:
Я, слыша рѣчь ея, расплакался:
Шесть, семь ребятъ въ лохмотьяхъ,
Лежащихъ на соломѣ, безъ кусочка хлѣба

Насущнаго. Какъ я вообразилъ ихъ крикъ:
„Мать! дай намъ хлѣба, хлѣба... мать! дай хлѣба!..“
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини. Молчи, молчи, — не то и я заплачу!..
О Боже мой, пошли благословенье
На бѣдную, забытую семью,
Услыши недостойнаго молитву! (Слугѣ громко)
Дай пять серебряныхъ монетъ — дай отъ меня.

(Слуга смотритъ на него. Соррини подходитъ и говоритъ тихо)

Ступай, дай ей одну!...

Слуга. Да сжальтеся!...

Соррини (толкнувъ, громко). Какъ? Много?...
Добра не дѣлаемъ мы никогда довольно...

(Слуга въ смущеніи уходитъ)

Алварецъ. Я удивляюсь вамъ, святой отецъ.

Соррини. Ахъ! замолчите, я молю васъ;
слышать страшно...
Я самый, самый бѣдный грѣшникъ.

Алварецъ (глядитъ въ окно). Вотъ и жена моя
идетъ изъ церкви,
А съ ней Эмилія съ своими четками.

Соррини (въ сторону). Идетъ, прелестная!
Пусть бережется! если
Заронитъ искру пламя въ эту грудь,
Оледенѣвшую отъ лѣтъ, то не легко
Она избѣгнетъ рукъ моихъ; мнѣ трудно
Носить понынѣ маску — но что-жъ дѣлать?
Того ужъ требуетъ мой санъ. Ха! ха! ха! ха!...

(Эмилія и Донна Мэрія входятъ)

Какъ счастливъ я, что вижу наконецъ
Прелестную Марію и тебя,
Невинную Эмилію. О, Алварецъ!

Не долженъ тотъ роптать на Провидѣнье,
Кто обладаетъ этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было — отъ солнца
Ихъ защитить.

Алварецъ. Эмилія, поди сюда!
Я объявилъ отцу Соррини,
Что влюблена ты.

Эмилія (покраснѣвъ). Батюшка!

Алварецъ. Молчи.
Отецъ святой тебя наставить хочетъ
Въ томъ, какъ вредна любовь, а ты —
Ты слушай со вниманьемъ, чтобъ ни слова
Не кинулъ онъ на воздухъ. Сердце
Твое запутано, не знаешь ты,
Чего ты хочешь; онъ тебѣ откроетъ
Опасность страшную любви.

Соррини. Да, если мнѣ позволилъ вашъ
родитель,
То я готовъ неопытность ввести
На лучшій путь: тамъ нѣтъ цвѣтовъ,
Тамъ терніи, но цѣль, къ которой мы
Приходимъ, веселитъ насъ, а былое
Печально или весело, смотря по тѣмъ
Мгновеніямъ, когда о немъ воспоминаешь;
Итакъ, всего важнѣй послѣдствіе:
Коль къ доброму концу дѣянья наши,
То способы всегда ужъ хороши,
Какіе-бъ ни были... Страшись Фернандо:
Онъ льститъ тебѣ, обманетъ или,
Положимъ, на тебѣ онъ женится,
Но это для того, чтобъ быть богаче.

Алварецъ. Да этого не будетъ никогда;
Скорѣй всѣ мертвые воскреснутъ.

Соррини. Не говорите этого, — бываютъ
Такіе случаи. Но васъ, Эмилія,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть-можетъ, притворяется Фернандо?
Послушайте, я разскажу вамъ случай,
Которому свидѣтель былъ въ Мадритѣ,
При инквизиціи святой.
У дѣвушки одной любовникъ былъ,
Красивый, молодой и умный малый,
И, такъ сказать, на все удалый;
И онъ красавицу мою любилъ,
И очень долго это продолжалось;
Какъ, наконецъ, замѣтила она,
Что, отъ нея безъ грусти удаляясь
Подъ разными предлогами, не сталъ
Онъ находить веселья въ разговорѣ нѣжномъ,
Что къ ней онъ вовсе охладѣлъ,
Что не дивился ужъ красѣ ея наряда,
И призывающаго взгляда
Онъ понимать ужъ не умѣлъ.
Какъ женщинѣ все это не замѣтить,
Когда вся жизнь ея въ томъ только состоитъ?
Вотъ ревность въ грудь ея, какъ червь, закралась,
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто безъ обиняковъ скажу,
Она любимца отравила,
И онъ скончался въ двое сутокъ...
Но такъ какъ бѣдный сей испанецъ
Служилъ при инквизиціи писцомъ,
То въ дѣло всѣ вошли по праву мщенья.
Преступницу наказывали долго,
Имѣнье въ пользу церкви обративъ,
И наконецъ замучили до смерти!... (Всѣ содрогаются)
Вотъ слѣдствія любви!... Страшись, Эмилья!

На мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько,
И онъ не тронется; но, разъ толкнувъ,
За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.
Не такъ ли говорю я?

Алварецъ. Точно такъ,
Вы совершенно справедливо поступили
Съ несчастною преступницей... Какъ? Отравить
Служителя священной инквизиціи?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини. Нѣтъ! я совсѣмъ не говорю сего!
(Кидая взоръ на Эмилію)
Я слишкомъ жалостливъ... насильно
Меня заставили бумагу подписать.
Всѣ члены у меня хладѣя трепетали,
И осуждалъ мой умъ, что пальцы написали...
Но такова судьба судей земныхъ!...
Всѣ люди мы, и ослѣпленье страсти,
Безумное волненіе души должны мы
Прощать, когда мы излечить не въ силахъ.

Донна Марія. Ахъ! я и прежде такъ судила.

Алварецъ. И въ самомъ дѣлѣ, правда это.

Соррини (радостно въ сторону). Они меня боятся!

Эмилія. Позволь тебя спросить мнѣ, батюшка,
Къ чему все это клонится?

Алварецъ. Къ тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
О томъ, что болѣе Фернандо не увидишь:
Онъ нагрубилъ мнѣ нынче, и навѣки
Его изъ дому я прогналъ.
Не смѣй съ нимъ видѣться тихонько, иначе,
Страшися оскорбленнаго отца...
Прощаю я твою любовь, какъ бы порокъ,

Въ которомъ ты исправилась. Надѣюсь,
Что это будетъ такъ по крайней мѣрѣ.

Соррини. Утѣшьтесь, нѣжная Эмилія!
Любовь пройдетъ, самимъ вамъ будетъ легче.

Эмилія (сквозь слезы). Довольно и того, что сдѣлали;
Но для чего смѣяться надо мной?... (Плачетъ)

(Эмилія уходитъ, закрывъ глаза платкомъ. Всѣ въ изумленіи)

Соррини. Какъ рѣзко вы сказали, Алварецъ!
Нечаянный ударъ во-слѣдъ себѣ
Ведетъ раскаянье нерѣдко.

Алварецъ. Э! нужды нѣтъ, отецъ Соррини!
Вѣдь надо было бы открыть,
А чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

Соррини. Не всегда,
Вы знаете ли, женщина — цвѣтокъ,
Который, если вы его согнете вдругъ,
Изломится.

Донна Марія. Да не угодно-ль вамъ
Позавтракать, отецъ Соррини?

Соррини. Благодарю, прекрасная Марія!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владѣетъ. До свиданья, донна! До свиданья
И вы, почтенный другъ мой, Алварецъ!
Желаю, чтобъ небесъ благословенье
Сошло на домъ вашъ... и чтобъ ваша дочь...
Утѣшилась скорѣй; я думаю,
Она и не замедлитъ. Ха! ха! ха! прощайте!

(Уходитъ, низко кланяясь)

Алварецъ. Когда еще намъ сдѣлать честь придетъ
Вамъ въ голову, то, вѣрьте мнѣ,

Открыты будутъ ежедневно двери
Мои для васъ... какъ сердце... (кланяясь) одолжите!

(Сорриш, провожаемый до двери, уходитъ наконецъ)

Ну, слава Богу!... онъ такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему;
Боюсь такихъ людей, которые всегда
На языкѣ своемъ имѣютъ: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
Затѣмъ что съ виду всѣмъ довольны.
Но съ кѣмъ бранился я, съ тѣмъ можно помириться!

(Уходятъ всѣ)

Сцена II

Ночь. Театръ являетъ садъ и балконъ съ лѣвой стороны. На него выходитъ Эмилія. Балконъ соединенъ ступенями съ садомъ. Эмилія сидитъ. Мѣсяцъ надъ деревьями

Эмилія. Все тихо, только это сердце безпокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня онъ удержался.
Ужели для меня не могъ онъ? — вотъ мужчины!
Ужели мнѣнье моего отца
Ему дороже, чѣмъ любовь моя?
Теперь ужъ некому меня утѣшить. (Молчаніе)
Ужъ эти мачехи! презлобныя творенья!
И этотъ езуитъ! — вѣдь надобно-жъ
Мнѣ окруженной быть такимъ народомъ!...
О, если-бъ могъ прекрасный мѣсяцъ озарить
Хотя послѣднее свиданье наше!
Фернандо разлюбилъ меня, конечно,
А то бы онъ пришелъ проститься; я прощаю
Его горячность, — но зачѣмъ нейдетъ
Онъ извиниться въ этомъ предо мною...
Ему грозилъ отецъ мой, — это правда!

Попробую сойти. (Сходитъ съ балкона) Тамъ кто-то
шевелится!
Какъ бьется сердце!... но чего бояться?
Вѣдь я одна... а если кто-нибудь...
Кто тамъ?... тѣнь шевелится на землѣ...
Ахъ, Боже мой!... куда уйду...
(Слышенъ голосъ) Эмилія!...
Эмилія. Ахъ, ахъ! святой Доминго, помоги!
Злой духъ ко мнѣ идетъ. (Въ страхѣ не знаетъ, что дѣлать)
Фернандо (выходитъ въ черномъ плащѣ) Эмилія!
Мой голосъ страненъ для тебя... ты испугалась!...
Эмилія. Нѣтъ!... нѣтъ!... ахъ, сядемъ, я дрожу...
Фернандо (беретъ ее за руку). Ты права!
Но отчего я испугалъ тебя такъ сильно? (Они садятся на скамью)
Эмилія. Ну, что-жъ ты скажешь?
Фернандо. Я пришелъ проститься!...
Проститься!... въ первый разъ такое слово
Должно меня печалить... Знаешь ли,
Я думаю, что былъ бы счастливѣй,
Когда бы не съ кѣмъ было мнѣ проститься...
Ты будешь плакать — мнѣ двойная мука...
Эмилія. Самъ виноватъ; вѣдь я тебя просила...
Ты не хотѣлъ. Кто-жъ виноватъ? Кто-жъ виноватъ?
Фернандо. Нѣтъ, я не могъ, клянуся небомъ!
Ты знала нравъ мой — для чего писала?...
Но все ужъ кончилось... не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватымъ
Мнѣ было-бъ тяжело, — ты это знаешь...
Что сдѣлано — то сдѣлано...
Эмилія. Гдѣ будешь
Ты жить теперь, Фернандо?
Фернандо. Гдѣ? гдѣ жить?...
Ты мнѣ напомнила ужасное!...

Зачѣмъ такой вопросъ?... Ты знала,
Что не имѣю я ни друга, ни родни,
Ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ-бъ
Я могъ найти пріютъ. Послѣдній нищій
Имѣетъ то, чего я не имѣю:
Онъ равнодушно и спокойно проситъ хлѣба.
Вообрази, — лишь ты одна на свѣтѣ
Сказала мнѣ „люблю“; тебѣ одной
Я повѣрялъ всѣ мысли, всѣ желанья;
Ты для меня родня, друзья — ты все мнѣ!...
Гордися этимъ!... такъ, Эмилія,
Мы созданы небеснымъ другъ для друга;
Ты все для сердца этого, — и Богъ
Не такъ жестокъ, чтобъ все отнять
У человѣка. (Молчаніе) Дай мнѣ свой портретъ.

Эмилія. (Она снимаетъ съ шеи и даетъ)
А я сама его хотѣла дать тебѣ,
Затѣмъ и принесла сюда съ собою;
Но знаешь, говорятъ, не должно
Съ мужчиной дѣвушкѣ сидѣть въ полночь...

Фернандо. Со мной сидѣть не бойся никогда.

Эмилія (кидается ему на шею). О, милый! какъ
мнѣ грустно! будто
Свинецъ въ груди на мѣсто сердца...
Какъ вспомню, что въ послѣдній разъ тебя
Здѣсь вижу, — слезы остановятся, дыханье
Рѣдѣетъ... то боюсь, чтобъ не пришелъ отецъ мой,
То чтобы часъ прощанья не пришелъ...
Ко мнѣ ужасныя тѣснятся мысли;
Вчерась я видѣла во снѣ, что ты
Меня хотѣлъ зарѣзать...

Фернандо (мрачно и быстро). Перестань.
Взгляни на тихую луну! о, какъ прекрасна!
И облачка вокругъ нея! Луна,

Луна! какъ много въ этомъ звукѣ чувствъ...
Что будетъ, что теперь и что прошло — все въ немъ
Соединяется, и что прошло!...
И кто-бъ подумать могъ, что та-жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой... у ручья... въ горахъ — ты помнишь? —
Что та-жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!...
Взгляни опять: подобная Армидѣ,
Подъ дымкою сребристой мглы ночной,
Она идетъ въ волшебный замокъ свой.
Вокругъ ея и слѣдомъ тучки
Тѣснятся, будто рыцари-вожди,
Горящіе любовью, и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной,
Оно блеститъ; когда же отвернуто
Къ соперникамъ, то ревность и досада
Его нахмурятъ тотчасъ; посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются на шлемахъ... Помнишь, помнишь?
Въ тотъ вечеръ все такъ было, кромѣ
Судьбы Фернандо; небо и земля
Все тѣ же, только люди... Если-бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я-бъ ихъ проклялъ...

Эмилія. Да развѣ ты не человѣкъ же?

Фернандо. О, я себя бы вмѣстѣ съ ними проклялъ!...

Эмилія. За что это?

Фернандо. За то, что не могу
Я видѣть хладнокровно, какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло,
Съ притворной добротой, когда совсѣмъ
Не просятъ ихъ; за то, что не могу

Я видѣть общаго стремленья къ ничему
Или для золота разбитыя сердца!...
За то... Эмилія... О! я злодѣй —
Я могъ бы сдѣлать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но какъ взгляну на будущность... на жизнь
Безцвѣтную, съ прошедшимъ ядовитымъ...
Тогда... Эмилія... тогда я жертвовать
Готовъ твоимъ блаженствомъ, чтобъ имѣть
Близъ этой груди существо такое,
Которое понять меня-бъ могло.
Желаю, чтобы вѣчно часъ такой
Не приходилъ... Но... не люби меня!
Ты видишь нравъ мой, — позабудь меня...
Забудешь-ли?

Эмилія. Что, если-бъ я сказала „да“?
Не говори въ другой разъ то, чего не мыслишь...

Фернандо. Мой ангелъ, ангелъ... ты понять
не можешь, какъ
Любовь твоя меня терзаетъ! (Фернандо обнимаетъ ее, и она его)
О, если счастье неба будетъ
Имѣть такъ много горечи, какъ этотъ
Единый поцѣлуй, то я бы отказался
Отъ рая добровольно! Ахъ, Эмилія!
Ступай ты лучше въ монастырь,
Ступай въ обитель, скрой себя отъ свѣта,
Умри!... Предвижу много страшнаго!
О, если-бъ никогда ее не зналъ я! (Звонъ)
Полночь... прости!... Но что за шорохъ? (Молчанье)
Мы пропали!
Я позабылъ калитку затворить...
Бѣги!... бѣги!...

Эмилія. Спаси насъ Царь Небесный!

(Уходитъ на балконъ и скрывается)

Фернандо (вынимаетъ шпагу). Кто тамъ?...
Заплатишь дорого
За это любопытство мнѣ!

(Ударяетъ по кусту. Вскрикнувъ, выползаетъ жидъ сѣдой и бросается на колѣна)

Моисей. Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо. Вздоръ, вздоръ... ты слышалъ — и умрешь.
Признайся, ты подосланъ? (Шпагу подставляетъ къ горлу)

Моисей (на колѣнахъ). Нѣтъ.

Фернандо. Ты лжешь!

Моисей. Страшись убить напрасно старика!

(Кидается въ ноги, обнимаетъ колѣна)

Спаси меня... у насъ вѣдь Богъ одинъ...
Меня преслѣдуютъ... Быть-можетъ, твой
Отецъ въ живыхъ... я самъ отецъ... о, для него
Спаси меня отъ инквизиціи...
Возьми имѣнья половину... но зачѣмъ
Ругаться по-пусту надъ сѣдинами...
Тебѣ заплатитъ Богъ твой... у меня
Есть дочь: что будетъ съ нею, если ты
Меня не пощадишь?... Что будетъ съ нею?
О, сжалься, сжалься!

Фернандо. У тебя есть дочь?
А я хотѣлъ... о... нѣтъ! довольно въ свѣтѣ
Сиротъ и безъ нея... Возьми! (Кидаетъ ему не глядя плащъ и шляпу) Надѣнь!...
Иди за мной; ни слова... или смерть!...
Ни слова, — я хочу тебя спасти!...

Моисей. Какъ?... какъ?... (Молчаніе. Жидъ въ изумленіи. Испанецъ съ презрѣніемъ глядитъ на него)
Клянусь Ерусалимомъ,
Что онъ не христіанинъ... это вѣрно. (Надѣваетъ плащъ и шляпу)

Фернандо. Собака! что сказалъ ты... что сказалъ ты?...
Не смѣй законъ мой поносить при мнѣ...
Пойдемъ. (Являются издали факелы и люди съ другой стороны)

Моисей (тихо про себя). Но, если онъ меня предастъ,
Но если онъ...

Фернандо. Ты видишь факелы, — пойдемъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Сцена I

Въ домѣ Соррини; комната, гдѣ онъ угощаетъ бродягъ, чтобъ они ему служили. Нѣсколько испанцевъ сидятъ за двумя столами, кричатъ, смѣются и пьютъ; слуги разносятъ вина

1-й испанецъ (бродяга). Да, если инквизиція святая
На тотъ конецъ учреждена была,
Чтобъ насъ кормить, то дай Богъ ей здоровья...
Соррини, впрочемъ, очень добрый малый:
Хотя ханжитъ немного, но съ лѣтами,
Когда придетъ пора разсудка, можно
Надѣяться на исправленье.

2-й испанецъ. Ты, конечно,
Ослѣпъ, и бѣлое за черное берешь,
Какъ всѣ слѣпые... Ха! ха! ха!... не такъ-ли?
(Пьетъ)

1-й испанецъ. Могу завѣрить васъ, друзья мои,
Что молодъ патеръ нашъ не тѣломъ, такъ душой:
Какъ любятъ женщины его понынѣ,
И какъ онъ самъ ихъ любитъ, вопреки закону!

3-й испанецъ. Онъ женщинами столько же любимъ,
Какъ нами...

1-й испанецъ. Развѣ ты его не любишь?

3-й испанецъ. Нуда! когда накормитъ хорошо.
Но, ergo, эта нѣжная любовь
Проходитъ съ голодомъ и съ жаждой...

4-й испанецъ. А я готовъ побиться объ закладъ,
Что нашъ Соррини плутни затѣваетъ
Опять. Ужъ эти угощенья не къ добру.
Такъ, помнишь ли, ему хотѣлось,
Чтобъ мы зарѣзали Донъ-Педро
И домъ его сожгли?... Ужъ то-то пиршество
Онъ задалъ намъ... Или въ другой разъ,
Предъ тѣмъ, чтобъ намъ велѣть похитить для него
Красавицу бургосскую отъ тетки, —
Вотъ дьявольское было дѣло! — positum:
Теперь онъ также затѣваетъ плутни...

1-й испанецъ. Эхъ, что намъ въ томъ? вѣдь надо-жъ ѣсть и пить!
Притомъ же...
Онъ нашъ заступникъ въ инквизиціи.

3-й испанецъ. Однако же, не худо бы ему
Своимъ гаремомъ подѣлиться съ нами,
Не то всѣ гуріи завянутъ, или
Имъ будетъ слишкомъ тѣсно, наконецъ.

5-й испанецъ (за другимъ столомъ). Вина!
(Кричитъ)

Слуга. Сейчасъ... въ минуту...

5-й испанецъ. Къ чорту — ждать! Вина!
Будь проклятъ ты съ своимъ Соррини!
Слуга (подаетъ стаканъ). Вотъ вамъ вино.
5-й испанецъ. Прегадкое, съ водой.
Поди ты къ чорту съ нимъ, ракалія!...
(Бросаетъ стаканъ на полъ и обливаетъ 2-го испанца)
2-й испанецъ (горячо). Послушай! будь впередъ поосторожнѣй:
За это бьютъ у насъ.
5-й испанецъ (вскочивъ). Чего ты хочешь, ты?
2-й испанецъ. Я говорю, чтобы ты впредь остерегался...
Не то... (схватываетъ стулъ) я стуломъ разсчитаюсь...
5-й испанецъ. Клянуся честью, ты въ живыхъ не будешь!
Я вырву твой языкъ... и псамъ
Голоднымъ на обѣдъ отдамъ! (Вынимаетъ кинжалъ)
Ужъ я тебя достану... (Бросается на него)
3-й испанецъ. Погодите! (Другіе удерживаютъ ихъ)
Оставь кинжалъ, а ты свой стулъ, и станьте
Какъ должно въ поединкѣ; шпаги выньте,
А секундантовъ будетъ ужъ довольно.
(Они вынимаютъ шпаги и становятся)
Вотъ такъ. Начните! (Начинаютъ) Хладнокровнѣй только...
А ты ужъ слишкомъ близко наступаешь...
Зачѣмъ такъ горячишься ты?...
2-й испанецъ (переставъ). Я тронулъ.
5-й испанецъ. Нѣтъ!...
1-й испанецъ. Смотрите, чтобъ при первой крови кончить.
5-й испанецъ (нападая). Онъ жизнью мнѣ своей заплатитъ!

1-й испанецъ (четвертому). Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый...

(2-й испанецъ отступаетъ, тотъ на него нападаетъ, и вдругъ раненъ въ плечо; ихъ разнимаютъ)

3-й испанецъ. Товарищи, довольно! помиритесь.

4-й испанецъ. Конечно, миръ за бранью слѣдуетъ всегда.

5-й испанецъ. Пожалуй, я готовъ... Твоя побѣда.

2-й испанецъ. Итакъ, мы вновь друзья.

5-й испанецъ. Когда-бъ они меня не удержали,
То я сдержалъ бы обѣщанье —
И, вѣрно-бъ, твой языкъ собаки съѣли!

(Входитъ Соррини; они всѣ низко ему кланяются)

Соррини. Какой я слышалъ шумъ?

5-й испанецъ. Да мы немножко
Повздорили, почтенный патеръ... но
Все кончилося примиреньемъ... такъ ли? (Къ другимъ)

Соррини. А я пришелъ вамъ дать препорученье:
Столь важнаго давно не исполняли вы...
Вопросъ: вы знаете ли Алвареца?

Всѣ. Знаемъ.

Соррини. Есть у него жена...

Всѣ. Жену?

Соррини. Нѣтъ, нѣтъ!... не то!...
Я къ ней поддѣлаться хочу, чтобы она
Не помѣшала вамъ похитить дочку;
Она на это, вѣрно, согласится,
Затѣмъ, что если дочери не будетъ,
То ей имѣнье все достанется
По смерти мужа... а его кончины часъ
Она приблизитъ ужъ по-своему.

Но дѣло не о томъ теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы ужъ знаете, — зачѣмъ
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мнѣ ужасно... я горю
Любовью къ ней... готовъ я всю казну
Мою отдать вамъ... только-бъ вы
Эмилію мнѣ привезли! Что только можно:
Ядъ, страхъ, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мнѣ испанку привезите...
И все, все тайно доведите
До этого счастливаго конца...
Тогда, друзья мои... вы не видали
Такого пиршества, какое будетъ.
Но слушайте: я ввѣрилъ тайну вамъ,
Страшитесь измѣнить! О, если
Хоть искра заговора выскочитъ...
То всѣхъ подъ инквизицію отдамъ.

3-й испанецъ. Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который въ домѣ ихъ воспитанъ...
Онъ молодецъ... Я видѣлъ, какъ въ аренѣ
Предъ нимъ ужасный буйволъ упадалъ.
Его ты не подкупишь... и не такъ-то
Легко съ нимъ будетъ справиться.

4-й испанецъ. Конечно!
Да онъ же и влюбленъ въ Эмилію...

Соррини (вспоминая). Фернандо — кто такое?
да... Фернандо...
Знакомо это имя что-то мнѣ!...
А!... вотъ судьба!... онъ выгнанъ изъ дому
Два дня тому назадъ безмозглымъ Алварецомъ
За вздоръ какой-то... нечего бояться!...

Но... правда... можетъ онъ узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортитъ дѣло все... Нѣтъ!... прежде
Убейте мнѣ его... найдите, справьтесь...
Какъ вамъ тогда придетъ на умъ...
Потомъ Эмилію похититъ можно...
Клянусь... я выдумалъ прекрасно...

Всѣ (кричатъ). Пожалуй!... какъ ты хочешь, патеръ.

Соррини. Прощайте! я надѣюся на вашу скромность. (Половина уходитъ)

(Про себя). Когда ты хочешь непремѣнно,
Чтобъ что-нибудь не сдѣлали иль сдѣлали,
То говори, что ты увѣренъ въ людяхъ, —
И самолюбіе заставитъ ихъ
Исполнить трудное твое желанье.

(Остальная половина уходитъ. Соррини садится въ кресла)

Что значитъ золото? Оно важнѣй людей:
Черезъ него мы можемъ оправдать
И обвинить; черезъ него мы можемъ,
Купивши индульгенцію,
Грѣшить безъ всякихъ дальнихъ опасеній
И, не смотря на то, попасть и въ рай.
И вотъ послѣдній годъ мой ужъ насталъ,
Однако-жъ не уйдетъ Эмилія
Изъ рукъ моихъ, — я отомщу ей
За смѣхъ вчерашній; о, повѣрь мнѣ,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на колѣняхъ,
И плакать, и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмѣешься ты, когда скажу,
Что и старикъ любить умѣетъ сильно;
И въ томъ признаешься невольно ты...

Любить! — смѣшно, какъ это слово
Употребляю я съ самимъ собою...
Но я ей отомщу за гордый смѣхъ,
Хотя-бъ она была моей послѣдней жертвой...
Послѣдней?... Будто нѣту денегъ у меня,
Чтобы купить еще на десять лѣтъ
И больше отпущеніе грѣховъ?
Грѣховъ! ха! ха! ха! — на что оно годится
Для тѣхъ, которые ему душой не вѣрятъ?
А я и безъ него умѣю обойтиться.

(Входятъ съ радостью толпой испанцы и ведутъ пѣвца съ гитарой)

Испанцы. Вотъ мы пѣвца поймали на дорогѣ.
Не хочешь ли послушать? Онъ споетъ
Про старину, про гордыхъ нашихъ предковъ.
Не хочешь ли, почтенный патеръ?

Соррини (поглядывая на пѣвца). Благодарю я васъ, друзья мои.
Нейдетъ мнѣ быть свидѣтелемъ мірскихъ веселій
И юности пировъ гремящихъ.
Сѣдинамъ этимъ преклоняться должно въ прахѣ
Передъ Распятымъ, а не украшаться
Вѣнками радости: не пѣть я долженъ, но
Рыдать, моляся за грѣхи свои
И ваши, ибо стадо съ пастыремъ едино. (Уходитъ, нагнувшись)

5-й испанецъ (въ сторону). Что-жъ! безъ тебя такъ намъ еще вольнѣе.

3-й испанецъ. Признаться, я не вѣрю, чтобъ у насъ
У каждаго одни грѣхи съ нимъ были:
Мы дѣлаемъ злодѣйства, чтобы жить,
А онъ живетъ, чтобы злодѣйства дѣлать...

П ѣ в е ц ъ. Что-жъ мнѣ вамъ спѣть, ей-Богу, я не знаю...

2-й и с п а н е ц ъ. Ну, полно, братъ, садись и начинай играть,
А пѣсни выльются невольно.
Люблю я пѣсни: въ нихъ такъ живо
Являются душѣ младенческіе дни;
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить;
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

3-й и с п а н е ц ъ. Ха! ха! ха! ха! разнѣжился опять...
Опять понесъ ты вздоръ давнишній;
Опять воспоминанья, чортъ бы съ ними...

5-й и с п а н е ц ъ. Баба!...

4-й и с п а н е ц ъ (показываетъ на пѣвца). Тсъ, тсъ!

1-й и с п а н е ц ъ. Онъ начинаетъ! Слушать!...

Б а л л а д а

Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ,
Въ ней блещутъ вершины церквей;
Но въ прежніе годы невѣрные тамъ
Купали своихъ лошадей.
На томъ берегу, — поклянусь, что не лгу, —
Хранимый рукой христіанъ,
Съ чалмой и крестомъ надъ чугуннымъ столбомъ
Стоитъ превысокій курганъ.

Недалеко отсюда обитель была;
Монахи веселой толпой,
Когда наступала вечерняя мгла,
За пиръ садились ночной.
Вотъ чаши гремятъ... и поютъ, и кричатъ...
И дверь отворяется вдругъ:
Взошелъ сарацинъ, безоруженъ, одинъ, —
И смутился пирующій кругъ.
Невѣрный, склоняясь челомъ, говоритъ:
„Я желаю проститься съ чалмой,
Крестите меня, какъ законъ вашъ велитъ.
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обманъ изъ далекихъ странъ
Привели меня къ вашимъ стѣнамъ;
Я узналъ вашъ законъ, мнѣ понравился онъ:
Я жизнь свою Богу отдамъ".
Но монахи его окружили толпой,
И въ сердце вонзили кинжалъ,
И съ золотомъ сняли алмазъ дорогой,
Который на шеѣ сіялъ.
И ругались надъ нимъ со смѣхомъ пустымъ,
Пока день не взошелъ молодой;
И кровавый трупъ на прибрежный уступъ
Былъ брошенъ злодѣйской рукой.
Не прошло трехъ ночей, какъ высокій курганъ
Воздвигся съ крестомъ и чалмой,
И подъ нимъ тотъ пришлецъ изъ восточныхъ странъ
Зарытъ, но не силой земной.
И съ тѣхъ поръ, каждый годъ, только мѣсяцъ взойдетъ,
Въ обитель приходитъ мертвецъ;
И монахамъ кричитъ (такъ молва говоритъ),
Чтобъ крестили его наконецъ...

(Многіе хлопаютъ въ ладоши)

1-й испанецъ. Прекрасно! очень хорошо!
Всѣ испанцы. Благодаримъ.
Не хочешь ли вина, искусный трубадуръ?
(Ему подаютъ, и онъ пьетъ)
Пѣвецъ. За здравье папы... а потомъ за ваше!
3-й испанецъ. Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу,
Пойдемте, съ помощью святого Доминика.
Намъ Богъ проститъ... вѣдь надо людямъ жить...
(Уходятъ всѣ съ громкимъ хохотомъ)

Сцена II

Комната у жида. Богатые ковры вездѣ и сундуки. Тутъ стоитъ на столбикѣ лампа горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ. Все богато. Ноэми сидитъ у стола, облокотившись

Ноэми. Нѣтъ, не могу работой заниматься;
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
Дрожатъ, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ.
Молиться я хотѣла, то же все:
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко...
И занимаетъ все воображенье
Прекрасный образъ незнакомца,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо...
Какъ будто бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго, и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ.
Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ, — но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?

Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ;
Но этого пока мы не видали. (Молчаніе)
Однако-жъ, есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ;
Кто-бъ ожидалъ? Какъ жалко, что его
Я не увижу... но отецъ мой
Его такъ живо описалъ, такъ живо...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... Но зачѣмъ о немъ я мыслю?
Что пользы?... Ахъ какой же я ребенокъ! (Молчаніе)
Мнѣ скучно, вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня... Сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ.
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день.
Все пѣснь одна: низать и распускать свой жемчугъ,
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить
И спать... Однако-жъ, эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ. (Молчаніе)
Что пользы? (Кличетъ) Няня! Сарра, Сарра,
Поди ко мнѣ! поди сюда! ну, что же?...

Сарра (старуха, идетъ). Что, милая Ноэми, что
Иль жемчугъ распустила? Но вѣдь я [тебѣ?
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ такъ невозможность; такъ ли?

Ноэми. Нѣтъ, Сарра, жемчугъ я оставила низать.

Сарра. Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ свои года не тѣмъ была довольна;
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно! — Что-жъ меня звала ты?
Ноэми. Такъ!
Мнѣ скучно... я больна...
Сарра. Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачемъ...
Есть у меня знакомый, преискусный...
Ноэми. Не надо... Я не то, чтобы больна,
А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я...
Мнѣ грустно... Разскажи мнѣ сказку
Про старину... садись и разскажи...
Сарра. Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба.
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.
Ноэми. Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ, ужасный!... растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась,
И стала обмывать потоки крови,
И увидала рану противъ сердца
Глубокую.. и онъ сказалъ мнѣ:
„Смотри, я братъ твой“... но, клянуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ.
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: „Перестань молиться!

Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіанинъ — и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться".
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что-жъ? — въ рукахъ
Остался погребальный саванъ... я проснулась...

Сарра. Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

Ноэми. Но это вздоръ: я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду...

Сарра. О, Ноэми!
Не говори... случиться это можетъ.

Ноэми. Какъ можетъ? Какъ?... Нѣтъ, это невозможно.

Сарра. Послушай, у тебя былъ братъ;
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть-можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ
И для того тебѣ о немъ не говорили.
А, можетъ быть, онъ живъ — какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима.

Ноэми. Ахъ, Сарра, Сарра! нѣтъ, онъ умеръ...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и какъ цвѣтъ
Полей засохнулъ... Такъ, онъ былъ рожденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О, Сарра! если умеръ онъ, — какъ счастливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ...
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,

Нашъ родъ скитается по свѣту; родина,
Спокойствіе, жилище наше — все не наше!
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ...
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ? Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь — вотъ все его богатство.
И если-бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то, вѣрно-бъ,
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣсняли...
Однако-жъ и межъ нихъ есть добрые.

Сарра. Да, да, вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея.
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
„Собака, жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твой!...“ Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то,
Что спасъ онъ одного изъ гибнущихъ сыновъ
Израиля.

Ноэми. Прости ему, Всевышній!...

Сарра (подходитъ къ окну). Какая ночь! въ такую ночь
Я стала жертвою любви... Іосифъ мой!
О, если-бъ ты меня теперь увидѣлъ,
Ты испугался бы. Въ то время я цвѣла;
Мои глаза блистали какъ алмазы,
И щеки были нѣжны точно пухъ...
Увы, Ноэми! кто-бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ... То-то время!...

Ноэми. Что мой отецъ нейдетъ?

Сарра. Чу, вотъ сова кричитъ... ужасный
крикъ!
Я не люблю его... во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ... (Стучатъ
въ дверь)
Ахъ, вѣрно, твой отецъ пришелъ!... ну-жъ поздно!...

Голосъ. Скорѣе отоприте! отоприте!

(Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ; входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанной рукой; сей едва идетъ)

Моисей. Ноэми! Сарра! помогите! помогите!...
Измученъ я усталостью и страхомъ...
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье
Злодѣямъ!... Дайте кресло и подушки...
Онъ истекаетъ кровью...

(Даютъ длинную подушку и кладутъ на полъ. Его сажаютъ и поддерживаютъ голову ослабѣвшую)

Будь Авраамъ свидѣтель... Эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ:
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь...
О, Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!...

Фернандо. Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ
проклиналъ?
Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
Освободить отъ мукъ. Такъ земляки мои
Всегда добро другъ другу дѣлаютъ.
О, перестаньте! (Какъ отъ сна) Гдѣ я?... Кто со
мной?...
(Поднимаетъ голову) Благодарю того, кто спасъ меня.
Но кто онъ?

Моисей. Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь, передъ тобой — еврей, гонимый

Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня,
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ.
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель...

Ноэми (становится на колѣна и цѣлуетъ руку).
Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,
Испанецъ... (Она остается на колѣнахъ и держитъ руку)

Фернандо (Моисею). Что сказалъ ты, иновѣрный?
Отчизна, родина — слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей...

Ноэми. Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь;
Ты добръ, испанецъ — небо справедливо!...

Фернандо. Я былъ добръ...

Моисей (стоя надъ нимъ). Кровь течетъ изъ раны...
Перевяжите... какъ онъ поблѣднѣлъ...

Фернандо. У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы;
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно — могилу...
Чудовище, зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу?... Всѣ старанья ваши — зло!
Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло... безумцы!
Прочь!... Пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!...
Одни евреи бѣдные... что нужды?

Они все люди же, а кровь
Пріятна людямъ... Прочь!... (Срываетъ перевязи)
Ноэми. Отецъ мой! (Въ отчаяніи)
Онъ сорвалъ перевязку! онъ умретъ!
(Всѣ бросаются опять навязать)
Сарра. О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки;
Какъ жалко!...
Фернандо. Дайте пить мнѣ, я горю...
Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога! (Сарра уходитъ за питьемъ)
Ноэми. Испанецъ, успокойся! успокойся!
Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ, какъ бы я желала,
Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ!
Фернандо. И веселъ! (Стонетъ)
Ноэми. Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей — отецъ твой;
И воображеніе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!
Фернандо. Дѣвушка, ты дочь его?
Ноэми. Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ! —
И онъ тебя спасетъ. Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ: перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь... (Сарра приноситъ стаканъ) На, выпей!
Фернандо. Благодарю! твои слова напитка лучше...

Когда о мнѣ жалѣетъ женщина,
Я чувствую двойное облегченье...
Послушай: что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего
И бросили въ крови вблизи дороги...
О, это все коварство!... я предвижу,
Что это лишь начало... а конецъ...
Конецъ... (Вздрагиваетъ) Что вздрогнулъ я? Что-бъ ни было,
Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ...
Оставь меня покуда! (Она встаетъ и отходитъ, но издали все на него смотритъ)

Сарра (подходитъ къ Моисею). Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова...

Моисей. Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ,
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ и слышу звукъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ...
Сижу, дрожу... Передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами;
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ...
И слышу: „Этой самою дорогой
Итти онъ долженъ нынѣ... Ну-жъ, не знаю,

Какъ выдержитъ кинжалы наши онъ?!
Мнѣ жалко бы его убить до смерти,
Онъ малый славный и къ тому-жъ бѣднякъ...
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отправить въ дальнюю дорогу!..."
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ...
Онъ долго защищался... наконецъ,
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались, —
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живого...
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастной жертвою злодѣйства.
И что-жъ? — мой благодѣтель, мой спаситель!...
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... Онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня,
И, будто по природному влеченью,
Всталъ... Я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но я не понялъ словъ... потоки крови
Бѣжали на меня... Такъ я принесъ
Несчастнаго сюда... Богъ сдѣлалъ это чудо!...

Сарра. И точно: это чудо, Моисей!

Ноэми (которая въ то время опять сѣла у ногъ Фернандо).

Что? Утихаетъ боль твоя иль нѣтъ?

Фернандо. Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

Моисей (Саррѣ). Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда.

Сарра. Да какъ
Его зовутъ, кто онъ таковъ, нельзя-ль узнать?

(Уходитъ)

Моисей (подходитъ). Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты, и какъ тебя зовутъ?

Фернандо. Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
То спрашивалъ ли, какъ тебя зовутъ?... (Молчаніе)
Меня зовутъ — Фернандо!
Вотъ все, что я могу сказать; другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ
Въ землѣ сырой... Я не скажу — моихъ отцовъ:
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно, я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ:
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

Ноэми. Я буду для тебя сестрой.

Фернандо. Ты для меня сестрой не будешь.

Ноэми. Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горесть
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?...

Фернандо. Богъ сохрани меня отъ мысли!
Ты — цвѣтъ пустыни, ты — дитя свободы:
Безъ правилъ любишь ты, — испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ.
У нихъ и рай и адъ — все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,

Король — народомъ, а народъ — свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка —
Есть дѣло добродѣтели великой!
О, Боже, сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Нѣтъ! вѣрь, что есть на небѣ Богъ — и только!
А самъ я больше этого не вѣрю...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангелъ
Души моей... Но замолчу объ этомъ...

Ноэми. Ты горячишься, — это увеличитъ
Твое страданье съ болью ранъ твоихъ;
Не хочешь ли чего-нибудь? Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ; онъ приготовитъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... Чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанемъ, только будь спокоенъ,
Иль кровь опять начнетъ течи изъ ранъ.

Фернандо (въ сторону). Эмилія далеко отъ меня...
О, если-бъ эта милая еврейка
Была Эмилія!... какъ скоро бы всѣ раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу...
Эмилія! Эмилія!... быть-можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь,
И отъ послѣдней отъ тебя я буду
Забытъ!... забытъ!...

Моисей. Усни! постель уже готова,
Эй, Сарра! помоги поднять его.

(Двѣ еврейки, слуга-еврей, Сарра и Моисей подымаютъ слабаго Фернандо и уводятъ. Ноэми одна остается)

Ноэми. Проникло сожалѣнье въ грудь мою...
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины...
Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ:
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими-жъ черными кудрями,
Являлся моему воображенью,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ...
Отецъ мой такъ его подробно описалъ. (Молчаніе)
О, какъ судьба людьми играетъ!...
Кто-бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему — не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!...
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ, точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться.
Когда-жъ произношу его названье —
Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
„Фернандо!“ — то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь...
Чего стыдиться — я не понимаю.
Любви? Всѣ любятъ, — что же тутъ худого?

Такъ точно, ничего худого нѣтъ въ любви;
Къ чему же совѣсть тутъ мѣшается
И будто сердце предостерегаетъ?...
Но какъ же слушаться ея?...
Какъ не любить? Ахъ, безъ любви такъ скучно,
И даже думать не о чемъ! О, Боже,
Храни его! храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою!... я не могу иначе!...

(Она стоитъ въ задумчивости)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I

Въ домѣ Алварена. Спальня Донны Маріи. Большое зеркало, столъ и стулья. Алварецъ въ креслахъ. Марія передъ зеркаломъ надѣваетъ что-то на голову

Алварецъ. Желалъ бы я узнать, зачѣмъ сюда
Эмилія здороваться нейдетъ?
Ужъ, вѣрно, плачетъ о своемъ любезномъ
Иль съ цитрою мечтаетъ на балконѣ.
Вотъ дочери! отъ нихъ заботъ гора,
А нѣтъ ни утѣшенья, ни добра.

Донна Марія (оборачиваясь). Какъ думаешь, любезный мой супругъ,
Идетъ ли мнѣ вотъ это ожерелье,
И можно ли такъ показаться въ люди?
Оно не дурно?...

Алварецъ. Все къ тебѣ идетъ!
И если-бъ ты явилась мнѣ теперь
Въ измаранномъ и самомъ гадкомъ платьѣ,
То — я клянусь мечемъ отцовскимъ —
Любилъ бы я тебя, какъ прежде,
И столько же прекрасна ты-бъ казалась
Моимъ глазамъ.

Донна Марія. Неужли? ахъ, мой милый!...
(Въ сторону) Онъ думаетъ, что только для него
Я одѣваюсь, какъ прилично мнѣ.
Возможно-ль быть самолюбиву такъ,
Возможно-ль быть такъ глупу, какъ мужья?...
Да, странно, что такъ много требуютъ отъ насъ;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь въ свѣтѣ?

Алварецъ. Говорилъ я
Тебѣ ужъ о намѣреньи своемъ,
Иль нѣтъ?

Донна Марія. А что такое?

Алварецъ. Слушай:
Хочу я замужъ выдать дочь свою,
Боюсь, чтобъ не ушла съ Фернандо;
Женихъ готовъ: богатъ онъ и уменъ...

Донна Марія. Ахъ, милый другъ, не рано ли?
Нѣтъ, погоди; она такъ молода.

Алварецъ. Да слушай: вѣдь женихъ-то рѣдкій;
Онъ храбръ, въ честяхъ, любезенъ и богатъ...

Донна Марія. Да хочетъ ли онъ самъ жениться?

Алварецъ. Я покажу тебѣ письмо его,
Оно вотъ въ этомъ ящикѣ лежало.

(Хочетъ отпереть ящикъ у стола. Марія, смущенная, подходитъ. Онъ дергаетъ)

Да что-жъ? Онъ запертъ у тебя; дай ключъ...

Донна Марія. Что хочешь ты?

Алварецъ. Дай ключъ.

Донна Марія. Что?

Алварецъ. Ключъ мнѣ!

Донна Марія. Ключъ?
Ахъ, Боже мой, я, вѣрно, затеряла...
Да послѣ мы найдемъ...
Алварецъ. Какъ послѣ? Для чего не тотчасъ?
Донна Марія (въ сторону). Если онъ увидитъ, я пропала!
(Ему). Да послѣ я найду письмо твое...
Зачѣмъ сердиться изъ пустого, — какъ смѣшно!...
Алварецъ. И ключъ потерянъ, чортъ возьми! досадно!
Слуга (входитъ). Ждетъ лошадь у крыльца, и все готово.
Алварецъ. А я совсѣмъ забылъ, что надо ѣхать;
Прощай, моя Марія! до свиданья! (Цѣлуетъ и уходитъ)
Донна Марія (одна). Ахъ!... наконецъ отъ сердца отлегло!
Переложу въ другое мѣсто я
Подарокъ патера Сорринія съ письмомъ
Его. (Вынимаетъ ключъ. Изъ стола вынимаетъ ящикъ)
Прекрасный жемчугъ, нечего сказать!...
Алмазы въ кольцахъ точно звѣзды блещутъ!
За это мнѣ не должно помѣшать
Увезть Эмилію... О, старый сластолюбецъ!
Богатъ ты... оттого твои подарки малы;
Но такъ и быть, согласна я
На предложеніе твое, Соррини...
Эмилія самой мнѣ надоѣла;
Но, впрочемъ, этимъ ей не много зла
Я сдѣлаю... невинной дѣвушкѣ
Пріятно быть любимой старикомъ,
Какъ старой — молодымъ, затѣмъ
Что пылкость одного безчувствіе другого

Обыкновенно замѣняетъ...
Наскучила ужъ мнѣ Эмилія давно;
Покуда здѣсь она, боюсь
Я пригласить къ себѣ кого-нибудь,
И хорошо, что патеръ захотѣлъ
Избавить отъ нея; и жалко только,
Что мужа моего увезть никто не хочетъ...

(Смотритъ на ящикъ Соррини)

Какое множество природныхъ недостатковъ
Покроютъ эти малые алмазы,
Какъ много тѣней въ блескѣ ихъ потонетъ...
И за подобное благодѣянье
Мнѣ не пожертвовать безсмысленной дѣвченкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? ха! ха! ха! ха!

(Смотритъ письмо Соррини, которое было въ ящикѣ)

Мой мужъ, я думаю, уѣхалъ и надолго,
И нынче нашъ монахъ пришлетъ людей,
Которымъ и вручу подарокъ свой.
А для меня же лучше, чтобъ Соррини
Ее имѣлъ, чѣмъ мужъ законный:
Алмазы, жемчугъ градомъ на меня
Посыплются, и я поѣду въ городъ,
И удивленье поразитъ моихъ соперницъ,
Когда явлюсь въ арену; я сто глазъ
У нихъ украду силой красоты!
Никто не отгадаетъ, что сей жемчугъ
Цѣною слезъ невинныхъ купленъ...
Но я придумала: въ Мадридъ отправлюсь,
Тамъ получу прощеніе грѣховъ, —
И совѣсть успокоится моя.

(Ставитъ ящикъ съ жемчугомъ на кровать и оборачивается. Эмилія входитъ блѣдная, въ черномъ платьѣ, въ черномъ покрывалѣ и съ крестикомъ на груди своей)

Донна Марія. Здорова ли, моя Эмилія?
Какъ ты спала?...
Эмилія. Благодарю васъ;
Спросите лучше, какъ я не спала:
Ужъ сонъ давно бѣжитъ моихъ рѣсницъ...
Съ тѣхъ поръ...
Донна Марія. О, знаю, знаю, милый другъ!
Я чувствую вполнѣ твое несчастье,
И все бы отдала, чтобы помочь тебѣ.
Клянусь душой!
Эмилія (съ нѣжнымъ упрекомъ). Итакъ, одно лишь слово
Всего дороже было вамъ.
Донна Марія. Ты мнѣ простишь:
Не знала я, что любишь ты такъ сильно,
И только остеречь тебя желала;
Но нынѣ я ошибку ту заглажу.
Эмилія. Одинъ Спаситель мертвыхъ воскрешалъ.
Донна Марія. Зачѣмъ ты такъ блѣдна, и въ черномъ платьѣ,
И въ черномъ покрывалѣ?
Эмилія. Я слыхала,
Что черный цвѣтъ — печали цвѣтъ.
Донна Марія (беретъ ее за руку). О, не грусти, я все поправлю.
Эмилія. Что отнялъ Богъ, того не отдадутъ
Намъ люди. А что люди взяли,
То можетъ возвратить одна могила.
Донна Марія. Ты отъ Фернандо это слышала, навѣрно?
О, памятлива ты! (Эмилія отворачивается) Но успокойся!
Тотъ, кто достоинъ былъ воспоминанья,

Тотъ и тебя достоинъ; испытанья
Пройдутъ. И я тебѣ клянусь,
Что упрошу жестокаго отца:
Позволитъ онъ соединиться вамъ,
И счастіе опять украситъ
Твои ланиты пламеннымъ румянцемъ.
Не плачь, не плачь! не все гроза бушуетъ,
Проглянетъ солнце, и цвѣтокъ, измятый
Порывомъ вѣтра, встанетъ обогрѣться...

Эмилія. Не смѣйтесь надъ несчастьемъ, чтобы вамъ
Не заплатило небо тѣмъ же.

Донна Марія. Боже
Храни меня смѣяться надъ тобой!
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будетъ мужъ твой.
Повѣрь: мои старанья совершатъ
Блаженство то, къ которому такъ сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилія (съ рыданіемъ бросается къ ногамъ Маріи, обнимаетъ колѣна).

Я не ищу блаженства — нѣтъ его,
Нѣтъ въ свѣтѣ ничего, — Фернандо умеръ!
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки...
О, плачьте обо мнѣ всѣ люди, всѣ созданья.
Всѣ плачьте; если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь съ моими,
Мой стонъ могилу потрясетъ. О, плачьте!...
Онъ умеръ... онъ погибъ навѣки!...

Донна Марія. О, поднимись! ты бредишь, ангелъ мой,
Встань, встань.

Эмилія (все на колѣнахъ, поднявъ голову). Исполни
просьбу сироты.
Донна Марія. Исполню, все исполню, только
встань
И отдохни, — встревожилась ты слишкомъ.
Эмилія (встаетъ). Такъ выслушай, о чемъ
прошу тебя. (Цѣлуетъ руку)
Когда прощались мы въ послѣдній разъ,
Въ ту ночь, онъ мнѣ сказалъ: „Иди
Скорѣе въ монастырь, иди въ обитель,
Сокрой отъ свѣта добродѣтель сердца“...
Молю тебя, молю тебя, какъ нищій,
Не помѣшай уйти мнѣ въ монастырь
Сегодня... Помоги мнѣ, заклинаю, —
Тебѣ заплатитъ Тотъ, Кто всѣмъ заплатитъ!
(Кинула умоляющій взглядъ на Донну Марію)
Фернандо умеръ! я хочу исполнить
Его желанье... онъ меня любилъ. (Молчаніе)
Донна Марія. Но если онъ не умеръ, если
Тебя пустые обманули слухи?...
Но если станетъ онъ искать тебя,
Чтобъ къ алтарю вести невѣстою своей,
И вдругъ увидитъ въ черномъ покрывалѣ,
Въ ряду монахинь, — что съ нимъ будетъ?
Ужели ты о немъ не пожалѣешь?
Не пожалѣешь ты о счастіи,
Котораго-бъ могла дождаться?...
Какая слабость! гдѣ твое терпѣнье?...
Эмилія. Мое терпѣнье? (Поднимаетъ глаза къ
небу)
(Тихо въ сторону) Онъ былъ живъ, и я
Терпѣла!
Донна Марія. Выкинь изъ ума
Твой глупый замыселъ. Повѣрь мнѣ,

Пустые слухи обманули
Тебя... повѣрь мнѣ... я ужъ знаю,
Что говорю.

Эмилія (съ укоризной). Его не воскресить вамъ,
Вы не имѣете подобнаго искусства.
Я васъ просила объ одномъ, — вы не хотѣли
Исполнить просьбы самой униженной...

(Хочетъ уйти. Донна Марія удерживаетъ ее)

Донна Марія. Такъ слушай же: вчера
бродила я
Въ саду, и подъ вечеръ зашла я въ рощу;
Вдругъ вижу, человѣкъ ко мнѣ подходитъ, —
Онъ издали все слѣдовалъ за мною.
То былъ Фернандо... Онъ упалъ къ моимъ ногамъ,
Онъ плакалъ, обнималъ мои колѣна
И сдѣлалъ то, что обѣщалась я
Составить ваше счастье. Твой отецъ
Уѣхалъ на два дня; межъ тѣмъ
Вы можете видаться, и потомъ
Къ ногамъ родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилія. О, это слишкомъ! Я не вѣрю...

Донна Марія. Клянусь тебѣ, что живъ онъ,
— и увидишь
Его ты скоро... Что съ тобой?

Эмилія. Мнѣ дурно!
О, Боже!... голова кружится... кто-бъ подумалъ?

(Упадаетъ въ слабости на стулъ)

Донна Марія. Какое дѣтство! что съ тобой?...
Скрѣпись!...
(Въ сторону) Я заманю голубку въ сѣти,
Я поведу на тайное свиданье;
Тамъ будетъ шайка дожидаться, вѣрно,

И тутъ же схватятъ и умчатъ ее.
Благодари мой умъ, Соррини, — онъ искусенъ!
Эмилія (встаетъ). Нѣтъ! ничего, простительная слабость!...
Такъ тяжело я мучилась, что счастье
Мнѣ тяжело... Онъ живъ! о, Боже!
Прости мой ропотъ!... какъ я легковѣрна:
Служанка мнѣ сказала, и я тотчасъ
Повѣрила обманчивымъ разсказамъ!
О! видно, что печаль родня намъ, людямъ,
Когда мы ей скорѣй веселья вѣримъ. (Маріи)
Благодарю васъ... мой укоръ напрасный
Васъ огорчилъ... простите вы меня!
Я слишкомъ мучилась... Скажите:
Гдѣ я съ нимъ встрѣчусь?
Донна Марія. Сегодня мы пойдемъ въ густую рощу;
Тамъ на полянѣ есть высокій дубъ
Съ дерновою скамьей, и тамъ увидишь ты
Фернандо... Не счастлива ли ты
Одной надеждой? для чего
Смущала такъ предчувствіемъ себя?
Повѣрь, невинную любовь
Хранятъ святые ангелы, какъ стражи!
Дитя, дитя! — и вотъ вся горесть
Разсѣялась, и въ монастырь не хочешь!...
Но не стыдись ребячествомъ своимъ:
Оно есть добродѣтель, потому
Что, какъ все доброе, не долговѣчно.
Эмилія. И я его увижу? Онъ не умеръ?
Донна Марія. Увидишь, и повѣришь мнѣ совсѣмъ.

(Эмилія устремляетъ на Марію взоръ, хочетъ что-то сказать, но волненіе мѣшаетъ ей. Она цѣлуетъ крѣпко мачехѣ руку и, закрывъ лицо, убѣгаетъ)

Донна Марія (глядитъ вслѣдъ). Ступай, ступай, — и жди спокойно
Свиданья, вмѣсто гибели своей;
Ступай, тебя старикъ излечитъ скоро
Отъ бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься, но наслажденье
Прогонитъ ужасъ; послѣ все пройдетъ!...
Создатель мой! ужели точно
Мое такъ дурно предпріятье, что сама
Я это чувствую? Что-жъ тутъ худого?
Она счастливѣй будетъ у Соррини,
Чѣмъ здѣсь; когда она ему наскучитъ,
Съ приданымъ выдастъ замужъ онъ ее.
Быть можетъ, такъ случится, что Фернандо
Получитъ руку бѣдной дѣвы...
Но, что бы ни было, я все избавлюсь
Отъ любопытныхъ глазъ, и мой любимецъ
Безстрашнѣй будетъ навѣщать меня...
Такъ все взаимно въ этомъ свѣтѣ:
Соррини благодаренъ мнѣ, а я ему... (Уходитъ)

Сцена II

Въ горахъ, передъ жилищемъ Моисея. Дикое мѣстоположеніе. Скамья направо подъ большимъ дубомъ, возлѣ коего сдѣлано въ родѣ бѣлой палатки, гдѣ сидятъ служанки и слуги жида и работаютъ и поютъ свою печальную пѣсню

Еврейская Мелодія

1

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солимъ опустѣлъ!...
Начужѣ въ раздольи печально житье;
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

II

О родинѣ можно-ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте! досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ.

III

Изгнанники, пепломъ посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, кто явился къ пророку въ огнѣ.

IV

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

Фернандо (медленно входитъ). Что золото?
Какая это вещь,
Когда оно могло-бъ составить счастье
Мое?... Металлъ какъ и другой!
Или далъ Богъ ему такое право,
Какимъ лишь рѣдко люди обладаютъ?...
(Опять начинаютъ пѣть)
Какой печальный голосъ! Эти люди
Поютъ о родинѣ далеко отъ нея,
А я въ моемъ отечествѣ не знаю,
Что значитъ это сладкое названье...
Я въ мірѣ не имѣю ничего почти,
А все желалъ бы больше, — но зачѣмъ?...
Чтобъ новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нѣтъ! пусть останусь я каковъ теперь;
Пусть никогда не буду счастливъ, чтобъ

Не сдѣлаться похожимъ на другихъ...
Въ страданьяхъ жизнь — я въ нихъ живу, я къ нимъ
привыкъ,
Никто ихъ не раздѣлитъ... И тѣмъ лучше
Для тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Ихъ раздѣлить... (Ноэми входитъ) Гдѣ твой отецъ?

Ноэми. Ушелъ
По дѣлу онъ... на что тебѣ отецъ мой?

Фернандо. Хотѣлъ бы я благодарить его...
Онъ спасъ мнѣ жизнь, — и я его стараньемъ
Теперь здоровъ, какъ прежде.

Ноэми (быстро). Ты здоровъ?...

Фернандо. Да, я здоровъ, какъ человѣкъ,
который
Такъ часто боленъ былъ, что старую болѣзнь
Болѣзнью не считаетъ... (Садится на скамью. Она возлѣ него)

Ноэми. Ты долженъ долѣе у насъ остаться.
Повѣрь, не вовсе залѣчились раны
Твои... и чѣмъ тебѣ здѣсь худо?...
Останься здѣсь еще; ты самъ вѣдь говорилъ,
Что у тебя пристанища нѣтъ въ свѣтѣ...
Ты, вѣрно, здѣсь останешься, испанецъ?...

Фернандо. Нѣтъ!...
Я не хочу обременять васъ больше
Моимъ присутствіемъ, мнѣ надо...

Ноэми. Ужъ благодарность тяготитъ
Тебя?... Я этому не вѣрю.
Не говорилъ отецъ мой такъ,
Когда отъ гибели его ты самъ избавилъ...

Фернандо. Я разъ ужъ былъ неблагодар-
нымъ, и боюсь
Вторично быть такимъ; но, впрочемъ,

Я не могу остаться здѣсь никакъ,
Я не могу... не долженъ... не хочу!...
Ноэми (въ сторону, вставъ). Итакъ, намъ разлучиться должно;
Итакъ, моя любовь... О сжалься, небо! (Ему)
Послушай: я твои лечила раны,
Моя рука была въ крови твоей,
Я надъ тобой сидѣла ночи, я старалась
Всѣмъ, чѣмъ могла, смягчить ту злую боль:
Старалась, какъ раба, чтобъ даже
Малѣйшій стукъ тебя не потревожилъ...
Послушай, я за всѣ мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебѣ не стоитъ ничего,
Исполни-жъ эту малую награду —
Останься здѣсь еще недѣлю...
Фернандо. Не искушай меня лукавой рѣчью:
Я ужъ сказалъ, что не могу; мнѣ должно прочь!
(Сильно)
Ты хочешь знать зачѣмъ? (Показывая ей портретъ Эмиліи)
О! на, взгляни сюда!...
(Она отворачивается, взглянувъ, и закрываетъ лицо)
Вотъ женщина! она не можетъ видѣть
Лица, которое не уступаетъ
Ей въ красотѣ... (Молчаніе) Такъ! такъ! я долженъ къ ней.
Съ опасностію жизни я увижу
Эмилію! (Ей) Гдѣ твой отецъ?
(Подходитъ и видитъ, что она плачетъ)
О чемъ ты плачешь?
Ноэми. Не думала я плакать!
Фернандо. Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,

О чемъ?... скажи, не я-ль виновенъ въ томъ?
Остаткомъ горькихъ слезъ, въ груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
Въ лѣта надеждъ не прячутъ слезъ... о чемъ ты
плачешь?...

Ноэми. О томъ, чего ты дать не можешь мнѣ:
О внутреннемъ спокойствіи...

Фернандо. Какъ рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь...

Ноэми (въ сторону). Скажу ему, что онъ
Въ томъ виноватъ; скажу, что я его
Люблю — и упаду въ его объятья;
Онъ не погубитъ, онъ великодушенъ...
Но что хотѣла я? Другая ужъ владѣетъ
Душой Фернандо... Что хотѣла я?
Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — она любить не можетъ,
Какъ я: она не обтирала крови
Съ его глубокихъ ранъ, она не просидѣла
У ногъ его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сонъ не превратился
Въ сонъ безпробудный! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!...
Она любить его, какъ я, не можетъ!...

(Входитъ Моисей. Ноэми примѣчаетъ его, идетъ медленно навстрѣчу. Онъ ее обнимаетъ)

Моисей (печально). Ну, дочь моя, скажу тебѣ
я новость...
Сегодня...

Фернандо (подходитъ). Моисей! благодарю тебя
За попеченія твои... (Протягиваетъ руку. Моисей медлитъ)
Дай руку;
Не думай, что боюсь я осквернить,
Не почитай Фернандо за глупца;

Ты человѣкъ... и ты мой благодѣтель.
Благодарю... я ухожу отсюда...
Моисей. Такъ скоро? Какъ?
Фернандо. Не возражай, еврей!
Я до тебя имѣю просьбу... лишь одну,
Одну: дай мнѣ червонцевъ пять взаймы.
Я знаю, что жиды всѣ деньги любятъ,
И христіанамъ не ввѣряютъ ихъ,
И въ этомъ правы. Но меня ты знаешь!
Я преступленіе свершу, — но все отдамъ
Твои червонцы... вотъ вся просьба.
Моисей. Куда-жъ ты хочешь? Для чего идешь?
Фернандо. Недалеко живетъ отсюда
Донъ Алварецъ; въ его саду когда-то
Мы встрѣтились съ тобою. Я къ нему
Хочу итти просить гостепріимства.
Я былъ воспитанъ тамъ отъ юныхъ лѣтъ.
Но здѣсь мнѣ оставаться невозможно,
На это есть причины... Я клянусь,
Что возвращу тебѣ червонцы...
Ты знаешь, въ свѣтѣ деньги нужны,
Чтобы исполнить предпріятье.
И въ случаѣ, что онъ меня не приметъ
Въ свой домъ...
Моисей (съ удивленіемъ). Донъ Алварецъ! Донъ Алварецъ!...
Ахъ, Боже мой! тотъ бѣденъ, кто постигнутъ
Твоимъ палящимъ гнѣвомъ... У меня
Есть дочь... я понимаю это горе...
Невѣроятно... страшно!
Фернандо. Что случилось?
Моисей. Несчастіе большое... Ахъ, злодѣй,
Злодѣи!... адъ не такъ искусенъ...
Мнѣ нынче самовидецъ разсказалъ...

Фернандо. Зловѣщій воронъ! (Въ сильномъ движеніи)
Моисей. Ада мало имъ...
Такого ангела... вотъ вы услышите!
Горою встанетъ волосъ вашъ, не слезы — камни
Уроните изъ глазъ вы... вотъ, испанцы! (Къ Фернандо)
Вотъ ваша инквизиція святая!...
Теперь не смѣйте презирать евреевъ!
Фернандо. Зловѣщій воронъ!... что такое?
Сейчасъ скажи! гранитнымъ этимъ небомъ
Клянусь, клянусь твоимъ закономъ, я какъ тигръ
Тебя на части раздеру...
(Евреи въ изумленіи. Фернандо хватаетъ его за руку; тише, дрожащимъ голосомъ) Ты видишь,
Я ума лишаюсь!... Человѣкъ!...
Молю тебя, скажи мнѣ, что случилось?...
Ноэми. Какъ онъ дрожитъ... отецъ мой, говори
Скорѣй... взгляни, какая блѣдность!...
Моисей. У дона Алвареца дочь была!
Фернандо (вскрикнувъ).
Была!... (Молчаніе) Я твердъ, не бойся продолжать;
Какая мнѣ нужда до этой дочери,
И мало-ль дочерей на свѣтѣ... (Принужденно) Ха! ха! ха!...
Я твердъ!...
Моисей. Еврей знакомый разсказалъ мнѣ
Печальный случай... Онъ подслушать гдѣ-то
Умѣлъ злодѣевъ. Есть доминиканецъ
Иль езуитъ, по вашему, — не знаю,
По имени Соррини... И хоть старъ,
Онъ любитъ женщинъ. Подкупивъ злодѣевъ,
Онъ имъ велѣлъ похитить непремѣнно
Дочь Алвареца... Нынче жертву

Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, какъ могли
Они успѣть въ своемъ ужасномъ дѣлѣ...
Отца-то дома не было, я слышалъ.
Погибнетъ дѣвушка... А жалко! жалко!
Я четверть бы имѣнья тотчасъ далъ,
Чтобы ее спасти... но врядъ ли можно.

(Фернандо хочетъ что-то сказать, поднимаетъ руки, вдругъ съ невольнымъ стономъ опускаетъ и быстрыми шагами съ отчаяньемъ уходитъ въ горы)

Моисей (пораженный). Куда?... Куда?... Остановите, удержите
Его!... Онъ въ бѣшенствѣ!...

Ноэми (смотритъ вслѣдъ). Взгляни, вотъ онъ вбѣжалъ
Ужъ на гору... бѣжитъ... остановился...
Надъ самой пропастью... онъ упадетъ... но нѣтъ!...
Идетъ сюда... (Бросается отцу на шею)
Зачѣмъ, зачѣмъ, отецъ мой,
Сказалъ ему ты эту новость?

Моисей. Дочь моя,
Все воля Божія! никто изъ насъ не можетъ
Противустать ей. Тотъ, кто сотворилъ насъ,
Имѣетъ право съ нами поступать,
Какъ хочетъ...

Ноэми. Для чего-жъ Онъ далъ намъ душу?
Зачѣмъ способность далъ любить, страдать,
Когда Онъ вѣрно зналъ, что муки есть
Неизлечимыя, что можно обмануть
Любовь?... Зачѣмъ насъ Богъ оставилъ?... (Она уходитъ)

(Фернандо возвращается)

Фернандо (подходитъ). Ты думалъ, я заплачу, старый!

Ты этого хотѣлъ, — но женская печаль
Не устыдитъ моихъ ланитъ! Безчеловѣчный!
Я отомщу... чтобъ цѣлый міръ... я то свершу,
Что, я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ испугаетъ... Ты подумалъ,
Что... я заплачу? Нѣтъ! клянусь:
Скорѣе разорвется это сердце,
Чѣмъ я заплачу...

Моисей (беретъ его за руку). Успокойся! объясни мнѣ
Твое отчаянье... не сожалѣнье
Одно...

Фернандо. Старикъ, старикъ!... ты жилъ покойно,
Не зналъ страстей... во мнѣ онѣ кипѣли
Сильнѣй, чѣмъ всѣ земныя бури. О! проклятье
Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Несправедливый Богъ!
Зачѣмъ казнить меня черезъ другихъ,
И ангела губить, чтобъ наказать безумца
Ничтожнаго? Иль также въ небесахъ
Есть пытки?... Я терпѣлъ — и полно мнѣ терпѣть!
Повиновался я судьбѣ довольно...
Я могъ быть счастливымъ!... довольно,
Довольно!... никогда не буду счастливъ...
Отнынѣ отдаюся мести,
Союзъ съ землей и небомъ разрываю...
Старикъ, дай денегъ!... съ этимъ я прорвусь
Въ его жилище.

Моисей (даетъ денегъ). Вотъ! возьми!

Фернандо. Эмилія — моя!
Живая или мертвая — моя!...
Въ безчестьи иль невинная — моя!
О! какъ я отомщу... Прощай, отецъ...

Я своего не знаю. (Обнимаетъ его крѣпко) Мстить прекрасно...
Благослови меня!... иду на смерть... прощай! (Уходитъ)

Моисей (поднимаетъ руку). Услыши, Богъ, молитву іудея, —
Храни его отъ преступленья!
Ты можешь удержать порывъ страстей,
Вселить покорность, вѣру такъ легко,
Какъ усмиряешь вихри горъ... Ты — Богъ
Израиля! Ты — Богъ Ерусалима!... (Уходитъ)

Сцена III

Комната въ домѣ у жида, какъ во 2-мъ дѣйствіи

Ноэми (за нею Сарра). Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь, — любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ навѣки.
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О, я люблю
Его какъ Бога — онъ одинъ мой Богъ!
И небо запретить любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ, другую любитъ,
Другую, слышишь ли — другую!... я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня! (Ломаетъ руки)

Сарра. Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить...

Ноэми. Плакать!
Тебѣ-ль со мною плакать?... Любила-ль ты,
Какъ я?... Любила-ль чужеземца,
Любила-ль христіанина, была ли

Имъ презрѣна, какъ я?... Ахъ, Сарра, Сарра!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ...
О, сжалься надо мною, небо!
Скорѣй въ сырую землю; поскорѣй,
Покуда я себя роптаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ.

Сарра. Старайся
Разсѣяться! въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ: теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ и важномъ.
Онъ новостью тебя займетъ.

Ноэми. Я проклинаю
Всѣ эти новости: одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его. — Ахъ, Сарра!
Все кончено! все кончено! (Моисей вбѣгаетъ какъ бѣшеный)

Моисей. Дочь! дочь! дочь! онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ нашелся?
Твой братъ... мой сынъ!... сынъ!... я не зналъ...
Жестокій случай! такъ... я не прижалъ
Его къ груди, и не прижму... найденъ
И въ тотъ же мигъ потерянъ... О, судьба!
Земля и небо, вѣтры, бури, громъ,
Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... и христіанинъ!...
Возможно ли? Мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его — моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О, Израиль,
Израиль!... ты скитаться долженъ въ мірѣ,

Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился!
Мой сынъ! мой сынъ!

Сарра. Гдѣ-жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто-жъ онъ... и кто сказалъ... что сынъ твой?

Моисей. О, горе, горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ.
Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Ноэми! горе, горе для тебя!
Фернандо — братъ твой!
Испанецъ — братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!... онъ христіанинъ!... онъ твой братъ!

(Ноэми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сарра спѣшитъ къ ней)

Пускай умретъ и дочь и я!... у Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! мой сынъ!...

(Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

Въ домѣ Соррини. На столѣ бумаги и книги и песочные часы

Соррини (входитъ). Сегодня, можетъ быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! зачѣмъ же нѣтъ?
Она моя, — такъ вѣрно, какъ я плутъ.
Когда я самъ съ собою, то никакъ
Себя я не щажу. Зачѣмъ? я плутъ,
Я это знаю самъ, зачѣмъ скрываться
Передъ собою? Я плутъ, но умный плутъ.
Да впрочемъ, я не вижу тутъ худого:

Я сотворенъ, чтобъ жить и наслаждаться,
И всѣми средствами я долженъ достигать
Предположенной цѣли. Я достигъ —
И умный человѣкъ, не удалось — глупецъ!
Такъ судятъ люди, большей частью.
Великій инквизиторъ обѣщалъ
У нашего отца святого выпросить
Мнѣ шапку кардинала, если я
Явлюсь ея достойнымъ, то есть, —
Обманывать и лицемѣрить научусь.
О, это важная наука въ мірѣ, —
Наука женщинъ! съ нею прямо въ папы!
И этому есть доказательства у насъ. (Молчаніе)
Въ кровавый путь отправленъ ужъ Фернандо...
Одинъ лишь Алварецъ, — да этотъ плохъ!
О, бѣдная Эмилія, давно ли
Сказала ты, что старику смѣшно
Любить и невозможно?... Но сегодня
Ты мысли перемѣнишь... (Садится) Говорятъ,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья, что законъ велитъ...
Ужель законъ въ сей толстой книгѣ
Сильнѣй закона вѣчнаго природы?
Безумецъ тотъ, кто думалъ удержать
Ничтожнымъ правиломъ, постановленьемъ
Движеніе природы человѣка;
Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ — и только;
Далъ лишній совѣсти урокъ, и между тѣмъ
Желаніе усилилъ запрещеньемъ.
Постриженъ былъ насильно я въ монахи,
Почти насильно (въ пылкой юности
Не можемъ понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за все отвѣтятъ,
Что сдѣлалъ я, пускай въ аду горятъ

Они... Но что такое адъ и рай,
Когда металлъ, въ землѣ отрытый, можетъ
Спасти отъ перваго, купить другой?
Не для толпы-ль довѣрчивой, слѣпой,
Сочинена такая сказка? Я увѣренъ,
Что проповѣдники о раѣ и объ адѣ
Не вѣрятъ ни въ награды рая,
Ни въ тяжкія страданья преисподней.
Да, впрочемъ, добрый смыслъ велитъ не вѣрить,
Что души будетъ вѣчный жечь огонь,
Что черти за ноги повѣсятъ тѣхъ,
Которые ни рукъ, ни ногъ имѣть не будутъ.
(Беретъ книгу, перо и бумагу)
Займусь! (Кладетъ) Нѣтъ, что-то я не въ духѣ!
Кто бы повѣрилъ, что въ мои лѣта
Хорошенькой дѣвчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, безпокоить?
Я все не понимаю, для чего
Мнѣ не годится женщину любить:
Какъ будто бы монахъ не человѣкъ? (Смотритъ на часы)
Часы бѣгутъ — и съ ними время, вѣчность,
Коль есть она, все ближе къ намъ, и жизнь,
Какъ дерево отъ путника, уходитъ.
Я жилъ. — Зачѣмъ я жилъ? — Ужели нуженъ
Я Богу, чтобъ пренебрегать законъ?
Ужели безъ меня другой бы не нашелся?
Я жилъ, чтобъ наслаждаться, наслаждался —
Чтобъ умереть... умру... а послѣ смерти? —
Исчезну! какъ же?... да, совсѣмъ исчезну...
Но если есть другая жизнь?... нѣтъ! нѣтъ!...
О, наслажденье! я твой рабъ, твой господинъ!
(Звонитъ; слуга входитъ)
Не позабудь, что я тебѣ сказалъ:

Когда подъѣдутъ близко удальцы
Мои, то киньтесь вы съ оружіемъ толпой,
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорѣе приведите,
Да чуръ не забывать, что вы безъ языковъ,
А то... меня... ты знаешь коротко!
Возьми-жъ себѣ заранѣе награду (даетъ кошелекъ)
И раздѣли другимъ... Ступай же.

(Слуга беретъ кошелекъ и цѣлуетъ руку)

Слуга. Все исполню.

Соррини (подходитъ къ окну). Да, кажется, я
вижу пыль, ужели
Они спроворили все дѣло? Донна
Марія лакома на жемчугъ,
Какъ видно; впрочемъ, ей мѣшала
Моя красавица, какъ лишнее бревно
Въ строеньѣ дома; самъ его не дашь,
А какъ попросятъ, такъ легко разстаться! (Глядитъ въ окно)
Они, такъ точно! ближе подъѣзжаютъ.
Вотъ и мои спасители бѣгутъ... сраженье!
Желѣзо о желѣзо бьется и стучитъ
Безвредно... искры сыплются кругомъ.
Такъ въ спорѣ двухъ глупцовъ, хоть много шуму,
Да толку нѣтъ... Какъ кровь моя кипитъ
Въ полузасохшемъ сердцѣ! Ну! (смотритъ) схватили
Эмилію и тащутъ... Торжество!
Victoria!... Теперь я говорю
Отважно: v ni·vici, потому
Что я еще дѣвицу не видалъ! (Отходитъ отъ окна; слуга входитъ)
Въ лицѣ твоемъ побѣду я читаю;
Веди сюда... (Слуга ушелъ) Victoria, Соррини!...

(Потираетъ руками) Поплачетъ Алварецъ, поплачетъ,
покричитъ,
Порветъ сѣдые волосы... и не узнаетъ,
Гдѣ дочь его... ха! ха! ха! ха! побѣда!

(Вводятъ Эмилію; Соррини даетъ знакъ; люди уходятъ)

Эмилія. Гдѣ мой спаситель?... Ахъ, отецъ
Соррини,
Не вамъ ли я обязана спасеньемъ?
Вознагради васъ, Боже, такъ, какъ я
Желала бы!... о, мой спаситель!

Соррини. Я христіанскій долгъ исполнилъ
только.

(Идетъ и запираетъ дверь)

Эмилія. О, возвратите поскорѣй меня
Родительскому дому... Мой отецъ
Въ отчаяніи будетъ, если онъ
Узнаетъ про ужасный этотъ случай.
Со мной гуляла мачеха моя
Въ саду, и вдругъ злодѣи ухватили
Меня, связали, повлекли съ собою...
Окончите благодѣянье ваше,
Велите отвезти меня домой,
Какъ можно поскорѣй... Что мой отецъ
Подумаетъ, что́ скажетъ онъ? (Плачетъ)

Соррини. Эмилія, ты вся дрожишь... какъ
можно
Теперь тебѣ домой отправиться? Теперь
Ты такъ слаба... Нѣтъ, отдохни подолѣ здѣсь,
Побудь подолѣ у меня... зачѣмъ лишать
Меня такого счастья?

Эмилія. Ради Бога!
Я не могу остаться здѣсь у васъ!
Я не должна.

Соррини. Зачѣмъ же ты не можешь?
Мой ангелъ, кто тебѣ мѣшаетъ
День, два и три здѣсь отдохнуть?

Эмилія. День, два и три!

Соррини. Чему дивиться тутъ?

Эмилія. Я васъ не понимаю.

Соррини. День, два, три
И болѣе останешься ты здѣсь;
И ежели понравится тебѣ,
То можешь ты остаться вѣчно... то есть (въ сторону),
Пока ланиты не поблекнутъ, и глаза
Не потеряютъ пламень свой волшебный.

Эмилія. Отецъ Соррини!

Соррини. Да, я не шучу;
Ты тамъ была рабой, — здѣсь будешь ты царицей.
Мой домъ и все, что въ немъ — твое,
А ты — моя!

Эмилія. Какое право?

Соррини. Силы.
Я спасъ тебя, — вотъ право, и довольно!

Эмилія. Вы позабыли, кто вы! какъ могу
Я съ вами жить? что это значитъ?

Соррини. Не горячись (держа ей руку), красавица, — любовь
Не смотритъ на лѣта своихъ печальныхъ жертвъ.
Ты видишь, я былъ правъ, когда сказалъ,
Что можетъ и старикъ любить.

Эмилія. Соррини! (Вырываетъ руку)
Оставь меня!... Безчестный человѣкъ!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостепріимство... Что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, Святая Дѣва!...

Соррини. Скажу тебѣ, святыхъ здѣсь нѣтъ...
и такъ...
Эмилія. Конечно, только демоны одни
Живутъ съ подобнымъ извергомъ... Но Богъ
Услышитъ вопль невинной дѣвушки!
Соррини. Насъ опытъ научаетъ въ свѣтѣ
Не упускать благопріятный случай.
Ну, поцѣлуй меня на первый разъ!
Эмилія (отворачивается дрожа).
Такъ вотъ моя судьба! (Ему). Прочь, прочь, злодѣй!
Соррини. Ты думаешь, что ты теперь царица
Въ моемъ дому? Нѣтъ, это будетъ послѣ,
Когда все сдѣлаешь, что я скажу,
Когда въ мои объятья упадешь.
Эмилія. Въ твои объятья... никогда!
Соррини. Послушай:
Тебѣ слова пустыя не помогутъ;
Да или нѣтъ — два слова могутъ только
Подѣйствовать на сердце это; если
Ты скажешь да... то для тебя-жъ пріятнѣй!
А если нѣтъ... то берегись упрямства!
Оно къ добру не доведетъ; покорность
Одна лишь облегчитъ твою судьбу...
Но, впрочемъ, я не вижу твоего несчастья...
Любовь мою нельзя назвать несчастьемъ...
Умѣю я любить и награждать,
И ни одна прекрасная дѣвица
Не вырывалась изъ моихъ объятій,
Когда почувствовала пламень груди
Моей... Повѣрь, старикъ такой, какъ я,
Любить умѣетъ лучше юноши:
Все опытность, мой другъ...
Эмилія (послѣ минуты молчанія). Знавалъ ли ты
Спокойствіе души, знавалъ ли ты

Надежду, радость... счастье...
Всѣмъ тѣмъ, что ты знавалъ и не знавалъ,
Чему ты вѣрилъ, отъ чего страдалъ,
Всѣмъ тѣмъ, что страшно для души твоей,
Коль есть въ тебѣ душа, безсовѣстный злодѣй,
Я заклинаю на колѣнахъ... пощади! (Становится на колѣна)
О, пощади... оставь меня! я буду
Молчать о всемъ, что слышала, о всемъ,
Что знаю... только пощади меня!...
Не тронь моей невинности; за это
Грѣхи твои и самыя злодѣйства
Проститъ тебѣ Всевышній. Такъ, Соррини!
Но если ты... тогда умру я! и къ тебѣ
Придетъ моя страдальческая тѣнь,
И блѣдною рукою отгонитъ сонъ...
О, пощади!... клянусь молчать до гроба!...

Соррини. Глупецъ, кто вѣритъ женскимъ обѣщаньямъ,
А пуще женской скромности, — да, да!
Не все-ль равно — на нитку привязать
Медвѣдя и надѣяться, что онъ
Не перерветъ ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается языкъ твой...
Нѣтъ, я теперь въ такомъ ужъ положеньи,
Что предо мною смерть или побѣда
На волосѣ висятъ... а такъ какъ, вѣрно,
Я изберу побѣду, а не смерть,
То всѣ твои мольбы напрасны,
Эмилія...

Эмилія. И такъ спастися нечѣмъ. (Плачетъ)

Соррини. Мнѣ кажется...

Эмилія. Пошли мнѣ смерть, о, Боже,
А не безчестье! (Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо)

Соррини. Все притворство это!
Не вѣрю я, чтобъ дѣвушка могла
Съ упрямостью такою защищаться.

(Хочетъ у нея поцѣловать руку, она ему даетъ пощечину. Онъ, грозя пальцемъ, съ тихою злостью говоритъ)

Ты такова, сердитая дѣвчонка!...
О! о! я справлюсь, нѣтъ, я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себѣ спасенья;
Скорѣе эти стѣны всѣ заплачутъ,
Чѣмъ я, твой стонъ услышавъ; такъ! скорѣй,
Скорѣй земля разступится, чтобъ въ мигъ
Испанію со мною поглотить, чѣмъ сердце
Мое разступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожалѣнья... Ты увидишь,
Каковъ Соррини!... онъ просить умѣетъ,
Умѣетъ и приказывать, какъ надо.

(Она открываетъ лицо и смотритъ съ ужасомъ)

Умѣю и кинжалъ употребить
При случаѣ, чтобы заставить васъ,
Сударыня, повиноваться мнѣ. (Злобно)
Ха! ха! ха! ха!... о, ты меня узнаешь! —
Эй! кто тамъ?

(Соррини отпираетъ дверь, подходитъ къ ней; вдругъ слышенъ шумъ, и входятъ испанцы толпою)

Вы зачѣмъ? Какая дерзость!

Одинъ испанецъ. Мы
Пришли за награжденьемъ.

Соррини. За какимъ?

Другой испанецъ. А какъ же, развѣ
ты намъ, патеръ, не велѣлъ
Дочь Алвареца увезти... иль позабылъ?
Что? Видно, только предъ услугой
Твой кошелекъ открытъ издалека.

Третій испанецъ. А какъ достали мы
твою красотку,
Такъ тотчасъ обѣднѣлъ?

Соррини. Бездѣльники! (Бросаетъ большой кошелекъ золота)
Терпѣнья не было?...

Всѣ (берутъ золото и уходятъ).
Прощай, отецъ Соррини! (Онъ уже не запираетъ дверь)

Соррини. Эмилія! рѣшись же наконецъ...

Эмилія (встаетъ съ кресла). Такъ ты ихъ посылалъ меня похитить?
О, верхъ злодѣйства въ человѣкѣ! я погибла,
Погибла... нѣтъ надежды!

Соррини (насмѣшливо). Нѣтъ надежды! (Беретъ ее за руку)
Пойдемъ со мной (цѣлуетъ), мой другъ безцѣнный!
Такъ долго защищаться, плакать,
Просить... чтобъ, наконецъ, признаться побѣжденной!

Эмилія. Ты думаешь, я вынесу позоръ свой?
Нѣтъ, я умру, старикъ!...

Соррини (съ гордой улыбкой).
Старикъ! шути...
Старикъ тебѣ покажетъ, что довольно
Онъ пылокъ.

Эмилія (сложивъ руки). Матерь Божія! ужель
Ты не спасешь меня?...

Соррини. Пойдемъ... пойдемъ...
Не скажутъ, что Соррини уступилъ
Кому-нибудь. О, я наединѣ
Не тотъ, какимъ кажуся въ людяхъ. (Беретъ ея руку)

Эмилія. Оставь меня, твое прикосновенье,
Какъ зараженнаго чумою, ядовито...

Соррини (злобно). Пойдемъ же, я велю...

(Вдругъ стучится кто-то въ дверь, оба останавливаются. Езуитъ отходитъ прочь; отворяетъ дверь человѣкъ, окутанный плащемъ пилигрима; снявъ шляпу, входитъ)

Неизвѣстный (онъ входитъ быстро, потомъ нагибается).

Впустите ради
Христа!... я такъ усталъ... прошу
Кусочка хлѣба только. Здравствуйте,
Пошли вамъ Богъ свое благословенье,
Честной отецъ!... я бѣдный, бѣдный странникъ...

Соррини (въ сторону). Некстати онъ пришелъ,
зачѣмъ его пустили?

(Скрипитъ зубами. Глядитъ)

Онъ подозрителенъ. (Ему). Садись... садись!...
Тебѣ велю тотчасъ подать вина и хлѣба.
Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвѣстный. Я бѣдный странникъ!
Ходилъ въ Ерусалимъ... иду назадъ...
Усталъ... и голоденъ, иду домой...
Пока языкъ мой смерть не охладитъ,
Вездѣ тебя я буду прославлять,
Кто-бъ ни былъ ты, гостепріимный.

Соррини. Я исполняю только долгъ свой.

Неизвѣстный. Долгъ?
Немногіе тебѣ подобно мыслятъ.
Благодарю! — и Богъ тебя благодаритъ!...

Соррини (къ Эмиліи). Сестра! вели принесть
вина и хлѣба...

(Страннику)

Живемъ съ сестрой мы вмѣстѣ.

(Видя, что Эмилія нейдетъ, дрожитъ и подходитъ къ ней)

Ступай! когда я говорю: иди!

Неизвѣстный (про себя). Меня ты не обманешь, крокодилъ.

Соррини (громко). Ступай же...

Неизвѣстный. Стой!

Соррини (испугавшись). Какъ! кто ты?

Неизвѣстный. Я... (сбрасываетъ плащъ съ себя и вынимаетъ кинжалъ)

Эмилія. Фернандо!...

Фернандо. (Беретъ быстро за руку Эмилію и уводитъ на другую сторону сцены, становится предъ ней, держа ее одной рукой)

Теперь я требую съ тебя отвѣта...

Соррини. Кто ты? Фернандо не воскреснетъ!
Ты духъ иль человѣкъ?

Фернандо. Я тотъ,
Кто не боится адскихъ умысловъ,
Кто можетъ наказать тебя кинжаломъ,
И чья рука не дрогнетъ предъ убійствомъ,
Когда оно ее спасетъ... отдай ее! (Схватываетъ Соррини за горло)
Я ничего не жду на небесахъ,
Я ничего не жду подъ небесами,
Я мести душу подарилъ; не жди,
Чтобъ я помедлилъ отослать
Тебя туда, гдѣ ждетъ судъ Божій
Тебѣ подобныхъ! Видишь этотъ ножъ —
Онъ надъ тобой. Оставь же добровольно
Свой умыселъ.

Соррини. Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилію нельзя
Спасти: тебя не выпустятъ
Отсюда слуги. Такъ пусти-жъ меня!
Я закричу...

Фернандо (пускаетъ его). Ты правъ: я не палачъ!...

(Въ сторону) Ужели я боюсь увидѣть кровь?
(Ему) Отдашь ли мнѣ Эмилію?

Соррини. Нѣтъ, не отдамъ... (Подбѣгаетъ къ двери все ближе)

Фернандо. Отдашь! ты вѣрно содрогнешься
Предъ тѣмъ, что я предпринялъ. А! Соррини!
Она моя... и честь ея моя.
Когда-бъ ты далъ мнѣ тысячу міровъ
За эту дѣвушку, я-бъ ихъ отвергнулъ всѣ!
Не принуждай меня, не принуждай
Къ убійству.

Соррини. Не отдамъ ее.

Фернандо. Ты камень, но передъ моимъ отчаяньемъ
Ты содрогнешься.

Соррини. Нѣтъ!

Фернандо. Соррини!
Соррини, рѣдко лишь прошу кого-нибудь
Я на колѣнахъ... но узнай сперва,
Что тотъ, предъ кѣмъ стоялъ я на колѣнахъ,
Не долго проживетъ.

Соррини (со смѣхомъ). Опять за то же.

Фернандо. Ты мнѣ отдашь Эмилію, не то
Я отниму... Не доведи меня
До этой крайности. Я ужъ готовъ
На все; я съ нею потерять готовъ
И небо, чтобъ избавить отъ твоихъ когтей.
Я не шутить пришелъ... О, слушай! слушай
Въ послѣдній разъ... отдай ее!

Соррини. Посмотримъ! (Бросается въ дверь и зоветъ на помощь)
Сюда! сюда! сюда! разбой! эй, слуги! (Шумъ и крикъ за сценой)

Эмилія (бросивъ томный взоръ). Фернандо...

Фернандо. Ну, все кончено! напрасно
Желалъ я крови не пролить; прощай,
Мой другъ! (обнимаетъ ее) прощай! мы долго
Съ тобою не увидимся... (отворачиваясь) о, Боже!
Итакъ Ты хочешь, чтобъ я былъ убійца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ея —
Моя! она другого не обрызжетъ...
Безумецъ! какъ искать въ томъ сожалѣнья,
О комъ самъ Богъ ужъ не жалѣетъ!
Часъ билъ! часъ билъ! — послѣдній способъ
Удастся — или кровь!... Нѣтъ, я судьбѣ
Не уступлю... хотя бы демонъ удивился
Тому, чего я не могу не сдѣлать.

(Эмилія устремляетъ молящій взоръ на него. Во время этого разговора входятъ слуги Соррини и онъ; всѣ съ оружіемъ)

Соррини. Посмотримъ, кто сильнѣй изъ насъ!... эй, слуги!...

Фернандо. Узнай же клятву: мы стоимъ предъ Богомъ...
Живая или мертвая — она
Моя... Ты видишь? (Показываетъ кинжалъ)

Эмилія. Ахъ! (Склоняетъ голову на грудь Фернандо)

Соррини. Меня не настращаешь!
Мнѣ мертвую не нужно... Слуги, эй!
Схватите, бейте, рѣжьте наглеца! (Онъ самъ защищенъ слугами)

Фернандо. Ни съ мѣста! (Всѣ останавливаются)

Соррини. Что же вы! (Они опять хотятъ броситься)

Фернандо. Ни съ мѣста вы, рабы!...
(Соррини) Въ послѣдній разъ, въ виду небесъ и ада:
Отдашь ли мнѣ ее?

Эмилія (едва слышнымъ голосомъ). Хранитель, ангелъ мой! спаси меня!

Соррини. Живую не отдамъ!...
Что-бъ ни было.

Фернандо. О... такъ смотри сюда!

(Прокалываетъ ей грудь: въ эту минуту всѣ поражены; онъ подымаетъ ея трупъ съ полу и уноситъ сквозь толпу удивленную. Слуги хотятъ броситься вслѣдъ)

Соррини (послѣ молчанья, остановивъ слугъ).
Оставьте! иначе хочу я сдѣлать. (Онъ дрожитъ)

(Даетъ знакъ, чтобъ всѣ ушли; уходятъ)

Какая дерзость!... да! онъ мнѣ заплатитъ.
Я самъ въ опасности. Онъ можетъ...
Что можетъ онъ?... Я золъ теперь,
Какъ дьяволъ... Отомщу-жъ ему, —
Сожгу его, сдеру съ живого кожу,
Сорву желѣзомъ ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздяхъ
Его ходить заставлю, мѣдь кипящую
Волью безумцу въ горло и упьюсь,
Упьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,
Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!...
Спади съ меня личина скромности;
Пускай узнаютъ всѣ, что итальянецъ
Соррини, по его веселію и плескамъ,
Когда Фернандо будетъ издыхать
Въ огнѣ иль подъ ударомъ палача.
Чѣмъ медленнѣй конецъ его придетъ,
Тѣмъ будетъ счастіе мое полнѣй.
Оклевещу его; хоть самъ не вывернусь,
Но все же я упьюсь его мученьемъ!
О, клевета, приди на помощь! никогда
Такъ не нуждался я въ тебѣ, какъ нынѣ;
Дай тысячу мнѣ жалъ змѣиныхъ, чтобъ

Я могъ облить врага холоднымъ ядомъ
Твоимъ... (Ударяетъ себя двумя пальцами въ лобъ)
Мой планъ почти готовъ...
Да, да... вотъ такъ... а тамъ, богиня
Души моей, тебѣ съ сихъ поръ я отдаю
Себя... возьми! я твой и за могилой!

(Входитъ Доминиканецъ, пріятель Соррини)

Доминиканецъ. Соррини, здравствуй!

Соррини. Здравствуй! кстати ты пришелъ.

Доминиканецъ. А что такое?

Соррини. Я тебѣ скажу
Сейчасъ.

Доминиканецъ. Должно быть, ты узналъ
Пристанище богатаго жида
Или, что все равно, еретика:
Веселье на лицѣ твоемъ блистаетъ.
Такъ точно, ревностный служитель вѣры,
Я отгадалъ, что хочешь ты сказать?

Соррини. Ты отгадалъ. Знавалъ ли прежде
Ты Дона Алвареца? у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Онъ еретикъ! онъ вѣритъ Лютеру
И чтитъ его!... сегодня онъ убилъ
Дочь Алвареца въ домѣ у меня.
Я спасъ ее отъ хищниковъ, но, Боже!
Не могъ спасти отъ остраго кинжала.
Его сыскать намъ надо и вести
На казнь преступника двойного.
Онъ трупъ несчастной дѣвушки
Понесъ съ собой!... да! я его найду;
Я по слѣдамъ его пойду кровавымъ,
И жизнію заплатитъ онъ...

Доминиканецъ. Конечно!
Да, кажется, я на дорогѣ встрѣтилъ

Убійцу... но случайно не замѣтилъ,
Что несъ онъ мертвую: такъ быстро
Онъ шелъ!... такъ страшенъ онъ казался!

Соррини (послѣ минуты задумчивости).

Дай руку мнѣ! клянись быть заодно...

Доминиканецъ (протягиваетъ руку). Возьми
съ моей рукою обѣщанье.

Соррини. Быть заодно во всякомъ случаѣ!

Доминиканецъ (кинувъ боязливый и подозрительный взглядъ).

А развѣ ты виновенъ въ чемъ-нибудь?

Соррини. Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь знаешь ты: мы
вѣчно правы.

Доминиканецъ. Брось шутки! ты тутъ не
виновенъ?

Соррини. Нѣтъ, нѣтъ! но если-бъ даже
былъ...

Доминиканецъ. Безъ если... просто,
Какъ съ другомъ говори...

Соррини. Да нѣтъ!

Доминиканецъ. Простѣе!
Скажи: невиненъ ты?

Соррини. Какъ голубь!

Доминиканецъ (съ коварной улыбкой).

Вотъ такъ! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всѣмъ готовъ, душой и тѣломъ,
Пожертвовать. А еретикъ Фернандо
Погрѣется у насъ, пока
Охолодѣетъ прахъ его проклятый.

(Садится и беретъ перо съ бумагой)

Я напишу, какъ ты мнѣ говорилъ,
А тамъ и въ судъ съ убійственной бумагой!
Уменъ былъ тотъ, кто изобрѣлъ письмо:
Перо терзаетъ иногда сильнѣе,

Чѣмъ пытка! Чтобъ уничтожить царство —
Движенія пера довольно; даже рай
Даетъ перо отца святого, папы;
Ты вѣришь въ эту власть?

Соррини. Какъ въ добродѣтель!

Доминиканецъ. Итакъ, начну писать я
свой доносъ. (Начинаетъ писать)

Соррини (пока онъ пишетъ, подходитъ къ мѣсту, гдѣ убита Эмилія; глядя внизъ).

На этомъ мѣстѣ кровь ея текла!
Вотъ пятна: вотъ одно, другое!
Впервые мнѣ на кровь глядѣть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещетъ,
И волосы невольно дыбомъ
Встаютъ при мысли объ убійствѣ!
Жалѣть ли мнѣ Эмилію? Да что-жъ?
Всѣмъ должно умереть!... Но если тѣнь
Ея предстанетъ мнѣ во мглѣ ночной,
Какъ говорила дѣва; если я
Преслѣдуемъ, терзаемъ буду
Ея рукой холодною повсюду,
Какъ совѣстью мятежной; если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазамъ безсоннымъ станетъ представляться?...
Какъ? я боюсь? Соррини сталъ бояться?!
Кого? себя?... стыдись... нѣтъ тѣней,
Нѣтъ призраковъ: могила слишкомъ крѣпко
Свою добычу держитъ, чтобъ она
Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
Но совѣсть?... совѣсть — вздоръ, однако-жъ...
Какъ, Соррини,
Ты совѣсти боишься, и давно-ль? (Ударяетъ ногой въ землю)
Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

Доминиканецъ. Доносъ готовъ.

Соррини (подписываетъ). Я подписалъ.

Доминиканецъ. И я.

Соррини. Идемъ!

Доминиканецъ. Ужель доносъ подать боишься?
Товарищъ, ты дрожишь?...

Соррини. Отъ радости. (Беретъ шляпу и палку)
Вотъ все мое оружіе, пойдемъ!

Доминиканецъ. И горе
Врагамъ закона нашего и нашимъ!
Пощады нѣтъ! клянемся.

Соррини. Нѣтъ пощады!
Какое же мученіе избрать,
Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
Всю тягость нашихъ рукъ, всю тягость
Закона для отступника? — не сжечь ли?
Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой домъ.

Доминиканецъ. Нѣтъ, четверить.

Соррини. Свинца кипящаго
Ему влить въ горло.

Доминиканецъ. Иль на гвоздяхъ
Его заставить спать.

Соррини. О, если-бъ онъ имѣлъ
Сто жизней, я бы каждую инымъ,
Ужаснѣйшимъ терзаньемъ истощилъ...
Однако цѣль моя достигнута... (Потираетъ руками)

Доминиканецъ. Пойдемъ!
И, съ помощью святого Доминика,
Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ! (Уходятъ въ радости)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Сцена I

Домъ Алвареца. Столъ. Свѣча на столѣ

Алварецъ (сидитъ у стола). Итакъ, она бѣжала
отъ меня
Съ Фернандо... убѣжала съ негодяемъ.
Донна Марія. Какъ я тебѣ сегодня объяснила.
Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
За этого бродягу выйти замужъ?
Алварецъ. Такъ не хочу же плакать о
негодной,
Неблагодарной.
Донна Марія (насмѣшливо). Плачь! нѣтъ,
плачь!
О дочери такой нельзя не плакать!
Алварецъ. И какъ она была привязана ко
мнѣ!
Донна Марія. Да, это видно!
Алварецъ. Гдѣ тутъ стыдъ?
Покрыть сѣдые волосы отца
Безчестьемъ, посмѣяться надъ отцомъ,
Любовницею быть бездомнаго бродяги,
Въ такихъ лѣтахъ... А, это слишкомъ много!
Нѣтъ!... звѣри благороднѣй! звѣри лучше!...
Донна Марія. Побереги себя!...
Алварецъ. Пускай она съ Фернандо,
Какъ нищая, подъ окнами блуждаетъ.
Я отвергаю отъ себя ее!
Эмилія — не дочь мнѣ; пусть она
Найдетъ отца себѣ другого; я отвергнулъ
Безстыдную отъ сердца своего.
Когда-бъ она пришла къ моимъ дверямъ
Усталая, голодная, худая

Какъ смерть, когда-бъ она просила
Кусочка хлѣба у меня, — и этого
Я-бъ не далъ ей; пускай она умретъ
На обезчещенномъ моемъ порогѣ...

Донна Марія. Ты боленъ, другъ; не хочешь ли прилечь?

Алварецъ. Такъ! мнѣ покой необходимъ теперь:
Я чувствую, что я совсѣмъ разстроенъ.

Донна Марія (въ сторону). Бѣднякъ вѣдь точно весь измученъ.

Алварецъ. Боже!
Зачѣмъ ты далъ мнѣ дочь, зачѣмъ послалъ
Ты съ ней безчестье на главу мою?
О, накажи ее, прошу Тебя...
Молю Тебя... Изъ древняго семейства...
И такъ бѣжать съ Фернандо! нынѣ вижу,
Я воскормилъ змѣю въ дому своемъ... (Уходитъ)

Донна Марія. Что дѣлаетъ теперь любезный патеръ
Соррини? — Вѣрно, онъ уже сорвалъ
Цвѣтокъ невинности и наслажденья!...
Пришлетъ ли онъ еще подарокъ мнѣ,
Его сотрудницѣ?... Конечно, онъ пришлетъ...
Мнѣ кажется, что начинаю я
Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбья!...
А я была вѣдь главною причиной...
О, совѣсть, для чего терзать меня
Некстати? прежде бы терзала:
Теперь помочь едва ли могутъ люди.

(Открываетъ ящикъ стола и вынимаетъ подарки Соррини: смотритъ на нихъ и кладетъ на мѣсто опять)

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
И камни дорогіе! — руки, пальцы

Мои дрожатъ, когда я ихъ держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы.
Прочь! прочь!... (Кладетъ въ ящикъ) Какъ могъ меня прельстить
Подобный гадкій жемчугъ?... Совѣсть, ты
Не хочешь покидать моей души?...
Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?...
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постомъ, богатымъ подаяньемъ
Загладить я хочу проступокъ свой,
Лишь дайте сонъ мнѣ, дайте мнѣ покой!

(Входитъ Альварецъ встревоженный)

Альварецъ. Жена, послушай! здѣсь блуждаютъ тѣни...
Мнѣ кажется... сейчасъ я видѣлъ что-то,
Я слышалъ голосъ... голосъ мнѣ знакомый...
Мнѣ дурно... (Садится)

Донна Марія. Успокойся, другъ мой,
Гдѣ тѣни? тѣней не бывало здѣсь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть можетъ, эти призраки рождаетъ.

Альварецъ. Мнѣ дурно... (звонитъ) эй! слуга! воды! (Слуга входитъ)
Воды!... какъ можно поскорѣе. (Уходитъ слуга).
Жена! я говорю, здѣсь бродятъ тѣни;
Ужель ты не слыхала голосъ томный?
Ужель ты не могла примѣтить ихъ?

Донна Марія. Твои глаза отъ слезъ устали!

Альварецъ. Какъ?
Нѣтъ! я не плакалъ и не стану плакать!...
Я проклинаю дочь свою.

(Слуга приноситъ стаканъ; онъ пьетъ; слуга уходитъ)

Донна Марія (въ сторону). Мнѣ страшно!...
Есть мертвецы, есть тѣни, говорятъ
Ученые монахи... Мы должны
Имъ вѣрить... это, право, страшно!

Алварецъ. Ну, если умерла Эмилія...
Ну, если въ эту самую минуту
Ея душа разсталась съ нею... если...

Донна Марія. Что говоритъ онъ?... Небо!

Алварецъ. Нѣтъ! за гробомъ
Проклятіе отцовское не тронетъ;
За гробомъ есть другой отецъ... прощаю
Тебя, когда тебя не будетъ
Между живыхъ... пусть тѣнь твоя не бродитъ
Вокругъ меня, не отгоняетъ сонъ
Отъ глазъ моихъ, пусть ужасъ не подыметъ
Сѣдые волосы, покрытые тобою
Стыдомъ и поношеньемъ, — нѣтъ!... въ могилѣ
Проклятіе отцовское не тронетъ!
Тамъ есть другой судья... прощаю,
Прощаю дочь мою... о небо! небо!

(Открывается дверь настежъ съ шумомъ; является Фернандо, держа трупъ Эмиліи. Старикъ вскакиваетъ; ужасъ во всѣхъ лицахъ)

Донна Марія. Ахъ!... все пропало! (Бросается въ другую комнату)

Алварецъ. Что такое значитъ?... (Фернандо кладетъ тѣло на стулъ)
Чья кровь? Чье это тѣло? (Фернандо стоитъ надъ нею мраченъ) Кто она? Кто ты?

Фернандо. Я дочь тебѣ принесъ.

Алварецъ. Эмилія... мертва!...

Фернандо. Мертва!

Алварецъ. Такъ ты ея убійца?

Фернандо. Я...

Алварецъ. Такъ ты!.. О, если-бъ я имѣлъ
довольно силы,
Чтобъ растерзать тебя: ты, похититель,
Убійца!... и съ такой холодностью
Принесъ сюда... О, милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ея течетъ,
И я...

Фернандо. Не правда-ли, она прекрасна?

Алварецъ. Чего ты ждешь? Ступай хоть въ
адъ,
Но прочь отъ глазъ моихъ, убійца! Кровь ея,
Пока ты здѣсь, течи не перестанетъ...
О, если бы не слабъ я былъ... Прочь, демонъ!
Прочь, прочь отъ дочери моей!

Фернандо. Я здѣсь остаться
Рѣшился...

Алварецъ. Ты рѣшился?

Фернандо. Да! въ живыхъ
Она была твоя... теперь — моя.
Геройскимъ преступленьемъ я купилъ
Кровавый этотъ трупъ... онъ мой... Смотри
На эти блѣдныя черты и отрекись
Отъ дочери...

Алварецъ. Такъ подожди! ты скоро
Меня увидишь! Тигръ, змѣя коварства!
Я средство отыщу тебѣ отмстить...
Я инквизицію на помощь призову.

Фернандо. Кто не боялся уничтожить это
(показывая на трупъ),
Того ничто не испугаетъ въ мірѣ...
(Алварецъ убѣгаетъ и запираетъ двери за собой)
Онъ заперъ двери! ха! ха! ха! прекрасно!
Старикъ, исполнилъ ты мое желанье!
Я съ нею быть хочу наединѣ,

Какъ съ другомъ... Духи тишины!
Вы будете свидѣтелями свадьбы
Моей... Здѣсь я клянусь любить
Ее одну, что-бъ ни было... Вы, стѣны,
Смотрите на Эмилію мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Блѣдна! блѣдна! — мертва!...
(Бросается къ ногамъ ея и плачетъ. Молчаніе)
Ты мнѣ простишь? Не правда ли, мой ангелъ?
Я спасъ тебя!... смотрите, улыбнулась! —
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой! (Беретъ за руку)
Рука ея какъ ледъ! (цѣлуетъ руку) позволь поцѣловать!
О, какъ пріятно мертвыхъ цѣловать!... (Встаетъ)
Что, ежели отрѣжу я косму
Волосъ и съ ней умру, не легче-ль будетъ мнѣ
Терпѣть послѣднія мученья тѣла?
(Отрѣзываетъ косму волосъ кинжаломъ)
Залогъ ея любви! Какъ я великъ!
Пожертвовалъ собой, своей душой,
Пожертвовалъ такимъ созданьемъ, чтобъ
Освободить Эмилію, хоть вѣчно
Я не увижусь съ ней!... Одинъ, одинъ,
Какъ жилъ, такъ и умрешь, Фернандо!
Зачѣмъ же небо довело меня
До этого? Богъ зналъ заранѣ все, —
Зачѣмъ же Онъ не удержалъ судьбы?...
Онъ не хотѣлъ!... (Молчаніе) Эмилія!
Теперь, какъ прежде, всѣми ты забыта,
Но я съ тобой... (Подходитъ ближе) Кровь на груди засохла...
И предадутъ ее сырой землѣ;
Глаза, волшебныя уста, къ которымъ
Мой дерзкій взоръ прикованъ былъ такъ часто,

И грудь, и эти длинныя рѣсницы
Песокъ засыплетъ; червь переползетъ безъ страха
Недвижное, безцвѣтное, сырое,
Холодное чело .. Никто и не помыслитъ
О томъ... и, можетъ быть, надъ той
Могилой проклянутъ мое названье,
Гдѣ будетъ гнить все, что любилъ я въ жизни...
О, я тебя навѣки потерялъ!
Рай не отдастъ божественный твой образъ
Душѣ моей, я навсегда простился
Съ тобой, когда ударъ судьбы свершился!
Я самъ разрушилъ... самъ отвергнулъ, самъ
Свою надежду уничтожилъ... О, прощай!
Прощай! прощай! ты, спящій ангелъ!...
Блѣдна! блѣдна!... Мертва...

(Шумъ за дверями и голоса, но Фернандо стоитъ съ поникшей головой и ничего не слышитъ. Входятъ служители инквизиціи съ начальникомъ и веревками и прочими приготовленіями)

Начальникъ. Онъ здѣсь — Фернандо нашъ возлюбленный!
Здѣсь еретикъ! схватите поскорѣй! (Подходятъ, берутъ: онъ недвижимъ, ничего не чувствуетъ)
Свяжите руки.

Фернандо (какъ отъ сна). Что вамъ надобно?

Начальникъ. Ты на кострѣ пылающемъ увидишь,
Что хочетъ инквизиція святая.

Фернандо. За что?

Начальникъ. Мы не привыкли отвѣчать, за что...
Свяжите!

Фернандо. Я не дамся. (Вырывается)

Начальникъ. Мы увидимъ!

Фернандо. Кто хочетъ жить?

Начальникъ. Я знаю: ты не хочешь.
Вотъ для чего пришли мы за тобой.

Фернандо. Не думайте, что я боюся васъ:
Я не хочу оставить этотъ трупъ!...
Прочь отъ меня: своимъ присутствіемъ
Вы оскверните это мѣсто; посмотрите:
Она святѣй, чѣмъ всѣ святые ваши!
Своею кровію она купила рай,
А ваши — кровію другихъ мечтаютъ
Его купить... Прочь! прочь отсюда!

Начальникъ. Я не люблю пустое толковать.
Схватите же его!

Фернандо (вынимаетъ кинжалъ). Приди на помощь
Вторично, мой кинжалъ... Кто будетъ первый?
(Они отступаютъ)
Никто!... Да сколько васъ?... Ужель одинъ
Такъ страшенъ?

Начальникъ (своимъ). Что намъ торопиться, други?...
Онъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ навѣрно...
Пускай придетъ отецъ Соррини самъ;
Онъ насъ прислалъ... пусть онъ съ нимъ справится.
А изъ чего намъ жертвовать собой? (Становятся у двери)

Фернандо. Что, если брошусь я на нихъ, какъ тигръ,
И всѣхъ въ крови къ ногамъ своимъ повергну?...
Но нѣтъ, — зачѣмъ лишать ихъ бренной жизни,
Зачѣмъ лишить того, что имъ безцѣнно...
Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!...
Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!...
(Входитъ Доминиканецъ съ бумагою въ рукахъ)

Доминиканецъ. Фернандо!

Фернандо. Что?

Доминиканецъ. Противъ тебя доносъ есть.

Фернандо. Немудрено!

Доминиканецъ. И судъ ужъ подтвердилъ,
Чтобъ взять тебя.

Фернандо. Гдѣ судъ въ Испаніи? —
Есть сборище разбойниковъ!...

Доминиканецъ. А ты,
Ты не разбойникъ?

Фернандо. Нѣтъ.

Доминиканецъ (показавъ трупъ). А это что?

Фернандо. Я спасъ ее! она меня любила,
Любила!... О, знавалъ ли ты любовь?
Нѣтъ, не знавалъ!... какъ воскъ бы ты растаялъ,
Взглянувъ на эти блѣдныя черты!
Она меня любила! какъ еще любила!...

Доминиканецъ. Не о любви пришелъ я говорить:
Ты обвиненъ, что вѣришь Лютеру
И всѣмъ еретикамъ; вотъ для чего
Пришли мы взять тебя, мой другъ!
Ты вѣришь въ Лютера?

Фернандо. Какъ странно:
Безъ пытки спрашиваетъ онъ меня!
Я вѣрю, что есть Богъ...

Доминиканецъ. Что папа
Намѣстникъ Бога?

Фернандо. Кто его поставилъ?

Доминиканецъ. Такъ ты не вѣришь?

Фернандо. Развѣ Богъ велѣлъ
Вамъ жечь людей?

Всѣ (кричатъ). Онъ еретикъ! онъ еретикъ!

Доминиканецъ (къ другимъ). Зачѣмъ его вы
тотчасъ не связали?
Начальникъ. Не сладили.
Доминиканецъ. Такъ смѣлъ онъ защи-
щаться? (Къ Фернандо)
Ты долженъ умереть, мой другъ.
Фернандо. Я это знаю!
Я это зналъ давно... и ты умрешь!
О, не хвались своей минутной властью!
Вотъ образъ смерти! (Показывая на Эмилію) Если
рокъ Эмилію
Не пощадилъ, то пощадитъ ли васъ?
Доминиканецъ. Ты слышалъ приговоръ,
итакъ, сдавайся!...
(Соррини входитъ и крадется дальше отъ Фернандо)
Фернандо. Соррини, здравствуй! вѣрно, ты
пришелъ
Послѣдній мигъ страдальца усладить?
Не бойся! я тебѣ не сдѣлаю
Вреда: я прежнее забылъ.
Я совершилъ свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совѣсти.
Не вѣчно спятъ они; граница есть
Всему... но полно ужъ объ этомъ!
Соррини. Глупецъ, ты смѣешь угрожать?
Фернандо. Соррини!
Ты побѣдилъ; но просьба есть одна:
Исполни... Если ты ее исполнишь,
То на кострѣ я буду за тебя
Молиться; въ лютой пыткѣ буду имя
Твое благословлять.
Соррини (съ улыбкой). Скажи мнѣ, что такое?
(Насмѣшливо)
Скажи мнѣ, если только можно!...

Фернандо (вынимаетъ косу Эмиліи).
Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ?
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея. (Указывая на тѣло Эмиліи)
Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,
Они вамъ не мѣшаютъ.

Соррини. Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя...

Фернандо. Послѣдняя мольба! (Скрежещетъ зубами)
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!...

Соррини. Нѣтъ! никакъ нельзя!...
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.

Фернандо. Соррини!
Ты хочешь...

Соррини. Я хочу, чтобъ ты повиновался.
Служители! еретика схватите
Сейчасъ и волосы изъ рукъ его
Нечистыхъ вырвите; канатами свяжите
Преступника! Онъ слышалъ приговоръ,
И глупо мѣшкать... (Въ сторону) Ты заплатишь мнѣ;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умѣетъ; впрочемъ, мы виновны оба, —
А кто взялъ верхъ, тому и слава!

(Въ это время всѣ приблизились къ Фернандо, но онъ отталкиваетъ одного ближайшаго, бросается на Соррини и ранитъ его въ руку)

Фернандо. Издохни!

Соррини (который упалъ отъ удара, встаетъ).
Помогите!

Фернандо (тихо и мрачно). Живъ!

Соррини. Я живъ,
Чтобъ насладиться муками твоими!

Доминиканецъ. Перевяжите руку! (Перевязываютъ)

Фернандо. Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Желѣзо обмануло, —
И онъ живетъ... Презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. (Бросаетъ кинжалъ на землю)
Прочь, невѣрный
Металлъ! ты мнѣ служилъ, какъ люди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... (шепчетъ) прочь, измѣнникъ!

(Видя, что кинжалъ не въ рукахъ его, всѣ бросаются на него, схватываютъ и связываютъ руки)

Доминиканецъ. Теперь онъ безопасенъ намъ! схватите,
Свяжите!

Соррини. Какъ мы мѣшкаемъ! — О, сердце
Мое трепещетъ, хочетъ увидать
Огонь, гдѣ этотъ еретикъ погибнетъ
Во имя Бога! Дѣти! ну, ступайте!

Начальникъ. Чтобъ онъ не вырвался! держите крѣпче!

Фернандо. Не бойтесь! я не стану вырываться. (Насмѣшливо)
Кто отослать хотѣлъ на небеса

Такого ангела (указывая на Соррини), заслуживаетъ тотъ
Ужаснѣйшую казнь!...

Моисей (за дверью). Впустите поскорѣе! (Вбѣгаетъ въ отчаяніи)
Мой сынъ! Фернандо! гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ?
Фернандо, ты — мой сынъ! недавно я
Узналъ,—раввинъ мнѣ объявилъ,—что сдѣлалъ ты?
Нашелъ... и вновь теряю навсегда!
Мой сынъ! мой сынъ! о, небо!

Фернандо (вздрагиваетъ). Я твой сынъ? (Молчаніе)
Старикъ... неправда! говори: неправда!
Что пользы мнѣ найти отца въ подобный часъ?
Старикъ... ты обманулся!... я не сынъ твой;
Никто не требуй больше отъ меня любви!

Моисей. Нѣтъ, я тебя спасу! (Бросается къ ногамъ Соррини)
О, господинъ!
Я сожалѣнья не прошу у христіанъ:
Я знаю, господинъ, оно — проступокъ!
Но вся моя казна — твоя. (Обнимаетъ колѣна)
Вотъ здѣсь червонцы!... (Вынимаетъ мѣшокъ)
Спаси его! позволь ему бѣжать!
Онъ сынъ мой!... за него я все отдамъ.

Фернандо. Встань! встань! не унижай себя предъ нимъ,
Будь гордъ, какъ я, — иль ты не мой отецъ!
Встань и учися ненавидѣть, презирая.

Моисей (на колѣнахъ). Возьми мое богатство, все оно...
Передъ тобой!... я дочь еще имѣю!...

Фернандо. Старикъ, молчи! когда-бъ я не
былъ связанъ,
Я-бъ ротъ тебѣ зажалъ...

Моисей. Помилуй!... (Обнимаетъ колѣна)

Соррини. Нѣтъ!

Моисей. На казнь?...

Соррини. Ну, что-жъ?

Начальникъ (одному изъ служителей). Иди
впередъ.

Фернандо (къ Моисею и Эмиліи). Прощайте! (Его
уводятъ)

Соррини (Моисею). Ну, что ты?

Моисей. Увели!... нельзя-ль помочь?

Соррини (беретъ мѣшокъ съ деньгами).
Попробую! всѣ средства не исчезли:
Въ судѣ имѣю я довольно власти, —
Да ты — еврей! ага!... зачѣмъ ты здѣсь?...
О, погоди! я и съ тобою справлюсь. (Уходитъ, смѣясь)

Моисей. Ушелъ! — и деньги взялъ, и сына
взялъ,
Оставилъ съ мрачною угрозой!... О, Творецъ,
О, Богъ Ерусалима!... Я терпѣлъ...
Но я отецъ! — Дочь лишена разсудка,
Сынъ на краю позорныя могилы,
Имѣніе потеряно... О, Боже! Боже!
Нѣтъ! Аврааму было легче — самому
На Исаака ножъ поднять, чѣмъ мнѣ!...
Рвись сердце, рвись, прошу тебя... и вы
Долой, густые волосы, чтобъ громъ
Небесъ разилъ открытое чело! (Рветъ волосы)
Сынъ! дочь! имѣніе! червонцы!
Все, все (ломая руки) потеряно навѣкъ!
(Входятъ два человѣка съ посылками)

О горе! горе мнѣ! о горе! горе! (Жидъ убѣгаетъ)

(Два человѣка съ удивленіемъ глядятъ)

1-й гробовщикъ. Вездѣ одно отчаянье да казни;
Конечно, этотъ человѣкъ не мало
Имѣлъ несчастья (показывая на дверь, откуда ушелъ Моисей).

2-й гробовщикъ. Да! какъ волосы онъ рвалъ!

1-й гробовщикъ. Онъ жидъ; однако-жъ я его жалѣю.

2-й гробовщикъ. Примѣтилъ ли, когда насъ посылалъ
Донъ Алварецъ за тѣломъ дочери,
Какъ онъ едва держался на ногахъ,
И крупная слеза катилась по щекѣ?

1-й гробовщикъ. Да! это приключенье занимаетъ
Весь городъ!

2-й гробовщикъ (съ помощью другого кладетъ на носилки тѣло Эмиліи). Миръ душѣ твоей, дѣвица!...

1-й гробовщикъ. Ей пышныя готовятъ похороны,
Я слышалъ.

2-й гробовщикъ. Вотъ чего не понимаю, —
Не все-ль равно усопшему: въ парчѣ
Или въ холстѣ онъ будетъ съѣденъ червемъ?

1-й гробовщикъ. Такъ принято.

2-й гробовщикъ (обвивая покрываломъ тѣло на носилкахъ, чтобы оно не упало). Вотъ брачная постель твоя,
Красавица! (Молчаніе) Куда была она прекрасна!...
Хоть я привыкъ къ такимъ работамъ, а теперь

Мнѣ какъ-то жалко; какъ-то тяжело
На сердцѣ. (Подымаетъ носилки съ Эмиліею)
1-й гробовщикъ. Полно тутъ болтать. За дѣло!
Пойдемъ... Вотъ такъ! Смотри, держать ровнѣе.
(Уносятъ тѣло)

Сцена II

Улица въ городѣ близко жилища Алвареца: народъ

1-й испанецъ. А! здравствуй! добрый день! Ты слышалъ ли
Печальную исторію Фернандо?
2-й испанецъ. Онъ въ городъ приведенъ сегодня, взятъ
Въ тюрьму; ужъ судъ надъ нимъ оконченъ,
Костеръ стоитъ готовъ, — я видѣлъ самъ.
У насъ не любятъ очень долго мѣшкать:
Когда какой-нибудь монахъ обиженъ, —
Сейчасъ сожгутъ, хотя не виноватъ.
3-й испанецъ. Однако же Фернандо виноватъ. Зачѣмъ
Онъ бѣдную Эмилію зарѣзалъ?
Жестокосердый!... Нѣтъ, пускай горитъ онъ!
4-й испанецъ. Онъ смерть предпочиталъ позорной жизни
И думалъ сдѣлать ей добро, не зло.
2-й испанецъ. Народъ валитъ толпой, чтобъ посмотрѣть,
Какъ умираетъ человѣкъ. (Показывая на толпу) Кто скажетъ,
Что эти люди сами смертные?
Сарра (за сценой). О, помогите удержать ее!
(Ноэми входитъ съ растрепанными волосами, а за нею Сарра)

До самаго до города она
Все такъ бѣжала... я измучилась!
Ноэми! ахъ, она сошла съ ума!

Ноэми. Пусти меня!... мой братъ! мой братъ! мой братъ!

Куда ты?... я тебя люблю! люблю такъ нѣжно.
Законъ — тиранъ! Какой уродливый
И гадкій видъ!... Дай руку мнѣ! — о нѣтъ!
Какъ эти пальцы пахнутъ смертью!
Отдайте ожерелье мнѣ назадъ...
Мой братъ! мой братъ! мой братъ!
Я знала: онъ погибнетъ. Сарра,
Пойдемъ домой. (Сарра беретъ ее за руку) Нѣтъ! такъ я не хочу! (Бросается на колѣна)
О, люди добрые! скажите мнѣ:
Гдѣ братъ мой?

2-й испанецъ. Кто она?

Сарра. Ахъ!... сжальтесь!
Вы видите, она сошла съ ума,
Никто ее не можетъ удержать...

2-й испанецъ. Когда бы всѣ жиды съ ума сошли,
Какъ эта дѣвушка, — намъ было-бъ лучше.

Ноэми. Гдѣ братъ мой?

4-й испанецъ. Бѣдная еврейка!

Ноэми (вставъ). Вы думали, что я бѣдна; но мой отецъ
Стократъ богаче васъ и въ столько-жъ лучше.
Вы думали, что долго буду я
Стоять предъ вами на колѣнахъ, — такъ ошиблись!
Я буду пѣть, плясать и веселиться! (Обтираетъ глаза)
Прочь! прочь, вы, слезы! вы — лжецы!

Не плакать я хочу, но веселиться!
Прочь, слезы! мой отецъ богатъ... (Стонетъ)

Сарра. Что говоритъ она? Все бредитъ!
Мы бѣдные евреи!...

2-й испанецъ (глядя на Ноэми). Какъ жалка!

Ноэми. Гдѣ онъ?
Пылаетъ небо, люди гибнутъ,
Земля трепещетъ... тамъ въ огнѣ, въ огнѣ
Мой братъ! Мой братъ! Я не пойду къ нему!...
Пустите!...

Сарра. Что ты дѣлаешь?
Великій Боже! образумь ее!

5-й испанецъ (вбѣгаетъ). Все кончилось! я былъ въ судѣ; Фернандо
Ведутъ на казнь, его пытали долго;
Вопросы дѣлали, — онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя.

2-й испанецъ. Пойдемте посмотрѣть на казнь Фернандо.

(Нѣкоторые идутъ. Народъ толпится черезъ улицу)

Ноэми. Чья казнь? (Упадаетъ на землю) Я слышала, Фернандо... (тихо).
Мой братъ... что-жъ? смѣйтесь... казнь и смерть!
Какъ это больно! (Группа составляется вокругъ нея)

Сарра. Помогите ей!
Воды! я заклинаю Богомъ, помогите! (Становится на колѣна возлѣ)
Она еще тепла... О, демоны, не люди!
Что я могу, безсильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанецъ (сухо). Жидовка умереть одна не можетъ?

Пускай она издохнетъ! и Фернандо,
Какъ говорятъ, былъ сынъ жида.

Сарра. Онъ сынъ,
По крайней мѣрѣ, человѣка, — ты же камень!
Проклятье на тебя, кто-бъ ни былъ ты! (Склоняясь къ Ноэми)
Ноэми! ты оставить хочешь насъ?
Ужасная судьба отца: и дочь и сына
Въ одну минуту потерять!

Ноэми (тихо). Фернандо!...

(Молодой человѣкъ изъ толпы подходитъ ближе)

7-й испанецъ. Прелестныя черты! — Когда-бъ печаль
И смерть не истощили ихъ
Красы до половины... Что за блѣдность!

(Сарра беретъ ее за руку и вздрагиваетъ)

Свинцу подобны сдѣлалися губы...
. . . . . .

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN

Ein Trauerspiel

1830 г.

Посвященіе

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжной.
На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ!...
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья...
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти, — онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И, если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь объ немъ.

Дѣйствующія лица:

Марѳа Ивановна Громова, 80 лѣтъ
Николай Михалычъ Волинъ, 45 лѣтъ
Юрій Николаичъ, сынъ его, 22 лѣтъ
Василій Михалычъ Волинъ, братъ Ник. Мих., 48 лѣтъ
Любовь, Элиза } дочери: 1-я — 17-ти лѣтъ, 2-я — 19-ти лѣтъ
Заруцкій, молодой офицеръ, 24 лѣтъ
Дарья, горничная Громовой, 38 лѣтъ
Иванъ, слуга Юрія
Василиса, служанка двухъ барышень
Слуга Волиныхъ

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Громовой

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Явленіе I

Утро. — Стоитъ на столѣ чайникъ, самоваръ и чашки

Дарья. — Что, Иванъ, сходилъ ли ты на поребъ? Тамъ, говорятъ, все замокло отъ вчерашняго ождя... Да видѣлъ ли ты, гдѣ Юрій Николаичъ?

Иванъ. — Ходилъ, матушка Дарья Григорьвна, и перетеръ все, что надобно... а барина-то я е видалъ, — вишь ты, онъ, вѣрно, пошелъ къ баюшкѣ наверхъ; дѣло обыкновенное, — кто не хоетъ съ подобнымъ отцомъ быть? ѣдетъ же онъ въ ужіе края, такъ что̀ мудренаго?... А не знаете ли, атушка, скоро мы съ бариномъ-то молодымъ отравимся или нѣтъ? Скоро ли вы съ нимъ простись?

Дарья. — Я слышала, барыня говорила, что ерезъ недѣлю; для того-то и Николай Михалычъ со сей семьей привалилъ сюда; да знаешь ли, вотъ ебѣ Христосъ, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали ода, съ тѣхъ самыхъ поръ (я это такъ твердо знаю, акъ то, что у меня пять пальцевъ на рукѣ) — я

двухъ серебряныхъ ложекъ не досчиталась. Ты не вѣришь?

И в а н ъ. — Какъ не вѣрить, матушка, коли ты говоришь! Однако-жъ это мудрено, — вѣдь у тебя все приперто, — надо быть большому искуснику, чтобъ подтибрить двѣ серебряныя ложки. Да! тутъ, какъ хочешь, экономію наблюдай и давай намъ меньше жалованья и одежи и все, что хочешь; а какъ всякій день, да всякій день пропажи, такъ ничего не поможешь.

Д а р ь я. — Эта же вина все на мнѣ, да на мнѣ; а я, видитъ Богъ, такъ вѣрно служу Маровѣ Ивановнѣ, что нельзя больше. Пускаютъ этихъ... прости, Господи, мое согрѣшеніе! — въ домъ, угощаютъ; а сдѣлалась пропажа, — я отвѣчаю. Ужъ ругаютъ, ругаютъ! (Притворяется плачущею)

И в а н ъ. — А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михалычемъ? — Кажись бы не отчего, — близкіе родня...

Д а р ь я. — Не отчего? Какъ не отчего! Погоди, я тебѣ все это дѣло разскажу (садится). Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна, дочь нашей боярыни, скончалась, оставя сынка. Всѣ плакали какъ сумасшедшіе, — наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрья Николаича; отецъ-то сначала не соглашался, но, наконецъ, его улакомили, — и онъ, оставя сынка, да и отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ, ему и вздумалось къ намъ пріѣхать, а слухи-то и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрья Николаича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ еще...

И в а н ъ. — Да какъ-ста же за это можно сердиться? По моему, такъ отецъ всегда воленъ взять

сына, — вѣдь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалычъ такой добрый, что онъ сжалился надъ горемъ тещи своей; а другой бы не сдѣлалъ того и не оставилъ бы своего дѣтища.

Дарья. — Да, посмотрѣла бы я, какъ онъ сталъ бы его воспитывать: у него у самого жить почти нечѣмъ, хоть онъ и нарахтится въ важные люди: какъ бы онъ сталъ за него платить по четыре тысячи въ годъ за обученье разнымъ языкамъ?

Иванъ. — Э-эхъ! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не въ помощь богатство. Что въ этихъ учителяхъ? коли уменъ, такъ все уменъ, а какъ глупъ, такъ все напрасно.

Дарья (съ улыбкой). — А! я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча, — онъ, видно, тебя прикормилъ, сердешный; таковъ-то ты! добро, добро...

Иванъ (въ сторону). — По себѣ судитъ. (Съ гордымъ видомъ) Я всегда за правую сторону заступаюсь, и положусь на всю дворню, которая знаетъ, что меня еще никто никогда не прикармливалъ.

Дарья. — Такъ и ты оставляешь нашу барыню... хорошо, хорошо, Иванъ! (Топнувъ ногой) Такъ я одна остаюсь у нея, къ ней привязанная всѣмъ сердцемъ... Несчастная барыня! (Притворяется плачущею)

Иванъ (въ сторону). — Аспидъ!

Явленіе II

Входитъ Василиса съ молочникомъ

Василиса. — Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышнямъ сливокъ. Вы прислали молока, а онѣ привыкли дома пить чай со сливками; такъ не прогнѣвайтесь.

Дарья. — Онѣ у васъ все сливочки попивали! (Въ сторону) Видишь, богачки! (Ей). У меня нѣтъ сливокъ; теперь постъ, такъ я не кипятила.

Василиса. — Я такъ и скажу.

Дарья. — Такъ и скажи! Ну, чего ждешь? я тебѣ сказала, что у меня нѣтъ. (Василиса уходитъ. Она продолжаетъ) Экія какія спѣсивыя! вѣдь голь, настоящая голь, а туда же: сливокъ, да сливокъ! рады, что къ тѣмъ попали, гдѣ есть сливки. Пускай же знаютъ, что я не ихъ слуга! Экія какія...

Явленіе III

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ входятъ

Ник. Мих. (Дарьѣ) — Здравствуй, Дарья!...

Дарья. — Здравствуйте, батюшка! хорошо-ли почивали?...

Ник. Мих. — Хорошо; да у васъ что-то жарко наверху. Послушай, пошли мнѣ моего человѣка.

Дарья (Ивану). — Пошли! что ты стоишь? (Онъ уходитъ)

Ник. Мих. (брату) — Посмотри-ка, братъ, какъ утро прекрасно, какъ все свѣжо! Ахъ, я люблю ужасно это время, — пойдемъ прогуляться въ саду, пойдемъ...

Вас. Мих. — Изволь, я готовъ. (Уходятъ. Дарья отворяетъ имъ дверь. Дарьѣ) Подай намъ чаю въ садъ, слышишь?

Дарья. — Каковы! — принеси имъ туда чаю. Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждутъ или сами приходятъ. О-охъ, время пришло, времечко: всякій командуетъ!

Явленіе IV

Квартира Зарудкаго въ избѣ. — Ребятишки на полатяхъ, люлька и баба за пряжей въ углу

Зарудкій (сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ бутылка и два стакана; онъ въ гусарскомъ мундирѣ). — Вотъ, кажется, я нашелъ еще товарища моей молодости. Какъ полезно это общественное воспитаніе: на каждомъ шагу жизни мы встрѣчаемъ собратій, раздѣлявшихъ наши занятія. Шалости, конечно, милы бываютъ, только пока мы молоды. Какъ старое воспоминаніе, намъ любезенъ старый другъ. (Молчаніе) А Волинъ былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ — ни въ буянствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ; во всемъ былъ первый, и я завидовалъ ему! Но онъ скоро будетъ, — я послалъ сказать ему, что старый его пріятель здѣсь. Посмотримъ, вспомнитъ ли онъ меня? (Пьетъ) Славное вино, то-то попотчеваю. (Беретъ гитару и играетъ и поетъ или 1-е, или 2-е; гитара лежала на столѣ)

1

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смирись, —
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило...

2

Смертный, мнѣ ты подражай:
Наслаждайся, наслаждайся,

Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. (Пьетъ)

(Въ эту минуту дверь отворяется, и Юрій быстро входитъ въ избу и бросается на шею Заруцкому. Молчаніе)

Явленіе V

Юрій. — Заруцкій!... Какъ неожиданно!...

Заруцкій. — Давно, братъ Волинъ, не видались мы съ тобой. Я ожидалъ тебя и зналъ навѣрно, что ты меня не забылъ. Каковъ же я пророкъ.

Юрій.—Какъ ты перемѣнился со время разлуки нашей, — ужасъ! Однако не постарѣлъ и такой же веселый и удалой.

Заруцкій. — Мое дѣло гусарское... А вѣдь и ты перемѣнился ужасно...

Юрій. — Да, я перемѣнился; посмотри, какъ я постарѣлъ. О, еслибъ ты зналъ всѣ причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнулъ бы.

Заруцкій. — Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше всматриваюсь, ты мраченъ, угрюмъ, печаленъ; ты не тотъ Юрій, съ которымъ мы пировали, бывало, такъ беззаботно, какъ гусары наканунѣ кровопролитнаго сраженія.

Юрій. — Ты правду говоришь, товарищъ. Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостію кидался въ объятья всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало, и щеки покрывались живымъ румянцемъ. О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ

однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить.

З а р у ц к і й. — Полно! полно! я не вѣрю ушамъ своимъ. Ты, что ли, это ты говоришь? Скажи мнѣ, что съ тобою сдѣлалось, объясни мнѣ, — я, чортъ возьми, ничего тутъ не могу понять; изъ удальца сдѣлался такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ! Полно, братецъ, оставь свои глупыя бредни.

Ю р і й. — Немудрено, что ты меня не понимаешь; ты вышелъ двумя годами прежде меня изъ пансіона и не могъ знать, что со мной случилось... Много, много было безъ тебя со мною; ахъ, слишкомъ много! (Начинаетъ разсказъ; Заруцкій закуриваетъ трубку)

З а р у ц к і й. — Да что же могло съ тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого въ шесть лѣтъ не могъ забыть? Полно, полно! что-нибудь другое томитъ и волнуетъ твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple!

Ю р і й. — Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Что за смѣшная мысль! Ха! ха! ха! (Молчаніе)

З а р у ц к і й. — Да что же? Мнѣ любопытно знать!... Кстати, выпей-ка стаканъ! (Взявъ за руки) Не знаю, чѣмъ тебя мнѣ угостить, дорогого гостя...

Ю р і й (выпивъ). — Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей.

Зарудкій. — Вотъ мы, гусары, такъ этими пустяками не занимаемся; намъ жизнь — копѣйка, зато и проводимъ ее хорошо.

Юрій. — Безъ тебя у меня не было друга, которому могъ бы я на грудь пролить всѣ мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомнѣнья... Я не знаю, — отъ колыбели какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда воспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ, кромѣ тебя, но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба — все посыпалось на голову мою; какъ будто бы туча, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась, а я стоялъ какъ камень, — безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку и услышалъ насмѣшливый хохотъ, — и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ... Меня никто послѣ тебя не понималъ... Однако-жъ, ты мнѣ возвращенъ снова! не правда ли?...

Зарудкій. — О, государь! нашъ мудрый государь! если бы ты зналъ, какимъ гидрамъ, какимъ чудовищамъ, какимъ низкимъ нравственнымъ уродамъ препоручаешь лучшій цвѣтъ твоего юношества! Но гдѣ тебѣ знать?... одинъ Богъ всевѣдущъ!... Чортъ меня дери, если я не изрублю этого... злодѣя, когда онъ мнѣ попадется, — онъ многихъ сдѣлалъ несчастливыми. — Продолжай, другъ мой!...

Юрій. — Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадаетъ. Наконецъ,

я тебѣ скажу, не проходитъ дня, чтобы новыя непріятности не смущали насъ, — я окруженъ такими подлыми тварями, все такъ мнѣ противорѣчитъ...

Зарудкій. — Эхъ, любезный! чортъ съ ними!... всѣхъ не исправишь!

Юрій. — Еще (беретъ его за руку) знаешь ли? Я люблю...

Зарудкій. — Ну, такъ! безъ этого не обойтись! — Въ кого, скажи мнѣ, въ кого ты влюбленъ, — я помогу тебѣ. На то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику и попировать на его свадьбѣ.

Юрій. — На свадьбѣ? Кровавая будетъ свадьба! Она никогда не будетъ мнѣ принадлежать, — зачѣмъ же называть ее? Я хочу погасить послѣднюю надежду, я не хочу любить, — а все люблю!...

Зарудкій. — Послушай, братъ! знаешь ли, я самъ люблю и не знаю, любимъ ли я; мнѣ стало жалко тебя, ты очень несчастливъ. Послушай! зачѣмъ ты не пошелъ въ гусары? Знаешь, какое у насъ важное житье: какъ братья! А повѣрь, куда бабы вмѣшаются, тамъ хорошаго не много будетъ!

Юрій (въ сторону). — О, если-бъ ты зналъ, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивалъ бы себя со мною. (Вслухъ) Я ѣду въ чужіе края, оставляю всѣхъ, родину... можетъ быть, это поможетъ моему разсѣянью.

Зарудкій. — Твой отецъ здѣсь и дядя и кузины... ихъ двѣ?

Юрій (съ примѣтнымъ смущеніемъ). — Да... да, они

пріѣхали со мною проститься... И мы снова съ тобою разстанемся!...

Зарудкій. — Твое воображеніе разстроено, мой милый! ты боленъ. — Зачѣмъ тебѣ ѣхать отъ насъ? Повѣрь мнѣ, „той страны нѣтъ краше и милѣе, гдѣ наша милая, иль гдѣ живетъ нашъ другъ“.

Юрій. — Зачѣмъ разувѣрять меня, зачѣмъ останавливать несчастнаго? Неужели и ты противъ меня, неужели и ты хочешь моей гибели, и ты измѣнилъ мнѣ; скажи мнѣ просто, что ты думаешь? Быть можетъ, ты хочешь посмѣяться надо мной, надъ безнадежной моей любовью такъ, какъ нѣкогда у меня былъ другъ, который хохоталъ, — долго этотъ хохотъ останется въ моемъ слухѣ! Ахъ! имѣй немного состраданія, столько, сколько человѣкъ можетъ имѣть: оставь меня лучше!

Зарудкій. — Бѣдный, въ какомъ онъ безуміи! зачѣмъ я коснулся его живой струны? (Къ Юрію). Послушай, запомни мои слова: дома лучше!...

Юрій. — Я ѣду, я долженъ ѣхать, я хочу ѣхать... (Кидается на стулъ и вдругъ закрываетъ лицо руками)

Зарудкій (стоитъ въ безмолвіи надъ нимъ; покачавъ головою). — Бѣдный!... кто виноватъ? Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость раздражаетъ его до такой степени? (Ударивъ себя по сердцу) Этого я, по чести, не понимаю!... Эй, братъ, вставай-ка, ты боленъ... опомнись! (Трогаетъ его)

Юрій. — Да! я боленъ! смертный ядъ течетъ по моимъ жиламъ. (Зарудкій поднимаетъ его. Какъ ото сна всталъ) Гдѣ я, у кого я?

Зарудкій. — Въ объятіяхъ твоего друга.

Юрій (обнимаетъ его. Съ восторгомъ). — У меня есть другъ!...

Зарудкій. — Утѣшься, братъ! не вѣкъ горе!

Юрій (не слыша его). Ты на меня не сердитъ? А? — Прости мнѣ, если я что-нибудь тебѣ обидное сказалъ: не я говорилъ — мои страсти, мое безумство; прости меня...

Зарудкій. — Тебѣ нуженъ свѣжій воздухъ... Итакъ, пойдемъ отсюда... въ поле... (Уходятъ)

Явленіе VI

Комната барышень. Любенька сидитъ и читаетъ; горничная шьетъ платье, а Элиза передъ трюмо. Все тихо

Элиза (примѣривая шляпу). — Посмотрите, ma soeur, какъ эта шляпка на мнѣ сидитъ... не правда-ли, что прекрасно?...

Любовь. — Да, это правда. (Положивъ книгу) Ахъ, если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза. — А что такое, позвольте спросить?

Любовь. — Вудстокъ, или Всадникъ, Вальтеръ-Скотта. Я остановилась на томъ мѣстѣ, когда Алина удерживаетъ короля и полковника... Ахъ, какъ я ей завидую!...

Элиза. — По мнѣ, ничего тутъ нѣтъ прекраснаго; пускай бы ихъ сражались да шею себѣ ломали. Ха, ха, ха! какая дура твоя Алина!...

Любовь. — У всякаго свой вкусъ...

Элиза. — Кстати. Помнишь ли, какъ мы были въ Москвѣ, я танцовала съ однимъ прехорошенькимъ молодымъ мальчикомъ; онъ мнѣ писалъ письмо, познакомился съ кузинами для меня.

Любовь (съ презрѣніемъ). — И ты приняла письмо?

Элиза. — Экая важность! я очень рада... Когда мы пріѣдемъ опять въ столицу, онъ на мнѣ женится... А ты не хочешь замужъ, душенька моя? — Будь спокойна, не возьметъ тебя никто!

Любовь. — Гдѣ-жъ намъ съ вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза (Какъ будто не слышитъ ее). — Какое прекрасное время! Пойду въ садъ. (Уходитъ)

Любовь. — За что меня батюшка меньше ея любитъ? Боже мой! что я сдѣлала? Неужели должна любовь отца раздѣляться не равно! Ахъ, какъ мнѣ грустно! — Кажется, я привязана къ нему съ такой же нѣжностью, какъ и сестра моя; никогда не огорчала его непослушаніемъ — никогда, никогда... Ахъ, если бы маменька была жива, если-бъ было кому съ участіемъ, нѣжностью меня прижать къ груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою. — (Василиса, служанка, встаетъ и уходитъ) Какъ я помню ея послѣднія слова: „не плачь, дочь моя! что дѣлать, если отецъ тебя не любитъ! Молись, дочь моя! Божеская любовь равна любви родительской". И блѣдное болѣзненное лицо ея сдѣлалось совершенно спокойно, какъ смерть!... (Молчаніе) Видно, мнѣ вѣчно быть сиротой! Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой Лавры, и мнѣ схимникъ предсказалъ много горестей. О, святой старикъ! зачѣмъ твое предсказаніе исполнилось? (Она садится за книгу. Вдругъ входитъ Заруцкій. Она въ испугѣ вскакиваетъ)

Явленіе VII

Заруцкій подходитъ къ ней

Любовь. — Чего вамъ надобно, милостивый государь, здѣсь, когда я одна? Вы, вѣрно, ошиблись комнатой — вы не сюда хотѣли войти...

Заруцкій. — Нѣтъ, сударыня, я точно тамъ, гдѣ хотѣлъ быть... Это ваша комната?...

Любовь. — Кажется...

Заруцкій. — Не пугайтесь, прошу васъ, не пугайтесь...

Любовь. — Мнѣ нечего васъ пугаться! только этотъ поступокъ очень удивителенъ...

Заруцкій. — Если вы узнаете причины его, то, клянусь вамъ, не будете удивляться... Если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покорствуетъ все въ природѣ... то исполните мою просьбу...

Любовь. — Мнѣ кажется, у васъ никакой просьбы до меня, 17-лѣтней дѣвушки, не можетъ быть. Что я могу вамъ сдѣлать?...

Заруцкій. — Я гусаръ, а гусары говорятъ то, что думаютъ. Позволяете ли мнѣ говорить откровенно? (Она въ смущеніи молчитъ) Знавали ли вы страданья любви? Вы носите ея имя... отвѣчайте, протекалъ ли огонь ея по вашимъ жиламъ?

Любовь. — Какой странный вопросъ...

Заруцкій. — Знавали ли вы любовь?...

Любовь. — Это слишкомъ много, слишкомъ дерзко, — я не привыкла къ такимъ разговорамъ! оставьте меня! Вы не хотите, — я вамъ приказываю, не то я позову людей... ибо я не хочу вамъ сдѣлать эту непріятность. Оставьте меня...

Заруцкій. — Въ послѣдній разъ заклинаю

васъ, скажите мнѣ, любили ли вы какого-нибудь юношу... одного на цѣломъ свѣтѣ?

Любовь (съ досадою). — Это слишкомъ вольно, милостивый государь; повторяю вамъ, если вы меня не оставите...

Заруцкій (вскакиваетъ, какъ громомъ пораженъ. Въ сторону). — Итакъ, всѣ надежды мои провалились сквозь землю... Попробую еще... быть можетъ, она мыслитъ, что Заруцкій ее любитъ — ахъ! счастливая мысль — еще есть спасенье. (Подходитъ къ ней съ спокойнымъ видомъ) Я обожаю сестру вашу...

Любовь. — Что же вамъ до меня? Зачѣмъ тревожить мое спокойствіе такимъ неожиданнымъ приходомъ? Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Вашъ поступокъ невозможно понять...

Заруцкій. — Я для того пришелъ къ вамъ, чтобы вымолить, выплакать помощь. Будьте увѣрены въ чистотѣ моихъ желаній, — я хочу, клянусь вамъ, хочу на ней жениться, но прежде доставьте мнѣ случай съ ней говорить наединѣ; скажите ей, что она любима страстно, столько, сколько гусаръ можетъ любить. Я хочу узнать ее ближе, вы будете свидѣтелемъ, — умоляю васъ! Но что это значитъ? Вы отворачиваетесь? Какъ можно отказываться сдѣлать доброе дѣло, когда мы въ состояніи?

Любовь. — Я не въ состояніи этого сдѣлать!...

Заруцкій. — Какъ! имѣя довѣренность сестры вашей, ея дружбу, — и вы...

Любовь. — Вы ошибаетесь... Я не имѣю ничьей довѣренности, ничьей дружбы...

Заруцкій. — Итакъ, мнѣ итти безъ надежды — а?...

Любовь. — Нѣтъ, останьтесь... Слушайте... поклянитесь мнѣ, что вы во зло не употребите ея снисхожденіе... Но чѣмъ вамъ клясться?... Нѣтъ... лучше... скажите мнѣ, положивъ руку на сердце: правда ли, что мужчины такъ злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ? Правда ли, что ихъ душѣ ничего не стоитъ погубить дѣвушку навѣки?

Зарудкій (подумавъ, рѣшительно). — Неправда. (Слышенъ шумъ)

Любовь. — Я постараюсь убѣдить Элизу; но помните, что грѣшно будетъ употребить во зло мою и сестрину довѣренность... Слышите, — она идетъ; бѣгите скорѣй, бѣгите...

Зарудкій. — Я буду надѣяться. (Уходитъ. Чрезъ минуту входитъ Элиза)

Явленіе VIII.

Элиза. — Ахъ, какой смѣхъ! Grand Dieu! Grand Dieu! Кабы ты знала, Любенька, что тамъ за шумъ внизу. Марѳа Ивановна такъ раскапризничалась, что хоть изъ дому бѣги!... Ужасть!... дѣвокъ по щекамъ такъ и лупитъ. Ха! ха! ха! ха! Стоитъ посмотрѣть! И за что?... ахъ, дай отдохнуть, — самая глупѣйшая глупость. — Ахъ, какъ я устала!... послѣ тебѣ разскажу...

Любовь. — А у меня есть дѣло очень важное до тебя... и на твой счетъ...

Элиза. — Что такое? Скажи, пожалуйста! скажи!

Любовь. — Пойдемъ со мной. (Уходятъ)

Конецъ перваго дѣйствія

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Явленіе I

Комната Марѳы Ивановны. Она сидитъ на креслахъ; передъ ней стоитъ Дарья

Марѳа Ив. — Какъ ты смѣла, Дашка, выдать на кухню нынѣшній день двѣ курицы и безъ моего спросу? Отвѣчай!

Дарья. — Виновата... я знала, матушка, что двѣ-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марѳа Ив. — Какъ, дура, скотина! двѣ много? Да намъ ѣсть нечего будетъ; ты меня этакъ пожалуй съ голоду уморишь! Да знаешь ли, что я тебѣ сейчасъ, вотъ при себѣ, велю надавать пощечинъ...

Дарья (кланяясь). — Ваша власть, сударыня! Что угодно... мы ваши рабы...

Марѳа Ив. — Что не было ли у васъ какого-нибудь крику съ Николай Михайловичемъ?...

Дарья. — Нѣту-съ, какъ-съ можно-съ намъ ссориться? а вотъ что-съ: нынче ко мнѣ барышни присылали просить сливокъ, и у меня хошь онѣ были, да...

Марѳа Ив. — Что-жъ ты, вѣрно, отпустила имъ?

Дарья. — Никакъ нѣтъ-съ...

Марѳа Ив. — Какъ же ты смѣла?...

Дарья. — Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ этакъ, если всякимъ давать сливокъ, — коровъ, сударыня, не достанетъ... У насъ же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата! не дала, не дала густыхъ сливочекъ... Слыхано ли во свѣтѣ — безъ барскаго позволенія!...

М а р ѳ а И в. — Ну, такъ хорошо сдѣлала... Не знаешь ли ты, гдѣ мой внукъ, молодой баринъ?...

Д а р ь я. Кажется, сударыня, онъ у своего батюшки...

М а р ѳ а И в. — Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ! Экій какой онъ сдѣлался... Бывало, прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, пока малъ былъ. И напрасно я удаляла его отъ отца: таки умѣли Юрьюшку увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣнье; какъ будто не ему же это имѣнье достанется!... ахъ! злые люди!...

Д а р ь я. — Ваша правда, матушка! злые люди.

М а р ѳ а И в. — Кто станетъ покоить мою старость? и я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться, а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... и все пошло не въ прокъ... Ужъ, кажется, всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды: ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье, всѣмъ святымъ поклонялась; ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всѣхъ родныхъ — все не помогло! Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось, не то бы...

Д а р ь я. — Что это вы, сударыня, такъ сокрушаетесь? Все еще дѣло поправное! можно Юрья Николаича разжалобить чѣмъ-нибудь, а онъ ужъ извѣстенъ: какъ если разжалобится, — куда хочешь, для всякаго на ножъ готовъ... Есть, Марѳа Ивановна, поговорка: желѣзо тогда и куется, пока горячо...

М а р ѳ а И в. — Вотъ какъ вретъ! можно ли это? Какъ его разжалобишь? — онъ ужъ ничему не повѣритъ!...

Дарья. — Какъ вашей милости у насъ, рабовъ, объ такихъ вещахъ спрашивать?... вамъ ли не знать...

Марѳа Ив. (смотря кверху) — Видитъ Богоматерь, я не теряла молитвъ; постараюсь, попробую поступать по твоему совѣту, Дашка... Да слушай: что они тамъ ни будутъ говорить съ отцомъ, все узнавай и приходи сказывать мнѣ...

Дарья. — Слушаю-съ! ужъ на меня, Марѳа Ивановна, извольте надѣяться.

Марѳа Ив. — Ну, я надѣюсь: ты всегда мнѣ вѣрно служила.

Дарья. — Видитъ Богъ-съ, не обманывала никогда и вѣчно въ точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольна (Кланяется).

Марѳа Ив. — Но вотъ ужъ черезъ недѣлю Юрьюшка поѣдетъ, и я избавлюсь отъ этихъ несносныхъ Волиныхъ. То-то, кабы дочь моя была въ живыхъ. (Молчаніе) Эй, Дашка, возьми-ка евангеліе и читай мнѣ вслухъ.

Дарья. — Что прикажете читать?

Марѳа Ив. — Что попадется.

(Дарья открываетъ книгу и начинаетъ читать)

Дарья (читаетъ вслухъ довольно ясно). — „Ведяху же и ина два злодѣя съ Нимъ убити. И егда пріидоша на мѣсто, нарицаемое лобное, ту распяша Его и злодѣя, оваго убо одесную, а другого ошуюю. Іисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ! не вѣдятъ бо, что творятъ. Раздѣляюще же ризы Его, и метаху жребія“.

Марѳа Ив. — Ахъ, злодѣи-жиды! нехристи проклятые! какъ они поступали съ Христомъ!... всѣхъ бы ихъ переказнила безъ жалости... Нѣтъ,

правду сказать, если-бъ я жила тогда, положила бы мою душу за Господа, не дала бы его на растерзаніе... Переверни-ка назадъ и читай что-нибудь другое...

Дарья (читаетъ). — „Горе вамъ, книжницы и фарисеи, лицемѣри, яко подобитеся гробамъ повапленнымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты. Тако и вы, внѣуду убо являетеся человѣкомъ праведни, внутрьуду же есте полни лицемѣрія и беззаконія".

Марѳа Ив. — Правда, правда говорится здѣсь!... ахъ, эти лицемѣры!... Вотъ у меня сосѣдка Зарубова... такая богомольная, кажется, всякій праздникъ у обѣдни; а намеднясь велѣла загнать своихъ коровъ и табунъ на мои озими, — всѣ потоптали. Злодѣйка!...

Дарья. — Да еще, сударыня, бранитъ васъ повсюду, по домамъ... такая змѣя! И людямъ-то своимъ велитъ на васъ клепать ни вѣсть что. Мы хоть рабы, а какъ услышимъ что-нибудь такое, такъ кровь закипитъ, такъ бы и вцѣпилась ей въ волоса...

Марѳа Ив. — Продолжай...

Дарья (читаетъ). — „И вы исполните мѣру отецъ вашихъ. Змія, порожденія ехиднова, како убѣжите отъ суда огня геенскаго".

Марѳа Ив. — Не убѣжитъ она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое...

Дарья. — Изъ чьего евангелія прикажете?

Марѳа Ив. — Отъ Марка.

Дарья. — „Сего ради глаголю вамъ: вся, елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ. — И егда стоите молящеся, отпущайте,

аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша".

(Слышенъ громкій стукъ разбитой посуды, обѣ вздрагиваютъ)

Марѳа Ив. — Что это?... Вѣрно, мерзавцы, что-нибудь разбили... Сбѣгай-ка, да посмотри!...

(Дарья уходитъ. Черезъ минуту приходитъ)

Дарья. — Ваша хрустальная кружка, съ позолоченной ручкой и съ вензелемъ.

Марѳа Ив. — Она...

Дарья. — Въ дребезгахъ лежитъ на полу...

Марѳа Ив. — Ахъ, злодѣи! кто разбилъ? Кто этотъ окаянный?...

Дарья. — Васька поваренокъ.

Марѳа Ив. — Пошли его сюда... скорѣй... ужъ я ему дамъ, разбойнику, березовой каши!

(Дарья призываетъ его)

Марѳа Ив. — Какъ ты это сдѣлалъ, мерзавецъ?... Знаешь-ли, что она 15 рублей стоитъ?... Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю. — Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну что-жъ ты? Говори. (Мальчикъ хочетъ говорить) Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети, на конюшню!... (Мальчикъ кланяется въ ноги) Вздоръ! я эти поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чортомъ, прости, Боже, мое согрѣшеніе... (Мальчикъ идетъ) Убирайся... (Топнувъ ногой) Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!... Нельзя-ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть какъ-нибудь...

Дарья. — Ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ.

Марѳа Ив. — Экая бѣда какая! (Входятъ Николай Михалычъ и Василій Михалычъ Волины. Дарья уходитъ съ книгой)

Явленіе II

Н и к. М и х. — Здоровы ли вы, матушка, нынче? и хорошо ли почивали? Я слышалъ, что вы долго не засыпали.

М а р ѳ а И в. — Да, батюшка, мнѣ что-то не спалось, — я все думала объ моемъ Юрьюшкѣ... какъ-то онъ поѣдетъ путешествовать; я боюсь за него... Вотъ вы, отцы, не такъ безпокоитесь объ дѣтяхъ... а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться...

Н и к. М и х. — Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь, позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобъ воспитать его такъ, какъ вы могли.

М а р ѳ а И в. (къ Василію Михалычу) — Что, батюшка, какъ ваше дѣло? что говоритъ сенатъ?

В а с. М и х. — Сенатъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще кутятъ да мутятъ въ уѣздномъ судѣ да въ губернскомъ правленіи... Такіе жадные, канальи, эти крючки-подъячіе со всей сволочью, что когда туда пріѣдешь, такъ и обступятъ. Чутье собачье! знаютъ, что у тебя въ карманахъ есть деньги... И вотъ ужъ пять лѣтъ тянется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совсѣмъ не смѣшная, потому что я дѣйствующее лицо.

М а р ѳ а И в. (къ Николаю Михалычу) — Знаете ли, Николай Михалычъ, я хочу, чтобъ Юрьюшка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ, — я терпѣть не могу нѣмцевъ! Чему у нихъ научишься?... Все колбасники, шмерцы!...

Ник. Мих. — Позвольте прервать рѣчь вашу, матушка... Нѣмцы, хотя въ просвѣщеніи общественномъ и отстали отъ французовъ, т. е. имѣютъ нѣкоторыя странности, имъ приличныя, въ обхожденіи не такъ ловки и развязны, но зато глубокомысленнѣе французовъ, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы; и Юрій въ его лѣта очень даже можетъ самъ располагать собою: ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч...

Вас. Мих. — Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

Марѳа Ив. — Сохрани Богъ!... нѣтъ, ни за что.

Вас. Мих. — Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марѳа Ив. — Какъ же быть! а я не хочу, чтобъ онъ жилъ съ нѣмцами, — они дураки...

Ник. Мих. — Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣ-нибудь! — Неужто Кантъ былъ дуракъ?...

Марѳа Ив. — Сохрани Богъ отъ философіи!... Чтобъ Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ!

Ник. Мих. (съ неудовольствіемъ). — Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю, что говорю. Философія не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ — истинный счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. (Василій Михалычъ въ тайномъ удовольствіи) И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится...

Марѳа Ив. — Стало-быть, я его совсѣмъ не имѣю?... Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣряю васъ...

Ник. Мих. — Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка... Я, сжалясь надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать... но я ожидалъ благодарности, а не всякихъ непріятностей, когда пріѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрій великъ, ужъ онъ сдѣлался почти мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливъ противу отца, недостоинъ уваженія отъ сына... Я говорю правду; вы ея не любите, — прошу вашего извиненія... Впрочемъ, знайте, что я не похожъ на низкихъ вашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую: я очень огорченъ вашимъ противъ меня нерасположеніемъ... но что-жъ дѣлать, вы задѣли меня за живое; я отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ... Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и попеченіемъ, но я ничѣмъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ по 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ, — но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для тещи... Ужъ не говорю объ имѣніи... прошу извинить.

Марѳа Ив. (привставъ). — Какъ, и вы тоже меня упрекать, ругать, какъ послѣднюю рабу... въ моемъ домѣ... Ахъ! (Упадаетъ въ изнеможеніи злобы на кресло и звонитъ въ колокольчикъ) Дашка, Дашка, палку!

Дарья. — Сію минуту (приноситъ палку и выводитъ ее изъ комнаты подъ руку)

Ник. Мих. — О, Боже мой! можетъ ли сумасшествіе женщины дойти до такой степени? (Ходитъ взадъ и впередъ)

Вас. Мих. (подходитъ къ нему) — Вотъ что значитъ, братецъ, спорить съ бабами! А отчего это все, отчего не могъ ты взять просто сына своего отъ нея? Не хотѣлъ заплатить 3000 р. за бумагу крѣпостную? Вѣдь она тебѣ отдавала имѣніе... что за глупое великодушіе не брать или брать на честное слово, что все равно. Вотъ она и сдѣлала условіе, что если ты возьмешь къ себѣ сына, такъ она его лишитъ наслѣдства, а тебя не сдѣлала опекуномъ. Что, братъ, видно поздно?

Ник. Мих. — Но ея слово, увѣренія брата ея... Я почему могъ отгадать, что они меня обманутъ...

Вас. Мих. — Что, скажи мнѣ, ты шутишь? Честное слово! ха! ха! ха!... Нынче это нуль по лѣвую сторону единицы. (Уходятъ)

Явленіе III

Садъ. — Сумерки, и луна на небѣ; налѣво бесѣдка. — Любовь въ длинной черной шали, въ волосахъ и бѣломъ платьѣ, съ письмомъ въ рукѣ

Любовь (читая). — Онъ желаетъ говорить со мной здѣсь наединѣ, въ это время... Что такое значитъ? Юрій хочетъ со мною говорить, — объ чемъ? Между нами не можетъ быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидѣтеляхъ. Однако-жъ я не должна опасаться, хотя говорятъ, что дѣвушки должны бояться мужчинъ. Зачѣмъ мнѣ Юрія бояться?... Ахъ! часто, когда на меня устремлялъ онъ свои взоры неподвижные, свѣтлые, что-то чудное происходило въ груди моей, сердце билось... Быть можетъ, онъ

въ меня влюбленъ? Нѣтъ! нѣтъ! сему не случиться никогда! я не вѣрю этой любви: онъ не можетъ на мнѣ жениться, такъ на что ему безнадежною страстью себя мучить?... Зеркало мнѣ говоритъ, что я хороша собой, что могу нравиться, но онъ... онъ столько зналъ красавицъ лучше меня. И если бы это было въ самомъ дѣлѣ, если я любима, то онъ долженъ столько уважать меня; онъ долженъ думать, что добродѣтель не позволитъ мнѣ явно отвѣчать ему; къ тому-же я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти. Неужели онъ примѣтилъ біеніе моего сердца? Ахъ, нѣтъ!... онъ самъ, Юрій, былъ со мною всегда мраченъ, холоденъ, онъ врядъ ли способенъ любить нѣжно... Но зачѣмъ ему было свиданіе? Это письмо?... Не понимаю, чего хотѣлъ онъ... (Молчаніе). Но вотъ луна взошла, все тихо и прохладно; а онъ нейдетъ (Молчаніе). Какъ я глупо сдѣлала, что пришла сюда: непонятное влеченіе управляло моими шагами... (Садится возлѣ бесѣдки) Что, если насъ увидятъ вмѣстѣ... моя честь погибла... о безумная!...

Явленіе IV

Юрій (въ плащѣ, безъ шляпы, тихими шагами подходитъ къ ней и беретъ ее за руку). — Любовь!... вы здѣсь уже!...

Любовь (испугавшись). — Ахъ!

Юрій. — Вы испугались?...

Любовь. — Нѣтъ... Вы мнѣ что-то хотѣли сказать, — я готова слушать со вниманіемъ.

Юрій. — Да, я много хотѣлъ сказать вамъ... Вы помните: съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами знакомы,

вы никогда не отказывались отъ маловажной и легкой для васъ просьбы моей... теперь... я васъ прошу дать мнѣ честное слово: сказать мнѣ правду, правду чистую, какъ ваше сердце...

Любовь. — Мое слово? Хорошо! (Смотритъ ему въ глаза)

Юрій (въ сильномъ движеніи беретъ ее за руку). — Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснулъ спокойно, удивительный сонъ началъ тревожить мою душу. Я видѣлъ отца, бабушку, которая хотѣла, чтобъ я успокоилъ ея старость на счетъ благополучія отца моего; съ презрѣніемъ отвернулся я отъ корыстолюбивой старухи... и вдругъ ангелъ-утѣшитель встрѣтился со мной. Онъ взялъ мою руку, утѣшилъ меня однимъ взглядомъ, однимъ неизъяснимымъ взглядомъ обновилъ къ жизни... и... упалъ въ мои объятья. Мысли, въ которыхъ крутилась адская ненависть къ людямъ и къ самому себѣ, мысли мои вдругъ прояснились, вознеслись къ Небу, къ Тебѣ, Создатель; я снова сталъ любить людей, сталъ добръ попрежнему. Не правда ли, — это величайшее подъ луною благодѣяніе? И знаешь ли еще, Любовь, въ этомъ утѣшителѣ, въ этомъ небесномъ существѣ я узналъ тебя! Ты блистала въ чертахъ его, это была ты, прекрасная какъ теперь; никто на свѣтѣ, ни самый адъ меня не разувѣритъ!... Ахъ! это была минута, но минута блаженная, это былъ сонъ, но сонъ божественный... Послушай, Любовь, теперь исполни свое обѣщаніе, отвѣчай, какъ на исповѣди: можетъ ли этотъ сонъ осуществиться?... Умоляю тебя всѣмъ, чѣмъ ты дорожишь теперь или когда-нибудь будешь дорожить, говори, какъ на исповѣди... Знай, что одно твое слово,

одно слово можетъ много сдѣлать добра и зла... (Любовь въ сильномъ перѣшеніи) И ты молчишь?!... Любовь!...

Л ю б о в ь. — Нѣтъ!...

Ю р і й. — Какъ! что́ нѣтъ, говори, что́ нѣтъ?...

Л ю б о в ь. — Сонъ твой никогда не сбудется!...

Ю р і й. — Небо!... что она хочетъ дѣлать? Скажи: да!... (Молчаніе) Отчего не хочешь сказать: да!... это слово, этотъ звукъ могъ бы возстановить мою жизнь, возродить меня къ счастью!... Ты не хочешь? Что я тебѣ сдѣлалъ, за что такъ коварно мстишь мнѣ? Неужели женщина не можетъ любить, неужели она не радуется, когда видитъ человѣка, ей обязаннаго своимъ блаженствомъ, когда знаетъ, что это стоитъ одного слова, хотя бы оно выходило и не отъ сердца... Скажи: да!

Л ю б о в ь. — Нѣтъ!

Ю р і й. — И въ тебѣ есть совѣсть?...

Л ю б о в ь. — Я не могу сказать: да; на что искушать тебя? Моимъ ты никогда, никогда не будешь: узы родства, которыя связываютъ насъ вмѣстѣ, разрываютъ сердца наши... Забудь свои мечты!... ты не хочешь погубить бѣдную дѣвушку, не правда ли? Такъ забудь свои безумныя желанья, забудь ихъ!... (Молчаніе) Ты поѣдешь въ чужіе края, разные новые предметы развлекутъ твои мысли, тебѣ понравится другая...

Ю р і й. — Я не поѣду... У ногъ твоихъ — я говорю тебѣ — у ногъ твоихъ счастье цѣлой жизни человѣка, не раздави безжалостно! А если ты меня отвергнешь, ахъ! то, вѣрно, никакая дѣва не будетъ больше мнѣ нравиться, — я окаменѣю, быть можетъ, навѣки.

Любовь (садится на скамью возлѣ бесѣдки и сажаетъ его). — Посмотри, братъ мой, какъ прекраснъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ. Посмотри на эти разсѣянныя облака, свѣтлыя, какъ минуты удовольствій и мимолетныя, какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушные... (Она закрываетъ лицо платкомъ) Перестань страдать, другъ мой, полно!... (Въ слезахъ упадаетъ на грудь Юрія, который въ сильномъ оцѣпенѣніи сидитъ недвижно, глаза къ небу)

Юрій (послѣ долгаго молчанія). — Ахъ!... (беретъ ея руку; между тѣмъ слышна вдали пѣсня русская со свирѣлью, и то удаляется, то приближается, въ концѣ которой вскакиваетъ и, какъ громомъ пораженный, отбѣгаетъ отъ Любови)

Юрій. — Какіе звуки! они поразили мою душу... Кто ихъ произвелъ? Не съ неба ли, не изъ ада ли?... нѣтъ... но вотъ опять, опять... Всесильный Богъ!... (Кидается къ ногамъ Любови, которая встала со скамьи) Пускай весь міръ на насъ обрушится... я люблю тебя! скажи и ты: люблю!...

Любовь (черезъ силу). — Нѣтъ! (хочетъ бѣжать)

Юрій (у ногъ ея). — Не вѣрю... не обманешь... я прочелъ въ глазахъ твоихъ... только... я недоволенъ, скажи: люблю!

Любовь (хочетъ что-то сказать, но вдругъ остановилась). — Зачѣмъ тебѣ признанье, если ты прочелъ все въ глазахъ моихъ...

Юрій (вскакиваетъ съ восторгомъ). — Я любимъ... любимъ... любимъ!... теперь всѣ бѣдствія земли осаждайте меня, — я презираю васъ: она меня любитъ... она, такое существо, которымъ бы

гордилось Небо... и оно мнѣ принадлежитъ! Какъ я богатъ!... (Къ ней) Ты не знаешь, дѣвушка, какъ много добра сдѣлала ты въ сію минуту... (обнимаетъ ее) О, если бы мой отецъ видѣлъ это. какъ восхитился бы онъ взаимнымъ пламенемъ двухъ сердецъ.

Любовь. — Твой отецъ!... что ты говоришь?...

Юрій (дрожащимъ голосомъ, ударивъ въ грудь). — Да... да... ты говоришь правду, я не долженъ никому объ этомъ сказывать; все восхищеніе, вся сладость сихъ незабвенныхъ минутъ должны остаться здѣсь, здѣсь, въ груди моей; всякій день я буду упиваться воспоминаніемъ, ни одно горькое чувство ненависти и раскаянія не проникнетъ туда, гдѣ я схороню мое сокровище... (Къ Любови) Теперь, одинъ поцѣлуй на прощанье... (цѣлуетъ ее) О!... я слишкомъ счастливъ для человѣка!... (Завернувшись въ черный плащъ, быстро уходитъ)

Любовь. — Какъ онъ любитъ... добрый юноша!... (Молчаніе). Кажется, я ничего дурного не сдѣлала, ни одно преступленіе не тяготѣетъ на мнѣ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещетъ, какъ птичка, попавшаяся въ сѣть нечаянно... (Молчаніе) Однако ночь сгущается, и мѣсяцъ дошелъ до половины небесъ. меня будутъ искать вездѣ, а здѣсь такъ пусто. страшно... (Становится на колѣна и поднявъ руки наверхъ) Ангелъ-хранитель! не допусти случиться чему-нибудь съ бѣдной дѣвушкой! она предается тебѣ, прости ей слабости и охрани отъ нечистаго духа. (Встаетъ и уходитъ)

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Явленіе I

Галлерея, откуда виденъ садъ. — Элиза идетъ съ зонтикомъ одна

Э л и з а. — Какъ жарко нынче, такъ и жжетъ лицо и шею... Если-бъ не этотъ благодѣтельный зонтикъ, я-бъ сдѣлалась чернѣй арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais для предложеннаго свиданія... Ха! ха! ха! Какъ Любенька смѣшна была вчерась. Начинаетъ мнѣ говорить про этого Заруцкаго и про его желаніе съ такой важностью, comme si c'était une affaire d'état... ха! ха! ха! ха! Бѣдненькая начиталась романовъ и скоро съ ума сойдетъ — она судитъ цѣлый свѣтъ по себѣ... Напримѣръ, нынче всю ночь проплакала; вѣрно, ей кто-нибудь комплиментъ сказалъ, и она воображаетъ, что въ нее влюблены... и плачетъ! съ сожалѣнія! Нѣтъ, moi je me moque de tout cela! Вотъ ужъ вѣрно нынче будетъ страстное объясненіе: онъ упадетъ на колѣна, я ему скажу маленькій équivoque, и онъ долженъ быть доволенъ... чего же ему еще больше?... Впрочемъ, этотъ Заруцкій вѣрно посѣщалъ большой свѣтъ, онъ ни мало не похожъ на этихъ армейскихъ его собратій... Ха! ха! ха! армейскій!... одно это слово чего стоитъ!... Но кто-то идетъ, а мнѣ нужно нынче быть одной. (Уходитъ)

Явленіе II

Юрій и Василій Михалычъ идутъ по галлереѣ, и Василій Михалычъ что-то ему говоритъ, ведя за руку

В а с. М и х. — Экій ты упрямый человѣкъ, — да выслушай только, что я тебѣ говорю. Твой отецъ

нынче со мной приходитъ къ Маѳѣ Ивановнѣ; она насъ хорошо приняла; а у нея стояла эта змѣя, Дарья, причина всѣхъ нашихъ непріятностей... Вотъ, слушай, братъ, и начинаетъ говорить...

Юрій (отходя прочь). — И мнѣ нѣтъ спокойствія ни одной минуты... Эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжитъ каждый день вокругъ ушей моихъ... (Къ дядѣ) Дяденька! въ другое время... теперь я...

Вас. Мих. — Да теперь, а не въ другое время; слушай: ты долженъ все это знать, чтобъ умѣть цѣнить людей, окружающихъ тебя.

Юрій. — Я только цѣню тѣхъ, которые не мучатъ меня вѣчно своими клеветами...

Вас. Мих. — Я понимаю, что ты это на мой счетъ говоришь, но я не сержусь... Не для себя я говорю... но хочу тебѣ показать, кто твой отецъ и бабка.

Юрій (твердо). — Ну, такъ и быть, я слушаю.

Вас. Мих. — Во-первыхъ, твой отецъ началъ говорить ей о тебѣ, о твоемъ отъѣздѣ... Она расханджилась по обыкновенію, увѣряла, что она тебя больше любитъ, нежели онъ, вообрази! — Потомъ онъ ей сталъ представлять доказательства противныя очень учтиво; она вздумала показывать, что ему и дѣла нѣтъ до тебя; тутъ Николай Михалычъ не выдержалъ, признаться: объяснилъ ей коротко, что она передъ нимъ виновата, а что онъ не обязанъ былъ тебя оставлять у нея, но что были у него причины постороннія, и что она измѣнила своему слову... Она взбѣсилась до невозможности, ушла, теперь она насъ выгонитъ изъ дому... Прощай, мой племянничекъ, надолго, потому что, вѣрно, ни я, ни братъ больше сюда не заглянемъ.

Юрій (всплеснувъ руками). — Всемогущій Боже! Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри... зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу васъ, я измученъ...

Вас. Мих. — Нѣтъ... ты долженъ рѣшиться въ чью-нибудь пользу.

Юрій. — На что?... Къ чему я долженъ? Кто приказалъ?

Вас. Мих. — Честь.

Юрій. — Честь? Кто вамъ внушилъ это слово?... О, адская хитрость... Какъ ничтожно это слово, а какъ много власти имѣетъ оно надо мной... Мой долгъ, долгъ природы и благодарность, — въ какой вы ужасной борьбѣ между собой... Дядюшка! зачѣмъ вы произнесли это слово: я рѣшился...

Вас. Мих. — Для кого, другъ мой?

Юрій. — Отецъ обладаетъ моею жизнью... Но знайте, что если бабушка будетъ укорять въ неблагодарности, если она станетъ показывать глазамъ моимъ всѣ свои попеченія о моей юности, всѣ свои благодѣянія, все, чѣмъ я ей обязанъ, если она будетъ проклинать меня за то, что я отравилъ ея старость, сжегъ огнемъ терзаній сѣдые ея волосы, за то, что я оставилъ ее безъ причины, если, наконецъ, я самъ изсохну отъ раскаянія, если я буду отвергнутъ за это преступленіе небомъ и землею, если тогда я прокляну васъ отчаяннымъ языкомъ моимъ... если... о, берегитесь, берегитесь!... вся свинцовая тягость грѣха сего погрязнетъ на васъ... Откажитесь отъ вашего свидѣтельства, оно ложно, — спасите свою душу! Оно ложно, говорю вамъ... признайтесь, что вы солгали...

Вас. Мих. — Нѣтъ, я не откажусь, когда я самъ видѣлъ и слышалъ, что насъ съ братомъ выгоняютъ изъ дому.

Юрій. — Итакъ, все кончено, — вотъ мое слово.

Вас. Мих. — Ну, слава Богу, наконецъ, ты рѣшился... Я пойду къ отцу твоему и объявлю, что ты рѣшился не оставлять его. Какъ онъ будетъ радъ, и я увѣренъ, что тебя больше прежняго полюбитъ.

Юрій. — Радоваться? Кто радоваться?... Мой отецъ! Не дай Богъ, чтобъ это была большая радость въ его жизни... Что онъ будетъ думать, обнимая неблагодарнаго?... (Ударяя себя въ лобъ и ломая руки) Но мое честное слово...

Вас. Мих. — Неблагодарнаго? Какъ это ты сдѣлаешься неблагодарнымъ? Противъ кого? Да ты бы сдѣлался неблагодарнымъ и преступникомъ, если бы оставилъ Николая Михалыча, который дышитъ однимъ тобою... А эта бабушка, она, повѣрь пожалуйста, больше сдѣлала тебѣ зла, нежели добра, — я мои слова готовъ повторить при самомъ императорѣ...

Юрій. — По крайней мѣрѣ, она желала дѣлать добро.

Вас. Мих. (съ коварной улыбкой) — Мы знаемъ желанія этой злодѣйки.

Юрій. — Еще пытка... скоро-ль вы насытитесь?... Но говорите, — пускай ударъ будетъ ужасенъ, но вдругъ; пускай вся мѣра зла, яда подземнаго прольется въ мою грудь... но только вдругъ, — это все легче, нежели съ нестерпимой, ѣдкой болью день за днемъ отщипывать кусокъ моего сердца... Говорите! я твердъ. Не бойтесь, видите!... (дико) видите!... ха! ха! ха! видите, какъ я веселъ, равнодушенъ, холоденъ, точно какъ вы... (съ сильнымъ дви-

женіемъ, хватая его за руку) только чуръ говорить правду...

Вас. Мих. — Вотъ тебѣ Христосъ! (Крестится). Я начну разсказывать съ начала всего дѣла, чтобъ совершенно изобличить хитрую старуху и ея помощниковъ, этихъ сестрицъ и братьевъ и служанокъ... За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери (еще тебѣ было три года), когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марѳу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее передъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михалыча, какъ родного сына; она говорила ей: „Маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу, замѣните ему меня... Я чувствую, что умираю". Тутъ слова ея пересѣклись, она смотрѣла на тебя; молчаливый живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать насчетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ, она вытребовала обѣщаніе старухи... и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же, какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отца для разсѣянія погулять, и говоритъ ему, что Марѳа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось... — Черезъ три мѣсяца Николай Михалычъ пріѣзжаетъ сюда, чтобы тебя видѣть, — пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя, —

говорятъ, нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Братъ сдѣлался боленъ, душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь, наконецъ... и что же? Она охладѣла совсѣмъ къ нему. Имѣніе, которое Марѳа Ивановна ему подарила при жизни дочери, и для котораго онъ не хотѣлъ сдѣлать акта, полагаясь на честное слово, оказалось совсѣмъ уже не въ его распоряженіи. Онъ уѣзжаетъ и черезъ полгода снова здѣсь является.

Юрій. — Я предчувствую ужасную исторію, стыдъ всему человѣчеству... Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только помните уговоръ.

Вас. Мих. — Помилуй!... Да будь я, анаѳема, проклятъ, если хоть слово солгу! Слушай дальше. Когда должно твоему отцу пріѣхать, здѣшнія подлыя сосѣдки недаромъ получили, посредствомъ ханжества, довѣренность Марѳы Ивановны: сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходятъ же люди до такого сумасшествія!

Юрій.—Отецъ... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣетъ полнаго права надо мной, развѣ я не его собственность?... Но нѣтъ, я вамъ снова говорю, вы смѣетесь надо мною...

Вас. Мих. — Доказательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ Павлу Иванычу, и онъ на другой день пріѣзда брата прискакалъ... Николай Михалычъ сталъ ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь, насчетъ сына, какъ посторонній, что это ни на что не похоже... Но этотъ езуитъ снова уговорилъ его легко, потому что отецъ твой благородный человѣкъ и судитъ всѣхъ по добротѣ души своей. И передъ отъѣздомъ братъ

согласился оставить тебя у бабушки до 16 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы насчетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ; но второе обѣщаніе такъ же дурно сдержано было, какъ первое...

Юрій. — И это все? Не правда ли?

Вас. Мих. — Нѣтъ, это еще половина.

Юрій. — Ахъ, зачѣмъ не все... (Молчаніе) Скорѣе продолжайте; пощади меня, пощади, Царь Небесный!...

Вас. Мих. — Марѳа Ивановна то же лѣто поѣхала въ губернскій городъ и сдѣлала актъ. Какой актъ? Самъ адъ вдохнулъ въ нее эту мысль: она уничтожила честное слово, почла отца, отца твоего за ничто, и вотъ короткое содержаніе: „Если я умру, то братъ П. И. опекуномъ имѣнью, если сей умретъ, то другой братъ, а если сей умретъ, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалычъ возьметъ сына своего къ себѣ, то я лишаю его наслѣдства навсегда". Вотъ почему ты здѣсь живешь: благородный отецъ твой не хотѣлъ дѣлать исторій, писать государю и лишить тебя состоянія... Но онъ надѣялся, что ты ему заплатишь за эту жертву...

Юрій (послѣ минуты молчанія, когда онъ стоялъ, какъ убитый громомъ). — Чтобъ ей подавиться ненавистнымъ имѣньемъ!... О!... теперь все ясно... Люди, люди... люди!... Зачѣмъ я не могу любить васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть, жажда мщенія... мщенія... Ха! ха! ха!... какъ это сладко, какой нектаръ земной!...

Вас. Мих. — А непріятности послѣдовавшія очень натуральны... Къ тому-жъ... старуха любитъ, чтобы ей никто не противорѣчилъ, и эти окружающіе... зта повѣренная, Дарья — преопасная змѣя...

Ю р і й.— Довольно! прошу васъ, не продолжайте, — остальное мнѣ все извѣстно...

В а с. М и х. — Нѣтъ, мой другъ, еще... еще...

Ю р і й. — Я больше не желаю знать... вы разсказали такъ прекрасно... Какъ пріятна ваша повѣсть... (Впадаетъ въ задумчивость)

В а с. М и х. (въ сторону, съ улыбкой) — Мое дѣло кончено, и все пришло въ порядокъ, я не буду сказывать обо всемъ брату... Онъ такой... онъ не любитъ подобныхъ штукъ... (Смѣется) Какъ онъ горячился, бѣдненькій...

Ю р і й (между тѣмъ взглянувъ на Василія Михалыча). — Вамъ смѣшно мое страданье... не правда-ли?...

В а с. М и х. — Нѣтъ... помилуй... что ты?

Ю р і й (въ сторону). — Нѣтъ... нѣтъ... какое ледяное слово... А... онъ, это, видно, онъ изъ любви мнѣ открылъ злодѣйство... Такъ всегда со мною дѣлали... изъ привязанности я былъ обманутъ когда-то дружбой... О, тщетныя увѣренья... нынче... (Къ дядѣ). Оставьте меня, прошу васъ: мнѣ надо побыть одному... я весь въ огнѣ, мнѣ надо отдохнуть...

В а с. М и х. — Хорошо, другъ мой... до свиданья! (Уходитъ, потирая руки) А мое дѣло сдѣлано, слава Богу... (Уходитъ)

Явленіе III

Ю р і й. — Какъ я разстроенъ, какъ я боленъ... Желчь поднялась въ голову... Грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... Отъ избытка чувствованій я лишился чувствъ. Но отдохнемъ... Я увижу ее, утѣшителя-ангела: она мнѣ возвратитъ, на минуту, потерянное спокойствіе... Пойду, пойду... (Закрывъ лицо руками, уходитъ въ галлерею медленными шагами)

Явленіе IV

Входитъ Марѳа Ивановна, за ней Дарья и подаетъ ей стулъ. Она садится

М а р ѳ а И в. — Каковы неучи!... въ моемъ домѣ, мнѣ грубить... Ну, можно ли послѣ этого имъ хоть день здѣсь остаться?... Вонъ ихъ, вонъ ихъ!...

Д а р ь я. — Ваша правда, сударыня... такія безпокойства... Полно, смотрите на себя, вѣдь лица нѣтъ... Не угодно ли капель гофманскихъ?...

М а р ѳ а И в. — На что, на что?... лучше позови ко мнѣ Юрьюшку...

Д а р ь я. — Сейчасъ. (Уходитъ)

М а р ѳ а И в. — Ну, можетъ ли какая-нибудь холопка болѣе быть привязана къ своей госпожѣ, какъ моя вѣрная Дашка... (Молчаніе) Ну, вотъ однако-жъ я скоро отдѣлаюсь отъ этихъ Волиныхъ-братцевъ... однако и Юрьюшка уѣдетъ и оставитъ меня одну... видно, такъ на небесахъ написано... Я буду безъ него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свѣчу передъ Богоматерью, поѣду въ Кіевъ... а онъ ко мнѣ будетъ писать. (Кашляетъ) Какой же у меня кашель отъ нынѣшняго крику... То-то и есть, что надо слушаться евангелія и святыхъ книгъ: не даромъ въ нихъ говорятъ, что не надо сердиться... а нельзя. Вотъ какъ начнутъ спорить младшіе себя, сердце и схватитъ; то-то нынѣшній вѣкъ зятья зазнаются, внуки умничаютъ. молодежь никого не слушается. Не такъ было въ наше время... Бывало, какъ меня свекровь тузила... а все молчу, — и вымолчалась!... Какъ умерла моя свекровушка и оставила мнѣ денегъ рублей 30,000, да серебра, да золота... а нынче все наше русское богатство, все золото прадѣдовъ идетъ не на образа, а къ басурманамъ-французамъ. (Молчаніе) Какъ

посмотришь, посмотришь на нынѣшній свѣтъ, такъ и вздрогнешь: дѣвушки съ мужчинами въ однѣхъ комнатахъ сидятъ, говорятъ, — индо мнѣ, старухѣ, за нихъ стыдно... Ахъ, а прежде, какъ съѣдутся, бывало, такъ и разойдутся по сторонамъ, чинно и скромно... Эхъ, вѣкъ-то вѣкъ... перемѣнились русскіе... (Смотритъ назадъ въ галлерею) Да вотъ и Юрьюшка идетъ.

Явленіе V

Юрій мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за нимъ Дарья

Юрій (блѣдный, разстроенный, съ неудовольствіемъ, не смотря на Марѳу Ивановну). — Вы меня изволили спрашивать?

Марѳа Ив. — Да, мой другъ! Я давно желала говорить съ тобой... да какъ-то это рѣдко мнѣ удавалось.

Юрій (холодно). — Мнѣ самому очень жалко...

Марѳа Ив. — Ты все съ отцомъ да съ дядей, ко мнѣ и не заглянешь... Видно, я ужъ стара стала и глупа, что ли? брежу, не такъ ли?...

Юрій. — Я отъ самой колыбели такъ мало былъ съ отцомъ, что вы мнѣ передъ отъѣздомъ позволите съ нимъ поговорить... по крайней мѣрѣ, я такъ думаю...

Марѳа Ив. — Кто-жъ тебѣ запрещаетъ?... Однако-жъ я бы хотѣла тебѣ сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

Юрій. — Я буду слушать. (Дарьѣ) Ступай вонъ...

Марѳа Ив. — Зачѣмъ?... она можетъ слышать...

Юрій. — Мнѣ совсѣмъ не нравятся такіе свидѣтели... Прошу васъ выслать ее... (Марѳа Ивановна даетъ знакъ, и она уходитъ)

М а р ѳ а И в. — Знаешь ли, что твой отецъ наговорилъ мнѣ тьму грубостей, и мы поссорились, и онъ ѣдетъ завтра отсюда?

Ю р і й. — Знаю-съ... но что-жъ тутъ до меня касается?... Я самъ ѣду съ нимъ, если такъ...

М а р ѳ а И в. — Ты... съ нимъ... ѣдешь... Ты съ ума сошелъ... Я тебя не пущу.

Ю р і й. — Вы меня не пустите? Вы? да что вы между отцомъ и сыномъ? Развѣ я тотъ же ребенокъ, который равнодушно глядѣлъ на ваши поступки? Или не знаете: между отцомъ и сыномъ одинъ Богъ... и вы осмѣлились взять это мѣсто...

М а р ѳ а И в. — Такъ вотъ плоды моего воспитанія! вотъ нынѣшняя благодарность!... И на что я дожила до сего времени?... Юрій хочетъ меня оставить... въ заплату всѣмъ моимъ благодѣяніямъ... и никто не закроетъ мнѣ глаза нѣжною рукой...

Ю р і й. — А ваша Дарья?... Она вамъ даетъ совѣтъ хорошій.

М а р ѳ а И в. — И ты смѣешь, неблагодарный! почему ты знаешь?

Ю р і й (въ сторону). — Вотъ совѣсть! Я только назвалъ, а она все отгадала.

М а р ѳ а И в. — Говори, злодѣй, не я ли тебя воскормила и образовала?...

Ю р і й. — Много мукъ, много безсонницъ стало мнѣ ваше образованіе... Вы хотѣли поселить во мнѣ ненависть къ отцу, вы отравили его жизнь... вы... но довольно: вы сами знаете свои поступки и — вините себя!...

М а р ѳ а И в. — Такъ ты точно меня оставляешь для отца, злодѣя, негодяя, котораго я ненавижу и который за меня поплатится?... Для него, неблагодарный?...

Юрій. — Теперь я вамъ ничѣмъ больше не обязанъ... О!... эти слова заплатили за все.. за все... простите...

Марѳа Ив. (пораженная, сидитъ безмолвно на креслахъ и въ ужасномъ смущеніи) Онъ все знаетъ!... (Занавѣсъ опускается)

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явленіе I

Марѳа Ивановна и Дарья; первая на большихъ креслахъ въ своей комнатѣ

Марѳа Ив. —Дай капель гофманскихъ, Дашка.

Дарья. — Сейчасъ, матушка; что съ вами дѣлается?...

Марѳа Ив. — Меня Юрій покидаетъ... меня, которая его воспитала...

Дарья (притворно). — Во всемъ, матушка, воля Божія видна. Стало, вамъ такъ на роду было написано, — горе мыкать въ старости; ужъ я, сударыня, надъ вами нынче плакала, индо глаза красны.

Марѳа Ив. — Онъ меня покидаетъ, оставляетъ, какъ подлую нищенку на большой дорогѣ. Вѣрно, это злодѣи, отецъ да дядя, его научили...

Дарья. — Вѣстимо, сударыня, они; да и кому-жъ кромѣ ихъ...

Марѳа Ив. — Какъ будто не знаютъ, что я его за то лишу имѣнія, ужъ не достанется Юрью ни гроша, хоть провались деньги мои.

Дарья. — Ахъ, Марѳа Ивановна! есть у насъ поговорка: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

М а р ѳ а И в. — Юрій меня для нихъ покидаетъ, кто-жъ утѣшитъ мою старость? (Закрываетъ лицо платкомъ и рыдаетъ)

Д а р ь я. — Что это вы, сударыня, себя убиваете?... Успокойтесь, матушка! (Въ сторону). Теперь я могу сдѣлать славную штуку, заставя ее поссориться съ зятемъ и внукомъ, сама ихъ межъ собой перессорю, да послѣ, если это откроется, свалю на нее... А отнявъ имѣнье у Юрья Николаича, вѣрно, барыня мнѣ дастъ много денегъ; куда-жъ ей ихъ дѣвать? Сама не издержитъ. (Къ ней) Не угодно ли лечь?...

М а р ѳ а И в. —О! я никогда на Тебя не роптала, Боже мой! а теперь не могу...

Д а р ь я. — И то сказать правду, какъ вы ни старались переманить его къ себѣ, а все понапрасну: ужъ не вы ли его ссорили съ отцомъ, не вы ли наговаривали, не вы ли имѣніемъ прельщали Николая Михалыча, если онъ оставитъ сына у васъ, — нѣтъ-таки, не удержали молодого барина.

М а р ѳ а И в. — А не ты ли мнѣ все это совѣтовала, не по твоимъ ли словамъ я поступала?... Право, если бы мы не хитрили, гораздо бы лучше шли всѣ дѣла мои... Ты, дьяволъ, мнѣ жужжала поминутно про эти адскія средства, ты... ты хотѣла моей печали и раздора семейственнаго.

Д а р ь я (кланяясь). Власть ваша... а мое дѣло холопское, могу ли вамъ совѣтовать? Если вы послушаете моихъ глупыхъ рѣчей, такъ это вашей же милости... Да и какая же мнѣ прибыль ваше горе?... Вотъ хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу: развѣ мнѣ легко по ночамъ то не спать, сударыня?... Нѣтъ-съ, мы, вся дворня, только и молимъ Господа

объ вашемъ спокойствіи, только и блюдемъ, что ваше здоровье... (Молчаніе)

Марѳа Ив. — Не знаешь-ли, какое въ моемъ положеніи средство осталось? Какъ помочь?...

Дарья (подумавъ). — Средствъ много... да врядъ ли одно изъ нихъ вашей милости понравится...

Марѳа Ив. — Нужды нѣтъ, говори все смѣло.

Дарья. — Просить прощенья у Николая Михалыча и уговорить, чтобы онъ остался, такъ же какъ и Юрія Николаича; а послѣ второго можно какъ-нибудь и совсѣмъ оставить, притворясь больной... Тогда ужъ не поѣдетъ въ нѣметчину.

Марѳа Ив. — Охъ, нѣтъ, это не удастся... они намъ ужъ не повѣрятъ... Да къ тому-жъ мнѣ просить прощенье у зятя? Мнѣ? Я развѣ дѣвчонка передъ нимъ; ни за что, ни за что въ свѣтѣ. (Молчаніе) Нѣтъ ли другого способа?...

Дарья. — Насильно удержать.

Марѳа Ив. — Нельзя; за это отвѣтишь.

Дарья (кинувъ пронзительный взглядъ). — Клевета!

Марѳа Ив. —Клевета? Что это клевета? Какъ, объясни...

Дарья. — Это, сударыня, послѣднее средство.

Марѳа Ив. — Говори же скорѣй...

Дарья. — Надобно, думаю такъ, поссорить Юрья Николаича съ батюшкой его, тогда онъ поневолѣ къ вамъ оборотится, вы же приласкайте его... Говорится, что если человѣкъ тонетъ, такъ готовъ за плывущую траву ухватиться. Тутъ же, какъ молодой баринъ будетъ въ отчаяньи, можно у него выманить честное слово, а на его слово и подозрительный жидъ радъ будетъ положиться — нечего сказать!...

Марѳа Ив. (въ смущеніи) — Полно, полно, да какъ намъ поссорить ихъ?... Гдѣ средство?

Дарья. — Я сказала ужъ, сударыня: клевета.

Марѳа Ив. — Да какъ это?...

Дарья. — Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрій Николаичъ вамъ говоритъ одно, а ему другое, — вотъ и дѣло съ концомъ-съ; другого средства наврядъ кто найдетъ...

Марѳа Ив. — Я тебѣ это дѣло препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!...

Дарья (подумавъ). — Вотъ что мнѣ кажется, Марѳа Ивановна: мы этакъ ихъ перессорить-то перессоримъ, а Юрій Николаичъ все васъ покинетъ.

Марѳа Ив. — Какъ?... Отчего? стало быть этотъ способъ не годится.

Дарья (въ сторону). — Рѣшительная минута. (Ей). Другого средства нѣтъ.

Марѳа Ив. — Мнѣ надо непремѣнно Юрьюшку въ руки... я безъ него жить не могу.

Дарья. — Право, это вамъ такъ только кажется-съ...

Марѳа Ив. — И ты противъ меня.

Дарья. — Какъ можно, сударыня, а я говорю, что намъ не удастся перехитрить Волиныхъ... а если удастся, такъ что́ пользы: молодой баринъ васъ не успокоитъ больше... ужъ кончено... только васъ же станетъ укорять, вамъ же безпокойства...

Марѳа Ив. — Я хочу...

Дарья. — Какъ угодно, матушка, я готова на всѣ ваши приказанія.

Марѳа Ив. (въ сторону) — Однако-жъ она правду говоритъ: внукъ все знаетъ, такъ мнѣ только на совѣсть свинецъ, если онъ будетъ жить въ моемъ домѣ да укорять меня, — Богъ съ нимъ. (Дарьѣ)

Ну, я съ тобой соглашаюсь, видно, мнѣ суждено промыкать старость сиротой, — весело зато прежде живали. Однако-жъ мнѣ хочется имъ отомстить!

Дарья (въ сторону). — Подѣйствовало. (Ей) Да, мое для мщенія лучшее средство. Ужъ наказанья Юрью Николаичу лучше не будетъ: у него негдѣ будетъ головы преклонить, какъ развѣ на улицѣ... Да и Николай Михалычу будетъ жутко... много крови у нихъ обоихъ попортится...

Марѳа Ив. — Я хочу видѣть ихъ мученья... месть... месть!... Злодѣи! прости, Боже, мое согрѣшенье... не въ силахъ... Мать Богородица и святые угодники, простите мнѣ!... Поѣду въ Кіевъ, половину имѣнья отдамъ въ церковь, всякое воскресенье 10-ти фунтовую свѣчу предъ каждымъ образомъ поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мнѣ... (Въ разслабленьи). Капель... Дашка! — дурно!...

Дарья (подаетъ). — Такъ я нынче же начну дѣло... Только, сударыня, не безпокойтесь, не огорчайтесь, весь домъ на васъ не наплачется...

Марѳа Ив. — Какъ не огорчаться...

Дарья. — Ваша воля будетъ исполнена, матушка...

Марѳа Ив. — Моя воля... ахъ!... послушай... ты такъ поступай, чтобы никто не зналъ...

Дарья. — Слушаю-съ... ужъ я...

Марѳа Ив. — То-то же!... Отведи меня на постель. (Дарья ее доводитъ до двери) Да, послушай, поди возьми шкатулку, а я ужъ сама дойду съ палкой. (Уходитъ).

Дарья (беретъ шкатулку; вернувшись). — Ха! ха! ха!... теперь рыбки попляшутъ на сковородѣ... Эта старуха вертится по моему хотѣнью, какъ сол-

датъ по барабану... Я теперь вижу золотые, серебряные... ха! ха! ха! въ рукѣ моей звенятъ кошельки... безъ нихъ вѣдь я буду хозяйкой здѣсь... барыня-то слаба... то-то любо!... Не дай Богъ, однако-жъ, чтобъ умерла... При ней-то мнѣ тепло, а тогда... придетъ дѣло плохое за всѣ мои козни, особливо если онѣ откроются... Мнѣ скажутъ: грѣхъ тяжкій эти сплетни, Богъ накажетъ... Какъ бы не такъ... я слыхала отъ господъ старыхъ, что если на исповѣди все скажешь попу, да положишь десять поклоновъ земныхъ, — и дѣло кончено, за цѣлый годъ поправа. — Да и что за грѣхъ штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца съ сыномъ — не убить, не обокрасть... помирятся вѣдь... Экая важность поссорить отца съ сыномъ... ха! ха! ха! (Хочетъ итти въ комнату госпожи съ ларчикомъ, но на пути останавливается) — Да! я позабыла подумать, какъ распустить мои ложныя вѣсти... (Подумавъ) Всего лучше чрезъ людей Василія Михалыча, какъ ненарочно, — а онъ, узнавъ, не помѣшкаетъ объявить пріятную вѣсточку братцу своему. (Уходитъ)

Явленіе II

Садъ. День. Декорація послѣдней сцены 2-го дѣйствія. Юрій входитъ... разстроенный видъ

Юрій. — Дурно кончаются мои дни въ этой деревнѣ... послѣдніе дни... Какія сцены ужасныя... Мое положеніе ужасное — какъ воспоминаніе безъ надеждъ... Чрезъ день мы ѣдемъ... Но куда? отецъ мой имѣетъ едва довольно состоянія, чтобъ содержать себя, и я ему буду въ тягость... въ тягость... О! какую я сдѣлалъ глупость... Но тутъ нѣтъ поправки... нѣтъ дороги, которая бы вывела изъ сего лабиринта. — (Молчаніе) Что я говорю?... Нѣтъ,

моему отцу я не буду въ тягость... лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить простую воду въ кругу людей, любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дѣло... (Слышенъ разговоръ) Но кто идетъ въ аллеѣ?... двѣ тѣни... Заруцкій... его мундиръ... а это... Элиза... нѣтъ, нѣтъ... это Любовь... Отчего сердце мое такъ молоткомъ и бьется, будто бы хочетъ выскочить? Что все это значитъ?... Опять искушенье, опять. (Прячется. Межъ тѣмъ Любовь и Заруцкій входятъ въ полномъ разговорѣ и останавливаются такъ, что ему нельзя слышать словъ, но можно видѣть, не будучи примѣчену).

Явленіе III

Заруцкій. — Умоляю васъ, сдѣлайте меня счастливымъ: вы не знаете, какъ горячо мое сердце пылаетъ, если вы никогда не любили; но если когда-нибудь Купидонъ заглядывалъ въ ваше сердце... то судите по себѣ... Во имя того юноши, который милъ вамъ, заклинаю васъ, приведите ее сюда...

Любовь. — Вы слишкомъ дерзки, сударь... Почему вы знаете, люблю-ли я кого-нибудь?... Поймали меня въ саду нечаянно и не даете мнѣ покою. Думаете, я не могу осрамить васъ, велѣть прогнать или пожаловаться папенькѣ... другая бы этого не сдѣлала и то для того, что вы пріятель Юрія Николаича.

Заруцкій (въ сторону). — Хорошо! (Ей) Именемъ его заклинаю васъ (становится на колѣна), заклинаю васъ, выведите Элизу... Вы будете тутъ...

Юрій (за деревомъ). — И она можетъ терпѣть то... Злой эдухъ испортилъ ея сердце... О! (стонетъ;

Зарудкій беретъ ея руку) — Довольно!... пистолеты будутъ готовы въ минуту... и (съ дикой радостью) онъ мнѣ поплатится своимъ мозгомъ. (Уходитъ)

Любовь (въ сторону). — Если бы онъ не былъ таковъ, какъ Юрій, могъ-ли бы онъ быть его другомъ? а онъ меня сдѣлалъ такой счастливой... зачѣмъ же завидовать сестрѣ?... (Ему) Дайте мнѣ вторично слово: во зло не употребить снисхожденія Элизы.

Зарудкій. — Клянусь.

Любовь. — Я не нуждаюсь въ вашихъ клятвахъ, дайте мнѣ только одно честное слово; но я не хочу насильно его у васъ вырвать, пускай это будетъ добровольно.

Зарудкій (вставая). — Мое гусарское слово.

Любовь. — Точно? Ну, я согласна, только чуръ — помнить уговоръ. (Убѣгаетъ)

Зарудкій. — Ну, вотъ и мои дѣла приходятъ къ окончанію; это славно. Что за важность, если я измѣню своему слову. Женщины такъ часто насъ обманываютъ, что и не грѣшно иногда имъ отплатить тою же монетою. (Закручивая усы) Элиза эта — преинтересная штука, хотя немного кокетится, да это ничего. Первое свиданье при свидѣтеляхъ, а второе têt à têt можно отважиться, — а если нѣтъ, ну такъ можно жениться; впрочемъ, мнѣ этого не очень хочется. Гусарское житье, говорятъ, повеселѣе.

(Юрій быстро входитъ съ пистолетами)

Явленіе IV

Юрій. — Господинъ офицеръ...

Зарудкій. — Мой другъ!...

Юрій. — Такъ вы меня называли прежде.

Зарудкій. — И теперь, надѣюсь.

Юрій (подаетъ ему пистолетъ). — Вотъ наша дружба.

Зарудкій. — Какъ?... Что это значитъ?

Юрій (отвернувшись.) — Берите.

Зарудкій. — Я не хочу. Растолкуй мнѣ, за что и на что?... Я не возьму... можетъ-быть ошибка... и за это, чортъ возьми, я не стану съ другомъ стрѣляться.

Юрій (съ горькимъ тономъ). — Трусъ!...

Зарудкій. — Ты, братъ, съ ума сошелъ или шутишь. (Отталкиваетъ подаваемые пистолеты)

Юрій (въ сторону). — Если онъ меня убьетъ, она ему не достанется; если я его убью... о, мщенье!... она ему никогда не достанется, ни ему, ни мнѣ... Пусть такъ... Теперь я понимаю, отчего онъ не хочетъ стрѣляться: онъ не хочетъ ея лишиться... Какъ желалъ бы я быть на его мѣстѣ! Смерть ему, похитителю послѣдняго моего сокровища, послѣдняго счастья души моей... Смерть и проклятье!... (Ему). Трусъ, слабодушный ребенокъ... Не тебѣ быть гусаромъ, ты способенъ стоять на колѣнкахъ передъ женщинами... Ха! ха! ха! стыдись, мямля, бери-ка пистолетъ.

Зарудкій (подходя). — Такъ Юрій въ самомъ дѣлѣ не шутитъ?

Юрій (показывая на оружіе). — Моя послѣдняя шутка здѣсь... (Кидаетъ одинъ пистолетъ на землю)

Зарудкій. — О! это много для шутки. (Подымаетъ пистолетъ) Мы стрѣляемся здѣсь?...

Юрій. — Въ самомъ дѣлѣ?... Небо или адъ мнѣ послало это блаженство? Благодарю тебя, мой помощникъ...

Зарудкій. — Только ты мнѣ долженъ объяснить...

Юрій. — Дай честное слово, что будешь стрѣляться.

Зарудкій. — Вотъ оно!...

Юрій. — Ты похитилъ у меня ея сердце, сердце той, что была сейчасъ здѣсь... Да! этого, кажется, довольно... слишкомъ для меня довольно...

Зарудкій. — Я очень радъ, что это такъ, ибо ты ошибаешься... Выслушай только...

Юрій. — Я не слушаю... Я не вѣрю ничему больше на свѣтѣ, этотъ мигъ перемѣнилъ мое существованье...

Зарудкій. — Да я не стану безъ того стрѣляться.

Юрій (съ дикой радостью). А твое честное слово?

Зарудкій (въ сторону). — Проклятое честное слово...

Юрій. — Стрѣляй!

Зарудкій. — Я готовъ. (Про себя) Выстрѣлю на воздухъ.

Юрій (въ сторону). — Можетъ быть, онъ еще не виновенъ, можетъ быть, она меня обманула... Развѣ онъ не имѣлъ права ее любить, если былъ любимъ... Однако-жъ это требуетъ крови, крови... Пускай моя кровь прольется... (Беретъ его за руку) Будемъ стрѣляться друзьями...

Зарудкій. — Что это? Откуда эта перемѣна?

Юрій. — Позволь мнѣ умереть твоимъ другомъ.

Зарудкій. — Къ чему-жъ стрѣляться?

Юрій. — Ахъ!... я хочу умереть, или тебя убить; тайна тяготитъ мое сердце... короче, я долженъ съ тобою стрѣляться...

Зарудкій. — Но какая тайна?

Юрій. — О, нѣтъ! не испытывай меня... не принимай участія, его не должно для меня существовать... не срывай покрова съ души, гдѣ весь адъ, все бѣшенство страстей... Позволь лучше, позволь мнѣ тебя обнять въ послѣдній разъ. (Обнимаетъ; поднявшись) Такъ, все кончено... Я сдѣлалъ должное... Послѣдняя слеза всѣхъ моихъ слезъ, свинцовая слеза моихъ страданій упала ему на грудь... Ее можетъ-быть пробьетъ мой свинецъ; что-жъ... онъ будетъ тогда счастливѣй меня. (Къ нему) Добрая ночь, другъ... а попы намъ отпоютъ вѣчную память. (Становятся)

Заруцкій (наводитъ пистолетъ). — Разъ... два...

Юрій. — Постой...

Заруцкій. — На что?

Юрій. — Ты долженъ мнѣ клясться, что если я буду убитъ... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкій... Заруцкій!... Не забудь, что мы еще друзьями... Ты долженъ отомстить меня, — я для тебя все сдѣлалъ, что нужно. У меня въ карманѣ бумага, гдѣ написано, что я самъ застрѣлился... А ты бѣги! бѣги!... Совѣсть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкій. — Твой умъ разстроенъ: ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрій.—Не говори, не оправдывай ее: она черна, какъ сажа... Не эта ли дѣвушка клялась въ любви на груди моей, не здѣсь ли хранится ея клятва?... Я преклонялъ мои колѣна, какъ передъ ангеломъ, ангеломъ невинности. — Боже Всемогущій, прости, что я оклеветалъ Твое чистѣйшее творенье...

Заруцкій. — Коли дѣло дѣлать, такъ скорѣй; намъ могутъ помѣшать...

Юрій (въ задумчивости). — Какой адскій духъ

толкнулъ меня за это дерево... Зачѣмъ я долженъ былъ увидѣть обманъ, мнѣ приготовленный; зачѣмъ, выпивая чашу яда, мнѣ должно было узнать о томъ въ ту минуту, когда напитокъ уже на языкѣ моемъ?... Можетъ-быть, безъ этого я бы скоро ее разлюбилъ или провелъ мѣсяцы наслажденья спокойнаго, на груди измѣнницы... Но теперь, теперь, когда я самъ видѣлъ... теперь... змѣя ревности клубится въ груди моей... ненависть пожираетъ мою душу... я долженъ отмстить за оскорбленное мое сердце...

Зарудкій. — Волинъ! готовься...

Юрій (не слышитъ). — Ужели это была необходимость, ужели судьбѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ — терзать меня... Она знаетъ, что человѣкъ слабѣе ея. Ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенникомъ однихъ высокихъ чувствъ, окаменѣй подобно ея сердцу... Пускай въ тебѣ дымится мщенье!... О! для чего въ первыя минуты любви закрыты отъ насъ муки ревности?... Но онъ, онъ... мой другъ... ахъ! зачѣмъ? Я-бъ раздробилъ его черепъ... Теперь я долженъ умереть... И что для меня жизнь? Что снова блеснетъ разочарованной душѣ двадцатилѣтняго старика?... (Подумавъ) Такъ... я старъ... довольно жить!

Зарудкій (бьетъ его по плечу). — Теперь не время размышлять... Или ты боишься?...

Юрій (какъ отъ сна). — Я готовъ! (Оборачивается и открываетъ лобъ) Дай я буду считать... Когда скажу три: спускай... Разъ — два — (останавливается) не могу... Чудо! сердце охладѣло... Слова не льются... Но я возьму верхъ. (Слышенъ крикъ. Вбѣгаетъ Любовь)

Явленіе V

Любовь (подбѣжавъ къ Юрію, вндитъ пистолеты). — Ахъ!... что это такое?...

Юрій (отходя прочь). — Ничего!...

Любовь (къ Заруцкому). — Ради Неба!... что это значитъ? (Молчаніе) Даже вы не хотите мнѣ сказать... (Къ Юрію) Зачѣмъ эти пистолеты?... и стволъ къ тебѣ...

Юрій (язвительно). — Спроси у него... у этого гусара въ золотомъ ментикѣ и съ длинными усами; онъ и теперь лучше удовлетворитъ твоему желанію, чѣмъ я.

Любовь (съ нѣжнымъ укоромъ). — Юрій!... зачѣмъ такой холодный тонъ... Какъ ты скоро перемѣнился...

Юрій (въ сторону). — О, непостижимое женское притворство! (Ей) Оставьте меня... я сказалъ вамъ, спросите у Заруцкаго!...

Заруцкій (подходитъ къ Юрію). — Намъ помѣшали; итакъ, до завтрашняго... (Уходитъ)

Юрій. — Какъ знать, что будетъ завтра... Можетъ-быть, я буду счастливъ, можетъ-быть, я буду лежать на столѣ... (Любови) Что вы не пошли за нимъ, онъ васъ любитъ больше меня...

Любовь. — Какая холодность!... но мы теперь одни, растолкуй мнѣ эту тайну, умоляю тебя Самимъ Богомъ...

Юрій. — Не Имъ ли ты клялась любить меня?

Любовь. — Я сдержала мою клятву.

Юрій. — Я и позабылъ, что она не клялась любить меня одного... Быть можетъ, она права. Кто знаетъ женское сердце?... говорятъ, оно способно любить многихъ вдругъ...

Любовь (съ грустью). — О, какъ ты несправедливъ...

Юрій. — Противъ тебя? Я несправедливъ? И ты можешь такъ равнодушно говорить, какъ будто... О, трепещи, если я докажу тебѣ.

Любовь. — Чего мнѣ бояться? Совѣсть моя чиста...

Юрій. — Ея совѣсть? Адъ и проклятье... Я тебя любилъ безъ всякой цѣли, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я былъ готовъ отдать душу, за одинъ твой веселый часъ я заплатилъ бы цѣлыми годами блаженства... и ты... мнѣ измѣнила!...

Любовь. — Какъ! такая клевета, ужасное подозрѣніе вышло изъ твоего сердца?... Не вѣрю; ты хотѣлъ испугать меня... (Беретъ его за руку) Ты шутишь... о, скажи! ты шутишь? Юрій, перестань, я не вынесу этого...

Юрій (въ бѣшенствѣ). — И ты не стыдишься передъ этими деревами, передъ цвѣтами, растущими вокругъ, передъ этимъ голубымъ сводомъ, которые были свидѣтелями нашихъ взаимныхъ обѣщаній... Посмотрите, дерева, съ какой адской улыбкой, притворной невинностью, она стоитъ между вами, недвижна, какъ жена Лотова... Взгляни и ты, дѣвушка, на нихъ: они качаютъ головами, укоряютъ тебя, смѣются надъ тобой... Нѣтъ, надо мной они хохочутъ... Слышишь, говорятъ: безумецъ, какъ могъ ты повѣрить женщинѣ?... Клятвы ея на пескѣ, вѣрность на воздухѣ... Бѣги, бѣги, уже зараза смертельная въ крови твоей... Бѣги далеко изъ родины, — гдѣ для тебя ничего больше нѣтъ... Бѣги туда, гдѣ нѣтъ женщинъ... Гдѣ-жъ этотъ край благо-

словенный?... Пущусь искать его... Стану бродить по свѣту, пока найду и погибну... Гдѣ?... Лишь бы дальше отъ нея... а то мнѣ все равно! Простите, мѣста моего дѣтства, прости любовь, надежда, мечты дѣтскія... все свершилось для меня! (Хочетъ бѣжать. Любовь, какъ пробудившись, вдругъ останавливаетъ его)

Любовь. — Остановись на минуту!... Не погуби невинную дѣвушку. (Жалобно) Слушай, жестокій другъ: клянусь, въ первый разъ, клянусь всѣмъ страшнымъ для меня, что я тебя одного любила и люблю... чего тебѣ еще больше, неужели эти слова тебя не увѣрятъ? Юрій, отвѣчай мнѣ ласково, иначе ты убьешь меня. (Сильнѣе прижимаетъ къ себѣ его руку)

Юрій (почти не слыхавъ ея словъ). — Какой сильный духъ остановилъ меня? Отчего я еще здѣсь?... Моя голова пылаетъ, мысли мѣшаются... (Старается вырваться) Пусти... пусти...

Любовь. — Юрій! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тѣхъ поръ смерть не оторветъ меня отъ ногъ твоихъ; я обниму колѣна; если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мнѣ тебѣ все объяснить!...

Юрій (холодно). — Вы справедливы...

Любовь. — Ты говоришь не отъ сердца.

Юрій. — Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь (пускаетъ слабже его руку, но Юрій не выдергиваетъ свою, и она остается). — Помнишь ли ты прошедшее? ты самъ признавался, что моя нѣжность сдѣлала тебя счастливѣйшимъ человѣкомъ; я вѣрю, ибо люблю тебя со всѣмъ пламенемъ первой страсти... Вспомни, что ты мнѣ разсказывалъ давно уже; ты говорилъ, что предметъ пер-

вой любви твоей своею холодностью сдѣлалъ твой характеръ мрачнымъ и подозрительнымъ, что съ тѣхъ поръ твое сердце страдаетъ отъ нанесенной язвы... (Юрій глядитъ въ сторону, дабы скрыть смущеніе) А ты губишь первую любовь бѣдной дѣвушки... суди по себѣ... ты сдѣлался мраченъ, а я не перенесу этого... Неужели ты такой эгоистъ, что почитаешь себя одного съ чувствомъ и душою... О, Юрій! ты такъ обманулъ меня, ты говорилъ о привязанности своей ко всему міру, ко всѣмъ людямъ, а нынѣ не имѣешь сожалѣнія къ бѣдной дѣвушкѣ... (Юрій въ сильномъ смущеніи) Но ты плачешь... о, не вѣрю, что ты совсѣмъ меня отвергнулъ, нѣтъ, я еще любима, — не вѣрю твоей холодности; она пройдетъ, ревнивый мужчина!... Видишь, я у ногъ твоихъ, прошу пощады, люби меня... выслушай оправданье... (Съ рыданьемъ упадаетъ передъ нимъ и обнимаетъ его колѣна. Юрій въ сильномъ движеніи, рыданья останавливаютъ вырывающіяся слова; онъ плачетъ)

Юрій (дрожащимъ голосомъ). — Прочь, прочь... сирена... прочь отъ меня...

Любовь (встаетъ и поднимаетъ глаза къ небу. Тихо). — О, Боже, Боже мой!...

Юрій (отошедъ въ сторону). — Слабость! слабость! она мнѣ напомнила про первую любовь, про первыя муки душевныя, — и я заплакалъ. Но она не тверже меня духомъ: я заставлю ее, блѣднѣя и дрожа, признаться въ измѣнѣ... (Молчаніе) Я не знаю, она еще такъ много власти имѣетъ надо мною, что надо призвать всю твердость, чтобъ совершенно окаменѣть... Такъ, я не долженъ имѣть ни малѣйшей жалости къ прекрасному личику этому... я желалъ бы ее сдѣлать без-

образной... чтобы... чтобы совершенно истребить изъ груди любовь. (Беретъ пистолетъ и подходитъ къ ней) Видишь-ли это оружіе... Я могу чрезъ одно пожатіе пальца превратить тебя въ окровавленный трупъ... Видишь... (Прицѣливается)

Любовь. — Стрѣляй, если можешь...

Юрій (бросаетъ пистолетъ съ досадою). — Женщина!

Любовь. — Неужели ты думаешь, что я дорожу теперь жизнью?... Нѣтъ, я никогда не наслаждалась ею и умѣю не бояться убійцы. (Опускаетъ снова въ задумчивости голову и руки)

Юрій (мрачный, приближается къ ней). — Наши сердечныя связи расторгнуты, — виновата ты или нѣтъ. Я не буду любить тебя и не могу, если-бъ даже и хотѣлъ. (Глядитъ ей пристально въ глаза и беретъ руку) Вотъ перстень, который ты мнѣ дала недавно; возвращаю его тебѣ, какъ ненужнаго свидѣтеля любви моей, — возьми его назадъ. — Я ѣду изъ родины въ чужіе края, ничто больше здѣсь меня не задержитъ... (Тронутый) Благодарю тебя за лучшіе часы моей жизни... и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нѣжной женщины, и что это блаженство короче всѣхъ блаженствъ... (Жметъ руку ей) Благодарю тебя, Любовь!... (Молчаніе. Послѣ чего Юрій съ жаромъ продолжаетъ) О другъ мой! оставь свое безполезное упрямство; ты меня не разувѣришь, ибо я самъ все видѣлъ... но признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть-можетъ, я снова полюблю тебя...

Любовь (гордо). — Нѣтъ! я на свою честь не буду клеветать... Впрочемъ, мое признанье было-бъ безполезно, если-бъ я была въ самомъ дѣлѣ виновна предъ тобою...

Юрій. — Итакъ, ты не хочешь?...

Любовь (твердо). — Не могу и не должна!...

Юрій. — Прощай. (Идетъ, но ворочается) Дай мнѣ полѣдній поцѣлуй. (Беретъ ея руки) Прощай, Любовь, прощай надолго!... (Цѣлуетъ ее въ губы; въ восторгѣ) Нѣтъ! нѣтъ! эти уста никогда не могли быть преступными, я-бъ никому не повѣрилъ, если-бъ... Проклятое зрѣнье! Богъ Всевѣдущій! зачѣмъ Ты не отнялъ у меня прежде этого зрѣнья?... Зачѣмъ попустилъ видѣть? Что я Тебѣ сдѣлалъ, Богъ?... О! (съ дикимъ стономъ) во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ Тебѣ ни вѣры, ничего нѣтъ въ душѣ моей... но не наказывай меня за мятежное роптанье, Ты... Ты... Ты самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любитъ и ненавидитъ до крайности... Ты виновенъ! Пусть громъ упадетъ на меня, я не думаю, чтобъ послѣдній вопль давно погибшаго червя могъ Тебя порадовать... (Въ отчаяньи убѣгаетъ. Молчаніе)

Любовь (оглядывается; жалобно). — Онъ ушелъ! О, я несчастная дѣвушка!... (Упадаетъ въ слабости на скамью дерновую)

(Занавѣсъ опускается)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Явленіе I

Комната Николая Михайлыча; сундуки и чемоданы готовы къ отъѣзду

Вас. Мих. (уходя, слугѣ, который идетъ за нимъ). — Что? что? не можетъ быть; неужели это правда?

Слуга. — Точно такъ-съ...

В а с. М и х. — Такъ, такъ! мнѣ самому это все казалось... Экій шельма... Поди, позови брата сюда моего... Экое несчастное дѣло! (Уходитъ слуга) Ну, какъ объявить ему? Теперь просто... да, просто надобно за одинъ разъ кончить эти сплетни. (Садится) Надобно порядкомъ распечь племянника моего, — экую онъ заварилъ кашу! однако я пощажу его немного. Молодость, все молодость! хотя это такой порокъ, отъ котораго всякій день мы исправляемся. Можетъ быть, онъ и не совсѣмъ такъ говорилъ, или что-нибудь да не такъ тутъ есть... Впрочемъ, я не думалъ бы никакъ, чтобъ Юрій дошелъ до такой низости, если-бъ... (Въ задумчивости опускаетъ голову) Ба! что это за записка? „Ma chère...“ Это любопытно. (Подымаетъ записку; вдругъ вскакиваетъ въ изумленіи и долго молчитъ, смотря на записку, потомъ съ досадой говоритъ) Какъ?!... Къ Любови, къ моей дочери, любовное письмо... свиданіе... Юрій... Нѣтъ, этого я не стерплю. (Молчаніе) Видно, это давно написано, потому что на полу валяется, какъ все старое. (Молчаніе) Ну, говори, что я несправедливо дѣлалъ, любя дочерей моихъ неодинаково... Я напередъ какъ бы предчувствовалъ это... Вотъ Лизушка такой штуки не сдѣлаетъ... Съ братомъ двоюроднымъ любовное свиданіе, — гдѣ это на свѣтѣ видано?... О! я ему отомщу; будетъ теперь меня помнить! Послѣ этого чего нельзя отъ него ожидать, отъ обольстителя двоюродной сестры!... (Ходитъ взадъ и впередъ) Однако припрячу записку до случая. (Кладетъ въ карманъ) Но вотъ и братъ идетъ, кажется...

Явленіе II

Николай Михайлычъ входитъ

Ник. Мих. — Что это, братъ, такое? Что опять за важное дѣло? У меня, право, ихъ теперь такъ много, что не знаю, куда съ ними дѣваться.

Вас. Мих. — Да, дѣло не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Ник. Мих. — Марѳа Ивановна что-нибудь еще хочетъ сочинить, не правда ли?

Вас. Мих. — Нѣтъ, до нея тутъ ничего не касается...

Ник. Мих. — Эхъ, братецъ! такъ что же тутъ можетъ быть важнаго? Ты меня только оторвалъ отъ занятья... Объ этомъ послѣ можно поговорить.

Вас. Мих. — То-то нельзя...

Ник. Мих. — Что же это?

Вас. Мих. — Твой сынъ...

Ник. Мих. — Мой сынъ — лучшій изъ сыновъ: благороденъ, справедливъ, хотя мечтателенъ, и меня любитъ, не смотря на всѣ происки старухъ...

Вас. Мих. — Хмъ! хмъ! хмъ!

Ник. Мих. — Что ты такъ смотришь? Неужели кто-нибудь можетъ сказать „нѣтъ“?

Вас. Мих. — Нѣтъ! — не то, чтобы не любилъ совсѣмъ, а это еще подлежитъ сомнѣнію.

Ник. Мих. — Какъ сомнѣнію? Что это? Неужели ты такъ о немъ думаешь, братецъ?

Вас. Мих. — Да, думаю... И, можетъ-быть, ты самъ скоро начнешь думать.

Ник. Мих. — По крайней мѣрѣ, онъ до сихъ поръ не подалъ мнѣ повода почитать его безчестнымъ человѣкомъ.

Вас. Мих. — Вотъ видишь: есть люди, которые умѣютъ такъ скрыть цѣль свою и свои поступки, что...

Ник. Мих. — Братецъ! Юрій не изъ такихъ людей...

Вас. Мих. — Человѣкъ неблагодарный не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

Ник. Мих. — Въ немъ этого нѣтъ...

Вас. Мих. — А какъ есть? — Развѣ Марѳа Ивановна не воспитала его, развѣ не старалась объ его дѣтствѣ, развѣ не ему же хотѣла отдать все свое имѣніе, — а онъ оставитъ... Ну, да это для отца... Да какъ поступаетъ съ ней? со стороны жалко смотрѣть: грубъ съ нею, какъ съ послѣдней кухаркою.

Ник. Мих. — Что же изъ этого всего ты хочешь вывесть?... Ради Бога, объяснись!...

Вас. Мих. — А то хочу вывесть, что онъ, обманувъ ее, можетъ обмануть и тебя. Видишь, тебѣ кажется, что онъ съ ней такъ дурно поступаетъ, ее оставляетъ, про нее дурно говоритъ... А кто знаетъ, можетъ-быть, и ей онъ на тебя Богъ знаетъ какъ клевещетъ.

Ник. Мих. — Стыдись! это всѣ одни несправедливыя подозрѣнія! помилуй! что ты дѣлаешь?

Вас. Мих. — Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ; и у меня, повѣрь, не одни подозрѣнія, — безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить.

Ник. Мих. — Да тутъ нѣтъ добраго смысла, братецъ!...

Вас. Мих. — Отчего же?

Ник. Мих. — Ну, ты, вѣрно, согласишься, что Юрій уменъ.

Вас. Мих. — Глупый человѣкъ не можетъ быть такъ лукавъ...

Ник. Мих. — Итакъ, согласенъ? Какая же тутъ цѣль? Онъ долженъ бы былъ понять, что эти сплетни, какъ ты говоришь, ни къ чему не послужатъ?

Вас. Мих. — То-то и дѣло, онъ уменъ, потому-то я еще и не совсѣмъ дошелъ до цѣли; а въ томъ, что я теперь тебѣ разскажу, я увѣренъ. Слушай же: вчерась, въ ея комнатѣ, онъ говоритъ своей бабкѣ: довольны ли вы теперь моей привязанностью? вамъ тяжко присутствіе моего отца! я ему про васъ наговорилъ, онъ съ вами побранился, — и теперь вы имѣете полное право ему указать порогъ...

Ник. Мих. — Ужасное безстыдство...

Вас. Мих. — Да! но это не все...

Ник. Мих. — Что еще можетъ быть хуже этого?... но нѣтъ, не вѣрю... не вѣрю... кто слышалъ это? (Беретъ его сильнымъ движеніемъ за руки) Отвѣчай, кто слышалъ?... Кто?

Вас. Мих. (въ сторону). — Бѣда! надобно солгать. (Ему) Я... я слышалъ... право, я...

Ник. Мих. — Непостижимый случай, — сынъ... не могу подумать этого — извергъ!

Вас. Мих. — Успокойтесь!... успокойтесь!...

Ник. Мих. — Мнѣ успокоиться? ха! ха! (Звонитъ. Человѣкъ входитъ) Сына моего пошли, сію минуту отыщи его, хотя-бъ онъ былъ у самого чорта... слышишь!... (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ)

Вас. Мих. — Но я тебя прошу, братецъ, поменажируй, поменажируй его, пожалуйста; — вѣдь я такъ только тебѣ сказалъ, а не для того,

чтобы сдѣлать изъ этого цѣлую исторію... Пощади его, вѣдь онъ еще молодъ, видишь ли... братецъ...

Ник. Мих. (въ бѣшенствѣ). — Никогда, никогда! мнѣ его пощадить? нѣтъ! я ему дамъ нагонку. Кто-бъ подумалъ, такое злодѣйство? хотя бы капля совѣсти... ничего! До тѣхъ поръ меня обмануть... О! онъ дорого мнѣ это заплатитъ. (Ходитъ взадъ и впередъ)

Вас. Мих. (въ сторону). — Вотъ, кажется, и Юрій идетъ сюда, сяду на это кресло и, какъ ни въ чемъ не бывало, стану слушать. Да, я-бъ желалъ, чтобъ ему хорошенько досталось: вѣдь видно, что родства не знаетъ, — любовное свиданіе съ моей дочерью!... Боже, Боже мой! Экая нынче молодежь! Ну-жъ, я ему отплатилъ! въ такихъ случаяхъ солгать простительно. (Садится возлѣ стола)

Явленіе III

Прежніе и Юрій (входитъ тихо)

Юрій. — Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Ник. Мих. (въ сторону). — Любезный! Я ему задамъ такой любезности, что онъ будетъ помнить.

Юрій (ближе). — Батюшка! что вамъ угодно?...

Ник. Мих. (оборачиваясь, сердито и строго.) — Кажется, вамъ бы можно со мною поучтивѣе обращаться... (Юрій въ удивленіи отступаетъ назадъ)

Вас. Мих. (въ сторону). — Идетъ хорошо покуда.

Ник. Мих. — Кто тебѣ велѣлъ сюда придти? (Юрій все еще смотритъ на него) Повторяю: зачѣмъ ты сюда пришелъ?

Вас. Мих. — Да вѣдь ты, братецъ, за нимъ, кажется, посылалъ!...

Ник. Мих. — Знаю самъ. Да я хочу, чтобы онъ отвѣчалъ... (Съ презрѣніемъ) Видишь, какъ смотритъ, точно быкъ. (Юрію). Что ты молчишь, негодяй?

Юрій. — Что такое? Но вы, вѣрно, шутите, батюшка, — перестаньте, прошу васъ; нынче такія шутки мнѣ слишкомъ тяжело легли на сердце... кончите.

Ник. Мих. (сердито). — Смотри, пожалуйста, я съ нимъ шучу!... Нѣтъ, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человѣкъ...

Юрій (горячо). — Батюшка! я не заслужилъ этого!

Ник. Мих. — Ты заслужилъ больше... ты стоишь, чтобъ я тебя прибилъ... и еще больше...

Юрій (гордо и съ увеличивающимся жаромъ). — Вспомните, что я уже не ребенокъ... не доведите меня до крайности, — моя голова довольно нынче разгорячена... Я невиненъ... ручаюсь честью! но за себя не всегда могу отвѣчать!... не...

Ник. Мих. (прерываетъ). — Отецъ всегда имѣетъ право надъ сыномъ... а ты хочешь итти противъ меня, неблагодарный...

Юрій. — Такъ! я неблагодаренъ, только не къ вамъ. Я обязанъ вамъ одною жизнью... возьмите ее назадъ, если можете... О! это горькій даръ...

Ник. Мих. — Что ты хочешь сказать этимъ?...

Юрій. — Для васъ я покидаю несчастную старуху, хотя могъ бы быть опорой послѣднихъ дней ея... Она мнѣ дала воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я ее приблизилъ къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... Я не долженъ былъ

смотрѣть на ваши распри: обязанность человѣчества должна была занять мое сердце... Но для васъ я сдѣлалъ великое преступленье... и вы меня обвиняете... вы, мой отецъ... Нѣтъ, это свыше границъ возможнаго...

Ник. Мих. — Ты можешь такъ безстыдно лгать, лицемѣръ, ты, который своими низкими сплетнями увеличилъ нашу ссору; который, надѣвъ маску привязанности, являлся къ каждому и вооружалъ одного противъ другого; черезъ котораго я, какъ послѣдній нищій, выгоняемъ изъ этого дома... Несчастный, если-бъ я это зналъ, я-бъ тебя удушилъ при твоемъ рожденьи... чтобъ никогда глаза мои не видали такого чудовища!...

Юрій (бросается къ ногамъ его). — Ради всего страшнаго, не продолжайте, отецъ мой... Я почти понимаю, что вы хотите сказать... Клевета... клевета... все клевета... Не вѣрьте никому, кромѣ мнѣ... Я васъ люблю, я это доказалъ...

Ник. Мих. — Змѣя!...

Юрій. — Разсмотрите, узнайте... Но берегитесь меня доводить до отчаянія... я невиненъ!...

Ник. Мих. — Я все знаю... Теперь поздно, твое коварство тебѣ не удалось нынче! Сквозь этотъ огорченный видъ невинности, сквозь эти блѣдныя черты я вижу адскую душу... Отрекаюсь отъ нея: ты больше мнѣ не сынъ... Прочь, прочь отсюда съ твоимъ наслѣдствомъ... Ты мнѣ золотомъ не заклеишь языкъ... Я все тебя отвергну, хотя-бъ съ тобой были милліоны... Такое коварство... почти отцеубійство, если не хуже, потому что я тебя любилъ... И въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Прочь, прочь!... Я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояніе самое опасное; можетъ-быть — и

скоро — совсѣмъ разорюсь... Буду просить милостыню... Повѣрь мнѣ, даже не подойду къ твоему окошку... я не захочу встрѣтить на немъ печать моего проклятья... Сердце мое тогда бы облилось сожалѣньемъ... Я этого не хочу — прочь!...

Юрій (вздрагиваетъ при словѣ проклятье и, бывъ прежде въ ужасномъ движеніи, вдругъ становится какъ окаменѣлый. Молчаніе).

Вас. Мих. (подходитъ къ брату). — Не довольно ли? Посмотри, какъ онъ блѣденъ... какъ мертвецъ...

Ник. Мих. — Такъ его и надо... Нужды нѣтъ!... Онъ еще можетъ раскаяться...

Юрій (вдругъ съ дикимъ хохотомъ). — Ха! ха! ха! Отецъ проклялъ сына... Какъ это легко!... Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо... Посмотрите на эти спокойныя черты: этотъ отецъ проклялъ сына. (Уходитъ въ сильномъ, но молчаливомъ отчаяніи)

Явленіе IV

Прежніе безъ Юрія

Ник. Мих. — Онъ ушелъ?...

Вас. Мих. — Кажется, братецъ, кажется...

Ник. Мих. — Я такъ утомился; мнѣ надобно отдохнуть... О! не дай Богъ имѣть такіе дни въ жизни никакому отцу!

Вас. Мих. — Ты правъ, братецъ... Не дай Богъ...

Ник. Мих. (Уходитъ).

Явленіе V

Вас. Мих. (одинъ). — Ужъ досталось тебѣ, негодяй!... Если-бъ я еще послѣднее сказалъ

да представилъ это письмо, такъ не то бы еще было; да такъ ужъ пожалѣла моя душа... Теперь пойду; однако-жъ дочку свою не стану еще бранить... будетъ время... И безъ насъ здѣсь шуму и горя довольно... Охъ! охъ! охъ!... (Уходитъ за братомъ своимъ)

Явленіе VI

Дарья (которая подслушивала за противоположной дверью, выходитъ на цыпочкахъ). — Все кончено, слава Богу; мнѣ удалась эта штука, какъ многія другія; однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить, такъ прекрасно черезъ людей передала я свою выдумку Василію Михалычу; а тотъ сдуру и повѣрилъ... Ну-жъ, мнѣ будетъ благодарность отъ госпожи моей... Денегъ-то, денегъ-то!... А ужъ этотъ Волинъ... Зажгла я его хоромы, и моремъ не потушить. Теперь все наше! хоть заранѣ молебенъ святымъ угодникамъ служи... Однако-жъ, потороплюсь объявить свою новость барынѣ... Добро вамъ, незванные гости!

Явленіе VII

Дарья хочетъ уйти, но встрѣчается въ дверяхъ съ Маѳой Ивановной

Маѳа Ив. (входитъ съ палкой). — Дашка! Дашка! что тутъ случилось? Скажи скорѣй! Я слышала шумъ... Вижу радость на твоемъ лицѣ... Что такое? Дашка! подай стулъ...

Дарья (подвинувъ стулъ). — Что случилось, сударыня?...

Маѳа Ив. — Ну, да. Говори же...

Дарья. — Что случилось?!

Марѳа Ив. — Какое дурацкое эхо!... Отвѣчай же скорѣй...

Дарья. — Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынкомъ... Не извольте бояться, это ничего: Юрья Николаича батюшка побранилъ да, въ шутку, и проклялъ, а тотъ огорчился. Вотъ вамъ все, сударыня.

Марѳа Ив. — Проклялъ... Ты этому виною, негодяйка... ты (поднимаетъ руку на нее) своими сплетнями это сдѣлала...

Дарья. — Да вѣдь вы сами, матушка, приказывали (кланяясь). Чѣмъ же я могла васъ прогнѣвить...

Марѳа Ив. — Въ ссылку сошлю, засѣку... Я тебѣ сказала, чтобъ поссорить ихъ... но развѣ не ты мнѣ это присовѣтовала?... Теперь что съ нимъ будетъ, съ Юрьюшкой, — погубитъ онъ свою душу... Прочь, адскій духъ, прочь!... съ глазъ моихъ долой!... въ Сибирь!... въ адъ!... Охъ, я несчастная... окаянная!... Что это мы надѣлали...

Дарья (повалившись ей въ ноги). — Помилуйте! мать родная... золотая... серебряная!... Государыня... спасите меня!...

Марѳа Ив. — Какъ могло это до того дойти?... Кто-бъ подумалъ?... О, эта змѣя проклятая!... О! если-бъ я знала, я бы скорѣй помирилась тысячу разъ съ Волинымъ... лишь бы не дошло до этого... На старости лѣтъ такой грѣхъ на мнѣ... Онъ погибъ теперь... и я погибла... и всѣ... всѣ... Уфъ! какъ темно... какъ холодно... будто... будто желѣзная рука выдавила послѣднюю каплю крови изъ моего сердца!... Тамъ свѣтло... вотъ чаша... въ ней вода... въ водѣ ядъ... (Молчаніе. Тихо) Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди!

Чего ты отъ меня хочешь? Ты говоришь, что ты душа моего внука!... Нѣтъ... откуда тебѣ взяться?... Охъ!... охъ!... не трогай руки моей!... Я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. (Уходитъ съ признаками сумасшествія)

Дарья (вставъ). — Она сошла съ ума, — теперь опять все наше, опять дѣло выиграно. (Уходитъ съ веселымъ лицомъ).

Явленіе VIII

Комната Юрія. Темно. Онъ стоитъ возлѣ стола, опершись на него рукою; возлѣ него стаканъ воды. Иванъ, слуга его, стоитъ недалеко

Иванъ. — Здоровы ли вы, баринъ?...

Юрій. — На что тебѣ?...

Иванъ. — Вы такъ блѣдны...

Юрій. — Я блѣденъ?... Можетъ-быть, скоро буду еще блѣднѣе...

Иванъ. — Вашъ батюшка только погорячился, онъ скоро васъ проститъ...

Юрій. — Поди, добрый человѣкъ, это до тебя не касается.

Иванъ. — Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить...

Юрій. — Ты лжешь! Здѣсь нѣтъ никого, кто-бъ занимался мною... Я здоровъ; поди же прочь.

Иванъ. — Напрасно, сударь, хотите меня въ томъ увѣрить: вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное...

Юрій (вынимаетъ изъ шкатулки, на столѣ стоящей, кошелекъ. Въ сторону). — Я слыхалъ, что въ людяхъ это (показывая на кошелекъ) многое можетъ произ-

вести. (Ивану) Возьми это, — и ступай отсюда... Здѣсь тридцать червонцевъ...

Иванъ. — За тридцать сребренниковъ продалъ Іуда Іисуса Христа... А это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ... хотя рабъ, а не рѣшусь взять отъ васъ денегъ за такую услугу.

Юрій (бросаетъ въ окно). — Такъ пусть кто-нибудь подыметъ.

Иванъ. — Что это съ вами, сударь, дѣлается, утѣшьтесь... Не все горе, не все печаль на свѣтѣ, успокойся, батюшка.

Юрій (тяжело). — Ахъ! о, однако-жъ...

Иванъ. — Богъ пошлетъ вамъ счастье... Хотя-бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали: никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ...

Юрій. — Точно?...

Иванъ. — Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Бога молить.

Юрій. — Такъ у тебя есть жена и дѣти?...

Иванъ. — Да еще какія... какъ съ неба; прекрасная, добрая жена... И малютки: сердце радуется, глядя на нихъ...

Юрій. — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу...

Иванъ. — И тѣломъ, и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Юрій. — У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда... (Отходитъ въ сторону)

Иванъ. (Смотритъ на него съ сожалѣньемъ. Его кто-то изъ-за кулисъ вызываетъ къ Маѳѣ Ивановнѣ. Онъ уходитъ медленно. Юрій остается одинъ)

Явленіе IX

Юрій одинъ

Юрій. — А онъ, мой отецъ, меня проклялъ! И такъ ужасно... Въ ту минуту, когда я для него жертвовалъ всѣмъ, этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... Въ эту самую минуту... Ха! ха! ха! О, люди, люди!... Два, три слова, глупѣйшая клевета сдѣлала то, что я стою здѣсь на краю гроба... Прекрасная вѣчность! Прекрасныя воспоминанія!... Но это все должно было такъ кончиться... Гдѣ золото есть главный предметъ, дѣло тамъ не кончится лучше... И въ этотъ день онъ меня проклялъ! Въ тотъ самый день, когда я столько страдалъ, обманутый любовью, дружбой... Мое терпѣнье кончилось... кончилось... Я терпѣлъ, сколько могъ... но теперь... это выше силъ человѣческихъ!... Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?... Что смерть? Переходъ изъ одной комнаты въ другую, подобную ей. (Указывая на стаканъ) Какъ подумать, что эта ничтожная вещь побѣдитъ во мнѣ силу творческой жизни, что бѣлый порошокъ превратитъ въ пыль мое тѣло, уничтожитъ созданіе Бога... Но если Онъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не препятствуетъ ужасному преступленью, самоубійству? Зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца?... Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденья, зная про мою гибель?... Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнью я могу умереть или жить?... О, человѣкъ! несчастное, брошенное созданіе... Онъ сотворенъ слабымъ, его доводитъ судьба до крайности... и сама его наказываетъ; животныя безсловесныя счастливѣе насъ: они не различаютъ ни добра, ни зла; они не имѣютъ

вѣчности; они могутъ... О! если-бъ я могъ уничтожить себя! Но нѣтъ!... Да! нѣтъ! Душа моя погибла. Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... Я молился... не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло его тронуть! (Сыплетъ порошокъ въ стаканъ) О! я умру... О смерти моей, вѣрно, больше будутъ радоваться, нежели о рожденіи моемъ. Отецъ меня отвергнулъ, проклялъ мою душу и долженъ этого дожидаться. (Молчаніе небольшое) Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда дерево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человѣческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производитъ искры, природа — людей; однихъ — глупѣе, другихъ — умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мірѣ, другіе — неизвѣстны; такъ искры не равны межъ собой, но всѣ онѣ равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ большихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно, страдалъ ли я, веселился ли — все умру. Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ. Безумцы! безумцы мы!... желаемъ жить... Какъ будто два, три года что-нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стóятъ нашихъ заботъ, тщетныхъ, какъ жизнь. Счастливъ умершій въ такое время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ свинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его. — Прощай, мой отецъ! мы никогда не увидимся... Не отъ тебя я умру... ты только помогъ мнѣ образумиться...

Ахъ!... и она!... эти прекрасныя, обманчивыя черты потеряютъ свою привлекательность. Кто-бъ повѣрилъ?... Мнѣ ихъ жалко. О! скоро... скоро. Вы всѣ пройдете какъ тѣни... (Беретъ стаканъ и пьетъ, тутъ вздрагиваетъ) За здоровье ваше... Меня утѣшаетъ мысль: всѣ люди погибнутъ... Глупо было бы желать быть исключену изъ этого числа. Но зачѣмъ холодъ бѣжитъ по моимъ жиламъ, зачѣмъ я дрожу?... Еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерть, и я — твой!... (Садится на кресла. Небольшое молчаніе)

Явленіе X

Любовь и Элиза входятъ въ разговорѣ. Юрій, видя ихъ, вскакиваетъ и отходитъ въ сторону. Въ комнатѣ темно

Элиза. — Что тебѣ сказалъ Заруцкій, отчего его не было въ саду?... это что все значитъ?... Твое безпокойствіе не къ добру, ma chère; ты отъ меня бѣгаешь и, вѣрно, чего-нибудь ищешь.

Любовь. — Не видала ли ты, гдѣ Юрій?...

Элиза. — На что тебѣ его?...

Любовь. — Ахъ, сестрица! ты всему виною. Они хотѣли стрѣляться... Заруцкій меня на колѣнахъ просилъ, чтобъ я тебя привела для свиданья; Юрій видѣлъ и принялъ совсѣмъ иначе... О, я несчастная дѣвушка!... Онъ меня оставилъ, онъ думаетъ, что я измѣнила ему... Онъ не хочетъ даже выслушать меня. — О! если-бъ онъ зналъ... Если-бъ онъ видѣлъ мои слезы!...

Юрій (въ сторону). — И я только теперь это слышу!... безумецъ я!

Элиза. — Чего же ты теперь хочешь, ma soeur?

Любовь. — Дядюшка его проклялъ... Онъ въ отчаяньи... Вѣрно, понапрасну. Богъ его за

меня наказалъ. Я хочу его сыскать... хочу утѣшить Юрія... Ахъ! сестрица, сестрица! если-бъ онъ видѣлъ мои слезы... но... онъ меня любитъ, въ немъ еще есть жалость... О, если-бъ онъ зналъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ — (Юрій въ это время подходитъ и отходитъ въ нерѣшимости).

Любовь. — Я его утѣшу, пойду къ его отцу, на колѣнахъ выпрошу прощеніе... или умру... Я боюсь... О! гдѣ бы мнѣ его найти!... Одна моя любовь можетъ его утѣшить... Онъ всѣми такъ жестоко покинутъ!...

Юрій (въ отчаяньи). — Злодѣй! самоубійца!...

Элиза. — Что это?...

Любовь (бросается). — Юрій! Юрій! онъ здѣсь. (Юрій встаетъ). Какъ блѣденъ... Какой страдальческій взглядъ!

Юрій. — Ты меня любишь?... А я всегда люблю тебя...

Любовь (рыдаетъ у него на шеѣ). — Люблю ли я тебя?... Благодарю Небо!... наконецъ я счастлива... Другъ мой... другъ мой... я тебѣ всегда была вѣрна...

Юрій. — Да! да! — это мое послѣднее утѣшеніе.

Любовь (все еще на груди его). — Тебя всѣ покинули.

Юрій. — Ты ошибаешься; я всѣхъ покидаю... Ты этого не знала? (Любовь подымается и смотритъ съ удивленіемъ) Я ѣду въ дальній, безконечный путь...

Любовь. — Что это?... Ты ѣдешь?... Какъ, куда?...

Юрій. — Мы никогда, никогда не увидимся...

Любовь. — Если не здѣсь, то на томъ свѣтѣ...

Юрій. — Другъ мой! нѣтъ другого свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... И мы въ немъ

исчезнемъ... Мы никогда не увидимся... Разныя дороги... всѣ къ ничтожеству... Прощай, мы никогда не увидимся. Нѣтъ рая, нѣтъ ада... Люди — брошенныя, безпріютныя созданья.

Любовь. — О, Всемогущій! что сдѣлалось съ нимъ?... Онъ не знаетъ, что говоритъ...

Юрій (смотритъ на нее пристально). — Какъ ты прекрасна въ эту минуту... Вотъ послѣднее удовольствіе мое... оно велико... Я согласенъ... Нѣтъ, не потревожу... Это нѣжное выраженіе глазъ, эти полуоткрытыя уста... Не стану говорить ей... не хочу видѣть ее въ ужасѣ... Ахъ!... но, нѣтъ, пусть она узнаетъ, — что мнѣ? Я умру!... пусть все откроется... Если-бъ былъ здѣсь мой отецъ... какъ насладился-бъ онъ видомъ моихъ предсмертныхъ судорогъ!...

Любовь. — Что онъ говоритъ?... Юрій! Юрій!.. я предчувствую ужасное...

Юрій (беретъ ее за руку). — Знай, что можетъ сдѣлать обманутое сердце, что можетъ проклятіе вѣчное отца... узнай... и да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась въ твоихъ жилахъ... А! подумай! отгадай!... ха! ха! ха! ха! нѣтъ, смѣйся лучше, пой, веселись, пляши... я — не бойся... я — только... принялъ... ядъ!...

Элиза. — Ай! помощь скорѣй! (Убѣгаетъ, Любовь дрожитъ, блѣднѣетъ и упадаетъ въ обморокъ на кресло; онъ стоитъ надъ ней)

Юрій. — Такъ! я это зналъ! женщины! женщины! вы не сотворены для подобныхъ ощущеній!... Какъ она блѣдна!... Образъ смерти... О, если-бъ она не просыпалась... если-бъ могла не видать моего трупа... (Становится на колѣна) Не приходи въ себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы съ тобой не были созданы для людей... Мое сердце слиш-

комъ пылко, твое слишкомъ нѣжно... слишкомъ слабо... (Цѣлуетъ ея руку) Рука тепла...

Любовь (приходитъ въ себя, подымается на стулѣ и кидается къ нему на шею). — Молись!

Юрій. — Поздно! поздно!...

Любовь. — Никогда не поздно... Молись!... молись!...

Юрій (вскакиваетъ). — Нѣтъ, не могу молиться...

Любовь (встаетъ). — О, ангелы! внушите ему! Юрій...

Юрій. — Мнѣ дурно...

Любовь. — Дурно...

Юрій. — Пора!... Скажи моему отцу, что я желалъ бы простить ему... (Упадаетъ на землю)

Любовь. — Онъ падаетъ... (Смотритъ на небо) Помоги! помоги! (Становится на колѣна возлѣ Юрія) Останови его душу... Богъ! сдѣлай первое чудо... онъ вернется къ Тебѣ...

Юрій (умирающимъ голосомъ). — Плачь... плачь... плачь... Богъ мнѣ... никогда... не проститъ!... (Умираетъ. Любовь, рыдая, падаетъ на него. Молчаніе)

Явленіе XI

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ, Элиза, Иванъ, Дарья

Дарья (съ ужасомъ). — Умеръ!...

Ник. Мих. — Мой сынъ... отъ моего проклятья... Не можетъ быть! Онъ еще живъ... не вѣрю... онъ живъ!...

Дарья (указывая на трупъ, холодно). — Отчего же? Посмотрите сюда... вы хотѣли, — онъ умеръ.

Вас. Мих. (поднимая Любовь). — Дочь моя!... спирту!... Ахъ! и она едва дышитъ... Спасите, спасите хоть ее!... (Любовь уносятъ. Василій Михалычъ и Элиза уходятъ)

Иванъ. — Боже! Прости душу моего господина!... (Всѣ стоятъ въ безмолвномъ пораженіи)

Занавѣсъ опускается

Конецъ

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Романтическая драма

1831 г.

Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня, и всю жизнь, можетъ-быть, занимать не перестанетъ.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны; тогда раскаяніе, вѣрно, посѣтитъ души тѣхъ людей... Но пускай они не обвиняютъ меня: я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго!...

Справедливо ли описано у меня общество, — не знаю; по крайней мѣрѣ, оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.

И этому обществу я отдаю себя на судъ.

The Lady of his love was wed with one
Who did not love her better . . .
. . . . . .
And this the world calls phrensy; but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancoly is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!

Lord Byron. (The Dream)

Сцена I

Утромъ 26 августа

Комната въ домѣ Павла Григорьевича Арбенина. Шкафъ съ книгами и бюро. (Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ)

Пав. Григ. (запечатываетъ письмо). — Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ, пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ надобно ухаживать, учить и няньчить его; а двадцатилѣтняго опредѣляй на службу, да каждую минуту трепещи, чтобы онъ какою-нибудь шалостью не погубилъ навѣки себя и честное имя... Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ нейдетъ въ военную службу, во-первыхъ, потому, что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своеволенъ, а во-вторыхъ, потому, что онъ не силенъ въ математикѣ... Куда же опредѣлиться? Въ штатскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Къ тому-же — нехорошо! Воспитывать — теперь самая трудная вещь; думаешь: „ну, все теперь кончилось!“ не тутъ-то было, — только начинается!... Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами достигъ до нѣкоторой значительности... Тогда я же буду виноватъ: про меня же скажутъ, какъ намедни, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой же въ его лѣта характеръ? Самый его характеръ есть безхарактерность. — Такъ, я вижу, что не довольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли?... Однако же я не отстану отъ своихъ плановъ: велю ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе. Оно, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу вспомнить безъ бѣшенства, какъ

она меня обманывала. О, коварная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяньемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь увидать тебя снова. Не дѣлалъ ли я все, чего ей хотѣлось? И обезчестить такого мужа! Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые бы помогали... (Молчаніе) Кажется, кто-то сюда идетъ... Такъ точно. (Входитъ владиміръ Арбенинъ)

Владиміръ. — Батюшка, здравствуйте!

Пав. Григ. — Я очень радъ, что ты пришелъ теперь. Мы кой о чемъ поговоримъ. Это касается до будущей твоей участи. Но ты что-то невеселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

Владиміръ (бросаетъ на отца быстрый и мрачный взоръ). — Гдѣ я былъ, батюшка?

Пав. Григ. — Что значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

Владиміръ. — Отгадайте, гдѣ я былъ.

Пав. Григ. — У какого-нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ.

Владиміръ. — Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она почти нищая; весь міръ смѣется надъ ней, и никто о ней не жалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка, я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣна, я... я былъ у моей матери! Чего вамъ больше?

Пав. Григ. — Ты?...

Владиміръ. — О, если-бъ вы знали, если-бъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторю это передъ цѣлымъ міромъ, и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

Пав. Григ. (его лицо пылаетъ). — Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

Владиміръ. — Нѣтъ! вы мнѣ простите! я себя не помню... Но посудите сами, какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣнахъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... И теперь, когда она, въ нищетѣ, пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?... Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я умоляю... Если мое счастье для васъ что-нибудь значитъ... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе съ вашего сердца и удалитъ предразсудки!...

Пав. Григ. — Слушай, дерзкій! я на нее не сердитъ, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться!... Что скажутъ въ свѣтѣ?...

Владиміръ (кусая губы). — Что скажутъ въ свѣтѣ!

Пав. Григ. — И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Марьѣ Дмитревнѣ; я бы далъ тебѣ препорученье...

Владиміръ. — Которое бы убило послѣднюю ея надежду? — не такъ ли?

Пав. Григ. — Да, да! она еще недовольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владиміръ. — Она моя мать.

Пав. Григ. — Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенья, чтобы мнѣ и ей было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

Владиміръ. — Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ препорученій...

Пав. Григ. (съ холодной улыбкой). — Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ, — не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя; также тебѣ дамъ я прочитать письмо отъ графа, насчетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о своей матери... Я прошу, когда могу приказывать! (Уходитъ)

Владиміръ (долго смотритъ ему вслѣдъ). — Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я лишними мольбами, теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренья, какъ будто это вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!... Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенья ихъ прихотей, что я — средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно.

(Входитъ Бѣлинскій, разряженный)

Бѣлинскій. — А! здравствуй, Арбенинъ! Здравствуй, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!... Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, о чемъ ты думалъ.

Владиміръ. — Руку! (Жметъ ему руку)

Бѣлинскій. — Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или заставить ее признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако, я скорѣй возьмусь сдѣлать первое, нежели послѣднее, потому что...

Владиміръ. — О чемъ ты болтаешь тутъ?

Бѣлинскій. — О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!... Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!... Ты, вѣрно, ждалъ, чтобъ твоя любезная прилетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира!... Нѣтъ, потрудись-ка самъ слетать... Другъ мой! кто разберетъ женщинъ?... Въ ту минуту, когда ты думаешь..

Владиміръ (прерываетъ его). — Гдѣ былъ ты вчера?

Бѣлинскій. — На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ, — и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостямъ, которыхъ было очень много, было очень скучно.

Владиміръ. — Смѣшной народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейственныя удовольствія.

Бѣлинскій. — Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями; каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бѣдный отецъ обращался въ противную сторону, каждый зѣвалъ безпощадно... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

Владиміръ. — А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастью ближняго, какого бы рода оно ни было. Все хотятъ, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ уязвляютъ сердце, не имѣя средствъ излѣчить. Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... И это такъ тяжело, такъ тяжело!...

Бѣлинскій. — Эхъ, полно, братецъ, говорить пустяки!... Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какія-нибудь другія непріятности, то надо умѣть переносить ихъ съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро...

Владиміръ. — Переносить! переносить!... Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что такимъ увѣщаніямъ почти никто не слѣдуетъ... Нѣкогда и я былъ счастливъ, невиненъ! но тѣ дни слишкомъ давно соединились съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о нихъ могло меня утѣшать. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, и все прочее время было только приготовленіе или слѣдствіе сихъ мгновеній... Тебѣ трудно понять мои мечты, — я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?...

Бѣлинскій. — Въ своемъ сердцѣ. У тебя есть великій источникъ блаженства, умѣй только почерпать изъ него. Ты имѣешь скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть

о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ, а въ тебѣ больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ, вынь да положь!... А кто послѣ терпитъ?

Владиміръ. — Не суди такъ легкомысленно, войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей, а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденныя сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить, но ты, вѣдь, знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрить то, что составляетъ несчастіе моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія...

Бѣлинскій. — Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарился; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился. — Разскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?... Ты нахмурился... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

Владиміръ. — Давно.

Бѣлинскій. — А гдѣ живутъ Загорскины?... Ихъ двѣ сестры, отца нѣтъ, — такъ ли?

Владиміръ. — Такъ.

Бѣлинскій. — Познакомь меня съ ними. У нихъ бываютъ вечера, балы?

Владиміръ. — Нѣтъ.

Бѣлинскій. — А я думалъ... Однако все не мѣшаетъ... Познакомь меня.

Владиміръ. — Изволь.

Бѣлинскій. — Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

Владиміръ. — Она очень обыкновенна и тебя не займетъ.

Бѣлинскій. — Знаешь ли ты кузину Загорскиныхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

Владиміръ. — Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно о ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного слова отъ нея. А ты знаешь, что я вѣрю предчувствіямъ.

Бѣлинскій. — Суевѣръ!

Владиміръ. — Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла итти въ ворота; я ее пришпорилъ; она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой о столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка... а смотришь, — онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью!

Бѣлинскій (смотритъ на часы). — Ахъ, Боже мой! а мнѣ давно вѣдь пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ на секунду.

Владиміръ. — Я это вижу. Куда ты спѣшишь?

Бѣлинскій. — Къ графу Пронскому. Скука смертельная, а надо ѣхать...

Владиміръ. — Зачѣмъ же надобно?

Бѣлинскій. — Да такъ.

Владиміръ. — Важная причина... Ну, прощай!

Бѣлинскій. — До свиданія. (Уходитъ)

Владиміръ. — Люблю Бѣлинскаго за его

веселый характеръ. (Ходитъ взадъ и впередъ) Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ въ ней, какъ въ домѣ, гдѣ пьянъ хозяинъ... Поѣду... Увижу Наташу, этого ангела! Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою спокойствіе. (Садится и вынимаетъ изъ кармана бумагу) Странно! вчерась я отыскалъ это въ своихъ бумагахъ и былъ пораженъ. Каждый разъ, какъ посмотрю на этотъ листокъ, я чувствую присутствіе сверхъестественной силы, и неизвѣстный голосъ шепчетъ мнѣ: „не старайся избѣжать судьбы своей! такъ должно быть!“ Годъ тому назадъ, увидавъ ее въ первый разъ, я писалъ о ней въ одномъ замѣчаніи... Она тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь... когда вспомню, то вся кровь приходитъ въ волненіе... и сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ... Можетъ быть, она меня любитъ... ея глаза, румянецъ, слова... Какой я ребенокъ! Все это мнѣ такъ памятно, такъ дорого, какъ будто одними ея взглядами и словами я живу на свѣтѣ. Что пользы?... Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ прошлаго года!... Боже! Боже! чего желаетъ мое сердце?... Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только съ нею, — все забыто: я истуканъ! душа утонетъ въ глазахъ; все пропадетъ — надежды, опасенья, воспоминанія!... О, какой я ничтожный человѣкъ! не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданья! (Съ горькой улыбкой) Чѣмъ-то кончится жизнь моя, а началась она недурно! Впрочемъ, не все ли равно,

ъ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... О, какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ.

(Уходитъ тихо)

Сцена II

Ввечеру 28-го августа

Диванная въ домѣ Загорскиныхъ; дверь одна отворена въ гостиную, другая въ залу. Хозяйка Анна Николаевна; ея дочь Наталья Ѳедоровна. (Софья, княжна, вскорѣ). Иные сидятъ, другіе разговариваютъ стоя. — Бьетъ 8 часовъ

Анна Ник. (одному изъ гостей). — Были вы вчера у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ... и еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты были, — это чудо, по-царски!

Гость 1-й. — Какъ же-съ, я былъ тамъ. До пяти часовъ утра танцовали, и всего было довольно, всякаго рода людей...

Нат. Ѳед. — Какіе вы насмѣшники! А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?...

Гость 1-й. —Два князя Шумовыхъ, Бѣлинскій, Арбенинъ, Сленовъ, Чацкій и другіе: однихъ не помню, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? Премилый малый, прелюбезный, — не правда ли?

Анна Ник. — Да, я слыхала.

Одна изъ барышень. — Скажите, пожалуйста, кто такой этотъ Арбенинъ? Мнѣ о немъ много разсказывали.

Гость 1-й. — Во-первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хотите; впрочемъ, очень умный человѣкъ. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности, — нѣтъ, всѣ о немъ этого мнѣнія.

Нат. Ѳед. — Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю о немъ; я его знаю давно — онъ къ намъ ѣздитъ, — и я не замѣтила его злости; по крайней мѣрѣ, онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

Гость 1-й. — О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ, можетъ быть, очень любезенъ, но...

Другая барышня. — Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

Гость 2-й (подойдя). — А мнѣ кажется, наоборотъ...

Нат. Ѳед. (одной изъ барышень). — Ma chère, знаешь ли ты что-нибудь глупѣе комплиментовъ?

Гость 3-й (недавно подошедшій). — А знаете ли вы исторію Арбенина?

Одна изъ дамъ. — Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ; это доказываетъ его веселый характеръ, — а исторія счастливыхъ людей не бываетъ никогда занимательна.

Гость 3-й. — Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореньи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего-то дикаго; если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: этотъ переломъ доказываетъ только, что человѣкъ не можетъ совершенно скрыть чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются, — вотъ лица счастливцевъ!

Нат. Ѳед. — О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3-й. — Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ понапрасну?

Нат. Ѳед. — Напротивъ! вотъ я третьяго дни цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ не заслуживаетъ названія дворянина, что у него злой языкъ, и такъ далѣе; а я знаю, что Арбенинъ такъ понимаетъ хорошо честь, какъ никто, и что у него доброе сердце, — онъ это доказалъ многимъ.

Гость 1-й (обращаясь къ другому). — Посмотрите, какъ она покраснѣла.

Гость 4-й. — C'est une coquette!

Нат. Ѳед. (смотритъ въ дверь). — Кто это еще пріѣхалъ? — Ахъ, вообразите: я не узнала издали кузину.

(Княжна Софья входитъ. Кузины цѣлуются)

Княжна Софья (тихо Наташѣ). — Я сію минуту, выходя изъ кареты, видѣла Арбенина; онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что если-бъ самъ императоръ проѣхалъ мимо его съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. (Улыбается) Будетъ онъ здѣсь?

Нат. Ѳед. — Почему же мнѣ знать? Я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

Княжна (въ сторону). — А я надѣялась еще разъ его увидать. (Громко) У меня сегодня что-то голова болитъ.

Гость 2-й. — Лишь бы не сердце.

Княжна (въ сторону). — Какъ плоско! (Ему) Вы вчера прекрасно играли у графа, особливо во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами. (онъ кланяется) Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

Гость 2-й. — У меня заболѣла голова.

Княжна (съ улыбкой). — Что за важность? Это не сердце?

Анна Ник. (подходитъ). — Барышни! господа кавалеры! не хотите ли играть въ мушку?... Столы готовы.

Многіе. — Съ большимъ удовольствіемъ. (Всѣ, кромѣ Наташи и Софьи, уходятъ)

Княжна. — Кузина! мнѣ кажется, ты совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... Ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда про себя сказываю. Или я еще не заслужила?...

Нат. Ѳед. — Душенька, къ чему такіе упреки? (Цѣлуетъ ее) Впрочемъ, это неправда... (Беретъ княжну за руку) Не сердитесь же, Софья Николаевна! (Смѣется)

Княжна. — О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, не знающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей, — вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

Нат. Ѳед. — Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

Княжна. — Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Нат. Ѳед. — Да почему тебѣ такъ знать его?

Княжна. — О! я наслышалась довольно...

Нат. Ѳед. — Отъ кого?

Княжна. — Да отъ самого Арбенина. (Наташа отворачивается и уходитъ) Она ревнива! она любитъ его! а онъ, онъ... Какъ часто, когда я ему говорила что-нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованьемъ; и когда Наташа подходила, я слѣдила за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О, я несчастная!... но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! Онъ часто разговариваетъ со мною, но почти все о Наташѣ. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, — превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся; какая душа блещетъ въ его темныхъ глазахъ! какой голосъ!... О, я безумная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ и не могу растолковать собственную страсть. (Молчаніе) Нѣтъ! они не будутъ счастливы... клянусь этимъ небомъ, клянусь душой моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе... Пусть тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ скажу: „онъ не веселится, когда я плачу! его жизнь не спокойнѣе моей!“... Я рѣшилась! какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась... (Въ это время въ глубинѣ театра проходитъ нѣсколько гостей, одни уѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, хозяйка провожаетъ и встрѣчаетъ. Владиміръ Арбенинъ тихо выходитъ изъ гостиной)

Княжна (увидавъ Арбенина). — Какъ смѣла я рѣшиться!

Владиміръ. — Ахъ княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь.

Княжна. — Давно ли вы пріѣхали?

Владиміръ. — Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ по 5 копѣекъ въ мушку. Я посмотрѣлъ, почти никому слова не сказалъ; мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія ни для глазъ, ни для ума, нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, пошлое самовыказываніе завладѣло половиною русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку себѣ и другимъ...

Княжна. — Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

Владиміръ (пожавъ плечами). — Зачѣмъ?

Княжна (язвительно). — Я догадываюсь...

Владиміръ. — Такъ! заблужденіе, заблужденіе!... Но скажите, можетъ ли быть тотъ счастливъ, кто своимъ присутствіемъ въ тягость? Я не сотворенъ для людей теперешняго вѣка и нашей страны: у нихъ каждый обязанъ жертвовать толпѣ своими чувствами и мыслями, но я этого не могу; я вездѣ одинаковъ, и потому нигдѣ не гожусь. Неправда ли, вотъ очень ясное доказательство...

Княжна. — Вы на себя нападаете.

Владиміръ. — Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ ласковый взглядъ, за одно не слишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени, и со мною случится скоро горе — не отъ ума, но отъ глупости...

Княжна. — Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствія? — Я васъ не понимаю. Все проходитъ, — и ваши печали, и, я не знаю даже какъ

назвать, ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли ли вы мою кузину, Наташу?

Владиміръ. — Когда я вошелъ, какой-то адъютантикъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошлый разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму, и какъ мужъ ея, вступившись за нее, сдуру обнаружилъ, кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ я буду веселъ сегодня. (Уходитъ въ гостиную)

Княжна (глядитъ ему въ слѣдъ). — Желаю вамъ много успѣха! Нынче же начну приводить въ исполненіе мой планъ. И скоро увижу я конецъ всему... Боже мой! Боже мой! для чего я такъ слабодушна, такъ не тверда! (Уходитъ въ гостиную)

Сцена III

Комната въ домѣ Марьи Дмитріевны (матери Владиміра). Зеленые обои. Столикъ и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя

Аннушка. — Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе... Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончится. Оставляетъ же онъ насъ почти съ голоду умирать, стало быть, не любитъ совсѣмъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитріевнѣ все любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! Зато молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ, такой

ласковый. Шесть лѣтъ, нѣтъ, больше... восемь лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, какъ его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный: что ни увидитъ, все — зачѣмъ? да что? — а ужъ вспыльчивъ-то былъ, словно порохъ. Разъ, вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему, — бросилъ и успокоился... А бывало, помню, ему еще было три года — бывало, барыня посадитъ его на колѣна къ себѣ и начнетъ играть на фортепьянахъ что-нибудь жалкое, — глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся!... Ужъ, вѣрно, ему Павелъ Григорьевичъ много наговаривалъ противъ матери, да, видишь, въ прокъ не пошло худое слово. Дай Богъ Владиміру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ.
(Входитъ Марья Дмитріевна съ книгой въ рукѣ)

Марья Дмитр. — Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслію за буквами? Тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! Ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостію! Къ чему служили мои дѣтскія мечты? Развѣ есть необходимость предчувствовать напрасно?... Будучи ребенкомъ, я часто, подъ вліяніемъ свѣтлаго неба, свѣтлаго солнца, веселой природы, создавала себѣ существа такія, какихъ требовало мое сердце; они слѣдовали за мною всюду, я разговаривала съ ними днемъ и ночью, они украшали для меня весь міръ. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имѣли нѣкоторое сходство съ моими идеалами; въ обхожденіи съ ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они, — не знаю, но очень близки къ ангеламъ... Но теперь холодная

существенность отняла у меня послѣднее утѣшеніе: способность воображать счастье!... Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобы получить прощеніе мужа. Прощенія? Мнѣ просить прощенія!... Боже! Ты знаешь дѣла человѣческія, Ты читалъ въ моей и его душѣ, и Ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!... (Задумывается, потомъ подходитъ медленно къ кресламъ и садится) Аннушка! ходила ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ развѣдывать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

А н н у ш к а. — Ходила, матушка, и разспрашивала.

М а р ь я Д м и т р. — Что же? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала ли ты?

А н н у ш к а. — Ничего онъ, сударыня, о васъ не говорилъ. Если-бъ не было у васъ сына, то никто не зналъ-бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

М а р ь я Д м и т р. — Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произносить мое имя, онъ презираетъ меня!... Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу! — какъ смерть и жизнь!

А н н у ш к а. — Однако же, говорятъ, что Владиміръ Павловичъ васъ очень любитъ. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять васъ.

М а р ь я Д м и т р. — Да, мой сынъ меня любитъ! я это видѣла вчера, я чувствовала жаръ его руки, я чувствовала, что онъ все еще мой. Такъ! душа не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣнахъ, въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная сла-

бость, не могла еще возстановить противъ меня Небо и людей!... (Закрываетъ лицо руками)

Аннушка. — Эхъ, матушка! что плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься. Говорятъ, Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да какъ еще бранилъ молодого барина за то, что онъ съ вами повидался; да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать.

Марья Дмитр. — О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, слабая, больная, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! это противъ природы!... Аннушка! въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

Аннушка. — Въ самомъ дѣлѣ-съ.

Марья Дмитр. — И онъ запретилъ моему сыну видѣть меня? Точно?

Аннушка. — Запретилъ-съ, точно!

Марья Дмитр. (помолчавъ). — Послушай! онъ думаетъ, что Владиміръ не его сынъ, или самъ никогда не знавалъ матери!... (Вѣтеръ сильнѣе ударяетъ въ окно. Обѣ содрогаются) И я пріѣхала искать примиренья? съ такимъ человѣкомъ?... Нѣтъ! союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ Небесами, хоть мой супругъ и орудіе небеснаго гнѣва... Но, Творецъ! взялъ ли бы Ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные ли люди бываютъ на землѣ палачами?

Аннушка. — Какъ вы блѣдны, сударыня! Не угодно ли отдохнуть? (Смотритъ на стѣнные часы) Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ обѣщался быть въ двѣнадцать часовъ.

Марья Дмитр. — И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь себѣ самой! думать,

что лѣкарь вылѣчитъ глубокую рану сердца! (Молчаніе) О! для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время! А теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, — вотъ что меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за мгновенный проступокъ ты грызешь мою душу? Какое униженіе! я принуждена подъ другимъ именемъ пріѣзжать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... Передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и злодѣевъ — есть міръ, нынѣшній міръ... Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

Аннушка (посмотрѣвъ въ окно). — Докторъ пріѣхалъ. (Докторъ входитъ)

Марья Дмитр. — Здравствуйте, Христофоръ Васильичъ. Милости просимъ.

Докторъ (подходитъ къ рукѣ). — Что? Какъ вы?

Марья Дмитр. — Благодаря вамъ, мнѣ гораздо лучше.

Докторъ (щупая пульсъ). — Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! вы слабѣе, у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе, у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лѣчиться долго, постепенно, по методѣ, а вы все хотите вдругъ...

Марья Дмитр. — Но если недостаетъ способовъ?

Докторъ. — Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (Пишетъ рецептъ)

Марья Дмитр. — Откуда вы теперь, Христофоръ Васильичъ?

Докторъ. — Отъ господина Арбенина.

Марья Дмитр. и Аннушка (вмѣстѣ). — Отъ Арбенина? (Обѣ въ замѣшательствѣ)

Докторъ. — А развѣ вы его знаете?

Марья Дмитр. — Нѣтъ! А кто такой Арбенинъ?

Докторъ. — Этотъ господинъ Арбенинъ, коллежскій асессоръ, въ разводѣ съ своей женой, то есть не въ разводѣ, а такъ: она покинула мужа, потому что была невѣрна...

Марья Дмитр. — Невѣрна! она его покинула?

Докторъ. — Да, да! — невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого же Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати или двадцати, шалунъ, повѣса, заслужившій въ свѣтѣ очень дурную репутацію; говорятъ даже, что онъ пьетъ... Да, да!... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ господинъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй. Если его принимаютъ въ хорошія общества, то это только для отца... И еще вообразите, онъ смѣется все надо мной и надъ моей ученостью!... онъ!... надъ моей ученостью!... смѣется!...

Марья Дмитр. (въ сторону). — Личность!... я отдыхаю...

Докторъ. — Ахъ, у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

Марья Дмитр. — Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость, и позвольте мнѣ съ вами проститься. Вы почти знаете, въ какомъ я положеніи. Я скоро ѣду изъ

Москвы. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ меня возвратиться въ деревню.

Докторъ. — Какъ! не возвративши здоровья?

Марья Дмитр. — Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

Докторъ. — Какъ! Вы не вѣрите благому вліянію медицины?

Марья Дмитр. — Извините! я очень вѣрю... однако не могу ею пользоваться...

Докторъ. — Есть ли что-нибудь невозможное для человѣка съ твердой волею?...

Марья Дмитр. — Мнѣ должно, моя воля — ѣхать въ деревню. Тамъ у меня тридцать семействъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы, и князья. Тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится, тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все... Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

Докторъ (беретъ деньги). — Однако, вы еще очень нездоровы! вамъ бы надобно...

Марья Дмитр. (значительно взглянувъ на него). — Прощайте! (Докторъ, раскланявшись, уходитъ, съ недовольною миной) Этотъ человѣкъ въ состояніи высосать послѣднюю копѣйку!

Аннушка. — Вы совсѣмъ разстроены, ваше лицо перемѣнилось! ахъ, сударыня! присядьте, ваши руки дрожатъ...

Марья Дмитр. — Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной!...

Аннушка (поддерживая ее). — Видно вамъ, сударыня, такъ ужъ на роду написано — терпѣть!

Марья Дмитр. — Я хочу умереть.

Аннушка. — Смерть никого не обойдетъ... Зачѣмъ же звать ее, сударыня? Она знаетъ, кого въ какой часъ захватить... и позовешь-то ее неравно въ недобрый часъ, такъ хуже будетъ!... Молитесь Богу, сударыня, да святымъ угодникамъ! — вѣдь они всѣ страдали не меньше насъ. А мученики-то, матушка...

Марья Дмитр. — Я вижу, что близокъ мой конецъ... Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только примириться съ моимъ мужемъ прежде смерти. Пускай ничей справедливый укоръ не слѣдуетъ за мной въ могилу... Аннушка! доведи меня въ мою комнату. (Уходятъ обѣ)

Сцена IV

17-го октября, вечеръ

Комната студента Рябинова. Бутылки шампанскаго на столѣ, и довольно много безпорядка. Снѣгинъ, Челяевъ, Рябиновъ, Зарудкій, Вышневскій. Курятъ трубки. Ни одному нѣтъ больше 20 лѣтъ

Снѣгинъ. — Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

Челяевъ. — Чѣмъ-нибудь обидѣлся.

Зарудкій. — Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то шутитъ и хохочетъ, то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ провалился надъ нимъ...

Снѣгинъ. — За здоровье Арбенина; sacré-dieu! онъ славный товарищъ!

Рябиновъ. — Тостъ!

Вышневскій. — Челяевъ, былъ ты вчера въ театрѣ?

Челяевъ. — Да, былъ.

Вышневскій. — Что играли?

Челяевъ. — Общипанныхъ „Разбойниковъ“ Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно; жаль, что этотъ прекрасный актеръ не всегда въ духѣ; случиться могло-бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

Вышневскій. — И ты, вѣрно, крѣпко боялся въ театрѣ...

Челяевъ. — Боялся? Чего?

Вышневскій. — Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

Всѣ. — Браво! браво! фора! — Тостъ!

Снѣгинъ (беретъ въ сторону Заруцкаго). — Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

Заруцкій. — Да... и довольно хорошо...

Снѣгинъ. — То-то! Не можешь ли ты мнѣ достать что-нибудь?

Заруцкій. — Изволь... Да, кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ піесъ.

Снѣгинъ. — Ради Бога, покажи... пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь...

Заруцкій (вынимаетъ нѣсколько листковъ изъ кармана, и они садятся въ другой комнатѣ у окна). — Вотъ первая. Это отрывокъ, Фантазія. Слушай хорошенько!... Создатель! какъ они шумятъ!... Между прочимъ, я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбленъ въ Загорскину. — Слушай.

1

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ,
И тѣ мгновенья были мукъ полны;
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!

2

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не поймутъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

Снѣгинъ. — Онъ это писалъ въ геніальную минуту!... Другую...

Зарудкій. — Это посланіе къ Загорскиной:

Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенныя мечты?
Я буду веселъ, но ошибкой:
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь шумный, хладный свѣтъ,
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!
Ты счастлива, а я... я — нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой,
Въ немъ дышитъ чувство всѣмъ родное, —
А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину:
Ея надежды — бредъ больнова,
Имъ вѣрить — значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ;
Онъ проклятъ строгою судьбой,
Какъ счастье безъ тебя, — онъ мраченъ.
Прости!... прости же, ангелъ мой!

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. Я его люблю за это.

(Сильный шумъ въ другой комнатѣ)

Многіе голоса. — Господа! мы, — честь имѣемъ объявить, — пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и...й!

Рябиновъ. — Тостъ!... еще тостъ!... Коперникъ правъ: земля вертится!... (Шумъ утихаетъ; потомъ опять бьютъ въ ладони)

Снѣгинъ. — Оставь! не слушай ихъ! читай далѣе...

Зарудкій. — Погоди. (вынимаетъ еще бумагу) Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ только замѣчателенъ,

что онъ картина съ природы. Арбенинъ описываетъ то, что съ нимъ было, просто; но есть что-то особенное въ духѣ этой піесы. — Она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе „The Dream“ Байронову. Все это мнѣ сказалъ самъ Арбенинъ. (Читаетъ)

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ и въ нихъ онъ былъ еще прекраснѣй!...
Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Въ безпорядкѣ
Минувшее являлося ему —
Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій довѣрчивую душу.
Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преграды!...
Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И, проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно, окно и домъ.
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и шумны, шумны воды.
Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ

Волшебный голосъ тотъ, хотя-бъ укоръ
Произнесли ея уста? О, нѣтъ!
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня, и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь — и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Вбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный коридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... Ея сестра
Идетъ къ нему навстрѣчу. О, когда-бъ
Я могъ изобразить его страданье!
Какъ мраморъ блѣдный и безгласный, онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... И долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній, наконецъ,
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна; такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться, но очей не освѣжитъ.
Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!

Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки — ничего
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу...
Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день, и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами полными огнемъ и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться;
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ,
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее,
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его:
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И, съ сжатою душой, не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья... такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный или
Не получить отвѣта на моленья!...

Все, что тутъ описано, было съ Арбенинымъ; для другого эти приключенья ничего бы не значили,

но вещи дѣлаютъ впечатлѣніе на сердце, смотря по расположенію сердца.

Снѣгинъ. — Странный человѣкъ Арбенинъ! (Оба уходятъ въ другую комнату)

Вышневскій. — Господа, когда-то русскіе будутъ русскими?

Челяевъ. — Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово.

Вышневскій. — Прекрасное средство. Если-бъ тебѣ твой докторъ только такіе рецепты предписывалъ, то я бьюсь объ закладъ, что ты теперь не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы на столѣ.

Зарудкій. — А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы — современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара Москвы; мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ. — Ура! господа! здоровье пожара московскаго!... (Звукъ стакановъ)

Сцена V

10-го января, утромъ

Въ домѣ у Бѣлинскаго; его кабинетъ, по модѣ отдѣланный. Окна замерзли; на столѣ табачный пепелъ и пустая чайная чашка

Бѣлинскій (одинъ прохаживается по комнатѣ). — Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что же? Женитьба — лѣкарство, очень полезное отъ многихъ болѣзней, и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ денегъ, чтобъ купить деревню, но тысячи рублей недостаетъ, а гдѣ ихъ взять?... Женись! женись! кричитъ

разсудокъ. Такъ и быть! но на комъ? Вчера я познакомился съ Загорскими. Наташа мила, очень мила; у ней кое-что есть... но Владиміръ влюбленъ въ нее. Что-жъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я нахожусь въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, другой — другое, самъ себѣ противорѣчитъ; а все, какъ заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ-нибудь, — конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не добьешься: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли... (Молчаніе) Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ не кончу дѣла. Буду покамѣстъ ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ... (Входитъ Арбенинъ скоро)

Владиміръ. — Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

Бѣлинскій. — А! здравствуй, Арбенинъ! Это — планы... планы...

Владиміръ. — И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

Бѣлинскій. — Нѣтъ! если я твердо намѣренъ сдѣлать что-нибудь, то рѣдко мнѣ не удается. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего-нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться: судьба — женщина!

Владиміръ. — А я такъ часто былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаивался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего, — живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого всѣ

стараются чѣмъ-нибудь возбудить меня, какъ-нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... И знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобъ чѣмъ-нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!... Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

Бѣлинскій. — Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеньи и даешь имъ черный цвѣтъ для бо́льшаго романтизма.

Владиміръ. — Нѣтъ, нѣтъ! говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня — слишкомъ подлы.

Бѣлинскій. — Какъ? ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты любезенъ въ обществѣ; дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ всетаки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь, а это какъ-то къ тебѣ идетъ.

Владиміръ (съ горькой улыбкой). — Я вижу, ты хочешь меня утѣшить!

Бѣлинскій. — Когда ты былъ у Загорскиныхъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить?

Владиміръ. — Вчера я ихъ видѣлъ. — Странно: она меня любитъ и не любитъ. Она со мною иногда такъ добра, такъ мила, такъ много говорятъ глаза ея, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви... а иногда, особливо на балѣ гдѣ-нибудь, она совсѣмъ другая, и я больше не вѣрю ни ея любви, ни своему счастью.

Бѣлинскій. — Она кокетка.

Владиміръ. — Не вѣрю; тутъ есть тайна...

Бѣлинскій. — Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто, когда ей весело, тогда твоя Наташа о тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется, — вотъ и вся тайна.

Владиміръ. — Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе!

Бѣлинскій (покачавъ головой). — Ты не въ духѣ сегодня.

Владиміръ (вынимаетъ изорванное письмо). — Видишь?

Бѣлинскій. — Что такое?

Владиміръ. — Это письмо я написалъ къ ней. Прочти его! Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ; улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной... Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться!... Смѣяться!... Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Бѣлинскій. — Я подозрѣваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе.. Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

Владиміръ. — Хитрость хитрость! Я ее видѣлъ, провелъ съ нею почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали на глазахъ ея, когда играли „Коварство и любовь“ Шиллера... Неужели она равнодушно стала бы

слушать разсказъ моихъ страданій? (Схватываетъ руку Бѣлинскаго). Что, если-бъ я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: „ты моя, моя навѣки!...“ Боже! Боже! я не переживу этого. (Смотритъ пристально въ глаза Бѣлинскому) Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

Бѣлинскій. — Послѣ!... (Въ сторону) Какъ? ужели онъ предугадываетъ судьбу свою?

Владиміръ. — О! какъ сердце умѣетъ обманывать! (Безпокойно ходитъ взадъ и впередъ).

Бѣлинскій. (Въ сторону). — И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ?... Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?... Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ показываетъ; жизнь не романъ. (Входитъ слуга Бѣлинскаго)

Слуга. — Дмитрій Василичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

Бѣлинскій. — Вели ему взойти. (Слуга уходитъ)

(Входитъ мужикъ сѣдой, и бросается въ ноги Бѣлинскому)

Бѣлинскій. — Встань, встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

Мужикъ (на колѣнахъ). — Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я и пришелъ... (кланяется) Мы слышали, что ты баринъ доброй...

Бѣлинскій. — Да встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!...

Мужикъ (вставъ). — Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

Бѣлинскій. — Да говори же...

Мужикъ (кланяясь). — Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... Всѣ бы стали Богу молиться о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

Бѣлинскій. — Что же? Вамъ не хочется съ госпожей своей разставаться, что ли?

Мужикъ (кланяясь въ ноги). — Нѣтъ! купи, купи, насъ, родимый!

Бѣлинскій (въ сторону). — Странное приключеніе! (Мужику) А! такъ вы, вѣрно, недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ. — Охъ, тяжко!... за грѣхи наши!... (Арбенинъ начинаетъ вслушиваться)

Бѣлинскій. — Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ. — Да, такъ, баринъ, что, вѣдь, ей-Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Бѣлинскій. — Что же она дѣлаетъ? (Лицо Владиміра мрачно)

Мужикъ. — Да что вздумается ея милости...

Бѣлинскій. — Напримѣръ?... Сѣчетъ часто?...

Мужикъ. — Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару въ полдень, пока не прикажетъ надѣть; а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Бѣлинскій. — Какія злоупотребленія!

Мужикъ. — Разъ какъ-то барынѣ донесли, что-дескать „Ѳедька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться...“ — А Ѳедька мужикъ былъ славный. Вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барской дворъ, дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки вывертывать. „Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька, что я тебѣ сдѣлалъ? ты меня губишь!“... — „Вздоръ!“ сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой. На печкѣ такъ и лежитъ да клянетъ свое рожденіе...

Бѣлинскій. — Да что, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

Мужикъ. — Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей? У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжко стало намъ! Посмотришь въ другое село, — сердце кровью обливается!... живутъ покойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась, такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... Охъ, больно... А какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (Падаетъ на колѣна передъ Бѣлинскимъ) О! кабы ты намъ помогъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! (Рыдаетъ)

Владиміръ (въ бѣшенствѣ). — Люди! люди!... И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!... О, про-

клинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!... Все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство.

Бѣлинскій. — Въ самомъ дѣлѣ, ужасно!

Мужикъ. — Купи насъ, родимой.

Владиміръ. — Дмитрій, есть ли у тебя деньги?... Вотъ все, что я имѣю: вексель на 1000 рублей... Ты мнѣ отдашь когда-нибудь. (Кладетъ на столъ бумажникъ)

Бѣлинскій (сосчитавъ). — Если такъ, то я постараюсь купить эту деревню. Поди, добрый мужичекъ, и скажи и своимъ, что они въ безопасности. (Владиміру) Какова госпожа?

Мужикъ. — Дай, Боже, вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ добрую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что душѣ ни пожелается!... Прощай, родимый! Благослови тебя Царь Небесный! (Уходитъ)

Владиміръ. — О, мое отечество! мое отечество! (Ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ)

Бѣлинскій. — Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь купить эту деревню! какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчить страждущее человѣчество! Такъ... Это доброе дѣло!... Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владиміръ. — Есть люди, болѣе достойные сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія внѣшнія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ

страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія, тотъ, кто желаетъ и не надѣется, тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его, тотъ... но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій. — Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

Владиміръ. — Одинъ — рабъ человѣка, другой — рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина или имѣетъ выборъ; второй — никогда. Имъ играетъ слѣпой случай; и страсти его и безчувственность другихъ — все соединено къ его гибели.

Бѣлинскій. — Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

Владиміръ (смотритъ на небо). — Вѣрю ли я? Вѣрю ли я?...

Бѣлинскій. — Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владиміръ (помолчавъ).—Послушай, не правда ли, теперь прекрасная погода? Пойдемъ на булеваръ.

Бѣлинскій. — Чудакъ! (Входитъ слуга Марьи Дмитріевны) Что тебѣ надобно? Кто ты?

Владиміръ. — Слуга моей матери!

Слуга. — Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

Владиміръ. — Что случилось?

Слуга. — Да барыня-съ...

Владиміръ. — Что?

Слуга. — Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

Владиміръ. — Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга. — Очень нездорова-съ!

Владиміръ (задумчиво). — Очень!... да, я пойду... (Подавая руку Бѣлинскому) Не правда ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ? (Уходитъ. Въ продолженіе этой рѣчи онъ мѣнялся въ лицѣ, и голосъ его дрожалъ)

Бѣлинскій (глядя вслѣдъ ему). — Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но не способенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукой, еслибы поселилось въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ-ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ излѣчить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (Слуга Бѣлинскаго входитъ) Что тебѣ?

Слуга. — Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

Бѣлинскій. — Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (Про себя) Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ: играютъ скверно; тѣсно, душно... А нечего дѣлать! весь beau-monde... (Закуриваетъ трубку и уходитъ)

Сцена VI

10-го января, день

Въ домѣ у Загорскихъ. Комната барышень. Княжна Софья сидитъ на постели. Наташа поправляетъ волосы передъ зеркаломъ

Княжна Софья. — Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

Наташа. — Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Княжна Софья. — Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться... онъ вовсе не такой человѣкъ.

Наташа. — Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Княжна Софья (насмѣшливо). — Не правда-ли, какъ онъ интересенъ, какъ милы его глаза, полные слезъ?

Наташа. — Да, для меня очень занимательны.

Княжна Софья. — Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа. — Ему не отчего быть увѣрену.

Княжна Софья. — А попробуй показать холодность, — тотчасъ отстанетъ!

Наташа. — Я пробовала, и онъ не отсталъ, а только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

Княжна Софья. — Но ты не умѣешь притворяться, ты...

Наташа. — Повѣрь, не хуже тебя.

Княжна Софья. — Арбенинъ точно также куртизанилъ прошлаго года Лидиной Полинѣ, а

натутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею, — ты помнишь? То же будетъ и съ тобой.

Наташа. — Я не Полина.

Княжна Софья. — Посмотримъ.

Наташа. — Да что ты такъ на одно наладила?

Княжна Софья. — Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

Наташа. — Что такое? Впрочемъ, я и знать не желаю.

Княжна Софья. — Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

Наташа. — Ну, что-жъ?

Княжна Софья. — Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма! Вѣрь имъ послѣ этого... Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? (Молчаніе) А еще, знаешь: мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не вѣрю.

Наташа (въ сторону). — Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!... Хвалится! кто-бъ подумалъ? это слишкомъ!... (Громко) Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій. Un jeune homme charmant! прелесть, какъ хорошъ, уменъ и любезенъ. Вотъ ужъ не надуетъ губы! Какъ воспитанъ, точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

Княжна Софья. — Поздравляю. И ты, я надѣюсь, ему очень понравилась. (Въ сторону) Я въ восхищеніи: мои слова дѣйствуютъ! (Громко)

Вчерась же Арбенинъ чуть-чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, такой тихій, степенный, осторожный, а Вольдемаръ этого не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и общественное мнѣніе и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своею доброй славой, такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: „Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе, — онъ достигъ своей цѣли; это правда, я потерянъ для свѣта... но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ!“ Ха-ха-ха! Не правда ли, Наташа, это показываетъ твердость характера?

Наташа. — Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ о немъ мало заботится, и этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (Наташа подходитъ къ окну)

Княжна Софья. — Повѣрь мнѣ, Арбенина такъ же огорчаетъ злословіе, какъ и другого; онъ только не хочетъ этого показать. (Молчаніе)

Наташа (съ живостью). — Ахъ! сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

Сцена VII

3-го февраля, утро

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Онъ сидитъ въ креслахъ. Противъ него стоитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ, съ сѣдыми бакенбардами

Пав. Григ. — Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи своему господину, что я не намѣренъ ждать. Долженъ — плати; нечѣмъ — на что задолжалъ. Въ

Россіи на это есть судъ. Ну, если-бъ я былъ бѣднякъ, развѣ два мѣсяца пождать ничего не значитъ?

Повѣренный. — Хотъ двѣ недѣли, сударь. На-дняхъ мы денегъ ждемъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

Пав. Григ. — Ни дня ждать не хочу.

Повѣренный. — Да гдѣ же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

Пав. Григ. — Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время... и съ процентами... слышишь...

Повѣренный. — Да помилуйте-съ!...

Пав. Григ. — Ни слова больше! ступай! (Повѣренный уходитъ) Видишь, какой ловкій! все бы ему ждали! Нѣтъ, братъ, нынче деньги дороги, хлѣба дешевы, да еще плохо родятся. Пускай графскіе сынки да вельможи проматываютъ имѣнье, — мы, дворяне простые, отъ этого выигрываемъ; пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами, — а мы будемъ тише да выше, и наконецъ они оглянутся, и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. (Встаетъ съ кресель) Ухъ! замотали меня эти дѣла... А все-таки какъ-то весело видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей, и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Почему же нѣтъ? И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка; и человѣкъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условленные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... (Зѣваетъ) Уфъ! спать хочется!... Гдѣ-то сынъ мой? Онъ, вѣрно, опять задолжалъ, потому что третій день дома обѣдаетъ. Вотъ! прошу

покорно имѣть дѣтей... (Владиміръ, блѣдный, быстро входитъ)

Владиміръ (громко и скоро). — Батюшка!

Пав. Григ. — Что тебѣ надобно?

Владиміръ. — Я пришелъ, чтобы... У меня есть одна, единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! поѣдемте со мною! поѣдемте! заклинаю васъ! одна минута замедленья — и вы сами будете раскаиваться.

Пав. Григ. — Куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

Владиміръ. — Немудрено... Если-бъ даже вы увидѣли, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

Пав. Григ. — Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, выводишь меня изъ терпѣнья.

Владиміръ. — Такъ вы не хотите со мною ѣхать? такъ вы мнѣ не вѣрите? А я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина...

Пав. Григ. — Что мнѣ за дѣло до нея?

Владиміръ. — Она ваша супруга...

Пав. Григ. (съ досадой). — Владиміръ!

Владиміръ. — Вы, вѣрно, думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!... Да! если вы будете далѣе противиться мольбамъ моей матери!... О, нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенья, я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы, — она страдаетъ на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ — не мое

дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы и рыданья, и послѣдній нищій назвалъ бы меня подлецомъ, если-бъ я могъ еще любить васъ!

Пав. Григ. — Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви, но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

Владиміръ. — Я ужъ просилъ васъ не уничтожать во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторялъ эти обвиненья передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Пав. Григ. — Боже мой! до чего я дожилъ! (Ему) Знаешь ли...

Владиміръ. — Я знаю, вы сами терзаемы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ, вы виновны во многомъ...

Пав. Григ. — Замолчи!

Владиміръ. — Не замолчу! Не просить пришелъ я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!... Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!... Батюшка! (бросается на колѣна) батюшка, пойдемте со мною!

Пав. Григ. — Встань! (Онъ встревоженъ)

Владиміръ. — Вы пойдете?

Пав. Григ. (въ сторону). — Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

Владиміръ. — Такъ вы не хотите? (Встаетъ)

Пав. Григ. (въ сторону). — Она умираетъ, говоритъ Владиміръ, желаетъ получить мое прощенье... Правда! я бы... Но ѣхать туда... Если узнаютъ, что скажутъ?...

Владиміръ. — Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ, она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага

на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ Судія!... Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ?!... (Горько улыбается)

Пав. Григ. (принужденно). — Оставь меня.

Владиміръ. — Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... (Горько) Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ! (Тихо идетъ къ дверямъ) О, если-бъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! (Останавливается и смотритъ на отца) Боже! вотъ человѣкъ!

Пав. Григ. (про себя). — Однако, для чего мнѣ не ѣхать? что за бѣда? Передъ смертью помириться ничего: смѣяться никто надъ этимъ не станетъ... а все бы лучше!... Да, такъ и быть, отправлюсь! Она, вѣрно, безъ памяти и меня не узнаетъ... скажу ей, что прощаю, — и дѣлу конецъ! (Громко) Владиміръ! послушай... погоди! (Владиміръ недовѣрчиво приближается) Я пойду съ тобою... я рѣшился... насъ никто не увидитъ?... Но я вѣрю... Пойдемъ... Только смотри, въ другой разъ думай о томъ, что говоришь.

Владиміръ. — Такъ вы точно хотите итти къ моей матери? точно? Это невѣроятно! Нѣтъ, скажите: точно?

Пав. Григ. — Точно.

Владиміръ (кидается ему на шею). — У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ. (Плачетъ) Боже, Боже! я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!... Вижу, вижу, что

трудно бороться съ природными чувствами!... О! какъ я счастливъ!... Видите ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза прояснѣли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. (Обнимаетъ его) О, мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

Пав. Григ. (хочетъ итти. Въ сторону). — Итакъ, я долженъ увидѣться... хорошо. Да нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сѣти? Однако, отчаяніе Владиміра... Но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?... развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть... кого бы ни было?... О! я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ, и теперь все ясно!... Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость. Она, пожалуй, его подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! прехитрѣйшій! Однако, не на того напали. Хорошо, что я во-время догадался. Не пойду-же я! пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

Владиміръ. — Вы медлите?

Пав. Григ. (холодно). — Да! я медлю...

Владиміръ. — Вы... эта перемѣна... вы...

Пав. Григ. (гордо). — Я остаюсь. Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть... скажи, что я благодарю за приглашеніе и желаю ей веселой дороги... (Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ)

Владиміръ. — Какъ! (Съ отчаяніемъ) Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью, съ такой адской улыбкой!... И я вашъ сынъ?... Такъ, я вашъ сынъ, и потому дол-

женъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!... О! если-бъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ!...

Пав. Григ. — Замолчи, сумасшедшій! страшись моего гнѣва!... Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя!... Я тебя примѣрно накажу...

Владиміръ (закрывъ лицо руками). — А я мечталъ найти жалость!...

Пав. Григ. — Неблагодарный, неблагодарный! чудовище! мнѣ ли ты не обязанъ?... И съ такими упреками...

Владиміръ. — Неблагодарный!... Вы мнѣ дали жизнь, — возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!

Пав. Григ. — Вонъ скорѣй изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга! (Со смѣхомъ) Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шуму и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говорилъ, — и тогда, тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! (Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою)

Владиміръ (который стоялъ какъ вкопанный, смотритъ вслѣдъ. Послѣ краткаго молчанія). — Все кончилось! (Уходитъ въ другую дверь. Рѣшительная безнадежность при-

мѣтна во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ оставляетъ за собою дверь растворенную, и долго видно, какъ онъ то пойдетъ скорыми шагами, то остановится; наконецъ, махнувъ рукой, онъ удаляется)

Сцена VIII

3-го февраля, день

Спальня Марьи Дмитріевны. Столъ съ лѣкарствами. Она лежитъ на постели; Аннушка стоитъ возлѣ нея

Аннушка. — У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя родная! Какія руки-то холодныя, точно ледяныя! Не прикажете ли, матушка, послать за лѣкаремъ?

Марья Дмитр. — Послушай, что давитъ мнѣ грудь?

Аннушка. — Ничего, сударыня, одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давить?

Марья Дмитр. — Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка. — И, Марья Дмитріевна! выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

Марья Дмитр. — Зачѣмъ?...

Аннушка. — Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора ли лѣкарство принять?

Марья Дмитр. — Я не хочу лѣкарства... Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его послала. Посмотри въ окно, нейдетъ ли онъ? Поди къ окну... Что? нейдетъ?... Какъ долго!

Аннушка. — На улицѣ пусто.

Марья Дмитр. (про себя). — Онъ уговоритъ отца, — я увѣрена! О, какъ сладко примириться передъ концомъ; теперь я не стыжусь встрѣтить его взоръ. (Погромче) Аннушка! что ты такъ смотришь въ окно?

Аннушка. — Я?... Нѣтъ... это такъ...

Марья Дмитр. — Нѣтъ, вѣрно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. — Похороны, сударыня, да какія препышныя! сколько каретъ сзади; вѣрно, богачъ! Какія лошади! покровъ такъ и горитъ... два архіерея... пѣвчіе!... Ну-жъ, нечего сказать...

Марья Дмитр. — Аннушка, и мнѣ пора... я чувствую близость послѣдней минуты. О, поскорѣе, поскорѣе, Царь небесный!

Аннушка. — Полноте, сударыня, что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?... Не бывать этому. Да я лучше по міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накормятъ.

Марья Дмитр. — Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

Аннушка. — Да еще перенесетъ ли онъ вашу смерть? Вы знаете, какой онъ горячій: изъ малости ужъ внѣ себя, а тогда... Боже, упаси!

Марья Дмитр. — Ты права... я должна тебя наградить: у меня въ шкатулкѣ есть 80 рублей... дай нѣсколько и старику Павлу; онъ всегда вѣрно мнѣ служилъ, и тобой я всегда, всегда была довольна... (Смутная радость изображается на лицѣ Аннушки) О, какъ сердце бьется!... Что хуже: ожиданье или безнадежность?

(Дверь отворяется. Тихо входитъ Владиміръ. Онъ мраченъ. Молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ)

Аннушка. — Владиміръ Павловичъ пришелъ.

Марья Дмитр. (быстро). — Пришелъ! (При-

подымается и опять опускаетъ голову) Владиміръ... ты одинъ?... а я думала... ты одинъ!...

Владиміръ. — Да.

Марья Дмитр. — Другъ мой! ты звалъ его сюда? сказалъ, что я умираю? онъ скоро придетъ?

Владиміръ (мрачно). — Какъ вы себя чувствуете? Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и... слушать?

Аннушка. — Барыня безъ васъ все плакала, Владиміръ Павловичъ.

Владиміръ. — Боже, Боже! Ты всесиленъ. Зачѣмъ непремѣнно я долженъ убить мать мою?

Марья Дмитр. — Говори скорѣе, не терзай меня понемногу... Придетъ ли твой отецъ? (Молчаніе) Гдѣ онъ?... Какъ предстать передъ Бога?... Владиміръ, безъ него я не умру спокойно!

Владиміръ (тихо). — Нѣтъ.

Марья Дмитр. (не слыхавъ). — Что сказалъ ты?... Дай мнѣ руку, Владиміръ.

Владиміръ (слезы начинаютъ падать изъ глазъ его; онъ бросается на колѣна возлѣ постели и покрываетъ поцѣлуями ея руку) — Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого?... Развѣ вамъ не довольно меня?... Кто-нибудь любитъ ли васъ сильнѣй, чѣмъ я?

Марья Дмитр. — Встань... Ты плачешь?...

Владиміръ (вставъ, отходитъ въ сторону). — Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу... то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ! я долженъ былъ силою притащить его сюда, угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... (Съ бѣшеной радостью) Послушайте, послу-

шайте, что я вамъ скажу? мой отецъ веселъ, здоровъ, и не хотѣлъ васъ видѣть!... (Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается)

Марья Дмитр. (вздрагиваетъ; послѣ молчанія). Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!...

Аннушка. — Ей дурно, дурно!...

Марья Дмитр. — Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди!... Я умираю... отдаю душу правосудному Богу, и хочу, чтобъ ты, ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... я сама произнесу свой приговоръ. (Останавливается) Я виновна: молодость была моей виною!... Я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... если-бъ мой мужъ хотѣлъ, я забыла бы прежнее. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь, — и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!... упрекай лучше самыми жестокими словами! я твоя злодѣйка!... мой проступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяньемъ я загладила свой проступокъ. Слушай: онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла заглушить совѣсть и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженіемъ я упала къ ногамъ его... я надѣялась, что онъ великодушно проститъ мнѣ... Но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!... Я умираю... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владиміръ! ты осуждаешь мать свою?...

Ты не смотришь на меня?... (Голосъ ея подъ конецъ становится все слабѣе и слабѣе)

Владиміръ (въ сильномъ движеніи; про себя) — Вижу! вижу! природа вооружается противъ меня!... я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобъ разрушать естественный порядокъ! — Боже! Боже! здѣсь умирающая мать, — и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?... Горе, горе тому, кто изсушилъ это сердце!... Онъ мнѣ заплатитъ! я сдѣлался чрезъ него преступникомъ... Съ этой минуты прочь сожалѣнье!... День и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ дыбомъ волосы, и раскаяніе начнетъ грызть его душу. (Обращаясь къ матери) Ангелъ, ангелъ! не умирай такъ скоро! еще нѣсколько часовъ...

Аннушка (съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривая на госпожу). — Владиміръ Павловичъ! (Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руку Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается) Прости, Господи, ея душу! (Крестится. Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ: удерживается рукой за спинку стула и такъ остается недвижимъ нѣсколько минутъ)

Аннушка. — Какъ тихо скончалась-то, родимая моя! Что буду я теперь? (Плачетъ)

Владиміръ (подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, быстро отворачивается). — Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу!... Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ

будетъ плакать, буду смѣяться! (Убѣгаетъ. Долгое молчаніе)

Аннушка. — И сынъ родной ее оставляетъ. Теперь все, что я могу захватить, мое... Что же? Тутъ по мнѣ нѣту грѣха, лучше, чтобы мнѣ досталось, чѣмъ кому другому... а Владиміру Павловичу не нужно. (Подноситъ зеркало къ губамъ усопшей) Зеркало гладко... послѣднее дыханье улетѣло... Какъ блѣдна! (Уходитъ изъ комнаты и призываетъ остальныхъ слугъ для совершенія обрядовъ)

Сцена IX

5-го февраля, пополудни

Комната у Загорскихъ. Наташа и княжна. Анна Николаевна, входя, вводитъ двухъ старухъ

Анна Ник. — А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! Прошу садиться! Какъ ваше здоровье, Марѳа Ивановна? (Садятся)

1-я старуха. — Эхъ, мать моя! что у меня за здоровье! все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала щеку. (Къ другой старухѣ) Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только что на дворъ, и вы за мной, какъ будто сговорились навѣстить Анну Николаевну.

2-я старуха (къ хозяйкѣ). Я слышала, что вы были больны.

Анна Ник. — Да... благодарю, что навѣстили. Теперь получше... А что, новаго не слыхать ли чего-нибудь?

2-я старуха. — У меня, вы знаете, Егорушка въ Петербургѣ, такъ онъ пишетъ, что турокъ въ пухъ разбили наши... взяли пашу!...

1-я старуха. — Дай-то Богъ!... А я слышала, что Горинкинъ женился... Да на комъ! Знавали вы

Болотину? — такъ на ея дочери. Славная партія. Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялось! такъ нѣтъ... кому счастье!

Анна Ник. — А я слышала, — графъ Свитской умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

1-я старуха. — Да, какая жалость! И что разсказываютъ! — слышали вы?

Анна Ник. — Что такое?

2-я старуха. — Что такое?... Странно! я не слыхала!

1-я старуха. — Говорятъ, что покойникъ, прости его Господи, почти все свое имѣніе продалъ и побочнымъ дѣтямъ отдалъ деньги. Есть же люди! И говорятъ также, будто бы въ духовной онъ написалъ, чтобъ его похороны не стоили больше ста рублей.

2-я старуха. — Нечего сказать, какъ въ колыбелькѣ, такъ и въ могилку! Всегда былъ чудакъ покойникъ! Царство ему небесное! Что-жъ, исполнили его завѣщаніе?

1-я старуха. — Какъ можно! Пожалуй, онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стоили похороны, въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея было.

Анна Ник. — Стало-быть, очень пышно было.

Наташа. — Будто не все равно?

1-я старуха. — Какъ такъ? Развѣ можно графа похоронить, какъ нищаго?

2-я старуха (послѣ общаго молчанія). — Анна Николаевна! вы меня извините! я, вѣдь только на минуточку къ вамъ заѣхала, спѣшу къ золовкѣ на крестины. (Встаетъ) — Прощайте!

Анна Ник. — Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! (Цѣлуются) До свиданья, матушка! (Провожаетъ ее)

1-я старуха. — Какова? Какъ разрядилась наша Мавра Петровна! пунцовыя ленты на чепцѣ! ну, кстати ли? Вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!... А который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете?

Анна Ник. — Да лѣтъ пятьдесятъ есть. Она такъ говоритъ...

1-я старуха. — Крадетъ съ десятокъ. Я замужъ выходила, а у нея ужъ дѣти бѣгали.

Наташа (тихо Софьѣ). — Я думаю, потому что она замужъ вышла тридцати лѣтъ.

Княжна Софья. — Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

Наташа. — Помилуй, это очень весело. (Слуга входитъ)

Слуга. — Дмитрій Василичъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

Анна Ник. — Что это значитъ? (Слугѣ) Проси въ гостиную. (Слуга уходитъ. Тихо старухѣ) Пойдемте со мною, матушка. Я угадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... мнѣ ужъ говорили. Онъ самъ не такъ богатъ, но дядя при смерти, а у дяди 1,500 душъ.

1-я старуха. — Понимаю! (Въ сторону) Посмотримъ, что за Бѣлинскій. (Наташѣ) О, плутовка! Обѣ уходятъ)

Княжна Софья. — Отчего ты такъ покраснѣла?

Наташа. — Я?

Княжна Софья (махнувъ рукой). — Ну, ужъ ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа! твои

щеки пылаютъ, ты дрожишь, ты внѣ себя... Что такое значитъ?

Наташа (схвативъ княжну за руку). — Такъ... это ничего... Кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ! знаешь ли... я отгадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... Теперь все рѣшится... Не правда ли?

Княжна Софья. — Что рѣшится?

Наташа. — Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня и...

Княжна Софья. — Я тебя понимаю: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что-жъ? (Наташа отворачивается) Это очень натурально.

Наташа (съ живостью). — Послушай! какъ онъ милъ, какъ онъ любезенъ!

Княжна Софья. — Бѣдный Арбенинъ!

Наташа. — Чѣмъ же бѣдный?

Княжна Софья. — Онъ тебя такъ любитъ!... Бѣлинскій свататься пріѣхалъ. Ты навѣрное ему не откажешь, — такъ ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень, очень любитъ! (Насмѣшливо улыбается)

Наташа. — Разлюбитъ поневолѣ... Впрочемъ, онъ очень умѣлъ притворяться прежде съ другими, почему же не притворялся онъ со мной, кто можетъ поручиться? Правда, онъ мнѣ сначала немного нравился: въ немъ что-то необыкновенное... А за то какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображенье... Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не меньше его чувствуютъ, а веселы...

Княжна Софья. — Ты хотѣла бы все смѣяться! (Смотритъ на нее пристально) Однажды, въ сумерки, пріѣхалъ къ намъ Арбенинъ, сѣлъ за фортепьяно и съ полчаса фантазировалъ. Я заслуша-

лась. Вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ. Слезы были у него на глазахъ. „Что съ вами?“ спросила я. „Припадокъ!“ отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой: „музыка приводитъ мнѣ на мысли Италію. Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое отвѣчало бы моему! Все, что люблю я, убѣгаетъ меня; прошу сожалѣнья — нѣтъ! Я похожъ на чумнаго: все, что меня любитъ, то заражается этой болѣзнью несчастія, которую я принужденъ называть жизнью!“... Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто ожидая отвѣта... Я догадалась... Но ты не слышишь?...

Н а т а ш а. — Оставь меня! Какая мнѣ нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь! Клянусь тебѣ, не стану ревновать. Слышишь... вотъ... кажется, кто-то сюда идетъ... кажется, маменька...

К н я ж н а С о ф ь я (въ сторону). — Небо прекрасно исполняетъ мои желанья! судьба мститъ за меня. Хорошо! онъ почувствуетъ всю тягость любви безнадежной,обманутой. Я недаромъ старалась охладить къ нему Наташу: это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?... Я отомстила... за что?... Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!... Но узнаетъ! я ему докажу, что есть женщины... (Входитъ Анна Николаевна)

А н н а Н и к. — Наташа! подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ — не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій, но разсудокъ также не долженъ молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку. Согласна ты или нѣтъ? Нравится ли онъ тебѣ?

Наташа (въ смущеніи). Я... не знаю...

Анна Ник. — Какъ не знаю? Помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ. Кому же знать?... рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать ли ему надежду? Что ты молчишь?... Онъ молодой человѣкъ, превоспитанный, честный; состояніе есть, а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ожидаетъ богатое наслѣдство, — подумай: 1500 душъ! Разсуди. Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ 19. Теперь не пойдешь замужъ, такъ, можетъ-быть, никогда не удастся, — сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь: жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться, мотаютъ себѣ въ волю; а старые — что въ нихъ? глупы или бѣдны. Рѣшись, Наташа! Вѣдь онъ тамъ ждетъ... Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ нравится?

Наташа. — Нравится...

Анна Ник. — Такъ ты согласна?... Я пойду...

Наташа (останавливаетъ мать). — Maman! подождите!... такъ скоро... Ей-Богу, я все это вижу какъ во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... (Слезы показываются на глазахъ; она закрываетъ ихъ руками) Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?...

Анна Ник. (ласкаетъ ее). — Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? Развѣ не сама сказала, что онъ тебѣ нравится? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ! не надо упускать жениха! Вѣдь я не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна — и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ — такъ нѣтъ! бѣда не велика.

Наташа (утирая слезы). — Онъ мнѣ нравится... Только... дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ

домъ, пускай будетъ какъ женихъ... только... я сама не знаю... вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Maman, вы сами сумѣете, какъ ему сказать... я напередъ на все согласна.

А н н а Н и к. — Ну, и давно бы такъ... Объ чемъ же плакать, мой ангелъ? (Креститъ ее) Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (Уходитъ)

Н а т а ш а. — Ахъ!

К н я ж н а С о ф ь я. — Ты поблѣднѣла, кузина! Поздравляю тебя, — невѣста!

Н а т а ш а. — Какъ скоро все это сдѣлалось! (Уходитъ)

К н я ж н а С о ф ь я. — Правда. Когда мы чего-нибудь желаемъ, и желаніе наше исполнится, то намъ всегда кажется, что оно исполнилось слишкомъ скоро. Мы лучше любимъ видѣть радость въ будущемъ, нежели въ минувшемъ... Она счастлива... А я?... Зачѣмъ раскаиваться? Люди невиновны, если судьба нечаянно исполняетъ ихъ дурныя желанья, стало-быть, они справедливы... стало-быть, мое сердце должно быть покойно, должно-бы было быть покойно!...

С ц е н а X

Февраля 4-го, вечеръ

Зала въ домѣ Павла Григорьевича; слуги зажигаютъ лампы

П е р в ы й. — Онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ: отъ вчерашняго еще не опомнился.

В т о р о й. — Какъ сказалъ ему баринъ?

Т р е т і й. — „Проклинаю тебя!“ — сказалъ онъ ему.

В т о р о й. — Владиміръ Павловичъ не заслужилъ этого.

Первый. — А гдѣ старый баринъ?

Третій. — Уѣхалъ въ гости.

Второй. — Былъ-ли онъ встревоженъ, когда ты ему подавалъ одѣваться?

Третій. — Ни мало. Ни разу меня не ударилъ. Проклясть сына, ѣхать въ гости — эти двѣ вещи для него такъ близки между собою, какъ выпить стаканъ вина и стаканъ воды.

Первый. — А крѣпко поговорилъ молодой баринъ своему батюшкѣ; тотъ сначала и не опомнился.

Второй. — Оно все такъ, а только жалко, ей Богу жалко! Отцовское проклятіе не шутка! Лучше жерновъ положитъ себѣ на сердце.

Третій. — Ивану не велѣно отъ него отходить... Вотъ отецъ! вѣдь проклялъ, а все боится, чтобы сынъ на себя рукъ не наложилъ.

Второй. — Кровь говоритъ.

Третій. — А по моему, такъ лучше убить, чѣмъ проклясть.

Сцена XI

Февраля 4-го, вечеръ

Комната Владиміра. Луна свѣтитъ въ окно. Владиміръ возлѣ стола, опершись на него рукою. Иванъ у двери

Иванъ. — Здоровы ли вы, сударь?

Владиміръ. — На что тебѣ?

Иванъ. — Вы блѣдны.

Владиміръ. — Я блѣденъ?... Когда-нибудь буду еще блѣднѣе.

Иванъ. — Вашъ батюшка только погорячился; онъ скоро васъ проститъ.

Владиміръ. — Поди, добрый человѣкъ, это до тебя не касается.

Иванъ. — Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить.

Владимiръ. — Ты лжешь: здѣсь нѣтъ никого, кто-бы занимался мною. Оставь меня, — я здоровъ.

Иванъ. — Напрасно, сударь, хотите меня увѣрить въ томъ. Вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное.

Владимiръ (вынимаетъ кошелекъ; про себя). — Я слышалъ, что деньги дѣлаютъ изъ людей все. (Громко) Возьми и ступай отсюда; здѣсь тридцать червонцевъ.

Иванъ. — За тридцать серебрениковъ продалъ Іуда нашего Спасителя; а это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ; хотя я рабъ, а не рѣшусь отъ васъ взять денегъ за такую услугу.

Владимiръ (бросаетъ кошелекъ въ окно, которое разбивается; стекла звенятъ, и кошелекъ упадаетъ на улицу). — Такъ пусть кто-нибудь подыметъ!

Иванъ. — Что это, сударь, съ вами дѣлается? Утѣшьтесь, не все горе...

Владимiръ. — Однако-жъ...

Иванъ. — Богъ пошлетъ вамъ счастье, хотя-бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали. Никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ.

Владимiръ. — Точно?

Иванъ. — Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Богу молиться.

Владимiръ (разсѣянно). — Такъ у тебя есть жена и дѣти?

Иванъ. — Да еще какія, — будто съ неба... Добрая жена... и малютки! сердце радуется, глядя на нихъ.

Владимiръ. — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

Иванъ. — И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Владиміръ (беретъ его за руку). — У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда! (Отходитъ въ сторону къ окну; Иванъ глядитъ на него съ сожалѣніемъ) — А онъ, онъ, мой отецъ, меня проклялъ, и въ такой мигъ, когда я бы могъ умереть отъ словъ его! Но я сдѣлалъ должное: она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго. — Теперь испытаю послѣднее на землѣ — женскую любовь. Боже, какъ мало Ты мнѣ оставилъ! Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется, и я буду съ Тобой. Ты сотворилъ мое сердце для Себя, проклятіе человѣка не имѣетъ вліянія на гнѣвъ Твой. Ты милосердъ, — иначе я бы не могъ родиться! (Смотритъ въ окно) Какъ эта луна, эти звѣзды стараются меня увѣрить, что жизнь ничего не значитъ... Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? Все прошло! я это вижу. Такъ точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимаетъ видъ небеснаго города, блеститъ золотыми краями и обѣщаетъ чудеса воображенію; но солнце закатилось, дунулъ вѣтеръ, и облако растянулось, померкло, и, наконецъ, упадаетъ росою на землю!

Сцена XII

Февраля .... вечеръ

Комната у Загорскихъ. Дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей. Анна Николаевна и княжна Софья входятъ

Княжна Софья. — Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что

добно. Не знаю, понравится ли вамъ; по мнѣ, хорошо! только блонды дорого.

Анна Ник. — Теперь некогда, Сонюшка, послѣ посмотрю. (Входитъ гость) Ахъ, здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я васъ совсѣмъ не ожидала: вы такіе стали спесивые и знать насъ не хотите.

Гость 1-й. — Помилуйте! Я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена, и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастья.

Анна Ник. — Покорно васъ благодарю. Дай-то Богъ! человѣкъ, кажется, хорошій.

Гость 1-й. — И, я слышалъ, съ прекраснымъ состояніемъ?

Анна Ник. — Какъ же-съ! Да вы, я думаю, знаете г-на Бѣлинскаго?

Гость 1-й. — Видалъ-съ. Прелестнѣйшій молодой человѣкъ.

Анна Ник. — Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! (Уходятъ оба въ гостиную)

Княжна Софья. — Все идетъ по моему. Отчего же я безпокоюсь? Развѣ у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радуетъ и огорчаетъ? Какъ согласить внутреннее самодовольствіе съ исполненіемъ желаній? — Нѣтъ, главная моя цѣль еще далеко. Я желала бы знать, какъ все это подѣйствуетъ на Владиміра. Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые съ такимъ жаромъ разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и приноситъ мнѣ какое-нибудь новое мученье! Гдѣ несчастливцы? На всѣхъ лицахъ я встрѣчаю только улыбки! Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... Если-бъ онъ ихъ увидалъ, то сталъ бы меня

любить. Онъ бы не устоялъ! Невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну!...

Наташа (вбѣгаетъ; весело). — Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай: если-бъ ты была тамъ, то насмѣялась бы до-сыта... ха-ха-ха! Боже мой!... Ахъ! я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

Княжна Софья. — Кому?...

Наташа. — Насилу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравлять, смѣшался, заикнулся, забормоталъ... Я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорилъ, — умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

Княжна Софья. — Какъ ты весела!... Гдѣ Бѣлинскій?

Бѣлинскій (входитъ). — Слава Богу! я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди, только нестерпимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ.

Княжна Софья. — Это видно по вашему лицу.

Наташа. — Mon cher ami, оставимъ ее: она не въ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. (Садятся)

Бѣлинскій (цѣлуетъ у нея руку). — Теперь я имѣю право вызывать завистниковъ.

Княжна Софья (про себя). — Этотъ человѣкъ думаетъ, говоритъ о счастьи, отнявъ послѣднее у своего друга... Отчего же я, хотя менѣе виновна, должна чувствовать раскаянье? О, какъ бы я замѣнила Владиміру эту потерю, если-бъ... если-бъ только...

(Гость, молодой человѣкъ, выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и приближается къ ней)

Гость. — Здорова ли княгиня, ваша матушка?

Княжна Софья. — Нѣтъ, она очень больна.

Гость. — Вы, вѣрно, знаете Владиміра Арбенина?

Княжна Софья. — Онъ къ намъ ѣздитъ.

Гость. — Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

Княжна Софья. — Я всегда замѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться, къ чему такіе вопросы?

Гость. — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Нѣсколько дней тому назадъ, я былъ у его отца. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется, и вбѣгаетъ Владиміръ. Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. „Убійца!“ воскликнулъ Владиміръ. „Ты мнѣ не вѣрилъ, — поди же поцѣлуй ея мертвую руку!“ — и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю. Слуги вбѣжали; его подняли. Отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю...

Княжна Софья (въ сильномъ волненіи). — Проклялъ, говорите вы... Онъ упалъ, но ему ничего не сдѣлалось?... Вы не знаете, что значили слова его? — Нѣтъ, это не сумасшествіе... что-нибудь ужасное съ нимъ случилось...

Гость (съ улыбкой). — Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое большое участіе.

Княжна Софья. — Въ самомъ дѣлѣ? (Съ досадой, въ сторону) Боже, нельзя показать сожалѣнья!

Гость. — Наконецъ, я узналъ, что въ этотъ самый день умерла у Владиміра мать, которая съ отцомъ была въ разводѣ; но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! Это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко: онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

Княжна Софья. — По словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ-нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ сумасшествіе...

Гость. — О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите... Мнѣ стало жалко его; вотъ для чего я спросилъ...

Княжна Софья. — Вы видите, что я не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

Гость (помолчавъ). — Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша будетъ на арфѣ играть. Вы не слыхали еще? Она изъ Парижа... Это очень любопытно! Если угодно, я билетъ...

Княжна Софья. — Я не любопытна, я не имѣю этого порока!

Гость. — Извините! я желалъ вамъ услужить.

Княжна Софья. — Вы очень милостивы...

Гость (раскланиваясь). — Прошу васъ повѣрить, что если я что-нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (Уходитъ)

Княжна Софья (одна). — Чуть-чуть онъ

не сказалъ, что хотѣлъ меня обрадовать этими новостями! Прійти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того только, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить другого! (Молчаніе) Что ждетъ меня? Ужасно темнѣетъ предо мной будущность, какъ бездна, которая хочетъ поглотить все, что во мнѣ радуется жизнью! Владиміръ потерялъ мать, любовь отца и долженъ лишиться Наташи... Но первыя два несчастья помогутъ ему перенести послѣднее съ твердостію; нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая, къ которой прикованы всѣ думы, которая отравляетъ всѣ чувства одинаковымъ ядомъ. Да! онъ мужчина, онъ крѣпокъ духомъ!... а тамъ... тамъ... я могу еще надѣяться; я примѣчала нѣсколько разъ, что глаза его пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ-быть...

Наташа. — Что онъ тебѣ разсказывалъ?

Княжна Софья. — Про Арбенина.

Бѣлинскій. — Что такое про Арбенина?

Княжна Софья. — Не бойтесь.

Бѣлинскій. — Чего же мнѣ бояться?

Княжна Софья. — Вы лучше знать должны.

Наташа (тихо). — Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

Княжна Софья. — За его друга? — Нѣтъ!... Арбенинъ потерялъ мать, и отъ этого онъ въ отчаяньи. Его приняли за сумасшедшаго... Не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ...

Бѣлинскій. — О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

Княжна Софья. — Разумѣется, вы это должны знать лучше насъ: вы были его другомъ.

Бѣлинскій. — Я дружбу принесъ въ жертву любви.

Княжна Софья. — Это очень хорошо — для васъ.

Бѣлинскій. — Впрочемъ, не думайте, что я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели въ нашъ вѣкъ — двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ.

Княжна Софья (Наташѣ). — Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и, вѣрно, господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ!

(Наташа при этихъ словахъ покраснѣла)

Наташа. — Да, это правда: Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ воображеніе: но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе объ немъ.

Княжна Софья. — Я не совсѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

Наташа. — Кузина, къ чему это?

Бѣлинскій. — Можетъ-быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

Княжна Софья. — Однако, послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она съ давнишнихъ поръ носитъ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. — Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она ихъ показала. А-а! попалась, душа моя!

Бѣлинскій. — Я могу просить, и то, если она позволитъ... Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

Княжна Софья. — Излишества всегда опасны!

Наташа. — Чтобъ доказать моей кузинѣ, что я ни мало не дорожу этими глупостями... (Снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и отвязываетъ бумажку) Возьмите! Эта старинная бумажка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ... эти стихи довольно порядочно написаны.

Бѣлинскій. — Это его рука!

Княжна Софья (въ сторону). — Безстыдный! онъ такъ же спокоенъ, какъ будто читаетъ театральную афишу! Ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели искусство? Нѣтъ! я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа. — Прочти, мой другъ.

Бѣлинскій (читаетъ). —

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей;
Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними, —
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.
Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ:

Вѣрь, не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!

Прекрасно! очень мило! (Отдаетъ)

Наташа (разрываетъ бумагу). — Теперь спокойны ли вы, кузина?

Княжна Софья. — О, я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

Бѣлинскій (въ сторону). — Эта княжна вовсе не по мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло?

(Дверь отворяется, входитъ Владиміръ, кланяется. Всѣ смущены. Онъ хочетъ подойти, но, взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную)

Наташа (только что Владиміръ вошелъ). — Ахъ! Арбенинъ!

Бѣлинскій (про себя). — Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! Онъ взбѣсится; онъ, вѣрно, еще не знаетъ, что я женюсь, и на комъ!... Надо убраться, чтобъ не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (Громко) Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете...

Княжна Софья (кинувъ на него косвенный взглядъ). — Это правда!

Бѣлинскій. — Итакъ, прощайте! (Уходитъ въ кабинетъ)

Наташа. — Невольный трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ, сердце бьется... Отчего? Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Но, можетъ-быть, любовь къ нему не совсѣмъ погасла въ моемъ сердцѣ? Можетъ-быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Бѣлинскому слово, онъ будетъ моимъ мужемъ,

и Арбенина должна удалить. Это будетъ мнѣ легко. (Задумывается)

Княжна Софья. — Слава Богу! (Про себя). Я думала, что этотъ Бѣлинскій не мучимъ совѣстью... теперь я вижу совѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человѣка. Такъ, онъ виновнѣе меня!... Я замѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ... Ему ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія небесъ? (Удаляется въ глубину театра. Владиміръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижны)

Наташа. — Что скажете новаго?

Владиміръ. — Говорятъ, вы выходите замужъ.

Наташа. — Это для меня не ново...

Владиміръ. — Я вамъ желаю счастья.

Наташа. — Покорно васъ благодарю.

Владиміръ. — Такъ это точно, точно правда?

Наташа. — Что-жъ удивительнаго?

Владиміръ (помолчавъ). — Вы не будете счастливы.

Наташа. — Почему же?

Владиміръ. — Я слыхалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

Наташа. — Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто-нибудь да умираетъ въ мірѣ, итакъ...

Владиміръ. — Послушайте, скажите мнѣ по чести: это шутка или нѣтъ?

Наташа. — Нѣтъ.

Владиміръ. — Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. Въ васъ есть жалость!... Послу-

шайте: я потерялъ мать, ангела; отвергнутъ отцомъ; я потерялъ все, кромѣ одной искры надежды! Одно слово — и она погаснетъ! Вотъ какая у васъ власть... Я пришелъ сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... что пользы вамъ лишать меня изъ шутки такой минуты?

Наташа. — Я не думала шутить... Я очень понимаю, какъ ваше несчастіе велико; я бы достойна была презрѣнія, если-бъ могла съ вами шутить теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго!

Владиміръ (смотритъ на нее нѣсколько времени). — Помните-ль давно-давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить противъ злословій свѣта... и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу! съ тѣхъ поръ я васъ люблю больше Бога! О, какимъ голосомъ было сказано это „обѣщаю!“ — и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ. Вѣчно! на языкѣ другого это слово мало значитъ... но я поклялся любить васъ вѣчно, поклялся самому себѣ, а клятва благороднаго человѣка неизмѣнна, какъ воля Творца... Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово... солгите... и я буду доволенъ. Что стоитъ одно слово?... Оно спасетъ человѣка отъ отчаянія.

Наташа (въ сторону). — Что мнѣ дѣлать? Мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему?... Я могла бы отвѣчать ему!... онъ такъ жалокъ!... Я его не люблю, но мнѣ какъ-то страшно его огорчить...

Владиміръ. — Женщина... ты колеблешься? Послушай: если-бъ изсохшая отъ голода собака

приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ, — ужели ты не отдала бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба назначенъ былъ совсѣмъ для другого употребленья? Такъ я прошу у тебя одного слова любви!...

Наташа (помолчавъ; значительно). — Я выхожу замужъ за Бѣлинскаго! (Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно)

Владиміръ. — Онъ? Онъ?... Какъ?... Стало-быть, мои подозрѣнія...

Наташа. — Чего вы испугались?

Владиміръ. — И я его называлъ другомъ! Адъ и проклятье! Онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь... онъ мнѣ заплатитъ своей кровью! (Хочетъ итти)

Наташа. — Остановитесь! остановитесь! (Онъ неподвиженъ) Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго, и вы хотите убить его! Опомнитесь! его смерть заставитъ меня ненавидѣть васъ!...

Владиміръ. — Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, я не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія! Презрѣнье и любовь несовмѣстны!... Моя рука тебя избавитъ отъ этой ехидны.

Наташа. — Владиміръ, останьтесь... я умоляю...

Владиміръ (посмотрѣвъ на нее, со вздохомъ). — Хорошо! Что еще я долженъ сдѣлать?

Наташа. — Намъ не надобно больше видѣться.. Я прошу, забудьте меня! это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало ли есть разсѣя-

ній для молодого человѣка? Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будемъ друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости... До тѣхъ поръ я прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна слушать вашихъ жалобъ!

Владиміръ. — Прекрасные совѣты. (Ходитъ взадъ и впередъ; съ сухимъ смѣхомъ) Въ какомъ романѣ... у какой героини вы переняли такія мудрыя увѣщанія?... Вы желали бы во мнѣ найти Вертера!... прелестная мысль... Кто-бъ могъ ожидать?...

Наташа. — Разсудокъ вашъ то-же говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

Владиміръ. — Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому! — я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разсудкѣ: они годятся другъ для друга... И что мнѣ за дѣло? Пускай себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ; пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія, — вотъ ихъ занятія!... Ахъ! а я за одинъ ея веселый мигъ заплатилъ бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость!

Наташа. — Мои слова непріятны вамъ; но правда, говорятъ, никому не нравится. Я сама вамъ теперь признаюсь, что вы, вашъ характеръ, вашъ умъ сдѣлали на меня сначала довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и мы должны разстаться: я люблю другого... Такъ я подамъ вамъ примѣръ, — я васъ забуду!...

Владиміръ. — Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совѣсть вѣрнѣе памяти; не любовь, раскаяніе будетъ тебѣ напоминать обо мнѣ! Развѣ

я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если-бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя! Бѣлинскій тебя не стоитъ; онъ не будетъ въ состояніи цѣнить твою любовь, твой умъ; онъ пожертвовалъ другомъ для... о, не для тебя!... деньги, деньги — вотъ его божество!... и тебя принесетъ онъ имъ въ жертву! Тогда ты проклянешь свою легковѣрность... и тотъ часъ, тотъ часъ... въ который подала мнѣ пагубныя надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтобы лишить меня небеснаго!...

Наташа. — Еще разъ говорю вамъ: перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите. (Помолчавъ) Мы не должны больше видѣться. Какая вамъ охота смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ — послѣ мы будемъ друзьями...

Владиміръ. — Не слишкомъ ли вы полагаетесь на свою добродѣтель? Нѣтъ, я не способенъ жить остатками сокровища, принадлежащаго другому!... Что осмѣлились вы предложить мнѣ? Создатель! теперь я вѣрю, что демоны были прежде ангелами.

Наташа. — Господинъ Арбенинъ, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! Вы несносны!

Владиміръ. — Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

Наташа. — Вы правы: я смѣшна, глупа... Какъ хотѣть, чтобъ сумасшедшій поступалъ какъ разсудительный человѣкъ!... Оставляю васъ и, признаюсь, раскаиваюсь въ первый и послѣдній разъ въ томъ, что хотѣла кого-нибудь утѣшить! Вы пренебрегли всѣ приличія, и я не намѣрена

терпѣть долѣе. (Уходитъ; но останавливается въ глубинѣ театра и смотритъ на него)

Владиміръ. — Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!... Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть! Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову! я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать... (Въ это время взошелъ Бѣлинскій. Наташа говоритъ ему что-то на ухо, съ видомъ просьбы, и уходитъ. Онъ смотритъ издали. Владиміръ ломаетъ себѣ руки) Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, улыбка, глаза, все, все это для меня стало ядъ! Какъ можно подавать надежды, только чтобы имѣть удовольствіе лишній разъ обмануть ихъ! (Обтираетъ глаза и лобъ) Женщина, стоишь ли ты этихъ кровавыхъ слезъ? (Бѣлинскій подходитъ)

Бѣлинскій. — Владиміръ! (Въ сторону) Мнѣ должно его умаслить, уговорить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа правду говоритъ: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. (Громко) Владиміръ!

Владиміръ (не оборачиваясь). — Что?

Бѣлинскій. — Ты на меня сердитъ?

Владиміръ. — Нѣтъ.

Бѣлинскій. — О! я вижу, что ты сердитъ; но развѣ не она сама выбирала?

Владиміръ (все не оборачиваясь). — Разумѣется.

Бѣлинскій. — Время тебя вылѣчитъ.

Владиміръ. — Не знаю. (Голосъ его дрожитъ)

Бѣлинскій. — Арбенинъ! я вижу по всему: ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясню твои поступки, чѣмъ свои собственные.

Владиміръ. — Ты знаешь меня? Ты говоришь это! (Со смѣхомъ) Если такъ, то Павелъ Васильевичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

Бѣлинскій. — Скорѣй первое, чѣмъ послѣднее.

Владиміръ. — Поздравляю.

Бѣлинскій. — Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго права съ тобой на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ! Вѣрь мнѣ, твоя печаль— одно оскорбленное самолюбіе.

Владиміръ. — Мнѣ... вѣрить тебѣ?...

Бѣлинскій. — Развѣ я употребляю во зло твою довѣренность? развѣ я открылъ какую-нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, положимъ, а теперь моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?...

Владиміръ. — Я совѣтую оставить меня; не надѣйся на мое хладнокровіе! Я хотѣлъ, готовъ былъ тебѣ отомстить, упиться твоей кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, и ни въ чемъ не виню, только оставь меня. Я не могу отвѣчать на твои искреннія ласки! (Смѣется дико) Теперь я свободенъ. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ... слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаивайся. Что за важность? Я лишній! Ты искусный, осторожный, умный человѣкъ! Замѣтилъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала,

и однимъ ударомъ отнялъ все. Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

Бѣлинскій. — Ты не прощаешь мнѣ? эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владиміръ. — О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ; съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ... мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

Бѣлинскій. — Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце? Ужели мы снова не можемъ сойтись, если я докажу...

Владиміръ. — На что?

Бѣлинскій. — Я заклинаю тебя.

Владиміръ (въ сторону). — Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить!...

Бѣлинскій. — Именемъ ея прошу тебя.

Владиміръ. — Полно, полно! развѣ можно что-нибудь еще у меня отнять?

Бѣлинскій (сквозь зубы). — Непреклонный! (Ему) Послушай, прости мнѣ. Теперь перемѣнить нельзя, но впередъ, даю тебѣ честное слово...

Владиміръ. — Довольно и одного раза!

Бѣлинскій. — Одумайся! Со временемъ...

Владиміръ (въ сторону). — Со временемъ, со временемъ... Всемогущій! какъ Ты позволилъ ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца?...

Бѣлинскій. — И ты даже не хочешь выслушать опытнаго друга, который тебѣ желаетъ добра!...

Владиміръ (внѣ себя). — Боже!

Бѣлинскій.—Такъ! я не долженъ тебя оставлять: это — моя обязанность, и ты самъ будешь послѣ благодаренъ. Преступленіе было бы не

удержать безумца на краю пропасти. (Беретъ его за руку) Пойдемъ къ ней! Наташа смягчитъ твою горесть; ты мнѣ сказывалъ, что взоръ ея можетъ усмирять твою душевную бурю... пойдемъ къ ней! (Хочетъ его увлечь; Владиміръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ) Остановись, остановись! (Молчаніе) Онъ ушелъ! — Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, а судьба исполнила мое! Но почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? Вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны. Арбенинъ — ребенокъ, который испугавшись розги, бросается въ рѣку. Что за глупая ревность! онъ ненавидитъ меня и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей, ума подавлено безсмысленной страстью! и какъ не умѣть себѣ приказать? (Княжна Софья входитъ)

Княжна Софья. — Гдѣ Арбенинъ?

Бѣлинскій. — Ушелъ. Не слышитъ и не видитъ; какъ бѣшеный, бросился въ дверь.

Княжна Софья. — И вы его не удержали? И онъ все любитъ Наташу?

Бѣлинскій. — Больше, чѣмъ когда-нибудь.

Княжна Софья (поблѣднѣвъ, упадаетъ въ кресла). — Итакъ, все напрасно!...

Бѣлинскій. — Что съ вами? Человѣкъ! эй, спирту! воды!

Княжна Софья. — Оставьте меня!

Сцена XIII

12-го мая

(Эпилогъ)

Въ домѣ графа N. Много гостей; вечеръ; подаютъ чай

1-й гость. — Слышали вы, графъ, новость?

Завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытны ли посмотрѣть?

Графъ. — Свадьба? чья, напримѣръ?

1-й гость. — Загорскина выходитъ замужъ за Бѣлинскаго.

1-я дама. — Вы знаете жениха?

2-й гость. — Знаю-съ.

1-я дама. — Онъ богатъ?

2-й гость. — Имѣетъ состояніе, слѣдовательно и долги...

1-я дама. — Хорошъ собой?

2-й гость. — Молодецъ, только слишкомъ занимается своимъ лицомъ.

1-я дама. — Стало-быть, занимается хорошимъ.

2-я дама. — А невѣста?

2-й гость. — Недурна, une figure piquante!

1-я дама (къ другой). — Ma chère! я слышала, она кокетка до невозможности.

2-й гость. — Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3-й гость. — Да! бѣдный Арбенинъ! Вы знаете, онъ сошелъ съ ума.

Многіе. — Какъ сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слыхали!

3-й гость. — Какъ же, отъ любви къ Загорскиной! Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащатъ: онъ прицѣпляется ко всему, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; плачетъ и смѣется въ одно время; зарыдаетъ и вдругъ захохочетъ. Иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ.

2-й гость. — Я-бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

3-й гость. — Я слыхалъ, что онъ былъ величайшій негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

4-й гость. — Да, Павелъ Григоричъ — человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

3-й гость (полунасмѣшливо). — Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это къ скупости.

2-я дама. — И Загорскину не мучитъ совѣсть?

3-й гость. — Про то знаетъ ея духовникъ.

1-й гость. — Неужели нельзя вылѣчить Арбенина? Можетъ-быть, тутъ есть какія-нибудь физическія причины. Странно! съ ума сойти отъ любви?!

3-й гость. — Если это странно вамъ, то я желалъ-бы, что-бъ одна изъ этихъ дамъ взяла на себя трудъ доказать вамъ противное.

1-й гость. — Но я говорю про Арбенина. Онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!...

3-й гость. — Вы, конечно, не ученикъ Ляфатера? Впрочемъ, если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только личина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла! Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его на-

смѣшки не дышали веселостію; въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества! Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе. У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза, есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что если-бъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній...

2-я дама. — По мнѣ, такъ сумасшедшіе очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

3-й гость. — А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ, отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. У нихъ душа не лишается природныхъ способностей, но органы, которые выражали ощущенія души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія. Въ ихъ головѣ всегдашній хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; и если они еще сохраняютъ въ себѣ что-нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошед-

шемъ. Чувство настоящаго и надежда для нихъ не существуетъ. Такое состояніе люди называютъ сумасшествіемъ и смѣются надъ его жертвами! (Между тѣмъ многіе разошлись)

2-й гость (другому). — А я зѣваю!

4-й гость (тихо). — Къ чему это ораторство? Познанія свои что ли онъ хочетъ показать?

5-й гость (Онъ — молодой человѣкъ, лѣтъ 19. Подходитъ къ третьему гостю). — Сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ достать мнѣ что-нибудь изъ сочиненій Арбенина?

3-й гость. — Съ удовольствіемъ, если можно будетъ.

(Входитъ слуга и подаетъ билетъ графу, который кончилъ играть).

Слуга. — Отъ Павла Григорича Арбенина! (Уходитъ. Всѣ въ изумленіи)

Многіе (межъ собой). — Что это значитъ?

3-й гость. Съ черною каймой... приглашеніе на похороны.

Графъ. — А вотъ увидимъ! (Надѣваетъ очки и читаетъ вслухъ)

„Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о кончинѣ сына своего Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая 11-го дня, пополудни, покорнѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла въ собственный домъ, мая 13-го дня, пополуночи въ десятомъ часу. Отпѣваніе въ приходской церкви“... etc.

3-й гость (про себя). — Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной.

Нѣкоторые. — Боже мой! какая жалость!

2-я дама. — Бѣдный отецъ!

5-й гость. — Бѣдный молодой человѣкъ! онъ могъ бы еще вылѣчиться.

3-я дама (къ третьему гостю). — Не правда ли, какая жалость?

3-й гость (въ сторону). — Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы! но что въ этомъ сожалѣньи? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы! Но такая слеза едва ли упадетъ на могилу Арбенина: онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь!

Одна старуха. — Вотъ, чай, пышныя будутъ похороны! вѣдь единственный сынъ.

3-й гость (одному изъ гостей). — Мнѣ кажется, что старухи любятъ говорить о погребеніяхъ для того только, чтобы пріучиться къ мысли: „скоро и насъ потащутъ въ тѣсную могилу!“

1-й гость. — Забудемъ мертвыхъ. Богъ съ ними!

3-й гость. — Если всѣ такъ станутъ думать, то — горе великимъ людямъ!

1-й гость. — Я надѣюсь, вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ... Онъ былъ странный человѣкъ. — Вотъ все!

(Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь)

Москва 1831 г.

МАСКАРАДЪ

1834—1835 г.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ

Дѣйствующія лица:

Арбенинъ, Евгеній Александровичъ
Нина, жена его
Князь Звѣздичъ
Баронесса Штраль
Казаринъ, Аѳанасій Павловичъ
Шприхъ, Адамъ Петровичъ
Маска
Чиновникъ
Игроки
Гости
Слуги и служанки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Сцена I

Выходъ первый. Игроки, кн. Звѣздичъ, Казаринъ и Шприхъ

(За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ)

1-й понтеръ. Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ. Извольте.

1-й понтеръ. Сто рублей.

Банкометъ. Идетъ.

2-й понтеръ. Ну, добрый путь!

3-й понтеръ. Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо.

4-й понтеръ. Надо гнуть.
3-й понтеръ. Пусти.
2-й понтеръ. На все?... Нѣтъ, жжется!
4-й понтеръ. Послушай, милый другъ: кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.
3-й понтеръ (тихо 1-му). Смотри во всѣ глаза.
Князь Звѣздичъ. Ва-банкъ!
2-й понтеръ. Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь, — играйте не сердясь.
Князь. На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.
Банкометъ. Убита.
Князь. Чортъ возьми!
Банкометъ. Позвольте получить.
2-й понтеръ (насмѣшливо).
Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить.
Что̀ стоятъ ваши эполеты?
Князь. Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.
2-й понтеръ (сквозь зубы, уходя). Скромнѣй бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

(Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится въ сторонѣ и задумывается)

Шприхъ (подходитъ съ участіемъ).
Не нужно-ль денегъ, князь? Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

(Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ)

Выходъ второй. Арбенинъ и прочіе.

(Арбенинъ входитъ, кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ)

Арбенинъ. Ну, что? ужъ ты не мечешь?... а, Казаринъ?

Казаринъ. Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ,
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ. Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

Казаринъ. Дѣлами занятъ все?

Арбенинъ. Любовью... не дѣлами.

Казаринъ. Съ женой по баламъ?

Арбенинъ. Нѣтъ.

Казаринъ. Играешь?

Арбенинъ. Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто это франтикъ?

Казаринъ. Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.

(Шприхъ подходитъ и кланяется)

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ —
Арбенинъ.

Шприхъ. Я васъ знаю.

Арбенинъ. Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

Шприхъ. По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

Арбенинъ. Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего,
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

(Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ)

Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза — стеклярусъ точно;
Взглянуть — не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

Казаринъ. Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?

Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся, — одолжитъ.
Какой онъ націи, — сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ...
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ — безбожникъ,
Съ святошей — езуитъ, межъ нами — злой картежникъ,
А съ честными людьми — пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

Арбенинъ. Портретъ хорошъ, — оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой — не въ дѣлѣ,
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

Казаринъ. Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому-жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

Арбенинъ. А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркой?

Казаринъ. Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный!
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,

Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ
И крестъ на шею получилъ.

Арбенинъ. Да! вы разборчивы на новыя знакомства.

Игроки (кричатъ). Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

Казаринъ. Иду! (Съ притворнымъ участіемъ)
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

1-й понтеръ. Скорѣй!

Казаринъ. Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ)

Арбенинъ. Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

Князь (недовольно). Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.

Арбенинъ. Я вашъ отвѣтъ предупрежу, пожалуй.
Я здѣсь давно знакомъ и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ.
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

Князь (съ чувствомъ беретъ его за руку). Я проигрался!

Арбенинъ. Вижу. Что-жъ? Топиться?

Князь. О, я въ отчаяньи!

Арбенинъ. Два средства только есть:
Дать клятву за игру во-вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы,
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
„Подлецъ!“

(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи)

Князь. Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ. Что хотите.

Князь. Быть можетъ, счастіе...

Арбенинъ. О, счастія здѣсь нѣтъ!

Князь. Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте
мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ. Совѣтовъ не даю.

Князь. Ну, сяду...

Арбенинъ (вдругъ беретъ его за руку). Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды, — я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе;
Какъ вы, заносчивъ, опрометчивъ тоже,

И если-бъ... (останавливается) кто-нибудь меня остановилъ,

То... (Смотритъ на него пристально)

(Перемѣнивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!

(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто)

Не откажите инвалиду!
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

Казаринъ. Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!...

(Тихо) Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что́ такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки. Извольте, вамъ и книги въ руки; вы хозяинъ,
Мы гости.

1-й понтеръ (на ухо второму).

Берегись, имѣй теперь глаза!
Не понутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ,
И притузитъ онъ моего туза. (Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола)

(Ширихъ отводитъ на авансцену Казарина)

Ширихъ (лукаво).

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

Казаринъ. Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Ширихъ. Видно,
Что мастеръ.

Казаринъ. Былъ.

Ширихъ. Былъ? А теперь...

Казаринъ. Теперь?...
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ, а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить. — Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.

(Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ)

1-й игрокъ. Я говорилъ тебѣ.
2-й игрокъ. Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно...
Я-ль не хитрилъ?! нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...
Казаринъ (подходитъ). Что, господа, иль не подъ силу? — а?
1-й игрокъ. Арбенинъ вашъ — мастакъ.
Казаринъ. И! что вы, господа!

(Волненье у стола между игроками)

3-й понтеръ. Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.
4-й понтеръ (въ сторону). Обрѣжется...
5-й понтеръ. Посмотримъ.
Арбенинъ (встаетъ). Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ)

Князь. Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...
Арбенинъ. И деньги ваши тоже.
(Горько) А, право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь. Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.
Арбенинъ. Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть, какъ вы пошли-бы на сраженье.
Князь. Но проиграться вы могли.
Арбенинъ. Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.
Князь. Вы избѣгаете признательность мою...
Арбенинъ. По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто — видѣлъ пользу въ томъ.
Князь. Я вамъ не вѣрю.
Арбенинъ. Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(Помолчавъ) Разсѣяться-бъ и вамъ и мнѣ нехудо...
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.
Князь. Да.
Арбенинъ. Поѣдемте.
Князь. Я радъ.
Арбенинъ (въ сторону). Въ толпѣ я отдохну.
Князь. Тамъ женщины есть — чудо!...
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...
Арбенинъ. Пусть говорятъ, а намъ какое дѣло?

Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ, — есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло. (Уходятъ)

Выходъ третій. Тѣ же, кромѣ Арбенина и князя Звѣздича

1-й игрокъ. Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!...

2-й игрокъ. Хотя-бъ опомниться онъ далъ, по крайней мѣрѣ.

Слуга (входитъ). Готово ужинать.

Хозяинъ. Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ. (Уходятъ)

Шприхъ (одинъ). Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу...
И даромъ ужинать желаю. (Приставивъ палецъ ко лбу)
Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю
И въ маскарадъ за ними полечу.
(Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою)

Сцена II

МАСКАРАДЪ

Выходъ первый. Маски, Арбенинъ, потомъ князь Звѣздичъ

(Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Налѣво канапе)

Арбенинъ (входитъ). Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно, и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!
(Князь подходитъ, зѣвая)

Вотъ нынѣшнее поколѣнье...
И то-ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? не набрели еще на приключенье?

Князь. Какъ быть? а цѣлый часъ хожу!

Арбенинъ. А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

Князь. Все маски глупыя...

Арбенинъ. Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ — таинственна, а говоритъ — такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ —
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышитъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна,
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.

(Уходитъ)

Выходъ второй. Князь и женская маска

(Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости)

Князь. Все такъ! разсказывать легко!
Однако же, я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!

(Одна маска отдѣляется и ударивъ его по плечу)

Маска. Я знаю
Тебя!

Князь. И видно, очень коротко.

Маска. О чемъ ты размышлять, — и это мнѣ
извѣстно.
Князь. А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
(Заглядываетъ подъ маску)
Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.
Маска. Я нравлюся тебѣ? — тѣмъ хуже.
Князь. Для кого?
Маска. Для одного изъ насъ.
Князь. Не вижу, отчего...
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ,
Но узнаю, кто ты...
Маска. Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?...
Князь. Поговоримъ и разойдемся.
Маска. Право?
Князь. Налѣво ты, а я направо.
Маска. Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью
той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что во-вѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ
мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!
Князь. Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?
Маска. Ты? — безхарактерный, безнравствен-
ный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ, —

Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей,
О! знаю я тебя...

Князь. Мнѣ это очень лестно.

Маска. Ты сдѣлалъ много зла...

Князь. Невольно, можетъ-быть.

Маска. Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

Князь. Я не ищу любви.

Маска. Искать ты не умѣешь.

Князь. Скорѣй — усталъ искать.

Маска. Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

Князь. Но кто-жъ она?... конечно, идеалъ...

Маска. Нѣтъ, женщина... а дальше — что за дѣло?

Князь. Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

Маска. Ты хочешь многаго. Обдумай, что сказалъ.

(Нѣкоторое молчаніе)

Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

Князь. Клянусь землей и небесами
И честію моей...

Маска. Смотри-жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами... (Уходятъ подъ руку

Выходъ третій. Арбенинъ и двѣ маски

(Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску)

Арбенинъ. Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь,
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете-ль, кто я?

Маска. Я знаю, кто вы были.

Арбенинъ. Снимите маску... и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

Маска. Къ чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

Арбенинъ. Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

Маска. Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь. (Исчезаетъ въ толпѣ)

Арбенинъ. Постой!... пропалъ!... Кто-жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой-нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь!

Выходъ четвертый. Шприхъ и Арбенинъ

(Шприхъ является)

(На канапе сидятъ двѣ женскія маски, кто-то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки)

Шприхъ. Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?

Арбенинъ. Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

Шприхъ. Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранилъ.
Арбенинъ. Кому?
Шприхъ. Какой-то маскѣ.
Арбенинъ. Слухъ завидный
У васъ.
Шприхъ. Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...
Арбенинъ. Это видно.
Такъ, стало быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...
Шприхъ. О чемъ это-съ?
Арбенинъ. Да нѣтъ, я такъ... шучу...
Шприхъ. Скажите!
Арбенинъ. Говорятъ, у васъ жена красотка...
Шприхъ. Ну-съ, что-жъ?
Арбенинъ (перемѣнивъ тонъ).
А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?
(Насвистываетъ пѣсню и уходитъ)
Шприхъ (одинъ). Чтобъ у тебя засохла глотка!...
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.
(Теряется въ толпѣ)

Выходъ пятый. 1-я маска (одна)

(Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе)

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжитъ за мною.
Что, если бы онъ сóрвалъ маску... нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,

И дерзко скажетъ: я твоя!
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой-нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать?... рискъ ужасный!...
(Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ)
Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему... Прекрасно!...
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

Выходъ шестой. Первая маска и князь Звѣздичъ

(Князь съ лорнетомъ торопливо пробирается)

Князь. Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю,
(Садится на канапе и беретъ ее за руку)
О, ты не убѣжишь...

Маска. Я васъ не убѣгаю,
Чего хотите вы?

Князь. Васъ видѣть.

Маска. Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

Князь. Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя — другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска. Поймите же мужчину!...
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разказать

Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

Князь. Я вспомню голосъ твой.

Маска. Пожалуй, вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ, — лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы нехудо!

Князь. Но счастіе мое неполно.

Маска. А какъ знать!
Вы, можетъ быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

Князь. Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

Маска (хочетъ итти). Прощай навѣки!

Князь. О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

Маска (отойдя два шага).
Вы правы; жаль мнѣ васъ — возьмите мой браслетъ.

(Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ)

Выходъ седьмой. Князь, потомъ Арбенинъ

Князь (ищетъ ее глазами напрасно).
Я въ дуракахъ!... есть отъ чего разсудка
Лишиться... (Увидѣвъ Арбенина) А!

Арбенинъ (идетъ задумчивъ). Кто этотъ злой пророкъ?...
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это шутка.

Князь (подходя). Мнѣ въ пользу послужилъ
вашъ давишній урокъ.
Арбенинъ. Душевно радуюсь.
Князь. Но счастье налетѣло
Само собой.
Арбенинъ. Да, счастье вѣчно такъ.
Князь. Лишь только я схватилъ и думалъ:
кончилъ дѣло!
Какъ вдругъ (дуетъ на ладонь)... Теперь себя могу
увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.
Арбенинъ. Не знаю ничего, и потому не
спорю.
Князь. Да вы все шутите. Помочь нельзя ли
горю?
Я все вамъ разскажу... (Нѣсколько словъ на ухо)
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась... и вотъ (показываетъ браслетъ)
какъ будто сонъ!...
Конецъ прежалобный...
Арбенинъ (улыбаясь). А начали нехудо...
. . . . . .
Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...
Князь. Гдѣ отыскать ее?...
Арбенинъ. Любую подцѣпите:
Здѣсь много ихъ, — искать недалеко!
Князь. Но если не она?
Арбенинъ. А можетъ быть легко.
Но что же за бѣда?... Вообразите...
Князь. Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ;
браслетъ
Поможетъ мнѣ.

Арбенинъ. Ну, сдѣлаемъ два тура,
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

Сцена III

Выходъ первый. Евгеній Арбенинъ (входитъ); слуга

Арбенинъ. Ну, вотъ и вечеръ конченъ... Какъ
я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ, весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится.
И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно-ль?...
Давалъ любовнику совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей Богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты!
(Слугѣ) Что, барыня пріѣхала домой?

Слуга. Нѣтъ-съ.

Арбенинъ. А когда же будетъ?

Слуга. Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.

Арбенинъ. Теперь ужъ часъ второй;
Не ночевать же тамъ она осталась!

Слуга. Не знаю-съ.

Арбенинъ. Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я вскричу.
(Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла)

Выходъ второй

Арбенинъ (одинъ). Богъ справедливъ! и я
теперь едва ли

Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку;
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку...
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавой:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену — покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И — стыдно молвить, — ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ;
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?... (Задумывается)

Выходъ третій. Арбенинъ и Нина
(Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ въ лобъ сзади)

Арбенинъ. Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

Нина. Неужели такъ поздно!

Арбенинъ. Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

Нина. Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!

Арбенинъ. А думаетъ — глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

Нина. Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь:
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся — ворчишь.
Скажи мнѣ просто: „Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсе́тѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой-нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова?“
Скажи мнѣ это, — я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу,
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу... Но къ чему
Меня воображеніе умчало?...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ (улыбаясь). Какъ быть? Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

Нина. Конечно.

Арбенинъ. Ты сердишься?

Нина. Нѣтъ, я благодарю.

Арбенинъ. Ты опечалилась.

Нина. Я только говорю,
Что ты меня не любишь.
Арбенинъ. Нина!
Нина. Что вы?
Арбенинъ. Послушай. Насъ одной судьбы
оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.
(Привлекаетъ къ себѣ на колѣна и цѣлуетъ)
Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай: вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь, — вѣрю я, —
Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ

Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла, міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ въ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ.
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ;
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ, —
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!

(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ)

Нина. Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ,
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

Арбенинъ. Часто?...

Нина. Нѣтъ, но иногда!...

Арбенинъ. Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли-бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

Нина. Опять ты недоволенъ... Боже мой!

Арбенинъ. О нѣтъ! я счастливъ, счастливъ...
Я жестокой,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ... я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.

(Цѣлуетъ ея руки и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ)

Нина. Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!
Арбенинъ (вскакиваетъ). Я? ничего! Гдѣ твой
другой браслетъ?
Нина. Потерянъ.
Арбенинъ. А! потерянъ!
Нина. Что же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцать пять рублей, конечно, не дороже...
Арбенинъ (про себя). Потерянъ... Отчего я
этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это — пробужденье?
Нина. Тебя понять я, право, не могу.
Арбенинъ (пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки).
Браслетъ потерянъ?
Нина (обидясь). Нѣтъ, я лгу!
Арбенинъ (про себя). Но сходство, сходство!
Нина. Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его, велите обыскать.
Конечно-бъ я его не смѣла взять,
Когда-бъ вообразила...

Выходъ четвертый. Прежніе и слуга

Арбенинъ (звонитъ; слуга входитъ).
(Слугѣ) Карету обыщи ты вдоль и поперекъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебя вернуться безъ него! (Ей) О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ. (Слуга уходитъ)
(Послѣ паузы, ей) Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

Нина. Такъ, стало быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

Арбенинъ. Въ другомъ? и гдѣ — ты знаешь?

Нина. Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И, чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра-жъ закажу такой же точно новый. (Слуга входитъ)

Арбенинъ. Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

Слуга. Я перешарилъ всю карету-съ...

Арбенинъ. И не нашелъ тамъ?

Слуга. Нѣту-съ.

Арбенинъ. Я это зналъ... Ступай! (Значительный взглядъ на нее)

Слуга. Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

Арбенинъ. А! въ маскарадѣ!... такъ вы были тамъ?

Выходъ пятый. Прежніе, кромѣ слуги

Арбенинъ (слугѣ) Иди! (Ей) Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде! Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я-бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,

Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

Нина. Спросите у людей, —
Они вамъ скажутъ все и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во-стократъ,
Чѣмъ если-бъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(Смѣется) Смѣшно, смѣшно, ей Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

Арбенинъ. Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой
послѣдній смѣхъ!

Нина. О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

Арбенинъ. Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ и безъ гроша — былъ скукою томимъ;
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это — ты:

Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ, пока они мои;
Безъ нихъ — нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта... если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!...
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья:
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону)

Нина. Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ. Неужели?...
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь: я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада,
И этой лишь не достаетъ.

Нина. Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ.

Арбенинъ. Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ,
глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете, какъ святые
Въ раю... увы! Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!...
Прощай! я знаю все! (Ей) Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что, тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ, во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна!
Да! я-бъ смягчился, если-бъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

Нина. Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.

Арбенинъ. О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

Нина. Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ! послушай...

Арбенинъ. Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

Нина. Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

Арбенинъ. Ну, по чести,
Признанье въ пору...

Нина. Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего-жъ ты хочешь?

Арбенинъ. Мести!

Нина. Кому-жъ ты хочешь мстить?

Арбенинъ. О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!
Нина. Не мнѣ-ль?... что-жъ медлишь ты?
Арбенинъ. Геройство къ вамъ нейдетъ.
Нина (съ презрѣньемъ). Кому-жъ?
Арбенинъ. Вы за кого боитесь?
Нина. Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.
Арбенинъ. Лишній трудъ.
Нина. Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.
Арбенинъ. Жалѣю!
(Она въ слезахъ уходитъ)
(Одинъ) Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!...
И то сказать, за что̀ меня любить?
За то-ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?
(Подходитъ къ двери жены и слушаетъ)
Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ, плачетъ... (уходя) жаль, что поздно...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Сцена I

Выходъ первый

(Баронесса сидитъ въ креслахъ, въ усталости, бросаетъ книгу)

Баронесса. Подумаешь, зачѣмъ живемъ мы?
Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ

И рабствовать всегда! Жоржъ Зандъ почти что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей иль прихоти другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть;
Боязнь, разсудокъ мысли гонитъ,
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой, —
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ,
Но не снесетъ приличіямъ обиду
И въ наказаніяхъ жестокъ!... (Хочетъ читать)
Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что было,
Сама себѣ еще дивлюсь. (Входитъ Нина)

Выходъ второй

Нина. Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

Баронесса. C'est une idée charmante, vous en avez toujours.

(Садятся) Ты что-то прежняго блѣднѣе
Сегодня, несмотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза, конечно, не отъ слезъ?

Нина. Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Баронесса. Твой докторъ не хорошъ, —
возьми другого.

Выходъ третій. Князь Звѣздичъ (входитъ)

Баронесса (холодно). Ахъ, князь!

Князь. Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстроенъ.

Баронесса. Прошу садиться, князь.

Князь. Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы, но видъ вашъ такъ спокоенъ...

Баронесса. Мнѣ, право, жаль.

Князь. А я такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ.

Нина. Вчера вы были въ маскарадѣ?

Князь. Былъ.

Баронесса. А въ какомъ нарядѣ?

Нина. Тамъ было много?...

Князь. Да; и тамъ
Подъ маскою узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно, вы охотницы рядиться. (Смѣется)

Баронесса (горячо). Я объявить, вамъ, князь,
должна,
Что эта клевета ни мало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтреникъ обидитъ, осмѣетъ...
Рискнуть быть узнанной!... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.

Князь. Отречься не могу; стыдиться же готовъ.

(Входитъ чиновникъ)

Баронесса. Откуда вы?

Чиновникъ. Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

Баронесса. Его рѣшили?

Чиновникъ. Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ?...

Баронесса. Ничуть. (Отходитъ къ окну и говоритъ)

Князь (въ сторону). Вотъ время объясненья.
(Нинѣ)
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.

Нина. Въ какомъ же?

Князь. Въ англійскомъ.

Нина. Давно-ль?

Князь. Сейчасъ.

Нина. Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

Князь. Вы были заняты.

Нина (скоро).
Браслетъ я прибирала. (Вынимаетъ изъ ридикюля)
Вотъ къ этому...

Князь. Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ-жъ другой?

Нина. Потерянъ.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ?...

Нина. Что-жъ страннаго?

Князь. И не секретъ —
Когда?

Нина. Третьеводни, вчера, на той недѣлѣ...
Зачѣмъ вамъ знать, когда?

Князь. Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть можетъ... (Въ сторону)
Смущается она, вопросъ ее тревожитъ.

Охъ, эти скромницы! (Ей) Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...

Нина. Пожалуйста... Но гдѣ?

Князь. А гдѣ-жъ потерянъ онъ?

Нина. Не помню.

Князь. Какъ-нибудь на балѣ?

Нина. Можетъ статься.

Князь. Или кому-нибудь на память подаренъ?

Нина. Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому-жъ...
Не мужу-ль?

Князь. Будто въ свѣтѣ только мужъ?
Пріятельницъ у васъ толпа, въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Ну, пусть потерянъ онъ, а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?

Нина (улыбается). Смотря...

Князь. Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ, и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земного?
Но если сами вы когда-нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ, если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О!... но поймите же!...

Нина. Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И нынче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

Князь. О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?

(Про себя) Ты отвертѣлася! добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли. (Нина отходитъ къ баронессѣ)
(Чиновникъ раскланивается и уходитъ)

Нина. Adieu, ma chère, до завтра, — мнѣ пора.

Баронесса. Да подожди, mon ange, съ тобой
мы не успѣли
Сказать двухъ словъ (цѣлуются).

Нина (уходя). Я завтра жду тебя съ утра.
(Уходитъ)

Баронесса. Мнѣ день покажется длиннѣй
недѣли.

Выходъ пятый. Прежніе, кромѣ Нины и чиновника

Князь (въ сторону). Я отомщу тебѣ! Вотъ
скромница нашлась.
Пожалуй, я дуракъ, пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.

Баронесса. Задумался, князь?

Князь. Да, многое раздумать мнѣ придется.

Баронесса. Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ; о чемъ былъ споръ?

Князь. Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ ма-
скарадѣ...

Баронесса. Кого?

Князь. Ее.

Баронесса. Какъ, Нину?

Князь. Да.
Я доказалъ ей.

Баронесса. Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

Князь. Изъ странности рѣшаюсь иногда.

Баронесса. Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же доказательствъ нѣтъ.
Князь. Нѣтъ! Только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ,
И у нея такой же точно.
Баронесса. Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.
Князь. Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ
И тутъ увѣрился, что только два такихъ. (Послѣ молчанія)
Баронесса. Я завтра-жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.
Князь. А мнѣ совѣтъ какой?
Баронесса. А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.
Князь. За два совѣта вамъ я благодаренъ вдвое. (Уходитъ)

Выходъ шестой

Баронесса. Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему, — со мной бы было то же.
Итакъ, прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія! о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была —
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю;
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,

И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя-бъ на счетъ другой,
Отъ этого стыда... хотя-бъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой... (Задумывается)
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!

Выходъ седьмой. Баронесса и Шприхъ

Шприхъ (входитъ, раскланивается).

Баронесса. Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

Шприхъ. Помилуйте, я былъ бы очень радъ,
Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...

Баронесса. Всегда-ль ты такъ любезенъ?

Шприхъ. Блаженной памяти, баронъ...

Баронесса. Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

Шприхъ. Занялъ тысячъ...

Баронесса. Знаю!
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.

Шприхъ. Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ.
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

Баронесса. Скажи, что новаго!

Шприхъ. У графа одного
Наслушался — сейчасъ лишь вышелъ —
Исторій въ свѣтѣ тьма.

Баронесса. А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?

Шприхъ (въ недоумѣніи). Нѣтъ... слышалъ...
какъ же... нѣтъ...

Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужъ свѣтъ...
(Въ сторону) А что-бишь, я не помню, вотъ ужасно!...

Баронесса. О, если это такъ ужъ гласно.
То нечего и говорить!

Шприхъ. Но я-бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

Баронесса. Они осуждены ужъ свѣтомъ.
А впрочемъ, я-бъ могла ихъ подарить совѣтомъ, —
Сказала бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболѣ...
Прощайте, мосье Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то-бъ осталась съ вами долѣ.
(Уходя, въ сторону) Теперь я спасена — полезный мнѣ урокъ!

Выходъ восьмой

Шприхъ (одинъ). Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья!
Тутъ есть интрига... да! вмѣшаюсь въ эту связь;
Мнѣ благодаренъ будетъ князь!
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу
И ужъ, авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

Сцена II

Кабинетъ Арбенина

Выходъ первый. Арбенинъ одинъ; потомъ слуга

Арбенинъ. Все ясно ревности, а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы;
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ грозу —
То жизнь завидная!

Слуга (входитъ). Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

Арбенинъ. Да отъ какой?

Слуга. Не разобралъ-съ.

Арбенинъ. Записка? къ Нинѣ!

(Идетъ; слуга остается)

Выходъ второй. Аѳанасій Павловичъ Казаринъ и слуга

Слуга. Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.

Казаринъ. Хорошо.

Слуга. Я тотчасъ доложу-съ. (Уходитъ)

Казаринъ. Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосье Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ къ тому-жъ
Великодушенъ часто, кстати

Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ.
Пріятеля онъ поддержать сумѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ,
А эта молодежь
Мнѣ просто — ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ,
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отчего? — умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ, глядь:
При нихъ и честь и милліоны!...

Выходъ третій. Казаринъ и Шприхъ

(Входитъ Шприхъ)

Шприхъ. Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ.

Казаринъ. Я также! Ты съ визитомъ?

Шприхъ. Да-съ.
А вы?

Казаринъ. Я также.

Шприхъ. Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно-бъ съ вами.

Казаринъ. Бывало, ты все занятъ былъ дѣ-
лами,
А дѣломъ въ первый разъ.
Шприхъ. Bon mot вамъ ни по чемъ.
А, право, нужное...
Казаринъ. Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.
Шприхъ. Итакъ, мы сладимъ дружно.
Казаринъ. Не знаю... говори!
Шприхъ. Позвольте лишь спросить:
Вы слышали-ль, что вашъ пріятель,
Арбенинъ... (Дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ)
Казаринъ. Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...
Шприхъ. Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ, тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?
Казаринъ. Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.
Шприхъ. Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась,
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ;
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать, — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся — и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотчасъ же доставилъ.
Казаринъ. Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей
не оборвалъ.

Шприхъ. Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
И обходилось безъ дуэли...
Казаринъ. И даже не былъ битъ?
Шприхъ. У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.
Казаринъ. И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать — великій грѣхъ!
Шприхъ. Но это въ сторону; вѣдь я объ важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.
Казаринъ. Что-жъ это?
Шприхъ. Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...
Казаринъ. Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.
Шприхъ. Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.
Казаринъ. Твой анекдотъ, ей-Богу, презабавный.
Шприхъ. Вашъ братъ охотникъ, вотъ купить бы славно!
Казаринъ. Итакъ, Арбенинъ, какъ дуракъ...
Шприхъ. Послушайте...
Казаринъ. Попалъ впросакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!
Шприхъ. Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.
Казаринъ. Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе — все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!

Шприхъ. Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно, — вотъ кладъ!

Казаринъ. Жена?

Шприхъ. Собака.

Казаринъ. Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену, что́ Богъ дастъ — неизвѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.

(Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли налѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ)

Задумчивъ и съ письмомъ; узнать бы интересно...

Выходъ четвертый. Прежніе и Арбенинъ

Арбенинъ (не замѣчая ихъ). О, благодарность!
и давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти, кто онъ таковъ. И что же?!... О, змѣя!
Неслыханная низость!... Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!...
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней;
Я, какъ дитя, не знающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ, онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться. (Перечитываетъ письмо)
„Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы

„Признаться“... Скромность кстати чрезвычайно! —
„Вы правы... что́ страшнѣй молвы?
„Подслушать насъ могли-бъ случайно.
„Такъ! не презрѣніе, но страхъ
„Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
„Вы тайны любите — и это будетъ тайной!
„Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ“.

Шприхъ. Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все, какъ разъ!

Арбенинъ. Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавой.
(Казарину) А! ты былъ здѣсь?

Казаринъ. Я жду ужъ цѣлый часъ.

Шприхъ (въ сторону). Отправлюсь къ баронессѣ; пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ. (Приближается къ двери)

Выходъ пятый. Прежніе, кромѣ Шприха
(Шприхъ уходитъ незамѣченъ)

Казаринъ. Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! (Въ сторону). Письмо! такъ вотъ что! понимаю!
(Ему) Ты въ размышленьи...

Арбенинъ. Да, я размышляю.

Казаринъ. О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

Арбенинъ. Почти... О благодарности.

Казаринъ. Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что-бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

Арбенинъ. Твое же мнѣнье?

Казаринъ. Я думаю, мой другъ,
Что благодарность — вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти-что тысячъ пять,
И я, ей-Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю о немъ.

Арбенинъ. Ты шутишь все, Казаринъ.

Казаринъ. Послушай! Я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности?... изволь, возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ или Декартъ,
Міръ для меня — колода картъ,
Жизнь — банкъ: рокъ мечетъ, я играю
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію, я въ картахъ суевѣръ;
Положимъ, что случайно, безъ обману,
Онъ выигралъ, — я очень радъ,
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ,

И карту смятую — подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый!
А р б е н и н ъ (въ размышленіи). Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было.
К а з а р и н ъ (Въ сторону). Задумался. (Ему) Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты-бъ захотѣлъ опять пуститься;
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: „эй! остерегися, братъ!"...
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоятъ ничего,
И ты случайно, такъ, послушаешь его, —
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ безъ замедленья
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье;
А отъ игры онъ спасъ, такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться.
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только-что отдашь урокомъ за урокъ.
А р б е н и н ъ. Ты славный моралистъ! (Въ сторону)
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А, князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.
К а з а р и н ъ (не обращая вниманія). Послѣдній пунктъ осталось объяснить:
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть:

Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ея.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

Арбенинъ (разстроенно). Да, да, ты правъ;
чтó женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли, —
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

Казаринъ. Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

Арбенинъ. Право?

Казаринъ. А развѣ нѣтъ?

Арбенинъ. О, счастливъ... да...

Казаринъ. Я очень радъ.
Однако-жъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

Арбенинъ. А что же?

Казаринъ. Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову — не знаю,
Хоть оба мы ребята съ головой...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино, Рауля честь,
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная, остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ... душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ

Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... Взошли... игра ужъ въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой;
Тотъ весь горитъ, другой
Блѣднѣе, чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы — и загорѣлся бой!...
Тутъ, тутъ сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ, —
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.

(Арбенинъ отворачивается)

А р б е н и н ъ. О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой: не для меня они...
Мнѣ-ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ-ль, мнѣ-ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю.
Прощай, прощай... (Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо)

К а з а р и н ъ. Теперь онъ мой!

Сцена III

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ

Выходъ первый. Иванъ, потомъ Арбенинъ
(Слуга смотритъ на часы)

Иванъ. Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по-русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить;
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ — и съ рукъ долой скорѣе.
(Арбенинъ входитъ)

Арбенинъ. Князь дома?
Слуга. Дома нѣтъ-съ.
Арбенинъ. Неправда.
Слуга. Пять минутъ
Тому назадъ уѣхалъ.
Арбенинъ (прислушивается). Лжешь! онъ тутъ.
(Показываетъ на кабинетъ)
И, вѣрно, сладко спитъ; прислушайся, какъ дышитъ...
(Въ сторону) Но скоро перестанетъ.
Слуга (въ сторону). Онъ все слышитъ... (Ему)
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.
Арбенинъ. Онъ любитъ спать, тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. (Слугѣ) Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется. (Слуга уходитъ)

Выходъ второй

Арбенинъ (одинъ). Удобный мигъ насталъ: теперь или никогда!

Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга,
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда-бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они-бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ. (Растворяетъ дверь)
Онъ спитъ! Что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?
(Страшно улыбаясь) Я думаю, что онъ умретъ ударомъ.
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы! (Входитъ въ комнату)
(Минуты двѣ — и выходитъ блѣденъ) Не могу! (Молчаніе)
Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?... трусъ?... Кто это сказалъ?...
Я самъ, и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О, жалко... право, жалко... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ! (Молчаніе. Садится)
Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить: убійство ужъ не въ модѣ,

Убійцъ на площадяхъ казнять.
Такъ! въ образованномъ я родился народѣ:
Языкъ и золото — вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!
(Беретъ чернилъ и записку пишетъ; беретъ шляпу)

Выходъ третій. Арбенинъ и Баронесса

(Арбенинъ идетъ къ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ)

Дама (въ вуалѣ). Ахъ! все погибло!...
Арбенинъ. Это что?
Дама (вырываясь). Пустите!
Арбенинъ. Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели! (Ей строго) Молчите!
Ни слова, или сей же мигъ...
Какое подозрѣнье!... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.
Дама. Я не туда зашла, ошиблась.
Арбенинъ. Да, немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.
Дама. Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.
Арбенинъ. Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...
Дама. Все знаете?

(Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя)

Арбенинъ. Благодарю, Творецъ,
Что ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!
Баронесса. О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

Арбенинъ. Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ, а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то, — была бы въ городѣ тревога.

Баронесса. Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

Арбенинъ. Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ пойду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами?
А вы, вы здѣсь, однѣ... вы, женщина съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ,
за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! (Въ бѣшенствѣ) Зачѣмъ,
зачѣмъ?...

Баронесса (рѣшительно). Я поняла, о чемъ
вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

Арбенинъ. Какъ! кто-жъ вамъ разсказалъ?...
(Опомнившись) А что вы знаете?...

Баронесса. О, я васъ умоляю,
Простите мнѣ...

Арбенинъ. Я васъ не обвинялъ,
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.

Баронесса. Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я, но слушайте...
Арбенинъ. Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.
Баронесса. Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...
Арбенинъ. А! ужъ это слишкомъ много!...
Письмо!... какое?... а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ!... Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ?
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?
Да, признаюсь... вы — кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...
Баронесса. О, Боже мой!...
Арбенинъ. Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?
Баронесса (упадаетъ въ кресла). Но вы безчеловѣчны!...
Арбенинъ. Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести! (Хочетъ итти)
Баронесса. О! я лишусь ума... Постойте!... онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...
Арбенинъ. Что-жъ, продолжайте, —
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, Боже сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!...
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ: на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ!

И если мы столкнемся... то бѣда!
Я-бъ васъ убилъ... но смерть была-бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: взамѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. (Уходитъ)

Выходъ четвертый. Баронесса одна

Баронесса (вслѣдъ ему). Послушайте, клянусь,
то былъ обманъ... она...
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, буду
Просить и унижаться, обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

Выходъ пятый. Баронесса и Князь

Князь (въ другой комнатѣ). Иванъ! Кто тамъ?...
Я слышалъ голоса...
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса. (Входитъ)
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица, я очень радъ. (Узнаетъ и отскакиваетъ)
Ахъ, баронесса! нѣтъ, невѣроятно!...

Баронесса. Что отскочили вы назадъ? (Слабымъ голосомъ)
Вы удивляетесь?

Князь (смущенно). Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

Баронесса. И было-бъ странно, если-бъ
ожидали.

Князь. О чемъ я думалъ? О, когда-бъ я зналъ...

Баронесса. Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

Князь. Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите, я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое незнанье —
Проступокъ... и теперь не нахожу я словъ... (Беретъ ее за руку)
Но ваши руки — ледъ! въ лицѣ у васъ — страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

Баронесса. Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ, все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И, свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя — спасу другова.

Князь. Что это значитъ?

Баронесса. Не мѣшайте мнѣ:
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Несмотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что —
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня... и даже, можетъ быть,
Я-бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,

Какъ — это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ, — это ложно, ложно!
Не вѣрьте, ради Неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ, всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ... ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убьетъ... онъ
пріученъ
Къ злодѣйству... вы такъ молоды...

Князь. Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ и слишкомъ онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать, наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ, — и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага...
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

Баронесса. Но если ваша жизнь кому-нибудь
дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? убьютъ!... о, Боже!
И я всему виной...

Князь. Вы?

Баронесса. Пощадите!

Князь (подумавъ). Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ, его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

Баронесса. Средство есть.

Князь. Солгать, — не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

Баронесса. Минуту... Не ходите
И слушайте меня. (Беретъ его за руку)
Вы всѣ обмануты!... Та маска...
(Облокачивается на столъ, упадая) Это я!...

Князь. Какъ? вы?... о, Провидѣнье! (Молчаніе)
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

Баронесса (опомнясь и отходя). Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное, — теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло, забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ, онъ былъ найденъ случайно,
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... Мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
(Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней)
Не слѣдуйте за мной. (Уходитъ)

Выходъ шестой. Князь (одинъ)

Князь (послѣ долгаго размышленія).
Я, право, думать что не знаю
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,

Не сдѣлавъ ничего. (Подходитъ къ столу)
Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!... прочитаю!...

„Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый вечеръ. Прощай! Жду непремѣнно. Твой искренній

Евгеній Арбенинъ."

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

Сцена IV

Комната у N

Выходъ первый. Казаринъ, хозяинъ и Арбенинъ.

(Садятся играть)

Казаринъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?...
Мысль превосходная!... Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній:
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

Арбенинъ. Я вашъ! Былого нѣтъ и тѣни.

Казаринъ. Пріятно видѣть, ей-же-ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда-ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

Хозяинъ. А князя надо пощипать слегка!
Казаринъ. Да... да. (Въ сторону) Забавна будетъ стычка!
Хозяинъ. Посмотримъ. Транспортъ!...
(Слышенъ шумъ)
Арбенинъ. Это онъ.
Казаринъ. Рука
Твоя дрожитъ?...
Арбенинъ. О, ничего, — отвычка! (Князь входитъ)

Выходъ второй. Прежніе и Князь

Хозяинъ. Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.
Князь. О! я смотрѣть готовъ.
Арбенинъ. А вы играть съ тѣхъ поръ еще боитесь?
Князь. Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. (Въ сторону)
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю!
(Садится)
Арбенинъ. Я нынче былъ у васъ.
Князь. Записку я читалъ
И, видите, послушенъ.
Арбенинъ. На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.
Князь. И вы узнали?
Арбенинъ (смѣясь). Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...

Князь (въ сторону). Онъ ничего не понялъ —
это ясно.

(Отходитъ и кладетъ саблю)

Арбенинъ. Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

Князь (разсѣянно). Почему же?

Арбенинъ. Такъ! добродѣтелью, которой
ищутъ въ мужѣ
Любовники, не обладаю я. (Въ сторону)
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду подолью...
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою.

(Играютъ. Арбенинъ мечетъ)

Казаринъ. Я ставлю пятьдесятъ рублей.

Князь. Я тоже.

Арбенинъ. Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите, одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ... — твоя взяла, Казаринъ, —
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ... —
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ. —
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день
за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что-жъ? мнѣ неизвѣстно,
Какой судьбой, — но мужъ узналъ,

Что благодарный другъ, должникъ ужъ слишкомъ
честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

Князь. Что-жъ сдѣлалъ мужъ?

Арбенинъ (будто не слыхалъ вопроса). Князь, вы
игру забыли:
Вы гнете не глядя. (Взглянувъ на него пристально)
И любопытно вамъ
Узнать, что сдѣлалъ мужъ?... Придрался къ
пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

Князь. Я-бъ сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

Арбенинъ. Нѣтъ!

Казаринъ. Рубились?

Арбенинъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Казаринъ. Такъ помирились?

Арбенинъ (горько улыбаясь). О, нѣтъ!

Князь. Такъ что же сдѣлалъ онъ?

Арбенинъ. Остался отомщенъ
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

Князь (смѣется). Да это вовсе противъ правилъ.

Арбенинъ. Въ какомъ указѣ есть
Законъ иль правило на ненависть и месть?
(Играютъ. Молчаніе)
Взяла... взяла! (Вставая) Постойте! карту эту
Вы подмѣнили.

Князь. Я? Послушайте...

Арбенинъ. Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы (задыхаясь) шулеръ и подлецъ!

Князь. Я? я?

Арбенинъ. Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.

(Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать)

(Понизивъ голосъ) Теперь мы квиты.

Казаринъ. Что съ тобой?

(Хозяину) Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ бы тысячъ двѣсти.

Князь (опомнясь, вскакиваетъ). Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

Арбенинъ. Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьѣ!

Князь. Вы трусъ! (Хочетъ броситься на него)

Арбенинъ (грозно). Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую, ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ, да вамъ не испугать
И труса.

Князь. О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы, не я подлецъ...

Арбенинъ. На это я готовъ.

Князь (подходя ближе). Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!... вспомните браслетъ...

Арбенинъ. За это вы наказаны ужъ мною...

Князь. О, бѣшенство!... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!...

Арбенинъ. И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

Князь. О! гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его, — и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святого,
Вы человѣкъ иль демонъ?

Абенинъ. Я? — игрокъ.

Князь (упадая и закрывая лицо). Честь, честь моя!...

Арбенинъ. Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство;
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви, и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить,
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... (уходя) желаю долго жить!
(Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Балъ

Выходъ первый

Хозяйка. Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было-бъ жаль
За васъ.

1-й гость. Я васъ не понимаю.

2-й гость. Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

Многіе. Куда? зачѣмъ? давно ли?

2-й гость. Въ деревню, нынче утромъ.

Дама. Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

2-й гость. Фантазія, романы... хоть рукой
Махни! (Расходятся; другая группа мужчинъ)

3-й гость. Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

4-й гость. Напротивъ, выигралъ — да, видно, не путемъ
И получилъ пощечину.

5-й гость. Стрѣлялся?

4-й гость. Нѣтъ, не хотѣлъ.

3-й гость. Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!...

5-й гость. Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

6-й гость. И я! Какой поступокъ скверный!

4-й гость. Онъ будетъ здѣсь?

3-й гость. Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

4-й гость. Вотъ онъ! (Князь подходитъ; ему едва кланяются)

(Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестого гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванѣ)

Князь. Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другова. (Ей)
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.

Нина. Должна?

Князь. Для вашего же счастья!

Нина. Какое странное участье!

Князь. Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же навѣкъ; злодѣй не обнаруженъ,
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ, я подожду.
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не нуженъ.

(Арбенинъ смотритъ на нихъ издали)

Нина. Князь! вы сошли съ ума! на васъ
Теперь сердиться было-бъ стыдно.

Князь. Прощайте навсегда! прошу въ послѣдній разъ...

Нина. Куда-жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

Князь (уходя). Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

Хозяйка (иным). Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mes dames! пожалуйте туда. (Уходитъ)

Выходъ второй

Арбенинъ (одинъ про себя). Я сомнѣвался, я!
А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?

И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?...
Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю... и такъ неистово обманутъ!...
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу, моя-жъ пусть будетъ тутъ.
(Показываетъ на сердце)
Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? (Какъ бы испугавшись себя)
Рѣшено:
Она умретъ; я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другого!... это ясно... какъ же можно жить
Ей послѣ этого?... Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!
Какъ свой залогъ, Тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я не Богъ, — и не прощаю... (Слышны звуки музыки)
(Ходитъ по комнатѣ; вдругъ останавливается)
Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ, въ ночь одну, я все до капли проигралъ,
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи, ушелъ и яду
Купилъ и возвратился вновь
Къ игорному столу; въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду

Стаканъ, въ другой четверку пикъ;
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ, — рискъ, право, былъ
великъ;
Но счастье вынесло, и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ,
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день, — и день тотъ недалекъ.

(Уходитъ быстро)

Выходъ третій. Хозяйка, Нина, нѣсколько дамъ и кавалеровъ

(Во время послѣднихъ строкъ входятъ)

Хозяйка. Нехудо бы немного отдохнуть.

Дама (другой). Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

Петковъ. А Нина Павловна споетъ намъ
что-нибудь.

Нина. Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.

Дама. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина,
спой!

Хозяйка. Ты такъ мила, что, вѣрно, не
заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

Нина (садясь за піано). Но слушать со вниманьемъ
— мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправимъ! (Поетъ):

„Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.

Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою,
И что-жъ? я радъ, что онъ не можетъ
Тебя любить, какъ я люблю.
Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей".

Выходъ четвертый. Прежніе и Арбенинъ

(Въ концѣ 3-го куплета мужъ входитъ и облокачивается на фортепьяно. Она, увидѣвъ, останавливается)

Арбенинъ. Что-жъ, продолжайте.

Нина. Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

Арбенинъ. Если вамъ угодно,
То я напомню.

Нина (въ смущеніи). Нѣтъ, зачѣмъ!
(Въ сторону хозяйки) Мнѣ нездоровится. (Встаетъ)

Гость (другому). Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

2-й гость. Къ тому же слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

3-й гость. Вы правы: какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
Зато ужъ мы какъ гнемся добродушно!

(Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и, по одному, уходятъ въ другія комнаты, такъ что, наконецъ, Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра)

Нина (хозяйкѣ). Такъ жарко; отдохнуть я сяду въ сторонѣ.

(Мужу) Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.

(Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ)

Арбенинъ (въ сторону). Смерть, помоги!

Нина (ему). Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно, ждетъ меня бѣда.

Арбенинъ (въ сторону). Предчувствіямъ я вѣрю иногда.

(Подавая) Возьми: отъ скуки вотъ лѣкарство.

Нина. Да, это прохладитъ. (Ѣстъ)

Арбенинъ. О, какъ не прохладить!

Нина. Здѣсь нынѣ скучно.

Арбенинъ. Какъ же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство —
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

Нина. Ты правъ! ужасно!...

Арбенинъ. Да, ужасно!...

Нина. Душъ непорочныхъ нѣту...

Арбенинъ. Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

Нина. Что говоришь ты?

Арбенинъ. Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я:
Тебя.

Нина. Ты блѣденъ.

Арбенинъ. Много танцовалъ.

Нина. Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

Арбенинъ. Такъ, вѣрно, потому, что мало танцовалъ я...

Нина (отдаетъ пустое блюдечко). Возьми, поставь на столъ.

Арбенинъ (беретъ). Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?... Жестоко! (Въ размышленіи)
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ итти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
(Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ)

Нина. Какъ ты неловокъ!

Арбенинъ. Ничего... я боленъ.
Поѣдемъ поскорѣй домой.

Нина. Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ... ты мною недоволенъ?

Арбенинъ. Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой. (Уходятъ)

Неизвѣстный (оставшись одинъ).
Я чуть не сжалился, и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ... (Задумывается)
Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать — потомъ настанетъ мой чередъ.
(Уходитъ)

Сцена II

Спальня Арбенина

Выходъ первый. Входитъ Нина, за ней служанка

Служанка. Сударыня, вы что-то блѣдны стали!

Нина (снимая серьги). Я нездорова.

Служанка. Вы устали.

Нина (въ сторону). Мой мужъ меня пугаетъ! отчего —
Не знаю. Онъ молчитъ, и страненъ взглядъ его.
(Служанкѣ) Мнѣ что-то дурно: вѣрно, отъ корсета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта? (Идетъ къ зеркалу)

Ты права: я блѣдна, какъ смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяна! Свѣтъ лукавый!
(Снимаетъ букли и завертываетъ косу)
Брось гдѣ-нибудь и дай мнѣ шаль. (Садится въ кресло)
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то упоеньѣ
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять...
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ: злодѣй... и наказать...
Кавказъ... бѣда... Вотъ бредъ!

Служанка (показывая на наряды). Прикажете убрать?

Нина. Оставь. (Погружается въ задумчивость. Арбенинъ показывается въ дверяхъ)

Служанка. Прикажете итти?

Арбенинъ (служанкѣ тихо). Ступай.

(Служанка не уходитъ) Иди же!

(Уходитъ. Онъ запираетъ дверь)

Выходъ второй. Арбенинъ и Нина

Арбенинъ. Она тебѣ ужъ больше не нужна.

Нина. Ты здѣсь?

Арбенинъ. Я здѣсь.

Нина. Я, кажется, больна,
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку: чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда.
Не правда ли?

Арбенинъ (разсѣянно). Мороженое? да!

Нина. Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой, и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

Арбенинъ (въ сторону). Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно...

Нина. Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

Арбенинъ. Неосторожно! О!..

Нина. И въ этомъ вся бѣда.

Арбенинъ. Обдумать все заранѣ надо было.

Нина. О, если бы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно-бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!

Арбенинъ. И то! къ чему тебѣ моя любовь?

Нина. Какая тутъ любовь? на что мнѣ жизнь такая?

Арбенинъ (садится возлѣ нея).
Ты права! Что такое жизнь? Жизнь — вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей —
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? — давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое — обманъ!

Нина (показывая на грудь). Здѣсь что-то жжетъ.

Арбенинъ (продолжая). Пройдетъ, пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго-ль?... Жизнь какъ балъ:
Кружишься — весело, кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ —
И все забылъ, и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой,
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба, —
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

Нина. О, нѣтъ! я жить хочу!

Арбенинъ. Къ чему?

Нина. Евгеній,
Я мучусь, я больна!

Арбенинъ. А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

Нина. Пошли за докторомъ.

Арбенинъ. Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.

Нина. Но я, — я жить хочу!

Арбенинъ. И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

Нина (въ испугѣ). Но молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!

Арбенинъ (встаетъ. Холодно). Не пошлю.

Нина (послѣ молчанія).
Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно.
Я умереть могу, пошли скорѣй!

Арбенинъ. Что-жъ? развѣ умереть вамъ
невозможно
Безъ доктора?
Нина. Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...
Арбенинъ. Да! знаю, знаю!
Нина. О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...
Арбенинъ (смотритъ на часы).
Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.
Нина. О, ты меня не любишь!
Арбенинъ. А за что же
Тебя любить? за то-ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало я любилъ тебя, скажи?
А этой нѣжности ты знала-ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?
Улыбку нѣжную, привѣтный взглядъ очей...
И что нашелъ? — коварство и измѣну!
Возможно ли? меня продать,
Меня — за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать!
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!...
Нина. О! если бы вину свою сама
Я знала, то...
Арбенинъ. Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?
Нина. Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ-нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.
Арбенинъ. Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,

Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ, —
И все прошло, какъ бредъ больнова.
Быть можетъ, я-бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ-бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде,
Ты не хотѣла, ты!...
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія? — вода.
Я-жъ плакалъ — я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ, — да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ, и адъ въ груди.

Нина (въ слезахъ упадаетъ на колѣна и поднимаетъ руки къ небу).

Творецъ Небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь, Ты все знаешь
И Ты меня, Всесильный, оправдаешь!...

Арбенинъ. Остановись! хоть передъ Нимъ не лги.

Нина. Нѣтъ, я не лгу, я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ — твой судья — защитникъ будетъ мой.

Арбенинъ (который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложивъ руки).

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ,

И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

Нина. Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?...
Нѣтъ, быть не можетъ!

Арбенинъ (смѣясь). Я зналъ заранѣе, что это
васъ встревожитъ.

Нина. Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди
огонь, весь адъ...

Арбенинъ. Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.
(Молчаніе)

Нина. Не вѣрю, невозможно... нѣтъ! ты надо
мною (бросается къ нему)
Смѣешься... ты не извергъ — нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда... (Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ)
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
(Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза. Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее)

Арбенинъ. Да, ты умрешь, и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру — и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся! міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ. (Плачетъ)
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она. Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой... (Молчаніе)

Нина (вырывается и вскакиваетъ).
Сюда! сюда!... на помощь!... умираю...
Ядъ, ядъ! Не слышутъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
(Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ)

Арбенинъ (горько смѣясь). Проклятіе! что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (Подходитъ) Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье... (Стоитъ сложа руки)
Блѣдна... (Содрогается) Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?
Нина (слабо). Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты — злодѣй!

Арбенинъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... Говори скорѣй:
Я былъ обманутъ?... Такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайна, — будь спокойна...

Нина. Теперь мнѣ все равно... Я все-жъ
Невинна передъ Богомъ... (Умираетъ)

Арбенинъ (подходитъ къ ней и быстро отворачивается) Ложь!
(Упадаетъ въ кресло)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

Выходъ первый

Арбенинъ (сидитъ у стола на диванѣ). Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства, наконецъ, вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ,
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все-ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ, придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье,
И долженъ же покой когда-нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
(Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову)
Я ошибался? Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!... Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо,
Ты, пробужденная змѣя!... (Упадаетъ головою на руки)

Выходъ второй

Казаринъ (тихо). Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ. (Ему)
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти... (Молчаніе)
Да полно, братъ! личину ты сними,
Не опускай такъ важно взоры;

Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики, а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ.
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня.
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня. (Уходитъ)

Выходъ третій. Родственники приходятъ

Дама (племянницѣ). Ужъ, видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

Племянница. Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама. А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ! (Уходятъ)

Выходъ четвертый. Выходятъ изъ комнаты покойницы Докторъ и Старикъ

Старикъ. При васъ она скончалась?

Докторъ. Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

Старикъ. Покровъ богатъ! парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь-въ-точь такой. (Уходитъ)

Докторъ (подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку).

Вамъ надо отдохнуть.

Арбенинъ (вздрагиваетъ).

А!... (въ сторону) сердце сжалось.

Докторъ. Вы слишкомъ предались печали
эту ночь, —
Усните.

Арбенинъ. Постараюсь.

Докторъ. Ужъ помочь
Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

Арбенинъ. Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя не предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ,
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье —
Смотрите — холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужого,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ, смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все — и черезъ часъ.
(Уходитъ)

Докторъ. Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь. (Уходя, сталкивается съ двумя)

Неизвѣстный. Позвольте васъ спросить:
Арбенина нельзя-ль
Намъ видѣть?
Докторъ. Право, утверждать не смѣю...
Жена его вчерась скончалась.
Неизвѣстный. Очень жаль.
Докторъ. И онъ такъ огорченъ...
Неизвѣстный. Я и о немъ жалѣю...
Однако-жъ дома онъ?
Докторъ. Онъ? дома, да.
Неизвѣстный. Я дѣло до него преважное
имѣю.
Докторъ. Вы изъ друзей его, конечно,
господа?
Неизвѣстный. Покамѣстъ нѣтъ; но мы
пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.
Докторъ. Онъ боленъ не шутя.
Князь (испугавшись). Лежитъ
Безъ памяти?
Докторъ. Нѣтъ! ходитъ, говоритъ,
И есть еще надежда...
Князь. Слава Богу! (Докторъ уходитъ)

Выходъ седьмой

Князь. О, наконецъ!...
Неизвѣстный. Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньѣ?
Князь. А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?
Неизвѣстный. Послушайте, у насъ обоихъ
цѣль одна.

Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете, — мрачна
И глубока, какъ двери гроба:
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки; подозрѣнья
Ей стоятъ доказательствъ; ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье —
Вотъ цѣль его тогда, и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ, — вы съ нимъ враги, и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете, — я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

Князь. Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

Неизвѣстный. Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ наскучитъ!
Къ тому-жъ, весь городъ говоритъ...

Князь. Мысль нестерпимая!

Неизвѣстный. Она васъ слишкомъ мучитъ.

Князь. О, вы не знали, что такое стыдъ!

Неизвѣстный. Стыдъ? — нѣтъ! и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

Князь. Но кто вы?

Неизвѣстный. Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. Онъ! точно. Удалитесь
На мигъ, — есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.

(Князь отходитъ въ сторону)

Арбенинъ. Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ, я имъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ; безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько расцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался? — Невозможно!
Мнѣ ошибиться? — Кто докажетъ мнѣ
Ея невинность? — Ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? есть у меня они?
Я не повѣрилъ ей, — кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный. Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

Неизвѣстный. Осмѣлюсь — я!

Арбенинъ. (Сначала пугается и, отойдя, подноситъ къ лицу свѣчу)

А кто же вы?

Неизвѣстный. Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня, а были мы друзья.

Арбенинъ. Но кто вы?

Неизвѣстный. Я — твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

Арбенинъ (вздрогнувъ). Пророковъ не люблю,
и выйти васъ
Прошу немедленно. Я говорю серьезно.
Неизвѣстный. Все такъ, но несмотря на
голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру, но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.
Арбенинъ. Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ
того,
Не хвастаюсь. (Садится) Я слушаю.
Неизвѣстный (въ сторону). Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся, въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. (Ему) Семь лѣтъ тому назадъ
Ты узналъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ и пылокъ и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души: ее поймете лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ.
Арбенинъ. Дебютъ хорошъ.
Неизвѣстный. Конецъ не будетъ хуже.
Разъ ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ, и къ тому же
Я вѣрилъ счастью... Сѣлъ играть съ тобой

И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться.
Но ты, хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ, и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были,
Ты помнишь, можетъ быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ!... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ;
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.

(Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается)

И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все — женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья;
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ,
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги — царь земли,
И поклонился имъ... Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь...
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенинъ. Прочь! я узналъ тебя, узналъ!...

Неизвѣстный. Прочь!? Развѣ это все?
Ты надо мной смѣялся, —

И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце заропталo,
И долго думалъ я: за что-жъ
Онъ счастливъ? И шептало
Мнѣ чувство внятное: „иди, иди, встревожь!“
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ устали, всегда, повсюду за тобой,
Все узнавалъ... И, наконецъ,
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай, я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну... (Протяжно)
Послушай: ты... убилъ свою жену!...

(Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ)

А р б е н и н ъ. Убилъ? я? Князь! О! что такое!...

Н е и з в ѣ с т н ы й (отступая). Я все сказалъ.
Онъ скажетъ остальное.

А р б е н и н ъ (приходя въ бѣшенство).
А! заговоръ! прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ... я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя
И противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ, обманутъ я шутя
И подъ топоръ нагну спокойно шею!...
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума и опытность и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!...
Да! сцена хорошо придумана, но вы

Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины, — нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? Не странно: жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты!
Утѣшьтесь же теперь: вы будете убиты,
Умрете съ именемъ и смертью подлеца.

Князь. Увидимъ, но скорѣй!...

Арбенинъ. Идемъ, идемъ!

Князь. Теперь я счастливъ!

Неизвѣстный (останавливая). Да! а главное забыли!...

Князь (останавливая Арбенина).
Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во-время; я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

Арбенинъ. Что? что?

Неизвѣстный. Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

Арбенинъ (хохочетъ). Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.

Князь. Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ. Но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.

Когда-бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно-бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй, мнѣ дороги мгновенья...

(Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ)

Неизвѣстный (Поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно).

Казнитъ злодѣя Провидѣнье!
Невинная погибла, — жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто-бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасной
Сомнетъ минутная гроза...
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!...

Арбенинъ (бросается на нихъ). Я задушу васъ, палачи!

(Вдругъ слабѣетъ и падаетъ на кресла)

Князь (толкая грубо). Раскаянье вамъ не поможетъ.

Ждутъ пистолеты, споръ нашъ не рѣшенъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?...

Неизвѣстный. Быть можетъ...

Князь. Вы помѣшали мнѣ.

Неизвѣстный. Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

Арбенинъ (встаетъ съ дикимъ взглядомъ).

О, что сказали вы?... Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...

Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже!... Мнѣ? прощенья?!
(Хохочетъ)
А слезы, жалобы, моленья!...
А ты простилъ? (Становится на колѣна)
Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна...
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили!
Она невинна? Развѣ вы тутъ были?
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила...
Ошибка... я ошибся... что-жъ!...
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь... (Встаетъ)
Я это ей сказалъ. (Молчаніе) Вотъ что я вамъ
откроюː
Не я ея убійца. (Взглядываетъ пристально на Неизвѣстнаго)
Ты, скорѣй!
Признайся, говори смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною!
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я-бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ... но я тебѣ прощаю!
(Упадаетъ на грудь ему и плачетъ)

Неизвѣстный (отталкивая его грубо).
Приди въ себя, опомнись... (Князю) Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... (Беретъ его за руку) Арбенинъ!

Арбенинъ. Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...

Сюда... сюда... (Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины)

Князь. Остановите!...

Неизвѣстный. И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

Арбенинъ (возвращаясь съ дикимъ стономъ).

Здѣсь посмотрите! посмотрите!... (Прибѣгая на средину сцены)

Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!

(Падаетъ на землю и сидитъ полулежа, съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ)

Неизвѣстный. Давно хотѣлъ я полной мести, —

И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

Князь. Онъ безъ ума счастливъ; а я? . Навѣкъ лишенъ

Спокойствія и чести!

МАСКАРАДЪ

(ВТОРАЯ РЕДАКЦІЯ)

Драма въ пяти дѣйствіяхъ

Дѣйствующія лица

Евгеній Александровичъ Арбенинъ
Нина, его жена
Оленька
Казаринъ
Князь Звѣздичъ
Шприхъ
Игроки
Гости

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Явленіе I

Игроки, князь Звѣздичъ, Казаринъ и Шприхъ

(За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ)

1-й понтеръ. Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ. Извольте.

1-й понтеръ. Сто рублей.

Банкометъ. Идетъ.

2-й понтеръ. Ну, добрый путь!

3-й понтеръ. Вамъ надо счастіе поправить,
И не мѣшало бы загнуть.

2-й понтеръ. На все?... Нѣтъ, жжется!

4-й понтеръ. Послушай, милый другъ, — кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

3-й понтеръ (тихо первому). Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ. Ва-банкъ.

2-й понтеръ. Эй, князь,
Гнѣвъ только портитъ кровь; играйте не сердясь!

Князь. На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

Банкометъ. Убита.

Князь. Чортъ возьми!

Банкометъ. Позвольте получить...

2-й понтеръ (насмѣшливо). Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить,
Что стóятъ ваши эполеты?

Князь. Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

Явленіе II

Тѣ же и Арбенинъ

Арбенинъ (входитъ, кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ)

Арбенинъ. Ну что, ужъ ты не мечешь?... а?... Казаринъ?

Казаринъ. Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣшій! женатъ, богатъ, сталъ баринъ —
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ. Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

Казаринъ. Дѣлами занятъ все?

Арбенинъ. Любовью... не дѣлами.

Казаринъ. Съ женой по баламъ?

Арбенинъ. Нѣтъ.

Казаринъ. Играешь?

Арбенинъ. Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?

Казаринъ. Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.
(Шприхъ подходитъ и кланяется)
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ:
Арбенинъ.
Шприхъ. Я васъ знаю.
Арбенинъ. Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.
Шприхъ. По разсказамъ...
И столько я о васъ слыхалъ того, сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.
Арбенинъ. Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Раскланивается опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ)
Онъ мнѣ не нравится... видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза... стеклярусъ точно;
Взглянуть — не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.
Казаринъ. Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ, — да человѣкъ онъ нужный!
Лишь адресуйся, — одолжитъ.
Какой онъ націи, сказать не знаю смѣло;
На всѣхъ языкахъ говоритъ, —
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло;
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ — безбожникъ,
Съ святошей — езуитъ, межъ нами — злой картежникъ,

А съ честными людьми — пречестный человѣкъ.
Короче, — ты его полюбишь, я увѣренъ.

Арбенинъ. Портретъ хорошъ, оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ, высокій и въ усахъ
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

Казаринъ. Почти... онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому-жъ строга... Потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

Арбенинъ. А этотъ маленькій каковъ?
Съ крестомъ, растрепанный?...

Казаринъ. Трущовъ.
Онъ малый необыкновенный!
Не знаю, въ штатской иль военной,
Но въ Грузіи когда-то онъ служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Кого-то тамъ изъ-за угла хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ
И крестъ на шею получилъ.

Игроки (кричатъ Казарину). Пожалуйте сюда!

Казаринъ. Иду.

1-й понтеръ. Скорѣй!

Казаринъ. Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются; Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ)

Арбенинъ. Князь! какъ? вы здѣсь? Ужель
не въ первый разъ?
Князь (недовольно). Я то же самое хотѣлъ
спросить у васъ.
Арбенинъ. Я вашъ отвѣтъ предупрежу,
пожалуй.
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною.
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!
Князь (съ чувствомъ беретъ его за руку).
Я проигрался!
Арбенинъ. Что-жъ?... Топиться?...
Князь. О, я въ отчаяньи!
Арбенинъ. Два средства только есть:
Дать клятву за игру во-вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобъ у нихъ выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы,

И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
„Подлецъ!“

(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи)

Князь. Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ. Что хотите.

Князь. Быть можетъ, счастіе...

Арбенинъ. О, счастія здѣсь нѣтъ!

Князь. Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ. Совѣтовъ не даю.

Князь. Ну, сяду...

Арбенинъ (вдругъ беретъ его за руку). Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды, — я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе;
Какъ вы, заносчивъ, опрометчивъ тоже,
И если-бъ (останавливается)... кто-нибудь меня остановилъ,
То... (смотритъ на него пристально)
(Перемѣнивъ топъ) Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!

(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто)

Не откажите инвалиду!
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

Казаринъ. Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!
(Тихо). Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что́ такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки. Извольте, вамъ и книги въ руки; вы
хозяинъ,
Мы гости.

1-й понтеръ (на ухо второму). Берегись, имѣй
теперь глаза!...
Не понутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ,
И притузитъ онъ моего туза.

(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола, иногда разные возгласы; въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола. Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина)

Шприхъ (лукаво). Столпились въ кучку всѣ;
кажись, нашла гроза.

Казаринъ. Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ. Видно,
Что мастеръ!

Казаринъ. Былъ.

Шприхъ. Былъ? а теперь?...

Казаринъ. Теперь? —
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ, а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить. — Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хоть передъ
нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ. (Подходятъ игроки)
Что, господа, иль не подъ силу? — а?...

1-й игрокъ. Арбенинъ вашъ — мастакъ.

Казаринъ. И! что вы, господа!

(Волненіе у стола между игроками)

3-й понтеръ. Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй,
тысячъ на сто.

4-й понтеръ (въ сторону). Обрѣжется...

5-й понтеръ. Посмотримъ.

Арбенинъ (встаетъ). Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руки князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ)

Князь. Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенинъ. И деньги ваши тоже.
(Горько) А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь. Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенинъ. Ничуть.
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь;
Я сѣлъ играть, какъ вы пошли бы на сраженье.

Князь. Но проиграться вы могли.

Арбенинъ. Я? Нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Князь. Вы избѣгаете признательность мою...

Арбенинъ. По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ,
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, что былъ къ нему привязанъ,
А просто, видѣлъ пользу въ томъ. (Арбенинъ уходитъ)

Явленіе III

Тѣ же, кромѣ Арбенина

Князь. Мнѣ кажется, онъ говорилъ съ презрѣньемъ...

Досадно!... деньги я не долженъ былъ принять.

Казаринъ. Задумались... о чемъ, нельзя-ль узнать?

Князь. Смущенъ я страннымъ приключеньемъ,
Великодушіемъ...

Казаринъ. Арбенинъ не таковъ, —
Онъ никого безъ видовъ не обяжетъ!
Зато вы можете сегодня-жъ безъ чиновъ
Въ пухъ обыграть его, — онъ ничего не скажетъ.

Князь. Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться непріятно
Тому, кто по-сердцу для насъ совсѣмъ чужой.

Казаринъ. Особенно, когда онъ знатный
И требуетъ покорности нѣмой,
Или когда хотимъ мы волочиться
За дочерью его иль за его женой —
Все это можетъ же случиться!
Жена Арбенина собою недурна,
И, кажется, въ него не очень влюблена;
И я замѣтилъ вотъ недавно,
Какъ у Нероновыхъ движеньемъ томныхъ глазъ
Она кругомъ искала васъ... да, васъ!
Э, князь! да вы себя ведете славно,
По нашимъ вы ступаете слѣдамъ.
Мое благословенье вамъ.
Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряютъ
Себя для службы и наградъ,
О добродѣтели кричатъ
И возлѣ женщины порядочно зѣваютъ.
Жить не умѣютъ, мой отецъ!
Стыдятся неудачъ, боятся приключеній,
И чѣмъ кончаютъ, наконецъ?
Лѣтъ въ двадцать пять всѣ женятся отъ лѣни.

Князь. Да кто же вамъ сказалъ? Какъ догадаться вамъ?

Казаринъ. Когда Арбенинъ былъ въ деревнѣ,
Вы ѣздили къ Настасьѣ Алексѣвнѣ,
По вечерамъ и по утрамъ.

Князь. Вы правы; что же тутъ дурного?

Казаринъ. Напротивъ...

Князь. Я боюсь молвы
И потому надѣюся, что вы
Объ этомъ никому ни слова...

Казаринъ. Мнѣ измѣнить вамъ? Васъ предать?

Князь. Но вы Арбенину пріятель.

Казаринъ. Ха! ха! ха! ха! о мой Создатель!
Да, онъ мой другъ; вамъ не угодно-ль знать
Начало дружбы нашей: я былъ молодъ —
Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ —
Неопытенъ и пылокъ и богатъ;
Но онъ... въ его груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ онъ гордится всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ, — я разбирать не буду.
Разъ онъ меня завелъ подъ-вечерокъ
Къ себѣ. Я вѣрилъ счастью... Кошелекъ
Мой полонъ былъ... я сѣлъ играть (признаться,
Страстишка эта ужъ владѣла мной)
И проигралъ... Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... Я вздумалъ отыграться,
Но онъ меня въ когтяхъ своихъ держалъ,
И я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... Онѣ въ немъ возбудили

Одинъ холодный смѣхъ. О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ!... И съ того мгновенья
Покинулъ я забавы юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ,
Міръ безобразныхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отвергнутыхъ людей,
Самолюбивыхъ думъ и ледяныхъ страстей
И увлекательныхъ мученій!
Я увидалъ, что деньги — царь земли,
И поклонился имъ... Года прошли,
Все снова унеслось: богатство и здоровье;
Навѣкъ передо мной закрылась счастья дверь.
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье,
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь:
Умѣренный игрокъ и наблюдатель строгой,
Не дѣйствую нигдѣ, зато ужъ вижу много.

Князь. Послушать васъ — Арбенинъ вамъ злодѣй!

Казаринъ. Однако-жъ, явно мы понынѣ
Не ссорились, хотя въ душѣ, ей-ей
Я не терплю его!...

Князь. Поѣду завтра къ Нинѣ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Балъ (Музыка въ другой комнатѣ)

Явленіе I

1-й гость. Угодно ли?

Нина. Я это не танцую;
А васъ сейчасъ рекомендую
Премилой дамѣ.

1-й гость. Жертвую собой
Для вашей прихоти.
Нина. Вы истинный герой!

Явленіе II

Князь. Охота вамъ такъ много суетиться.
Нина. Всѣмъ надо угодить.
Князь. Нельзя ли, хоть на смѣхъ,
Меня въ число поставить всѣхъ?...
Нина. Неблагодарный! Есть за что сердиться!
Подумайте, мы не однѣ...
Князь. Для свѣта — все, а мнѣ
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нѣжнаго промолвить.
Нина. Погодите! (Уходитъ)

Явленіе III

Арбенинъ (Оленькѣ). Гдѣ Нина? Отчего ты не танцуешь?
Оленька. Съ кѣмъ?
Арбенинъ. А! не охотница до пляски...
Послушай, Оленька, когда пріѣдутъ маски,
Вели отказывать не всѣмъ. (Оленька уходитъ)
(Гостю) Вотъ истинная компаньонка!...
Какъ не скучаетъ съ ней жена?
Всегда молчитъ, блѣдна, грустна,
Зато послушнѣе ребенка!...
Гость. Давно-ль она у васъ живетъ?...
Арбенинъ. Ужъ скоро третій годъ;
Я взялъ ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сиротка съ раннихъ дней.
Гость. Да, если такъ... а то я-бъ подивился.
(Арбенинъ, пожавъ плечами, уходитъ)

Явленіе IV

2-й гость выходитъ изъ залы къ Дамѣ

Дама. Вы съ нѣкоторыхъ поръ на міръ, какъ на Содомъ,
Глядите строгимъ мудрецомъ!...

2-й гость. Премудрость нынѣшняго свѣта
Не смотритъ за предѣлъ балета!
Балетъ на сценѣ, въ обществѣ балетъ —
Страдаютъ ноги и паркетъ...
Куда какъ весело, ей-Богу!
Захочется-ль у насъ кому
Въ beau monde открыть себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму,
Умѣй онъ поднимать лишь ногу.
И все, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду тамъ... Есть изъ чего стараться!
Тоска!...

Дама. Зачѣмъ же вы сюда
Пріѣхали?

2-й гость. Куда же мнѣ дѣваться?

Дама. Вамъ не понравится, боюся, мой совѣтъ...

2-й гость. Здѣсь отъ передней до гостиной
Все такъ высоко, холодно и чинно,
Такъ приторно и такъ невинно,
Что мочи нѣтъ!

Дама. Тѣмъ лучше...

Явленіе V

3-й гость. Объ закладъ побиться не хотите-ль,
Что онъ московскій житель;
Но, впрочемъ, не дивлюсь, что здѣсь скучаетъ онъ:
Блестящій балъ, да что за тонъ,
La société est si melée

De ces figures qu'on voit passer
Au boulevard, à l'assamblée.
Madame, voudrez vous bien valser? (Музыка; всѣ уходятъ)

Оленька (одна). Имъ весело, для нихъ судьбою
Жизнь такъ роскошно убрана,
А я одна, всегда одна!
Всѣмъ быть обязанной, всѣмъ жертвовать собою,
И никого не смѣть любить...
О! развѣ это значитъ жить?
Счастливыя царицы моды!
Имъ не измѣнитъ свѣтъ, ихъ не измѣнятъ годы.
За что же?... Красота моя
Ихъ красотѣ поддѣльной не уступитъ:
Жемчугъ, алмазы, кисея
Морщинъ и глупости собою не искупитъ.
Но счастье — ихъ!... восторга своего
Несутъ имъ дань мужчины ежечасно!
Я лучше, я умнѣй... Напрасно!...
Никто не видитъ ничего!

(Сзади проходитъ нѣсколько гостей и между ними маска)

И онъ, онъ такъ же, какъ другіе,
Бѣжитъ за вѣтреной толпой
И мимоходомъ лишь порой
Мнѣ кинетъ взглядъ... Мечты пустыя!...
И какъ его винить, и какъ ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземного,
Что я ему готова жизнь отдать
За мигъ одинъ... за слово!...
Все ждать, да ждать... О, Боже... Это онъ!
Разстроенъ, кажется, смущенъ...

Князь (быстро подходитъ). Ахъ, извините! я васъ принялъ за другую.

Оленька. И потому лишь подошли.

Князь. Вы размышляли?... Отъ земли
Мечты васъ, вѣрно, унесли
Въ міръ лучшій, жизнь другую...
Я не прощу себѣ! Такъ дерзко помѣшать...

Оленька. Чему?

Князь. Мечтамъ.

Оленька. Дай Богъ вамъ не мечтать!
Вдаваться вредно въ заблужденье...

Князь. Вы правы: чувства, страсти — все обманъ.

Оленька. О! для чего-жъ отъ нихъ такое намъ мученье?

Князь. Васъ взволновалъ какой-нибудь романъ?

Оленька (въ сторону). Нѣтъ, истинное приключенье.

Князь. Не вѣрьте сердцу, ни уму,
Когда они бываютъ въ спорѣ.

Оленька. Чему же вѣрить?

Князь. Ничему.

Явленіе VI

Князь (отходя въ сторону). Не въ духѣ я болтать о вздорѣ,
А компаньонка мнѣ нужна.

Нина (входитъ). Измучилась!

Князь. Но къ вамъ идетъ усталость.

Нина. Я думала найти въ васъ жалость.

Князь. Гдѣ есть любовь, тамъ жалость ужъ смѣшна.

Нина. О! вы не знаете, какъ тягостно, какъ скучно
Жить для толпы, всегда въ ея глазахъ;
Не смѣть ни передъ кѣмъ открыться простодушно,

Вездѣ съ улыбкою являться на губахъ;
Для выгодъ мужа быть съ однимъ любезной,
Холодностію мстить другому за него
И слышать: „Нина, это мнѣ полезно;
Благодарю тебя!“ — и больше ничего.

Князь. Восторгъ толпы и свѣта удивленье
Замѣнятъ счастіе легко.

Нина. Къ толпѣ я чувствую презрѣнье.

Князь. Чего-жъ вамъ надобно?

Нина. Любви, хоть на мгновенье!

Князь. О, вамъ искать недалеко!...
Любви вы ищете, глубокой, сильной, страстной:
Она предъ вами здѣсь, въ груди моей;
Вы это знаете, — и сколько, сколько дней
Я мучился и думалъ: все напрасно!
Но я любимъ, я былъ любимъ всегда?
О, я молю, скажите: да!...
Когда, вы помните, на балѣ
Мы увидались въ первый разъ,
Лежало облако печали
На свѣтломъ небѣ вашихъ глазъ;
Они, усталые, безъ цѣли
Бродили медленно вокругъ,
И не искалъ ихъ встрѣчи вашъ супругъ,
И на него поднять вы ихъ не смѣли.
И онъ стоялъ близъ васъ, безчувственный какъ сталь,
Съ лицомъ, исполненнымъ безстрастья,
Какъ неизбѣжная печаль
Близъ неожиданнаго счастья.
Тогда во мнѣ проснулся чудный звукъ...
Я поклялся любить, и клятву не нарушу;
Я чувствовалъ, вамъ нуженъ другъ —
И въ жертву я принесъ вамъ душу.

Нина. Насъ могутъ слышать; умоляю васъ,
Уйдите!...

Князь. Нѣтъ, скажите мнѣ хоть разъ,
Что я любимъ; скажите, обѣщайте...

Нина. Да! я люблю васъ!... Боже мой!... ступайте!...

Князь (хватаетъ ея руку). Одинъ лишь поцѣлуй на счастіе въ залогъ,
Одинъ, не больше, видитъ Богъ.

Нина (не вырывая руки). Неблагодарный! вотъ мужчины...
Похожи всѣ на одного!
Теперь вамъ мало сердца Нины,
Теперь вамъ хочется всего!
Вамъ надо честь мою на поруганье!
Чтобъ встрѣтившись на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье,
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она, и пальцемъ указать. (Маска въ дверяхъ)

Князь. Обидно ваше подозрѣнье,
И я васъ долженъ наказать (срывая браслетъ).
Вотъ мнѣ залогъ любви. Доволенъ я! Прощайте!

Нина (въ испугѣ). Ахъ! что вы сдѣлали? Отдайте мнѣ, отдайте!
Мой мужъ замѣтитъ, онъ меня убьетъ!
Да нѣтъ, вы шутите! о, это злая шутка!
Отдайте, я лишусь разсудка.
Вы такъ-то любите? Всѣ обѣщанья вамъ...
Вотъ за довѣренность какъ нынче отвѣчаютъ!

Явленіе VII

Оленька (становится между ними). Скорѣй, скорѣй, за вами примѣчаютъ!

Нина (убѣгая). Хоть пощадите честь мою.

Князь (задумываясь). Мнѣ кажется... что я ее люблю.

Оленька. Хотя-бъ сказалъ: благодарю!
Ни взгляда, ни привѣта...
Онъ, вѣрно, думаетъ, что платятъ мнѣ за это.
Нѣтъ, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки жертвовать собой. (Уходитъ)

Явленіе VIII

Князь. Что дѣлаешь ты здѣсь, таинственная маска?

Маска. Смотрю на вашъ романъ...
Завязка дѣльная, да будетъ ли развязка?

Князь. Узнать нельзя-ль, кто вы?

Маска. Изъ дальнихъ странъ
Пріѣзжій... вамъ знакома Уналаска?

Князь. Пусть такъ, на этотъ разъ;
Тамъ, вѣрно, принято у васъ
Подсматривать, подслушивать стараться
И не въ свои дѣла мѣшаться!
Но это здѣсь, мой милый другъ,
Не такъ свободно сходитъ съ рукъ!

Маска. Угрозы!... и еще какія!...
Гостепріимства нѣтъ въ Россіи!...

Князь (увидавъ Арбенина). Теперь не время... по...
(Уходитъ)

Явленіе IX

(Казаринъ снимаетъ маску и хохочетъ)

Арбенинъ (подходитъ). Что Звѣздичъ такъ
взбѣшонъ?...
Ужъ, вѣрно, зацѣпилъ его ты эпиграммой.

Казаринъ. Нѣтъ, сердится за то, что видѣлъ
я, какъ онъ
Любезничалъ съ одною дамой.

Арбенинъ. Съ кѣмъ?... Съ Оленькой?

Казаринъ. Быть можетъ... не совсѣмъ.

Арбенинъ. Ты для друзей и слѣпъ и нѣмъ,
А, помнится, глаза-то были зорки...
Бывало, тотчасъ различатъ
Хоть за версту пятерку отъ шестерки.
Подобный глазъ для мужа кладъ!
Вотъ я такъ ничего не вижу и не знаю,
Женѣ свободу полную даю,
Мечтаю, что любимъ, о вѣрности мечтаю,
Лишь потому, что вѣренъ и люблю.

Казаринъ. Мечтай, мечтай, судьба твоя за-
видна!
Безпечность рѣдкая въ такихъ, какъ ты, мужьяхъ.

Арбенинъ. Ты правъ, не молодъ я.

Казаринъ. И опытенъ... Обидно
Съ такимъ умомъ...

Арбенинъ. Ну, что же?

Казаринъ. Ахъ!
Не спрашивай.

Арбенинъ. Ужъ, вѣрно, подозрѣнье.

Казаринъ. Нѣтъ, я тебя оставлю въ заблуж-
деньѣ,
Тебя, мой старый, первый другъ.
Вступилъ ты въ новый, лучшій кругъ,
И знанье сердца, знанье свѣта

Ты презрѣлъ для любви законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрѣта.
Я не дивлюся, Богъ съ тобой!
Вѣдь это иногда бываетъ:
Кто въ дѣтствѣ разсуждалъ, тотъ въ старости мечтаетъ;
Но я все тотъ, каковъ и былъ...

Арбенинъ. Чужого счастія отчаянный зоилъ...
Ну, что же? продолжай! вѣдь цѣлый часъ хлопочешь:
Обманутъ я женой моей?...
Прищурься, ха-ха-ха! поохай, пожалѣй.

Казаринъ. Такъ... если самъ ты этого ужъ хочешь...

Арбенинъ. Ужъ эти мнѣ разносчики вѣстей!

Казаринъ. Я радъ, что ты, какъ прежде, хладнокровенъ,
И стану говорить смѣлѣй.
Союзъ вашъ нѣсколько неровенъ,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе безъ разсчета...
Пожалуй, есть мужья —
Имъ подражать кому охота! —
Ревнуютъ, бѣсятся, шумятъ...
Провелъ меня ты славно, братъ!
И надо-бъ отомстить, да штука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушіемъ прямымъ
Князька ты одурачилъ славно;
Началомъ пользуясь такимъ,
Ты оберешь его исправно.
Пускай женѣ въ отсутствіи твоемъ
Онъ платитъ нѣжные визиты,

Тебѣ же платится за карточнымъ столомъ,
И дѣло слажено — вы квиты!
Арбенинъ (въ негодованіи). Казаринъ!
Казаринъ. Видѣлъ я сейчасъ,
Какъ нѣжничалъ, шептался здѣсь онъ съ нею...
Я издали смотрѣлъ, и утверждать не смѣю —
Трельяжъ ихъ закрывалъ отъ любопытныхъ глазъ —
Два вздоха слышалъ я да звуки поцѣлуя
И больше ничего, поклясться въ томъ могу я.
Арбенинъ. Ты видѣлъ, слышалъ?... Помни, что сказалъ!
Я доберусь до истины! Терпѣнья
Достанетъ у меня; но если ты солгалъ,
Казаринъ, о, тогда не жди спасенья!
Ты въ десять лѣтъ успѣлъ меня узнать.
Я въ жизни разъ лишь былъ обманутъ, разъ, не болѣ,
И отомстилъ, и отомщу опять!
И страшно отомстить — въ моей, ты знаешь, волѣ.
Казаринъ. Мой бѣдный другъ, все тотъ же онъ,
Все тотъ же чортъ, когда взбѣшонъ!
Дни, о которыхъ я тоскую,
Невольно мнѣ напомнилъ ты теперь,
Жизнь безпокойную, кипучую, лихую...
Тогда ты былъ не человѣкъ, а звѣрь. (Смѣясь, уходитъ)
Арбенинъ. О, кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но сладостные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой — не для меня они!
Мнѣ-ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ-ль, мнѣ-ль, который испыталъ
Всѣ ужасы и сладости злодѣйства

И съ нимъ лицомъ къ лицу ни разу не дрожалъ?

(Погружается въ задумчивость; музыка играетъ, и онъ садится)

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто нѣжно, страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку...
И скучно стало мнѣ и тяжко жить!
И кто-то подалъ мнѣ совѣтъ лукавой:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену — покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И — стыдно молвить — ужаснулся!...
И снова ревность, бѣшенство, любовь,
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ;
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Явленіе I

Арбенинъ (одинъ). Ночь, проведенная безъ сна,
Страхъ видѣть истину и милліонъ сомнѣній!
Съ утра по улицамъ бродилъ, подобно тѣни,

И не усталъ, и въ сердцѣ мысль одна!...
Одинъ лишь злой намекъ, обманчивый, быть можетъ,
Разбилъ въ куски спокойствіе мое!
И все воскресло вновь, и все меня тревожитъ:
Былое, будущность, обманъ и правда — все!...
Но я рѣшился, буду твердъ... Узнаю прежде,
Увѣрюсь... доказательства... да!... да!...
Мнѣ доказательствъ надо... и тогда...
Тогда... конецъ любви, конецъ надеждѣ!...

Явленіе II

Арбенинъ (входитъ Нина). А, здравствуй, Нина!... Наконецъ...

Нина. Недавно я проснулась.

Арбенинъ. Поздно...
Я жду тебя ужъ цѣлый часъ...

Нина. Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!...

Арбенинъ. А думаешь: глупецъ!...

Нина. Вотъ ты опять не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь...

Арбенинъ. Скучаю я съ тобою розно.

Нина. А встрѣтимся — ворчишь.
(Ласкаясь) Скажи мнѣ просто: „Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой-нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова?“
Скажи мнѣ это, — я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схорошо.

Но что меня умчало
Воображенье... и къ чему?
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ. Какъ быть? Я жить привыкъ безпечно,
А ревновать смѣшно.

Нина. Конечно!
Ты столько видѣлъ, испыталъ,
И ревность и любовь тебѣ не новы...
Ты отдыхаешь...

Арбенинъ (въ сторону. Въ продолженіе этого монолога онъ по временамъ останавливается и наблюдаетъ Нину).

О, не долго отдыхалъ.
(Ей) Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.
Ты молода лѣтами и душою;
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай: вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ, и любишь — вѣрю я, —
Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего — страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;

То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но нынѣ черствая кора
Съ моей души слетѣла, міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ;
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ, —
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!

(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукою по волосамъ)

Нина. Тебя понять, ей-Богу, трудно;
Чего ты требуешь, могу-ль я отгадать!

Арбенинъ. Да! требовать любви, конечно, безразсудно,
Я и не требую: мнѣ поздно покупать
Лукавый поцѣлуй признаньями и лестью.
Моя душа съ твоей душой

Не встрѣтились... Что дѣлать — Богъ съ тобой!...
Позволь мнѣ дорожить по крайней мѣрѣ честью!
Честь, имя — вотъ чего я требую отъ васъ.
Вы ихъ толпѣ на поруганье дали!
Я внятно говорю... вы все не понимали,
Поймите же меня, хотя на этотъ разъ.

Нина. Мнѣ отвѣчать вамъ было-бъ стыдно.

Арбенинъ. Стыдъ... такъ... пора!... его давно не видно...
Зачѣмъ явился онъ теперь!
Гоните прочь его скорѣй, въ окно иль въ дверь,
Откуда входитъ къ вамъ любезный,
Чувствительный, услужливый князекъ.

Нина. Такъ вотъ что? Это мнѣ урокъ.

Арбенинъ. И, вѣрно, безполезный.

Нина. Не знаю, кто оклеветалъ меня!
Я это заслужила:
Смѣялася, рѣзвилася, шутила...
Нѣтъ, съ нынѣшняго дня
Не будетъ смѣть ко мнѣ приблизиться мужчина
На разстояньи въ три аршина! (съ иронiей)
Рѣшусь не говорить, рѣшуся не смотрѣть,
Не танцовать, за картами сидѣть,
Какъ кукла, какъ статуя...
Тогда на васъ, конечно, угожу я.
Тогда вы скажете: вотъ вѣрная жена!
Какъ зло на всѣхъ глядитъ она! (смѣясь)
Смѣшно, смѣшно, ей-Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ ли,
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

Арбенинъ. Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ.

Нина. О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

Арбенинъ. Увидимъ.
Нина. Я тебя люблю,
Мнѣ жаль тебя, Евгеній.
Арбенинъ. Ну, по чести,
Признанье въ пору...
Нина. Выслушай, молю;
Я оправдаюсь.
Арбенинъ. Нѣтъ!
Нина. Чего-жъ ты хочешь?
Арбенинъ. Мести!
Нина. Кому-жъ ты хочешь мстить?
Арбенинъ. О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!
Нина. Не мнѣ-ль?
Арбенинъ. Геройство къ вамъ нейдетъ.
Нина. Кому-жъ?
Арбенинъ. Вы за кого боитесь?
Нина. О, это нестерпимо!... Что-жъ онъ самъ
Не явится сюда, мой тайный обвинитель?
Пусть повторитъ при мнѣ, пускай покажетъ вамъ
Всѣ доказательства. Вы этого хотите.
А если онъ не явится? Какой
Найдете вы предлогъ, чтобъ оправдаться?
(Плача) Но, право, вы слезы не стоите одной,
И мнѣ приличнѣе смѣяться.
Арбенинъ. Такъ суждено мнѣ, можетъ быть,
Весельемъ оскорблять, страданіемъ смѣшить.
И что за диво? У другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ;
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...

Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ и безъ гроша — былъ скукою томимъ;
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это — ты,
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ, пока они мои;
Безъ нихъ — нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта, если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!...
Послушай, Нина, я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья!
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону)

Нина. Не подходи!... О, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ. Неужели?
Я страшенъ? нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да, ты своей достигла цѣли;
Зачѣмъ-же не пришелъ полюбоваться онъ
Моимъ отчаяньемъ?... Теперь бы очень кстати
Вчерашній разговоръ вамъ повторить живой.

Чай, въ промежуткахъ ласкъ, объятій,
Смѣялись вы жестоко надо мной?

Нина. Вчера?!...

Арбенинъ. Вчера на балѣ.

Нина (въ сторону). Онъ все знаетъ!
(Ему) Такъ вотъ причина! А ты видѣлъ самъ?
Ты видѣлъ?... Нѣтъ!... Кто-жъ обвиняетъ
Меня?... Никто... Ты слѣдуешь мечтамъ,
Тебѣ спокойствіе и счастье надоѣло!
Прекрасно! продолжай же смѣло!...
Ты хочешь правды? Вѣрь или не вѣрь,
Тебѣ я все скажу теперь.
Князь любитъ Оленьку... давно ли — я не знаю,
И безъ тебя онъ для нея одной
Ѣзжалъ сюда... онъ не бывалъ со мной,
Онъ избѣгалъ меня... Вчера, — я понимаю!...
Вчера онъ съ ней, отъ бала удалясь,
Былъ здѣсь... И на меня подумать!... Этотъ князь
Хвастунъ, мальчишка... Да, я ихъ застала
Вчера; вдругъ Оленька, краснѣя, убѣжала.
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки, подозрѣнья!...

Арбенинъ. Я вѣрю... и сейчасъ за Оленькой пошлю.

Нина. Избавьте хоть ее отъ пытокъ и мученья.
Чего еще вамъ надо?

Арбенинъ. Убѣжденья!

Нина. Но не теперь, въ другой хоть разъ...

Арбенинъ (звонитъ; лакей входитъ). Поди и позови мнѣ Оленьку сейчасъ.

Нина. Евгеній, я прошу, не говори съ ней строго
Она такъ молода... вина ея скорѣй
Простая вѣтренность...

Явленіе III

Тѣ же и Оленька

Нина (подбѣгая къ Оленькѣ, тихо ей говоритъ).
Не бойся, будь смѣлѣй.

Оленька. Что вамъ угодно?

Арбенинъ. Много! Очень много!...

Оленька. Что сдѣлалось?

Нина (ей тихо). Не погуби меня! (Упадая въ кресла)
Молчи, молчи!

Оленька. Готова слушать я...

Арбенинъ. Скажи мнѣ, Оленька... на сердце
руку смѣло...
Всю правду, какъ предъ Богомъ, все скажи.

Оленька. Я не охотница, вы знаете, до лжи.

Арбенинъ. О, да! я знаю, ты всегда умѣла
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить;
Ты чувствовать умѣла одолженья,
Не замѣчать, не помнить зла.
Какъ ангелъ-примиритель, ты жила
Въ семействѣ нашемъ... Но ужасныя мученья
Столпились къ сердцу моему,
И я теперь не вѣрю ничему.
Клянись... но, можетъ быть, моленье
Отвергнешь ты мое?
И что мудренаго! кому моей судьбой
Заняться? я суровъ, я холоденъ душою...
Одинъ лишь разъ, одинъ пожертвуй ты собою
Не для меня, нѣтъ — для нее...

Оленька. О, мнѣ, конечно, ничего не стоит
Собой пожертвовать для васъ.
Вы точно знаете, васъ это успокоитъ?
Извольте... гдѣ? когда? сейчасъ?...

Арбенинъ. Вотъ, видишь, это дѣло важно:
въ свѣтѣ...
Смѣюсь надъ этимъ самъ,
А въ сердцѣ цѣлый адъ... такъ знай, въ твоемъ
отвѣтѣ
Жизнь или смерть обоимъ намъ.
Я былъ въ отлучкѣ долго... слухъ промчался,
Что Звѣздичъ въ Нину былъ влюбленъ;
Онъ каждый день сюда являлся,
Но для кого? Свѣтъ часто ошибался,
Его сужденья не законъ.
Вчера здѣсь слышали признанья, объясненья...
Вы обѣ были тутъ, — съ которой же изъ васъ?
Я долженъ знать сейчасъ...
О, если не съ тобой, — то нѣтъ ему спасенья!...

Оленька. Теперь я понимаю... онъ убьетъ,
Убьетъ его...

Арбенинъ. Ты видишь, рѣчь идетъ
О жизни, счастіи и чести.
Я истины хочу! Она сказала мнѣ,
Что съ княземъ здѣсь вы оставались вмѣстѣ.

Оленька. Она сказала? съ нимъ? наединѣ?

Арбенинъ. Она! а ты молчишь?

Оленька. Что дѣлать, Боже!

Арбенинъ. Я вашу связь не осуждаю... Что
же...
Но если это такъ, то домъ оставить мой
Должна ты завтра же. Не ссорюсь я съ тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку свѣта я предъ свѣтомъ обнаружу.

Оленька. А я? Куда я дѣнусь?... Ни родныхъ,
Ни друга на землѣ... Чѣмъ жить?... въ презрѣньи
У всѣхъ... въ мои лѣта... за что? О, въ этотъ мигъ

(Нинѣ) Отъ васъ я требую, да, требую спасенья,
Защиты; вы должны, вы можете однѣ...

Арбенинъ (на ухо Нинѣ). Она не признается.
Для терпѣнья
Граница есть...

Нина. Но что же дѣлать мнѣ?

Арбенинъ. Подумай, Оленька! одно лишь
средство
Окончить все: скажи мнѣ — да иль нѣтъ;
Скорѣй, скорѣй какой-нибудь отвѣтъ!
Но также вспомни время дѣтства:
Заботы, ласки матери её
Тебя не покидали ни мгновенья;
Чужая ей, ты съ ней дѣлила все...
Есть сердце у тебя? Смущенье,
Страхъ, обморокъ!... Ну, право, я не звѣрь,
Прошу лишь слово правды... Не хотите?...
Ошибся я, — не надобно, идите.

Оленька (черезъ силу). Минуту погодите!...
Да... я всему виной... довольны-ль вы теперь?

Арбенинъ. О, наконецъ! (Послѣ молчанія, женѣ)
Здѣсь на колѣна
Я упадаю предъ тобой;
Прости, прости меня... глупецъ я злой
И недостойный! можетъ ли измѣна
Такую душу омрачить!
Я чувствую, — я не достоинъ жить.
Здѣсь, здѣсь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветникъ,
Какъ я передъ тобой теперь, у ногъ моихъ
Не будетъ умолять о жизни и прощеньи.
На Божій судъ пойду я съ нимъ...
Скажи мнѣ: я прощенъ? я вновь тобой любимъ?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явленіе I

Казаринъ. Я утверждалъ всегда:
Чего судьба упрямая захочетъ,
Пусть цѣлый міръ хлопочетъ,
А сбудется навѣрно! да!
Князь Звѣздичъ, напримѣръ, была ему острастка,
А нынче самъ ко мнѣ на вечеръ назвался.
Играть не станетъ онъ, посмотритъ; только сказка,—
Ужъ быть тому, за что я разъ взялся!
Вотъ, кажется, онъ самъ... Какое нетерпѣнье!
Явился прежде всѣхъ. (Отворяя дверь) А, князь, мое почтенье!

Явленіе II

Казаринъ и Арбенинъ

Казаринъ (оправившись). Ну, братъ, не ждалъ я, виноватъ!
Я, впрочемъ, очень радъ.

Арбенинъ. Не торопись заранѣ веселиться!

Казаринъ. Мой бѣдный другъ, какъ пріунылъ!
Да что-жъ могло съ тобой случиться?
Ахъ, помню, видишь ли, я правду говорилъ!
Изъ благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умѣрь себя; ко мнѣ сегодня будетъ князь.
Хоть нонче помолчи, его я обыграю,
А завтра дѣлай съ нимъ, чего душа
Попроситъ...

Арбенинъ. Мысль отмѣнно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казаринъ. Вотъ сердце доброе! да, въ свѣтѣ
нѣтъ такова!
Арбенинъ. Тебѣ же я скажу всю правду,
какъ привыкъ:
Ты, милый мой, презрѣнный клеветникъ!
Клеймомъ стыда я васъ, сударь, отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.
Казаринъ. Ахъ, Боже мой!... Меня, за что-жъ
меня?
Вотъ хлопочи, совѣтуй другу!
Зло за добро, брань за услугу!
Что? Этакъ дѣлаютъ друзья?...
Арбенинъ. Да, да! я помню, время было,
Когда съ тобой однимъ путемъ
Стремленіе страстей насъ уносило;
Я нуженъ былъ тебѣ: искусствомъ и умомъ
Я защищалъ тебя въ опасныя мгновенья,
Съ тобой добычу я дѣлилъ
И только! Вотъ твое о дружбѣ мнѣнье,
Иначе въ жизни ты ни разу не любилъ.
Когда всю ночь я въ шумномъ кругѣ
Сидѣлъ и хохоталъ съ истерзанной душой,
Искалъ ли я въ тебѣ, какъ въ другѣ,
Надежды, жалости?... бывалъ ли я съ тобой
Таковъ, какъ иногда бываю
Одинъ съ моимъ Творцомъ, когда подъ гнетомъ бѣдъ
За преступленья юныхъ лѣтъ
Я, горько плача, умоляю?
Нѣтъ, нѣтъ!
Ты мнѣ завидуешь, тебя-жъ я презираю!
Казаринъ. Пусть такъ! возьми назадъ, возьми
Ты дружбу глупую, — все кончено межъ нами;
Я никогда не дорожилъ людьми,
Тѣмъ болѣ гордецами!

А чѣмъ же лучше ты меня?
Тѣмъ, что бѣснуешься, кричишь ты безъ разбору?
А я, разсудокъ свой храня,
Немного говорю, да въ пору!...
Чѣмъ виноватъ я, что жена
Тебѣ немного невѣрна?...
Съ такою совѣстью, измученной и грозной,
Тебѣ бы въ монастырь, а ужъ влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощеніе грѣховъ, —
Молчи, терпи...

Арбенинъ. О нѣтъ, я не таковъ!...
Я не стерплю стыда и оскорбленья;
При первомъ подозрѣньи
Тебѣ я это ужъ сказалъ;
И все-жъ ты на нее безстыдно клеветалъ.
Но я открылъ глаза... и будешь ты наказанъ,
Да, совѣстью моей не такъ еще я связанъ,
Какъ ты, быть можетъ, полагалъ.

Казаринъ. Твоихъ угрозъ я не пугаюсь, право.

Арбенинъ. Посмотримъ! помнишь ли, совѣтникъ мой лукавый,
Второе сентября, семь лѣтъ тому назадъ...

Казаринъ (смущаясь). Что-жъ, помню.

Арбенинъ. Очень радъ.
Я стану говорить короче:
Дольчини, ты и Штраль, товарищъ твой,
Играли вы до поздней ночи;
Я рано убрался домой;
Когда я уходилъ, во взорахъ итальянца
Блистала радость; на его щекахъ
Безжизненныхъ игралъ огонь румянца;
Колода картъ тряслась въ его рукахъ,
И золото предъ нимъ катилось; вы же оба

Казались тѣнями, возставшими изъ гроба;
Ты это помнишь ли?...

Казаринъ. Ну, что-жъ?

Арбенинъ. Сейчасъ
Я кончу мой разсказъ.
Предъ вашимъ домомъ утромъ рано
Дольчини былъ найденъ на мостовой
Въ крови, съ разбитой головой.
Вы всѣхъ увѣрили, что, пьяный,
Онъ выскочилъ въ окно;
Такъ это и осталось! Но
Волшебной сказкою меня не обморочишь,
И кѣмъ онъ былъ убитъ, скажу я, если хочешь.

Казаринъ. Ты доказать не можешь ничего.

Арбенинъ. Конечно!... Вотъ письмо, — кто написалъ его?

Казаринъ (упадая на стулъ). Злодѣй! вѣдь я погибъ...

Арбенинъ. Твой другъ мнѣ проигрался
И отдалъ свой бумажникъ. Въ немъ
Нашелъ я этотъ кладъ, — кто въ дуракахъ остался?
Ты мнѣ хотѣлъ вредить... за зло плачу я зломъ.

Казаринъ. Помилуй, сжалься, я твой рабъ отнынѣ!
Конечно, что ужъ дѣлать, — согрѣшилъ...
Но я клянусь...

Арбенинъ. Какой святыней?

Казаринъ (плача). Я ужъ раскаялся.

Арбенинъ. А! плачешь, крокодилъ!

Казаринъ (вскакиваетъ. Въ сторону). Одно осталось средство для спасенья.
(Громко) Постой, смотри, вотъ шкафъ и отъ него ключи,

Тамъ тысячъ пятьдесятъ, съ условіемъ — молчи,
Тебѣ все, все мое имѣнье!

Арбенинъ. Ха-ха-ха-ха! смѣшное предложенье!...

Казаринъ. Не хочешь?

Арбенинъ. Я богатъ.

Казаринъ. Онъ правъ! Но если такъ,
Я остаюсь при первомъ мнѣньѣ.

Арбенинъ. Что? Что?

Казаринъ. Я, просто, былъ дуракъ,
Что испугался. Докажи сначала,
Что я солгалъ... да, докажи сперва,
Что мнѣ вредить имѣешь ты права,
И что жена тебѣ не измѣняла.
Ты мужъ, какихъ на свѣтѣ мало:
Всѣмъ вѣрилъ! прежде мнѣ,
Потомъ проказницѣ женѣ;
Съ тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбенинъ. Изволь, тебя утѣшить можно!
Ты знаешь Оленьку, — она,
Бѣдняжка, въ князя влюблена;
Онъ для нея ѣзжалъ ко мнѣ; межъ ними
Что было, я не знаю, только все
Упало на жену; намеками своими
Ты очернилъ ее!
Но я хотѣлъ знать правду... и не много
Трудился: Оленька призналась... Строго
Я поступилъ, — но требуетъ нужда:
Она мой домъ оставитъ навсегда.

Казаринъ. Сама призналась?

Арбенинъ. Да!

Казаринъ. Заставили признаться?

Арбенинъ. Сама!

Казаринъ. Не можетъ быть! уговорить легко!

Арбенинъ. Мнѣ любопытно знать, какъ можетъ далеко
Такая дерзость простираться.
Казаринъ. Я милости прошу: минутъ чрезъ пять
Князь будетъ здѣсь, — дай слово не мѣшать.
Арбенинъ. Въ чемъ?
Казаринъ. Ради Бога!
Арбенинъ. Про жену ни слова!
Казаринъ. Пусть, ни-гугу!
Арбенинъ. Посмотримъ, это ново!
Послѣднее то будетъ шельмовство,
Пѣснь лебедя... а тамъ къ разсчету.
Казаринъ. Заплатишь, милый, за охоту
Знать верхъ искусства моего. (Ходитъ по комнатѣ)
Онъ скоро будетъ... кажется, идетъ...
Нѣтъ, если онъ не будетъ, — право,
Злой духъ меня толкнетъ
Съ нимъ заключить разсчетъ кровавый.

Явленіе III

Тѣ же и Князь

Казаринъ (тихо). Насилу! Кажется, еще на этотъ разъ
Судьба меня спасти взялась.
(Князю) Князь, поздно, поздно! что? откуда?
Князь. Я былъ въ театрѣ.
Казаринъ. Что даютъ?
Князь. Балетъ.
Казаринъ. А я про васъ здѣсь слышалъ чудо
И вѣрить не хотѣлъ...
Князь. Конечно, не секретъ?
Казаринъ. Сказать бы радъ, да мудрено рѣшиться:

Не вздумали бы разсердиться.

Князь. За правду не сержусь, а если ложь,
На васъ сердиться мнѣ за что-жъ?

Казаринъ. Люблю за это нашу молодежь!
Разсудитъ прежде, послѣ скажетъ.
Бывало, намъ ничто языкъ не свяжетъ:
Врутъ, хоть сердись, хоть не сердись,
За то и доврались.

Князь. Да что-жъ вы про меня узнали?

Казаринъ. Да вотъ что! бѣдная... ее вы наказали
За жертвы, за любовь... Люби васъ, шалуновъ,
Потомъ терпи. Кто-жъ виноватъ — она ли?
Анъ нѣтъ! Чай, сколько просьбъ и словъ,
Угрозъ и ласкъ, и слезъ, и обѣщаній
Вы расточили передъ ней,
И все зачѣмъ? — изъ сущей дряни:
Повеселиться пять, шесть дней!
Прекрасно, князь, прекрасно!
Скажите-ка: она васъ любитъ страстно?
Вы долго волочились?... О, злодѣй!

Князь. Позвольте хоть узнать, о комъ вы говорите?

Казаринъ. Не знаетъ, о невинность! посмотрите,
Какой серьезный видъ и недовольный взоръ!
Да я не зналъ, что вы такой актеръ!
А для кого, скажите-ка по чести,
Ѣзжали вы къ нему такъ часто въ домъ?
А кто съ утра ждалъ подъ окномъ,
Какъ вы проѣдете?... Ужъ я на вашемъ мѣстѣ
Теперь, когда открылося, когда
Она безъ крова, жертвою стыда,

Осуждена искать дневного пропитанья,
Ужъ я женился бы... хотя-бъ изъ состраданья.

Князь. Да, ради Бога, кто-жъ она? И въ чемъ Я виноватъ?

Казаринъ. Нашли же вы на комъ,
На компаньонкѣ пробовать искусство...
И трудно-ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя!
За это я возьмусь шутя.

Князь. Послушайте, зашли вы дальше шутки.

Казаринъ. Да я и не шучу... я правду вамъ сказалъ:
Арбенинъ Оленьку прогналъ...
Что-жъ дѣлать? у него свои есть предразсудки...

Князь. Помилуйте, да вы сошли съ ума!
Кто такъ наклеветалъ безбожно?

Казаринъ. Она сама призналась.

Князь. Какъ?

Казаринъ. Она сама.

Князь. Не можетъ быть.

Казаринъ. Случилось... такъ возможно.

Князь. Не можетъ быть. Ея признанье ложно!
Я не хочу, чтобъ за меня она
Страдала. Я помочь не въ силахъ, право...
Я не люблю ее... жениться — мысль смѣшна.

Арбенинъ. И то, зачѣмъ?... Ужъ вы покрылись славой.

Князь. Съ чего вы вздумали, что я женюсь на ней?

Арбенинъ. Ну, князь, я думалъ, вы честнѣй...

Князь. Вы это думали?...
А! это оскорбленье!
Останьтесь же при первомъ мнѣньѣ,
И, прежде чѣмъ рѣшить свинецъ,

Я докажу, что я не трусъ и не подлецъ.
Хотите-ль правду знать?

Арбенинъ. Посмотримъ... Что же?

Князь. Вы не раскаетесь?

Арбенинъ. У васъ спрошу я тоже.

Князь. Хотите?

Арбенинъ. Да!

Князь. Скажите лучше: нѣтъ.

Арбенинъ. Хочу.

Князь (подавая браслетъ). Смотрите, чей браслетъ?

Узнали-ль?

Арбенинъ. Да, узналъ!

Князь. Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись?...

Арбенинъ. Нѣтъ! вы его украли!
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, какъ съ мальчикомъ... глупцы вы оба, дѣти...
Вы видите, какъ ваши сѣти
Я разорвалъ одной рукой...
А, князь! вы сами захотѣли
Себя достойно наказать!
Какъ вы рѣшились, какъ вы смѣли
Въ глаза все это мнѣ сказать!
Скорѣе на колѣни, на колѣни!...
Нѣтъ?... очень радъ! тѣмъ меньше затрудненій!
Вамъ жизнь наскучила... Не странно... жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты...
Утѣшьтесь же теперь, — вы будете убиты!
Умрите-жъ съ именемъ и смертью подлеца!

Князь. Скорѣе — часъ и мѣсто!

Казаринъ. Ну, насилу

Избавлюсь отъ него: не въ крѣпость — такъ въ могилу.

Арбенинъ. Я жду васъ завтра къ девяти часамъ

И у себя. (Подходитъ къ Казаринѣ)

Казаринъ (смѣясь). Не спорь со мною.

Арбенинъ. Не веселись по пустякамъ,
Твои дѣла сегодня-жъ я устрою. (Уходитъ быстро)

Явленіе IV

Казаринъ (нѣсколько времени пораженъ, потомъ вскакиваетъ).

Князь, я вашъ секундантъ! угодно?

Князь. Очень радъ!
(Въ сторону) Я глупо поступилъ, да ужъ нельзя назадъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Комната Арбенина. Нина спитъ на канапе

Явленіе I

Арбенинъ (входя оборачивается въ дверь).
Князь Звѣздичъ скоро долженъ быть. Ко мнѣ
Его проси. Ступай! Какъ ты сюда попала?

Служанка. Тихонько-съ! барыня сейчасъ започивала;
Ждала васъ цѣлу ночь и бредила во снѣ...
Потомъ чѣмъ-свѣтъ одѣлась, встала,
Изволила прійти къ вамъ въ кабинетъ,
Да и уснула здѣсь на креслахъ.

Арбенинъ. Я исправить
Хочу вину свою... ты можешь насъ оставить. (Служанка уходитъ)

Явленіе II

Арбенинъ и Нина

Арбенинъ (подходя къ Нинѣ). Спитъ! точно спитъ! сомнѣнья нѣтъ:
Улыбка по лицу струится,
И грудь колышется, и смутныя слова
Межъ губъ скользятъ едва-едва!
Понять не трудно, кто ей снится...
О! эта мысль запала въ грудь мою,
Бѣжитъ за мной и шепчетъ: мщенье, мщенье!
А я, безумный, все еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомнѣнье!
И кто подумалъ бы и кто смѣлъ ожидать?
Меня... меня... меня продать
За поцѣлуй глупца! меня, который
Готовъ былъ жизнь за ласку ей отдать.
Мнѣ измѣнить! мнѣ... и такъ скоро! (Задумывается)
Да... да... я этого хочу,
Я вырву изъ нея признанье
Угрозой, страхомъ!... Я ей отомщу,
Какъ прежде мстилъ — безъ состраданья. (Молчаніе)
Бывало, я искалъ могучею душой
Заботъ, трудовъ, глубокихъ ощущеній;
Въ страданіяхъ мой пробуждался геній,
И весело боролся я съ судьбой;
И былъ я гордъ, и силенъ, и свободенъ,
На жизнь глядѣлъ какъ на игрушку я,
И въ злобѣ былъ я благороденъ,
И жалость не смѣшна казалася моя...
Но часъ пришелъ, и я упалъ, — ничтожный
Безумецъ, безоруженъ противъ мукъ и зла.
Добро, какъ счастіе, мнѣ стало невозможно,
И месть, какъ жизнь, мнѣ тяжела.

Явленіе III

Арбенинъ, Нина и Оленька

Оленька (входя, увидавъ). Ахъ, Боже мой!... онъ здѣсь.

Арбенинъ. Не разбуди... (Увидавъ узелъ) Что это значитъ?

Оленька. Я пришла проститься...

Арбенинъ. Къ кому же ты пойдешь?

Оленька. Къ кому случится... Прощайте!

Арбенинъ. Погоди! Мнѣ жаль тебя... бѣдняжка! ни роднова, Ни друга на землѣ...

Оленька. Что-жъ? я на все готова.

Арбенинъ. Легко сказать... презрѣнье, нищета... Ужасно!

Оленька. Да, ужасно!

Арбенинъ. Тебѣ упрекомъ будетъ красота, Пройдутъ и скажутъ: да, она прекрасна! Съ подобнымъ личикомъ невинность сохранить Задача трудная! Къ тому-жъ, вѣдь надо жить!...

Оленька. О, я умру!

Арбенинъ. Кто виноватъ, не ты ли?... Подумай.

Оленька. Я одна.

Арбенинъ. Признайся мнѣ: вы въ заговорѣ были; Тебя солгать заставила она?... Ты гибнешь. Если нѣтъ — признайся — спасена! Есть время...

Оленька. О, не искушайте!

Арбенинъ. Я жду послѣдній твой отвѣтъ.

Оленька (уходя). Прощайте!

Арбенинъ. Постой... войди сюда... и черезъ часъ
Я кликну... можетъ быть, и прежде.

Оленька. Для чего же?

Арбенинъ. Узнаешь. (Она уходитъ)

Явленіе IV

Арбенинъ и Нина

Арбенинъ. Боже! Боже!
Дай твердость мнѣ въ послѣдній разъ. (Подходя къ Нинѣ)
Проснись... пора...

Нина. Ахъ, это ты, Евгеній!
Какой тяжелый сонъ... толпа видѣній
Въ умѣ моемъ еще тѣснится... Снилось мнѣ,
Что ты ласкалъ меня такъ страстно;
А говорятъ, что все во снѣ
Наоборотъ, и вѣрить имъ опасно...
Боюсь, что ждетъ меня бѣда!

Арбенинъ. Предчувствіямъ я вѣрю иногда.

Нина. Тебя я жду всю ночь, — была готова
Послать искать.

Арбенинъ. О, рѣдкая жена!

Нина. Послушай, милый другъ, я что-то нездорова.

Арбенинъ (въ сторону). Судьба мнѣ помогаетъ снова.

Нина. Я очень, кажется, больна.

Арбенинъ. Мнѣ жаль.

Нина. Послушай, я сказать тебѣ должна:
Со мною ты ужасно измѣнился,
Сталъ холоденъ и принужденъ...
И отчего?

Арбенинъ. Какъ быть, мнѣ также снился
Зловѣщій сонъ!...
Нина. Все грустенъ, все ворчишь, — мнѣ въ
тягость жизнь такая.
Арбенинъ. Ты права! что такое жизнь?
жизнь — вещь пустая!
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада;
Пройдутъ года желаній и страстей, —
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? Давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее... а цѣлое — обманъ.
Нина. О, нѣтъ! я жить хочу.
Арбенинъ. Пустое!
Нина. И умереть боюсь...
Арбенинъ. Жизнь — вѣчность, смерть —
лишь мигъ.
Нина. Нельзя-ль отъ шутокъ мнѣ твоихъ
Избавиться. Я слушать все готова,
Но не теперь... Евгеній, я молю:
Пошли за докторомъ, — я очень нездорова
И голова кружится.
Арбенинъ. Не пошлю.
Нина. О, ты меня не любишь...
Арбенинъ. А за что же
Тебя любить?... За то-ль, скажи,
Что былъ обманутъ я, ты требуешь любви...
Насмѣшка горькая...
Нина. О, Боже!
Арбенинъ. Тому назадъ лѣтъ десять, я всту-
палъ

Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну я все до капли проигралъ;
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи... ушелъ и яду
Купилъ и возвратился вновь
Къ игорному столу. Въ груди кипѣла кровь;
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ;
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ. Рискъ, право, былъ
великъ,
Но счастье вынесло, и въ часъ я отыгрался!
Завѣтный порошокъ я долго сберегалъ
Среди волненій жизни шумной,
Какъ талисманъ таинственный и чудной, —
Хранилъ на черный день, и этотъ день насталъ.

Нина. Что хочешь ты сказать? Не мучь меня,
Евгеній!
Но ты дрожишь! Ты сталъ блѣднѣе тѣни!

Арбенинъ. Тутъ былъ стаканъ — онъ пустъ...
кто выпилъ лимонадъ?

Нина. Я выпила... Смѣешься?...

Арбенинъ. Да, — я радъ!

Нина. Что-жъ было въ немъ?

Арбенинъ. Что? Ядъ!

Нина. Не вѣрю, невозможно! и съ такою
Холодностью смѣяться надо мною!
И въ чемъ виновна я? — ни въ чемъ;
Что балы я люблю, вотъ вся бѣда въ одномъ.
Ядъ! о, это было бы ужасно!
Нѣтъ, поскорѣй разсѣй мой страхъ...
Зачѣмъ терзать меня напрасно?
Взгляни сюда! О, смерть въ твоихъ глазахъ!

Арбенинъ (бросая браслетъ на полъ). Ты измѣнила мнѣ, — вотъ обвиненье!
Нина. Не вѣрь, не вѣрь... Изъ сожалѣнья...
Арбенинъ. Признайся!
Нина. Не могу.
Арбенинъ. Пожалуй; ты умрешь.
Нина. Но я невинна!
Арбенинъ. Ложь!
Нина. Такъ нѣтъ спасенья?
Арбенинъ. Нѣтъ спасенья! (Нина плачетъ)
Да, горько я ошибся... возмечталъ
О счастьи, — думалъ снова
Любить и вѣровать... Но часъ судьбы насталъ, —
И все прошло, какъ бредъ больнова.
Я могъ бы воскресить погибшія мечты,
Я могъ бы, вѣруя надеждѣ,
Быть снова тѣмъ, чѣмъ былъ я прежде;
Ты не хотѣла, ты!
Плачь, плачь, — но что такое, Нина,
Что слезы женскія? — Вода!
Я-жъ плакалъ, я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ — да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ!
Въ тотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ, и адъ въ его груди.
Нина (упадая на колѣна). О, ты ужасенъ! о, помилуй, пощади!
Я все исполню, я признаюсь... поскорѣе...
Еще есть время, — говори, чего
Ты хочешь... смерть всего страшнѣе...
Смерть, смерть... да, я люблю его...
Нѣтъ, нѣтъ, — то было заблужденье,

Ребячество, обманъ, воображенье:
Я не любила никого.
Позволь обнять твои колѣни!
Ты видишь, я у ногъ твоихъ, Евгеній!
Скажи, скажи, какой цѣной
Купить мнѣ жизнь?... цѣной мученій?...
Чѣмъ хочешь буду я — твоей рабой...
Я молода, жизнь такъ прекрасна...
О! ты меня спасешь — ты не злодѣй,
Я знаю, жалость есть въ душѣ твоей,
Помучишь и простишь... Напрасно, все напрасно!...
Мнѣ кажется, я чувствую въ груди
Огонь, огонь... О, сжалься, пощади!... (Бросается къ дверямъ)
Сюда, сюда... на помощь!... умираю!...
Ядъ, ядъ! не слышатъ... понимаю!
Ты остороженъ, и никто... нейдутъ...
Но помни, я тебя, жестокій, проклинаю!
И ты придешь на Божій судъ!

Явленіе V

Арбенинъ, Нина и Оленька

Оленька. Я здѣсь! Что̀ съ вами?
Нина. Ахъ! скорѣе, ради Бога!
Покуда время есть! я жить хочу, жить, жить!
Ужели и тебя мнѣ надо такъ молить?...
Оленька. О, что вы сдѣлали?...
Арбенинъ (помолчавъ). Перепугалъ немного!
Хотѣлъ знать правду — и узналъ...
Опомнитесь и встаньте, — я солгалъ;
Я не ношу съ собою яда...
Въ васъ сердце низкаго разряда,
И ваша казнь — не смерть, а стыдъ!
Что вы дрожите? Будьте вновь спокойны,

Вамъ долго жить на свѣтѣ суждено,
И счастье вамъ еще возможно, — но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да! нынѣ чувствую, я старъ,
Измученъ долгою борьбою;
Послѣдній на меня упалъ судьбы ударъ,
И я поникъ покорной головою.
Желаній нѣтъ, надежды нѣтъ,
Я выброшенъ изъ круга жизни шумной,
Съ несносной памятью невозвратимыхъ лѣтъ,
Страдалецъ мрачный и безумной...

(Садится. Входитъ князь съ пистолетами)

Явленіе VI

Арбенинъ, Нина, Оленька, Князь и Казаринъ

Князь. Что это значитъ, смѣю васъ спросить?
Дуэль въ кругу семейства? — очень ново!
Тѣмъ лучше, случая такова
Мнѣ, вѣрно, больше не нажить.

Казаринъ. По чести, странный выборъ секундантовъ!
Гдѣ о дуэли рѣчь, тамъ я въ числѣ педантовъ.

Князь. Мнѣ все равно, безъ дальнихъ словъ.
Вотъ пистолеты, я готовъ...

Арбенинъ (встаетъ и подходитъ къ нему).
День, часъ тому назадъ хотѣлъ я крови, мести.
Защитникъ правъ своихъ и чести,
Съ надеждой трепетной въ груди,
Я думалъ отразить позоръ и обвиненье, —
И я ошибся. Съ глазъ слетѣло заблужденье!
Вы правы, — торжествуйте! Впереди
Васъ ждутъ побѣды славныя, какъ эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье свѣта...
И мало-ль женщинъ есть, во всемъ подобныхъ ей!

Онѣ — того, кто посмѣлѣй!
Смотрите, какъ блѣдна, почти безъ чувства,
А отчего, не отгадаешь вдругъ.
Что это? Стыдъ, раскаянье, искусство?
Ничуть! испугъ, одинъ испугъ!
Ни вы, ни я, мы не имѣли власти
Въ ней поселить хоть искру страсти.
Ея душа безсильна и черства,
Мольбой не тронется, боится лишь угрозы,
Взамѣнъ любви у ней — слова,
Взамѣнъ печали — слезы.
За что-жъ мы будемъ драться? Пусть убьетъ
Одинъ изъ насъ другого, — такъ что-жъ далѣ?
Мы-жъ въ дуракахъ: на первомъ балѣ
Она любовника иль мужа вновь найдетъ.
Теперь стрѣляться вы хотите?
Вотъ грудь моя обнажена, —
Возьмите жизнь мою, возьмите:
Она ни мнѣ, ни міру не нужна.

Казаринъ. Стрѣляйте же скорѣй, скорѣй!

Арбенинъ. Молчите?
Задумались?... и такъ, оставьте насъ!
Мы квиты... (Князь уходитъ)

Явленіе VII

Казаринъ. Обманулъ! еще разъ увернулся!
Скорѣй и мнѣ убраться съ глазъ,
Покуда не очнулся. (Уходитъ)

Арбенинъ. Куда бѣжишь? Постой, постой,
Разсчетъ у насъ не кончился съ тобой. (Послѣ долгаго молчанія)
Я ѣду, Оленька! Прощай!
Будь счастлива, прекрасное созданье,

Душѣ твоей удѣлъ — небесный рай,
Душъ благородныхъ воздаянье;
Какъ утѣшенье, образъ твой
Я унесу въ изгнаніе съ собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущаетъ.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бѣдность вновь тебѣ не угрожаетъ.

Оленька. Вы возвратитесь?...

Арбенинъ. Никогда!

1836 г.

ДВА БРАТА

Драма въ пяти дѣйствіяхъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Сцена I

Дмитрій Петровичъ въ креслахъ, Юрій возлѣ него на стулѣ. Александръ въ сторонѣ стоитъ у стола и перебираетъ бумаги

Дмитрій Петровичъ. — Я думалъ, Юрій, что тебя совсѣмъ ко мнѣ не отпустятъ. Признаюсь, умереть, не видавши тебя, было бы грустно. Я старъ, слабъ, много жилъ, иногда слишкомъ весело, иногда слишкомъ печально... и теперь чувствую, что скоро Богъ призоветъ меня къ себѣ; даже нынче, когда мнѣ объявили о твоемъ пріѣздѣ, то старость напомнила о себѣ... Не знаю, какъ перенесъ я эту послѣднюю радость.

Юрій. — Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не такъ слабы, какъ говорите.

Дмитрій Петровичъ. — А что мудренаго? Александръ, скажи-ка, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ я помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ.

Александръ. — Точно! Вы никогда со мною не были такъ веселы, какъ теперь съ братомъ.

Дмитрій Петровичъ. — Не пеняй, братъ, не пеняй; вѣдь я съ тобой всегда, а его сколько

лѣтъ не видалъ. (Цѣлуетъ его) Ты, Юрій, точно портретъ твоей покойной матери.

Александръ. — Да, вотъ ужъ четыре года, какъ братъ не былъ дома... И самъ онъ много перемѣнился, и здѣсь въ Москвѣ все, кромѣ насъ, перемѣнилось... Я думаю, онъ не узнаетъ княгиню Вѣру.

Юрій. — Какая княгиня?

Дмитрій Петровичъ. — Развѣ не знаешь? Вѣринька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть.

Юрій. — А! такъ она вышла замужъ, и за князя?

Дмитрій Петровичъ. — Какъ же, 3000 душъ, и человѣкъ пречестный, предобрый; они у насъ нанимаютъ бель-этажъ, и сегодня я ихъ звалъ обѣдать.

Юрій. — Князь! и 3000 душъ!... А есть ли у него своя въ придачу?

Дмитрій Петровичъ. — Онъ человѣкъ пречестный и жену обожаетъ, старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, — на другой же день явится у ней на столѣ... Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе.

Александръ. — Батюшка, что прикажете дѣлать съ этими бумагами?

Дмитрій Петровичъ. — Послѣ!... до бумагъ ли мнѣ теперь.

Юрій. — Признаюсь... я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода.

Дмитрій Петровичъ. — Охъ, вы, молодые люди! а вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила

бы безразсудно, если-бъ надѣялась на ребяческую твою склонность.

Юрій. — А!... она сдѣлалась разсудительна.

Александръ (въ нѣкоторомъ волненіи). — Батюшка! повѣренный ждетъ... нужно.

Дмитрій Петровичъ. — А теперь, когда она вышла замужъ... твое самолюбіе тронуто: тебѣ досадно, что она счастлива; это дурно.

Юрій. — Она не можетъ быть счастлива.

Александръ (прерывая). — Батюшка... позвольте... очень нужное дѣло. (Въ сторону) Неужели этотъ разговоръ никогда не кончится?...

Дмитрій Петровичъ. — Я сказалъ тебѣ, что послѣ... Ты вѣчно съ дѣлами; вѣдь видишь, что я говорю серьезно. Нѣтъ, Юрій, это нехорошо. Впрочемъ, ты самъ увидишь, какъ она любитъ мужа.

Юрій. — Не можетъ быть.

Дмитрій Петровичъ. — Всѣ ея родные говорятъ, и она сама.

Юрій. — А я говорю вамъ, батюшка, что я по наслышкѣ ужъ имѣю понятіе о томъ, что такое князь... Она любить его не можетъ.

Александръ. — Она его любитъ страстно.

Дмитрій Петровичъ. — Ну, братецъ, ты объ этомъ судить не можешь. (Юрію) Онъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что, право, я часто желалъ бы лучше, чтобъ онъ былъ вспыльчивъ и вѣтренъ... Вотъ ужъ можно держать пари, что никогда не влюбится и не надѣлаетъ глупостей.

Александръ. — Я остороженъ, батюшка; берегу другихъ и себя.

Дмитрій Петровичъ. — У него всегда готово оправданіе... а тебѣ, Юрій, я долженъ дать

совѣтъ и прошу тебя имѣть, на этотъ разъ хоть, ко мнѣ полную довѣренность. Я старъ, опытенъ и понимаю молодость. Я съ цѣлію завелъ этотъ разговоръ; выслушай: она теперь счастлива, я въ этомъ увѣренъ, но она молода, она тебя любила прежде, и во всякомъ случаѣ ваша встрѣча произведетъ въ ней нѣкоторое волненіе. Если ты не покажешь никакого желанія возвратиться къ прежнему, если ты будешь обращаться съ нею, какъ съ женщиной, которую бы ты встрѣтилъ два раза на балѣ... то, повѣрь, въ скоромъ времени вы оба привыкнете къ мысли, что между вами не должно уже быть ничего общаго; но слушай, Юрій, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить ихъ супружеское счастіе: это удовольствіе низкое, оно отзывается чѣмъ-то похожимъ на зависть... Большая слава обольстить бѣдную, слабую женщину!... Обѣщай мнѣ вести себя благоразумно.

Юрій. — Я обѣщаю не дѣлать перваго шага.

Дмитрій Петровичъ. — Юрій!

Юрій. — Я не обѣщаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрій Петровичъ. — Я прошу тебя!... Ты знаешь, какъ я друженъ съ ея семействомъ.

Слуга (входитъ). — Князь Лиговскій съ княгинею.

Александръ (въ сторону). — Рѣшительная минута.

Юрій. — Батюшка, вы будете мною довольны.

(Входятъ Княгиня и Князь. Княгиня и Юрій медленно раскланялись, наблюдая другъ друга)

Князь. — Дмитрій Петровичъ! честь имѣю васъ поздравить съ пріѣздомъ Юрія Дмитрича. Я думаю, вы очень рады.

Дмитрій Петровичъ. — Благодарю васъ, князь, отъ всей души... Когда вы будете отцомъ, тогда и сами вполнѣ меня поймете.

Князь (съ улыбкою). — Я надѣюсь, что это будетъ скоро. (Вѣра отворачивается; потомъ)

Вѣра. — Monsieur Радинъ! рекомендую вамъ моего мужа, прошу его полюбить.

Юрій. — Я буду стараться, княгиня.

Князь. — А я надѣюсь, что мы сойдемся: я, какъ говорятъ военные, въ полномъ смыслѣ добрый малый.

Юрій. — Увидавъ васъ, князь, я это тотчасъ угадалъ. (Въ сторону) Ея хладнокровіе меня бѣситъ.

Дмитрій Петровичъ. — Княгиня, милости просимъ; князь... (Садятся)

Вѣра. — Какъ вы находите, monsieur Радинъ, я постарѣла?

Юрій. — Въ счастіи не старѣются, княгиня; вы не постарѣли нисколько, хотя перемѣнились.

Дмитрій Петровичъ. Довольны-ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь. — Очень!... прекрасныя комнаты, только довольно странное расположеніе: столько дверей, закоулковъ и лѣстницъ въ задней половинѣ, что я въ первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переѣхалъ и теперь все занимаюсь уборкой комнатъ.

Вѣра. — Ахъ, вообразите, какъ мой Пьеръ милъ!... Сегодня я просыпаюсь, и вдругъ вижу у себя на туалетѣ цѣлую модную лавку... Что-жъ вышло: это все онъ мнѣ подарилъ на новоселье.

Юрій. — Княгиня! это показываетъ, какъ дорого князь цѣнитъ вашу любовь.

Князь. — О, помилуйте! мнѣ такъ пріятно ее тѣшить... за каждую ея ласку я готовъ дать десять тысячъ.

Александръ (въ сторону). — За такую ласку я ужъ отдалъ спокойствіе, теперь отдамъ жизнь.

Князь. — Что вы такъ задумчивы, Александръ Дмитріевичъ? Вчера у насъ вы были гораздо веселѣе.

Вѣра. — Онъ всегда печаленъ, когда другіе веселы.

Александръ. — Если вамъ угодно, я буду веселъ...

Вѣра. — Пожалуйста; это любопытно посмотрѣть.

Александръ. — Что-жъ, извольте. Не разсказать ли, какъ толстая жена откупщика потеряла башмакъ въ собраніи, — это очень смѣшно; но вы такъ добры, что вамъ будетъ жалко. Разсказать, какъ князь Иванъ битыхъ три часа толковалъ мнѣ объ устройствѣ новой водяной мельницы и самъ махалъ руками на подобіе вѣтряной; вы сами видѣли эту картину, и не смѣялись. Повторить, что разсказываетъ онъ про своего дядю, какъ тотъ на 20 году отъ роду получилъ пощечину, 72 года все искалъ своего непріятеля, на 92-мъ нашелъ, замахнулся... и отъ натуги умеръ, — это смѣшно, только когда онъ самъ разсказываетъ. Наконецъ, говорить мнѣ свои глупости, — вы къ нимъ ужъ привыкли, и онѣ мнѣ самому надоѣли больше, чѣмъ кому-нибудь.

Вѣра. — Вы сегодня расположены къ злости.

Александръ. — Право? Ну, такъ оправдаю вашу догадку и разскажу, какъ наша сосѣдка плакала, когда дочь отказала жениху съ милліо-

номъ, потому что онъ только разъ въ недѣлю брѣетъ бороду.

Юрій. — Вотъ ужъ это было бы вовсе не смѣшно, и я бы на ея мѣстѣ слегъ въ постель... Милліонъ! да тутъ не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени: господинъ милліонъ — тутъ все.

Дмитрій Петровичъ. — Полно, Юрій, это слишкомъ по-петербургски.

Юрій. — Батюшка! вездѣ такъ думаютъ, и въ Петербургѣ такъ говорятъ; но повѣрьте мнѣ, женщина, отказавшая милліону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей въ милліонѣ! Наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извиненіе всѣхъ слабостей, недостатковъ, уваженіе, любовь, дружба... Вы скажете: это будетъ все одинъ обманъ; но и безъ того мы вѣчно обмануты, такъ лучше быть обмануту съ милліономъ.

Дмитрій Петровичъ. — Я не полагаю, чтобъ многіе такъ думали.

Юрій. — Я знаю людей, которые поступаютъ по этимъ правиламъ.

Вѣра (въ сторону). — Онъ меня мучитъ. (Громко) Пьеръ, ты хотѣлъ показать Дмитрію Петровичу, какъ убраны наши комнаты, и о чемъ-то съ нимъ переговорить.

Князь. — Ахъ, точно, я имѣю до васъ маленькую просьбу насчетъ условія.

Дмитрій Петровичъ. — Къ вашимъ услугамъ, князь. (Уходятъ. Александръ приближается къ Вѣрѣ и Юрій: съ минуту молчаніе)

Юрій (насмѣшливо). — Да, княгиня, милліонъ вещь ужасная.

(Уходитъ. Она погружена въ задумчивость)

Александръ (беретъ ее за руку). — Вѣра, твой мужъ... всѣ ушли, мы одни... Вотъ ужъ сутки, какъ я жду этой минуты; я видѣлъ по твоему лицу, что ты хочешь мнѣ что-то сказать. О, я читаю въ глазахъ твоихъ, Вѣра! (Она отворачивается) Ты отворачиваешься... конечно, у тебя на душѣ какая-нибудь новая мучительная тайна, — скорѣй, скорѣй влей ее въ мою душу... тамъ много ей подобныхъ, и она съ ними уживется. Какое-нибудь сомнѣніе? Что-жъ! Ты знаешь, какъ искусно я умѣю разрѣшать всѣ сомнѣнія.

Вѣра. — О! я помню.

Александръ. Ты помнишь, сколько мнѣ стоило труда уничтожить твой единственный предразсудокъ, и какъ потомъ ты мнѣ была благодарна, потому что я люблю тебя. Вѣра! люблю больше (чѣмъ) ты можешь вообразить, люблю, какъ человѣкъ, который въ первый разъ любимъ и счастливъ.

Вѣра. — Да, я слишкомъ все это хорошо помню.

Александръ. — Что это? упрекъ? раскаянье?... И отчего же именно теперь, послѣ двухъ лѣтъ?... О, я не хочу угадывать... нѣтъ, это минута неудовольствія; ты чѣмъ-нибудь огорчена... и зная, какъ я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... Хорошо, Вѣра, хорошо, продолжай, — это тебя успокоитъ; я съ радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательствомъ твоей любви.

Вѣра (оборачивается). — Я имѣю до васъ одну просьбу!...

Александръ (отступаетъ шагъ назадъ). — Просьбу? Вы?... А! Это ужъ еще что-то новое... это

холодное вы, послѣ столькихъ клятвъ и увѣреній, послѣ столькихъ доказательствъ искренней нѣжности, похоже на проклятіе. Посмотримъ, сударыня... Прикажите... Вы знаете, что моя жизнь принадлежитъ вамъ, зачѣмъ же тутъ слово: „просьба“. Нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ вашей минутной прихоти.

Вѣра. — О, я не требую никакой жертвы!...

Александръ. — Тѣмъ хуже, Вѣра! большою жертвой я бы могъ доказать тебѣ свою любовь...

Вѣра (въ сторону). — Любовь... это несносно.

Александръ. — Вижу, я начинаю докучать тебѣ; не мудрено. Я глупецъ! Зачѣмъ не употреблялъ я хитрости, чтобъ удержать твое сердце, когда хитростью пріобрѣлъ его?... Но что дѣлать? Я желалъ хоть одинъ разъ попробовать любви искренней, открытой... (Молчаніе) Говорите, что вамъ угодно?

Вѣра. — Я хотѣла васъ просить, чтобъ вы сказали вашему брату...

Александръ. — Брату?

Вѣра (скоро). — Да, скажите ему, что онъ меня чрезвычайно обидѣлъ, намекая на богатство мужа моего... вы сами знаете, отъ того ли я за него вышла... это было безуміе, ошибка... скажите ему, просите его, чтобъ онъ, ради прежней нашей дружбы, не огорчалъ меня болѣе... Если это для васъ не жертва, то прошу васъ сказать ему... (Молчаніе)

Александръ. — Хорошо, Вѣра, я скажу... Но это, вопреки тебѣ, будетъ служить доказательствомъ моей нѣжности болѣе всего на свѣтѣ.

Вѣра (протягивая руку). — О, мой другъ, какъ я тебѣ благодарна!

Александръ. — Нѣтъ, ради Бога, лучше не благодари. (Уходитъ; въ сторону) Конечно, я ничего ему не скажу!...

Вѣра (одна). — Съ нынѣшняго дня я чувствую, что я погибла!... Я не владѣю собой; какой-то злой духъ располагаетъ моими поступками, моими словами.

Князь (высунувшись изъ двери). — Вѣринька, Вѣринька! venez ici, посмотри, какой чудесный трельяжъ у Дмитрія Петровича; завтра же куплю тебѣ такой же точно.

Вѣра (какъ бы проснувшись, встаетъ). — О, Боже! и всю жизнь слышать этотъ голосъ!...

(Конецъ перваго акта)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Сцена I

Въ комнатахъ князя Лиговскаго. Князь и Вѣра

Князь. — Вѣра! посмотри, какъ передѣлали твой брилліантовый фермуаръ.

Вѣра. — Очень мило; но тутъ есть новые камни.

Князь. — Это любезность брилліантщика.

Вѣра. — А! понимаю... ты не хочешь моей благодарности... ты съ каждымъ днемъ дѣлаешься милѣе...

Князь. — Я радъ, что угодилъ тебѣ...

Вѣра (въ сторону). — Угодилъ!... право, другой подумаетъ, что онъ мой управитель.

Князь. — Мнѣ очень понравился второй сынъ Дмитрія Петровича; не знаю, какъ тебѣ.

Вѣра. — Я его давно знаю.

Князь. — Онъ веселаго нрава?

Вѣра. — Слишкомъ веселаго.

Князь. — Признаюсь, я самъ таковъ и люблю посмѣяться, и, право, ты наконецъ надоѣшь мнѣ своей задумчивостью; а вѣдь Юрій Дмитричъ недуренъ; мнѣ выраженіе лица его очень нравится.

Вѣра. — Какая-то насмѣшливая улыбка... я боюсь говорить съ нимъ.

Князь. — Какое предубѣжденіе!... напротивъ, у него въ улыбкѣ-то именно есть что-то доброе, простое... Я его разъ видѣлъ, а ужъ полюбилъ... А ты?...

Слуга (входитъ). — Юрій Дмитричъ Радинъ.

Юрій (входитъ). — Князь, я почелъ обязанностію засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе...

Князь. — Мы съ женой постараемся превратить эту обязанность въ удовольствіе! Прошу садиться... А вы легки на поминѣ, — мы съ женой сейчасъ лишь о васъ говорили, и я ее выведу на свѣжую воду. Вообразите, она утверждаетъ, что у васъ въ лицѣ есть что-то ядовитое, злое...

Юрій. — Можетъ-быть, княгиня права: несчастіе дѣлаетъ злымъ.

Князь. — Ха-ха-ха! Какимъ у васъ быть несчастіямъ? — вы такъ молоды.

Юрій. — Князь! вы удивляетесь, потому что слишкомъ счастливы сами.

Князь. — Слишкомъ! О, да это въ самомъ дѣлѣ колкость, — я начинаю вѣрить женѣ.

Юрій. — Вѣрьте, прошу васъ, вѣрьте, — княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вѣра (быстро прерываетъ его). — Скажите: вы прямо къ намъ или были ужъ гдѣ-нибудь?

Юрій. — Я сегодня сдѣлалъ нѣсколько визитовъ... и одинъ очень интересный. Я былъ такъ

взволнованъ, что сердце и теперь у меня еще бьется, какъ молотокъ...

Вѣра. Взволнованы?...

Князь. — Вѣрно, встрѣча съ персоной, которую встарину обожали? Это вѣчная исторія военной молодежи, пріѣзжающей въ отпускъ.

Юрій. — Вы правы, — я видѣлъ дѣвушку, въ которую былъ прежде влюбленъ до безумія.

Вѣра (разсѣянно). — А теперь?

Юрій. — Извините, это моя тайна; остальное, если угодно, разскажу...

Князь. — Пожалуйста; писаныхъ романовъ я не терплю, а до настоящихъ страстный охотникъ.

Юрій. — Я очень радъ; мнѣ хочется также при комъ-нибудь облегчить душу. Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой я хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы портретомъ; имя же для меня трудно произнесть.

Князь. — Вѣрно, очень романическое?

Юрій. — Не знаю; но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ молитву; оно моя собственность, я его храню, какъ образъ — благословеніе матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ могилы Пророка.

Вѣра. — Вы очень краснорѣчивы.

Юрій. — Тѣмъ лучше. Но слушайте. Съ самаго начала нашего знакомства я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ ней, сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ пріятно — и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую-то пылкость, твердость и благородство, рѣдко замѣтныя въ нашихъ женщинахъ; однимъ словомъ, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки, — много ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?... Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею; вокругъ нея былъ какой-то волшебный очеркъ; вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ; она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь, я предался ей, какъ судьбѣ; она не требовала ни обѣщаній, ни клятвъ, когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо, но сама клялась любить меня вѣчно. Мы разстались; она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни, — я одинъ зналъ причину... Я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя, — я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоцѣнное чувство слѣдовало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забыться на мгновенье; но послѣ первой вспышки я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ, — ни одна меня не привязала. И вотъ, наконецъ, я вернулся на родину...

Князь. — Завязка романа очень обыкновенна.

Юрій. — Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ, — я проглотилъ свое бѣшенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что́ происходило здѣсь.

Князь. — Что-жъ? нельзя было ей ждать васъ вѣчно.

Юрій. — Я ничего не требовалъ, обѣщанія ея были произвольны.

Князь. — Вѣтренность, молодость, неопытность; ее надо простить.

Юрій. — Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

Княгиня (дрожащимъ голосомъ). — Извините, — но, можетъ быть, она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

Юрій. — Онъ старъ и глупъ.

Князь. — Ну, такъ очень богатъ и знатенъ?

Юрій. — Да.

Князь. — Помилуйте, да это нынче главное! ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

Юрій (подумавъ). — Съ этимъ не спорю.

Князь. — На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то, вѣроятно, она васъ еще любитъ.

Вѣра (быстро). — Не можетъ быть.

Юрій (пристально взглянувъ на нее). — Извините, княгиня! теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. (Хочетъ итти)

Князь. — Куда вы?

Юрій. — Куда-нибудь.

Князь. — Поѣдемте вмѣстѣ на Кузнецкій. (Два слова на ухо)

Юрій. — Извольте, куда хотите. (Выходятъ)

Князь. — Прощай, Вѣринька. (Идетъ и въ две-

ряхъ встрѣчаетъ Александра) Извините, Александръ Дмитричъ, — а вотъ жена цѣлое утро дома. (Уходитъ)

(Александръ входитъ медленно, смотритъ то на нихъ, то на Вѣру. Вѣра, опрокинувъ голову на спинку стула, закрыла лицо руками)

Александръ (про себя). — Онъ былъ здѣсь, она въ отчаяніи. (Глухо) Я погибъ.

Вѣра (открывъ глаза). — А! опять передо мною.

Александръ. — Опять и всегда, какъ жертва, на которую ты можешь излить свою досаду; какъ другъ, которому ты можешь ввѣрить печаль; какъ рабъ, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вѣра. — О, поди, оставь меня... Ты живой упрекъ, живое раскаянье; я хотѣла молиться, — теперь не могу молиться.

Александръ. — Если-бъ я умѣлъ молиться, Вѣра, то призвалъ бы на твою голову благодать Бога Вѣчнаго... но, ты знаешь, я умѣю только любить.

Вѣра. — Я ничего не знаю... Уйди, ради неба, уйди.

Александръ. — Ты меня не любишь.

Вѣра. — Я тебя ненавижу.

Александръ. — Хорошо!... Это немножко легче равнодушія... За что же меня ненавидѣть?... за что?... Говори, за что?...

Вѣра. — О, ты нынче недогадливъ... Ты не понимаешь, что послѣ проступка можетъ оставаться въ сердцѣ женщины искра добродѣтели; ты не понимаешь, какъ ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не смѣть объ этомъ думать, не смѣть дать себѣ этого имени...

Александръ. — Да, понимаю! несносно для самолюбія.

Вѣра. — Если-бъ не ты, не твое адское искусство, если-бъ не твои ядовитыя рѣчи, я бы могла еще требовать уваженія мужа и, по крайней мѣрѣ, смѣло смотрѣть ему въ глаза.

Александръ. — И смѣло любить другого...

Вѣра (испугавшись). — Нѣтъ, неправда, неправда! такая мысль не приходила мнѣ въ голову.

Александръ. — Къ чему запираться? Я не мужъ твой, Вѣра; не имѣю никакихъ правъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ любовь твою... И что-жъ мнѣ удивляться!... Я третій, которому ты измѣняешь; современемъ будетъ и двадцатый!... Если ты почитаешь себя преступной, то преступленія твои не любовь ко мнѣ, а замужество — союзъ неровный, противный законамъ природы и нравственности... Признайся же мнѣ, Вѣра: ты снова любишь моего брата?

Вѣра. — Нѣтъ, нѣтъ!

Александръ. — Если хочешь, то я уступлю тебя брату; стану издали, украдкой смотрѣть на ваши свѣжія ласки и стану думать про себя: такъ точно и я былъ счастливъ... очень недавно...

Вѣра. — Да ты мучитель... палачъ... И я должна терпѣть!

Александръ. — Я палачъ? Я, самый снисходительный изъ любовниковъ!... я, готовый быть твоимъ безмолвнымъ повѣреннымъ, — плати только мнѣ по одной ласковой улыбкѣ въ день!... Многіе платятъ дороже, Вѣра.

Вѣра. — О, лучше убей меня!

Александръ. — Дитя, развѣ я похожъ на убійцу?...

Вѣра. — Ты хуже!

Александръ. — Да! такова была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали, — и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство, — я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли, — я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ, я чувствовалъ себя выше его, — меня ставили ниже, я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, меня никто не любилъ, — и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго, — меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни, — а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы... Въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе: я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ... и для этого избралъ тебя!....

Вѣра (смотря на него пристально). — О, Боже!... И ты надо мной не сжалился...

Александръ. — Богъ меня послалъ къ тебѣ, какъ необходимое въ жизни несчастіе; но для меня ты была ангеломъ-спасителемъ. Когда я увидалъ возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствій; всей силой неутомимой воли, всей силой отчаянья я уцѣпился

за эту райскую мысль... Всѣ средства были хороши; я, кажется, сдѣлалъ бы самую неслыханную низость, чтобъ достигнуть моей цѣли... Но вспомни, вспомни, Вѣра, что я погибалъ... Нѣтъ, я не обманулъ, не обольстилъ тебя, — нѣтъ, было написано въ книгѣ судьбы, что я не совсѣмъ еще погибну!... Да, ты меня любила, Вѣра! Никто на свѣтѣ меня не разувѣритъ, никто не вырветъ у меня изъ души воспоминаній о моемъ единственномъ блаженствѣ! О, какъ оно было полно, восхитительно, необъятно... Видишь, видишь слезы... Не изобрѣтено еще муки, которая бы вырвала такую каплю изъ глазъ моихъ... а теперь плачу, какъ ребенокъ, плачу... когда вспомнилъ, что былъ одинъ разъ въ жизни счастливъ... (Упадаетъ на колѣна и хватаетъ ея руки) О, позволь, позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, плакать.

В ѣ р а. — Послушай, Александръ, послушай... что же мнѣ дѣлать?... Мнѣ жаль, но я не люблю тебя; не могу, не могу больше любить... Я всегда ошибалась: мы не созданы другъ для друга... Что же мнѣ дѣлать?... (Александръ встаетъ) Послушай, забудь, оставь меня... Или нѣтъ, я уѣду далеко, далеко... Не обращай на меня вниманія: я не ангелъ, я слабая, безумная женщина... я себя не понимаю... я тебя боюсь! Презирай меня, если тебѣ отъ этого будетъ легче, но оставь, не мучь...

А л е к с а н д р ъ. — Хорошо, хорошо, Вѣра. Я тебя оставлю, — ты меня не увидишь... Но я, моя мысль, мой взоръ, мой слухъ будутъ вѣчно съ тобой; когда ты будешь весела и довольна, то я объ себѣ не напомню, но въ минуты печали я буду тебѣ являться, и ты утѣшишься, видя, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который несчастнѣе тебя!

Вѣра. Но зачѣмъ же, зачѣмъ?... Попробуй полюбить другую... Я знаю много женщинъ, которымъ ты нравишься... А меня оставь жить, какъ судьбѣ угодно!... Что можетъ быть между нами общаго безъ любви!... Я тебя прощаю, прощаю отъ всего сердца.

Александръ. — Какое великодушіе!

Вѣра. — Обѣщаюсь забыть всѣ мученія, которымъ ты былъ причиной.

Александръ. — И ты думаешь обмануть меня? И ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю въ глубинѣ души твоей? Меня обмануть? Да знаешь ли, что это почти невозможно... Ты выбрала минуту слабости, ты думала, что слезы помѣшаютъ мнѣ видѣть всю тонкость твоего намѣренія! Я знаю, что ты хочешь избавиться отъ моего надзора, какъ отъ любви моей, чтобъ на свободѣ отдать мое мѣсто другому... Эта мысль еще не развилась въ умѣ твоемъ, ты говоришь по какому-то невольному побужденію... но я вижу эту мысль во всей ея ужасной наготѣ... и этого не будетъ!... Нѣтъ, что хоть разъ мнѣ принадлежало, то не должно радовать другого... А этотъ другой — мой братъ Юрій. Слышишь ли, я и это знаю.

Вѣра (съ гордостью). — Такое подозрѣніе слишкомъ обидно... Съ сей минуты мы чужды другъ другу... Прощайте, я васъ не знаю... позволяю вамъ мстить всѣми возможными, даже низкими средствами.

Александръ. — Какъ? неужели и ты, и ты не нашла въ душѣ моей ничего благороднаго?...

Вѣра. — Не знаю.

Александръ. — О!

Вѣра. — Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру. (Упадаетъ на кресла)

Александръ. — Я иду... Только онъ никогда не будетъ твоимъ, никогда! (Подойдя къ двери, оборачиваясь) Слышишь ли: никогда!

(Конецъ второго акта)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I

Дмитрій Петровичъ входитъ. Александръ его ведетъ подъ руку и сажаетъ

Александръ. — Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Старость, братъ, старость, — пора убираться... Да, ты что-то мнѣ хотѣлъ сказать.

Александръ. — Да, точно... есть одно дѣло, о которомъ я непремѣнно долженъ съ вами поговорить.

Дмитрій Петровичъ. — Это, вѣрно, насчетъ процентовъ въ опекунскій совѣтъ... Да не знаю, есть ли у меня деньги...

Александръ. — Въ этомъ случаѣ деньги не помогутъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Что же такое?

Александръ. — Это касается брата...

Дмитрій Петровичъ. — Что такое съ Юринькой случилось?

Александръ. — Не пугайтесь, онъ здоровъ и веселъ.

Дмитрій Петровичъ. — Не проигрался ли онъ?

Александръ. — О, нѣтъ!

Дмитрій Петровичъ. — Послушай... если ты мнѣ скажешь про него что-нибудь дурное, такъ объявляю заранѣ... я не повѣрю... Я знаю, ты его не любишь!

Александръ. — Итакъ, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дмитрій Петровичъ. — Ты во всѣхъ предполагаешь дурное.

Александръ. — Я молчу, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Видно, я правду говорю, коли ты не смѣешь и защищаться!...

Александръ. — Я чувствую, что человѣку не дано силы противиться судьбѣ своей!...

Дмитрій Петровичъ. — Ты меня выведешь изъ терпѣнія... Ну, скажи что ли скорѣе, что ты еще открылъ, въ чемъ предостерегать?

Александръ. — Юрій влюбленъ въ княгиню Вѣру.

Дмитрій Петровичъ. — Да, я самъ подозрѣваю, что онъ не совсѣмъ ее забылъ... а она?

Александръ. — Она его любитъ страстно; о, я это знаю... я имѣю доказательства... я вамъ клянусь честью... Спасите хоть ее... еще два, три дня... и она не будетъ въ силахъ ни въ чемъ противиться... Вы до этого не допустите брата.

Дмитрій Петровичъ. — Да, да, это нехорошо... Но Юрій не захочетъ, не рѣшится.

Александръ. — А минута страсти, самозабвенія?... одна минута!

Дмитрій Петровичъ. — Это нехорошо... Ты правъ. Благодарю, что сказалъ... Да что же дѣлать? Поговорить развѣ Юрію...

Александръ. — О, это хуже всего... Онъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ... Надо, чтобъ князь

уѣхалъ. Потомъ брату кончится отпускъ... И они никогда, по крайней мѣрѣ долго, не увидятся.

Дмитрій Петровичъ. — Бѣдная женщина!...

Александръ. — О, если-бъ вы видѣли, какъ она страдаетъ въ борьбѣ съ собою! Но я ее знаю, — еще нѣсколько дней... и она погибнетъ...

Дмитрій Петровичъ. — Я хвалю тебя, Александръ! Ты всегда былъ строгихъ правилъ, хотя не очень чувствителенъ... Но какъ же быть?

Александръ. — Предупредить князя! сказать ему просто!...

Дмитрій Петровичъ. — Разсорить его съ женой?

Александръ. — Онъ благоразумный и добрый человѣкъ. Скажите ему только, что Юрій влюбленъ въ княгиню... Это вашъ долгъ, долгъ отца и честнаго человѣка. Объясните ему, что вы ни мало не подозрѣваете его жены, но, что, живя въ одномъ домѣ, ея репутація можетъ пострадать; братъ можетъ проболтаться, похвастаться двусмысленнымъ образомъ изъ самолюбія... Мало ли?... Однимъ словомъ, князь долженъ уѣхать.

Слуга (входитъ). — Князь Лиговскій.

Дмитрій Петровичъ. — Надо подумать... Какъ же такъ опрометчиво поступать, — надо бы подумать.

Александръ. — Минуты дороги... Вы видите, сама судьба его вамъ посылаетъ. (Входитъ князь)

Князь. — А я сейчасъ съ Кузнецкаго моста, покупалъ все женѣ наряды къ празднику... Столько хлопотъ, что ужасть... Вотъ эти молодые люди не знаютъ, что такое жениться.

Дмитрій Петровичъ. — Пріятно со стороны смотрѣть, какъ вы любите вашу супругу, князь.

Князь. — Я жену очень люблю. Однако, видите, я со всѣмъ тѣмъ мужъ благоразумный, — хочу, чтобъ меня слушались, и въ случаѣ нужды имѣю твердость; о, я очень твердъ! — Какъ вы нынче въ своемъ здоровьѣ?

Дмитрій Петровичъ. — Благодарю... Я нынче что-то слабъ и къ тому же разстроенъ... Охъ, дѣти, дѣти!

Князь. — Разстроены... Помилуйте, вы, кажется, такъ счастливы дѣтьми.

Дмитрій Петровичъ. — Это правда... Но иногда и самыя лучшія дѣти дѣлаютъ глупости.

Князь. — Да помилуйте!... вы несправедливы. Какія же глупости? Но извините, это слишкомъ нескромно...

Дмитрій Петровичъ. — Ничего, князь, напротивъ... Это дѣло даже больше касается до васъ, нежели до меня.

(Александръ дѣлаетъ знакъ отцу и уходитъ)

Князь. — До меня?...

Дмитрій Петровичъ. — Мой долгъ повелѣваетъ мнѣ сказать... Но я не знаю, какъ рѣшиться.

Князь. — Развѣ это что-нибудь...

Дмитрій Петровичъ. — Вотъ видите, я не знаю, какъ вы примете.

Князь. — Да развѣ?

Дмитрій Петровичъ. — Успокойтесь, это еще не опасно.

Князь. — Слава Богу... Такъ еще не опасно?... Уфъ!

Дмитрій Петровичъ. — Мой сынъ Юрій...

Князь. — Юрій Дмитричъ? Онъ со мной никакихъ не имѣлъ сношеній!...

Дмитрій Петровичъ. — Я не говорю, чтобъ онъ имѣлъ сношеніе съ вами или съ кѣмъ-нибудь изъ вашего дома... Но ваша жена... еще до замужества... ея красота, любезность...

Князь. — Вотъ видите, Дмитрій Петровичъ... Я этихъ достоинствъ еще самъ въ ней хорошенько не разсмотрѣлъ... Не потому говорю такъ, что она моя жена, — но вѣдь я не поэтъ! О, вовсе не поэтъ! Я женился потому, что надо было жениться, женился на ней потому, что она показалась мнѣ добраго и тихаго нрава; люблю ее потому, что надобно любить жену, чтобъ быть счастливу... Я васъ прервалъ; пожалуйста, продолжайте!

Дмитрій Петровичъ. — Это не такъ легко, князь.

Князь. — Прошу васъ, для меня себя не принуждайте.

Дмитрій Петровичъ. — Однимъ словомъ, мой сынъ Юрій былъ влюбленъ въ вашу супругу до ея замужества и, кажется, былъ нѣсколько ей пріятенъ.

Князь. — О, я увѣренъ, что теперь эта страсть прошла.

Дмитрій Петровичъ. — Къ сожалѣнію, не прошла... со стороны моего сына.

Князь. — Тѣмъ хуже для него!

Дмитрій Петровичъ. — Я боялся, чтобъ это и вамъ было непріятно, и по долгу честнаго человѣка рѣшился васъ предупредить, на всякій случай...

Князь. — Лишь бы жена была мнѣ вѣрна, больше я и знать не хочу!

Дмитрій Петровичъ. — Я не сомнѣваюсь въ добродѣтели княгини.

Князь. — И я также.

Дмитрій Петровичъ (со вздохомъ). — Вы очень счастливы...

Князь. — Не спорю-съ. (Вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, хватаетъ себя за голову и вскакиваетъ) О, я дуракъ! о, я пошлая дурачина!.. о, глупая ослиная голова!... Вы правы, а я дубина! Теперь вспомнилъ... О, пошлая недогадливость! Теперь понимаю... понимаю этотъ анекдотъ!... все было на мой счетъ сказано, а я, сумасшедшій, ему же совѣтую волочиться за моей женой... А ея смущеніе... Вѣдь надо было мнѣ жениться въ 42 года!... съ моимъ добрымъ, простосердечнымъ нравомъ — жениться?!...

Дмитрій Петровичъ. — Успокойтесь, прошу васъ, — все еще поправить можно.

Князь. — Нѣтъ, никогда не успокоюсь. (Садится)

Дмитрій Петровичъ. — Я вамъ это сказалъ по долгу честнаго человѣка и потому, что знаю сына: онъ легко можетъ надѣлать глупостей и невиннымъ образомъ въ свѣтѣ компрометировать княгиню; притомъ она молода, можетъ завлечься невольно; скажутъ, что, живя въ одномъ домѣ...

Князь. — Вы правы... Посудите теперь, — ну, не несчастнѣйшій ли я человѣкъ въ мірѣ!

Дмитрій Петровичъ. — Утѣшьтесь... Я очень понимаю ваше положеніе; но что же дѣлать!...

Князь. — Что дѣлать? — Вотъ видите, я чело-

вѣкъ рѣшительный: завтра же уѣду изъ Москвы въ деревню, нынче же велю все готовить.

Дмитрій Петровичъ. — Это самое лучшее средство, самое вѣрное: тихо, безъ шуму.

Князь. — Да, тихо, безъ шуму!... Уѣхать изъ Москвы зимой, наканунѣ праздниковъ... вотъ женщины! О, женщины! Прощайте, Дмитрій Петровичъ, прощайте! о, вы увидите, что я человѣкъ рѣшительный!

Дмитрій Петровичъ. — Не взыщите, я говорилъ отъ сердца, князь, по-стариковски; притомъ я всегда былъ строгихъ правилъ... (Хочетъ встать)

Князь. — Не безпокойтесь... Вы истинный мой другъ... Прощайте! О, я человѣкъ рѣшительный... (Уходитъ)

Дмитрій Петровичъ. — Ну, слава Богу, съ плечъ долой, — все уладилъ. Охъ, дѣти, дѣти!...

(Юрій входитъ и хохочетъ во все горло)

Юрій. — Вообразите, ха, ха, ха, ха!... Нѣтъ, я вѣкъ этого не забуду... Князь... ха, ха, ха!... Я подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь! что новаго?... А онъ... ха, ха, ха! скорчилъ кошачью мину и руку положилъ въ карманъ: „Ничего-съ, къ несчастію, все старое“... Потомъ шагъ назадъ и сталъ въ позицію... Я скорѣй бѣжать, чтобъ не фыркнуть ему въ глаза... Не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрій Петровичъ. — А ты хочешь волочиться за женой, и чтобъ мужъ тебѣ въ ноги кланялся? Кабы въ наше время, такъ ему бы надо тебя не такъ еще проучить.

Юрій (серьезно). — Я волочусь за его женой? Кто ему это сказалъ?

Дмитрій Петровичъ. — Ну, вѣдь признайся: ты въ нее влюбленъ?

Юрій. — Онъ о прежнемъ ничего не знаетъ и слишкомъ глупъ, чтобъ теперь догадаться.

Дмитрій Петровичъ. — Долгъ всякаго честнаго человѣка былъ ему сказать.

Юрій. — А позвольте. кто-жъ этотъ черезчуръ честный человѣкъ?

Дмитрій Петровичъ. — А если-бъ даже я?...

Юрій. — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ. — Да, я не терплю безнравственности, безпутства... Въ мои лѣта трудно смотрѣть на такія вещи и молчать... Хорошій отецъ долженъ удерживать сына отъ безчестныхъ поступковъ, а если сынъ его не слушаетъ, то мѣшать ему всѣми средствами.

Юрій. — А, такъ вы ему сказали?...

Дмитрій Петровичъ. — Да, не прогнѣвайся, и князь завтра же увозитъ жену въ деревню.

Юрій. — О! это нестерпимо!

Дмитрій Петровичъ. — Вздоръ, вздоръ!... Что такое за упрямство?... будто нѣтъ другихъ женщинъ.

Юрій. — Для меня нѣтъ другихъ женщинъ... Я хочу, хочу... Да знаете ли, батюшка, что это ужасно... Кто вамъ внушилъ эту адскую мысль?

Дмитрій Петровичъ. — Кто внушилъ?... И ты смѣешь это говорить отцу? и какому отцу! который тебя любитъ больше жизни, тобою только и дышитъ... Вотъ благодарность! Развѣ я такъ ужъ старъ, такъ глупъ, что не вижу самъ, что дурно, что хорошо?... Нѣтъ, никогда не допущу тебя сдѣ-

лать дурное дѣло; опомнишься, — самъ будешь благодаренъ и попросишь прощенія!

Юрій. — Никогда! Прощенія!... Мнѣ еще васъ благодарить?! За что? Вы мнѣ дали жизнь, а теперь ее отняли, — на что мнѣ жизнь?... Я не могу жить безъ нея... нѣтъ, я вамъ никогда не извиню этого поступка...

Дмитрій Петровичъ. — Юрій, Юрій! подумай, что ты говоришь.

Юрій. — Я не уступлю. Борьба начинается, — я радъ, очень радъ! Посмотримъ! всѣ противъ меня, и я противъ всѣхъ!...

Дмитрій Петровичъ. — Сжалься, Юрій, надъ старикомъ, — ты меня убиваешь.

Юрій. — А вы надо мной сжалились? Вы пошутили... милая шутка!

Дмитрій Петровичъ. — О, ради Бога, перестань!

Юрій. — Князь завтра ѣдетъ, а нынче Вѣра будетъ моя. (Идетъ къ столу)

Дмитрій Петровичъ. — Александръ! Александръ! Онъ убилъ меня... мнѣ дурно! (Александръ вбѣгаетъ, поднимаетъ и ведетъ его подъ руку) Онъ злодѣй — онъ убилъ меня!

Юрій (одинъ). — Нынче она будетъ моя, нынче или никогда... Они хотятъ у меня ее вырвать... Развѣ я даромъ три года думалъ о ней день и ночь? Три года сожалѣній, надеждъ, недоспанныхъ ночей; три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, неизлечимой, — и послѣ этого я ее отдамъ безъ спору, и въ ту самую минуту, когда я на краю блаженства. Да какъ же это возможно! (Пишетъ записку и складываетъ) Кажется, такъ оно удастся. (Отворяетъ дверь и кличетъ) Ванюшка! (Входитъ молодой

лакей въ военной ливреѣ) Послушай, отъ твоего искусства теперь зависитъ жизнь моя.

Ванюшка. — Вы знаете, сударь, что я вамъ всѣми силами радъ служить.

Юрій. — Когда ты сдѣлаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка. — Слушаю-съ.

Юрій. — Если же нѣтъ, — ты погибъ!

Ванюшка. — Слушаю-съ.

Юрій. — Видишь эту записку? Черезъ часъ, никакъ не позже, она должна быть въ рукахъ у княгини Лиговской. (Александръ показывается въ другой двери)

Ванюшка. — Помилуйте, сударь, да это самое пустое дѣло. Я познакомился ужъ съ ея горничною; а у насъ въ пустой половинѣ такіе закоулки, что можно вездѣ пройти днемъ такъ же безопасно, какъ ночью...

Юрій. — Я на тебя надѣюсь. Только, смотри, не позже, какъ черезъ часъ. (Уходитъ)

Ванюшка. — Черезъ пять минутъ, сударь... (Про себя) Мы съ бариномъ видно не промахи: четыре дня какъ здѣсь, а ужъ дѣла много сдѣлали. (Хочетъ итти)

Александръ (подкрался сзади и схватываетъ его за руку) — Постой!

Ванюшка (испуганный). — Что это вы, баринъ!

Александръ. — У тебя вотъ въ этой рукѣ записка...

Ванюшка. — Никакъ нѣтъ-съ.

Александръ (хочетъ взять). — А вотъ увидимъ.

Ванюшка. — Я закричу-съ, вашъ братецъ услышитъ!

Александръ (въ сторону). — Попробую другой способъ! (Ему) Видишь вотъ этотъ кошелекъ, въ немъ 20 червонцевъ; они твои, если ты дашь мнѣ ее прочесть, — такъ, изъ любопытства.

Ванюшка. — Только никому сами не извольте сказывать.

Александръ. — Я буду молчаливъ, какъ могила. (Высыпаетъ деньги въ руки)

Ванюшка. — А если изорвете, сударь, такъ я скажу своему барину.

Александръ (про себя). — Я умру, а не уступлю ему эту женщину!... (Читаетъ) „Вашъ мужъ все знаетъ... Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, вы меня любите, — въ этомъ я также увѣренъ... Сегодня вечеромъ, въ 12 часовъ, я долженъ съ вами говорить; будьте въ этотъ часъ въ большой залѣ пустой части дома; вы спуститесь по круглой лѣстницѣ и пройдете черезъ коридоръ. Если черезъ два часа я не получу желаемаго отвѣта, то иду къ вашему мужу, заставляю его драться и, надѣюсь, убью. Въ этомъ клянусь вамъ честію... Ничто его не спасетъ, въ случаѣ вашего отказа. Выбирайте". — А искусно написано!...

Ванюшка. — Пожалуйте, сударь, записку; мнѣ пора.

Александръ. — А если я ее изорву, — говори, что ты хочешь за это? Все, что попросишь... Тысячу, двѣ?...

Ванюшка. — И милліона не надобно-съ.

Александръ. — Я тебя умоляю!...

Ванюшка. — Вотъ видите, сударь, мнѣ велѣно ее отнести, и я отнесу; о томъ, чтобъ ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вамъ показалъ.

Александръ (подумавъ). — Хорошо, отнеси ее! (Слуга уходитъ) (Про себя) Я все-таки найду средство имъ помѣшать.

(Конецъ третьяго акта)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

Большая заброшенная комната; развалившійся каминъ; съ лѣвой стороны виденъ коридоръ, освѣщенный въ окна луной, въ коридоръ спускается лѣстница; направо двѣ ступени и дверь, а въ серединѣ стеклянная дверь на балконъ. Лунное освѣщеніе

Александръ (входитъ съ правой стороны изъ двери и запираетъ ее ключемъ; онъ въ широкомъ плащѣ). — Хоть старъ замкъ, а не скоро его сломаешь... и покуда я здѣсь царь!... Жалкая власть! жалкое удовольствіе, украденное изъ рукъ судьбы... и горькое, какъ хлѣбъ нищаго. Зато я, по крайней мѣрѣ, хотя противъ ея воли, но еще разъ прижму ее къ груди своей: мой огненный поцѣлуй, какъ печать, останется на устахъ ея, и она будетъ мучиться этой мыслью. Оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ были счастливы, вмѣстѣ и страдать! Въ темнотѣ, подъ этимъ плащемъ она не скоро меня узнаетъ! Можетъ-быть, даже вѣроятно, что мнѣ удастся подъ чужимъ именемъ выманить два-три ласковыя слова... О! какой ангелъ внушилъ мнѣ эту мысль! Богъ, видимо, хочетъ вознаградить меня за 30-лѣтнія муки, за 30 лѣтъ жизни пустой и напрасной. (Задумывается). Да, мнѣ 30 лѣтъ... что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?... Говорятъ, что я эгоистъ, — итакъ, я жилъ для себя?... Нѣтъ, я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ насла-

жденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ? — Также нѣтъ: я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ; одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе. И потомъ одинъ разъ встрѣтить что-то похожее на любовь — одинъ только разъ — и тутъ видѣть, знать, что я обязанъ этимъ искусству, случаю, даже, можетъ быть, лишней чашкѣ шоколаду... Наконецъ, противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, потерять все и остаться опять одному съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы. (Ходитъ взадъ и впередъ) Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю въ душѣ своей, какъ въ открытой книгѣ? Отчего самыя обыкновенныя чувства у меня такъ мертвы? Отчего теперь, въ самую рѣшительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, умъ свѣжъ, голова холодна?... Я, право, кажется, могъ бы теперь съ любымъ глупцомъ говорить битый часъ о погодѣ. Видно, я такъ созданъ, видно, недостаетъ какой-нибудь звучной струны въ моемъ сердцѣ... О! лучше бы ужъ я родился слѣпъ, глухъ и нѣмъ... обо мнѣ бы, по крайней мѣрѣ, сожалѣли. (Вѣра показывается на лѣстницѣ) Это она... такъ точно; теперь я долженъ призвать на помощь всю свою твердость.

Вѣра. — Его еще нѣтъ... темно, страшно... Боже! какъ я могла рѣшиться... Ну что-жъ дѣлать? — я его знаю — онъ сдержалъ бы свое обѣщаніе у меня сердце бьется какъ молотокъ. Шорохъ.. О, кто это?... Юрій!...

Александръ (беретъ ее за руку). — Это я!...

Вѣра. — Довольны ли вы?... Что можетъ сдѣлать женщина больше?... но это дурно, дурно принудить меня такимъ средствомъ.

Александръ. — Я также выбралъ между жизнью и смертью.

Вѣра. — Рѣшившись вамъ повиноваться, я рѣшилась также васъ забыть...

Александръ (хочетъ ее обнять). — О, это женская хитрость!

Вѣра. — Нѣтъ... нѣтъ! я вамъ скажу также, что я люблю васъ.

Александръ. — Меня одного?

Вѣра. — Одного, клянусь небомъ! Я могла заблуждаться, но теперь чувствую, что сердце мое никогда не измѣнялось. (Александръ вздыхаетъ) Однако, несмотря на это, мы должны разстаться навсегда... Мнѣ трудно такъ же, какъ и вамъ, объ этомъ думать; но теперь мы будемъ благоразумнѣе, чѣмъ въ минуту первой разлуки нашей; я ужъ не могу быть счастлива, но спокойствіе для меня еще возможно, — оставьте мнѣ хоть это!

Александръ. — У меня и этого не останется.

Вѣра. — Вѣрьте мнѣ: женщина благородная можетъ на минуту забыть свой долгъ, но всегда приходитъ время, когда она чувствуетъ, что должна возвратиться къ нему; время это для меня настало. Никакое искусство, никакія угрозы не поколеблютъ моей твердости. Юрій! дайте мнѣ руку, обѣщайте, какъ другу, какъ женщинѣ, которой постоянной мыслью были вы, — обѣщайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину отъ ея обязанностей. Это ужасно, Юрій!... Это иногда хуже убійства.

Александръ. — О, молю, одинъ прощальный поцѣлуй!

Вѣра. — Нѣтъ, разстанемся друзьями, — зачѣмъ такое испытаніе?

Александръ. — Я буду покоренъ во всемъ, — только одинъ поцѣлуй... ты непремѣнно должна, непремѣнно... Одинъ, только одинъ... и потомъ пусть между нами обрушится вѣчность. (Увлекаетъ и цѣлуетъ ее; лучъ мѣсячный упадаетъ на его лицо, и она узнаетъ... вскрикиваетъ громко)

Вѣра. — О! опять онъ, опять!

Александръ. — Я ужъ сказалъ тебѣ: опять и всегда, — никто не займетъ моего мѣста.

Вѣра. — Это обманъ неслыханный! Пусти, пусти мнѣ руку... Я къ тебѣ чувствую отвращеніе!...

Александръ. — Знаю, знаю все; но ты не уйдешь отсюда... И ты подумала, что я не останусь вѣренъ своей клятвѣ?... Да, я здѣсь, а твой страстный любовникъ сидитъ крѣпко за двумя замками... Видишь эту дверь, за нею еще дверь: онѣ обѣ заперты... Онъ долженъ сломать замки... Можетъ-быть, это ему и удастся... Но тогда онъ увидитъ тебя въ моихъ объятіяхъ...

Вѣра. — Боже мой, Боже мой! я должна была знать, что онъ на все способенъ!

Александръ. — Ха, ха, ха! развѣ ты этого прежде не знала? Развѣ годъ тому назадъ, когда ты въ упоеніи страсти лежала въ моихъ объятіяхъ, когда твои поцѣлуи горѣли на губахъ моихъ, развѣ тогда еще я не предварялъ тебя? Развѣ я не говорилъ: Вѣра, ты любишь человѣка ужаснаго, который не имѣетъ ничего святого, кромѣ тебя, и то пока онъ любимъ, человѣка съ душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничѣмъ не

дорожитъ. Развѣ я не говорилъ: берегись, ты будешь раскаиваться... Но ты не вѣрила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу... Мнѣ шутить въ такія минуты! — Ты думала, что я все это говорилъ, чтобъ показаться интереснымъ, удивить тебя, что я, слѣдуя модѣ, фанфаронъ порока и эгоизма; ты даже хотѣла меня увѣрить, что я почти ангелъ доброты... потому что тогда кровь волновалась въ твоихъ жилахъ, тебѣ нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нѣжность, покуда, на время, до появленія другого, достойнѣйшаго... Не дрожи, не поднимай глаза къ небу... Наказаніе упало тебѣ оттуда... Ты не мученица добродѣтели, не жертва страсти и обмана, — ты просто слабая, вѣтреная, непостоянная женщина... Ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трехъ человѣкъ; одному назначила покорность, другому — вздохи и признанія, третьему, самому послушному, ты назначила мученія ревности, пытки презрѣнія, муки любви отверженной, обманутой... и этотъ послѣдній теперь мститъ за себя...

Вѣра (упадая на колѣна). — Не подходи, не подходи...

Александръ (подымая ее за руку). — Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... Послѣ вашей надменности, это ужъ слишкомъ смѣшно... На колѣнахъ — и передъ кѣмъ? Одумайтесь... Что это? страхъ? Чего же вы боитесь? Времена кинжаловъ прошли, — развѣ я вамъ угрожаю?...

Вѣра (почти безъ чувствъ). — Я не переживу этого.

Александръ. — Черезъ два года, Вѣра, назначаю тебѣ свиданіе гдѣ-нибудь на балѣ. На

лицѣ твоемъ будетъ играть улыбка, въ волосахъ будутъ блистать жемчугъ и брилліанты, а въ сердцѣ твоемъ будетъ пусто и свѣтло...

(Слышенъ стукъ отломаннаго замка)

Вѣра. — Это Юрій! — онъ идетъ сюда...

Александръ. — Наконецъ! (Вѣра хочетъ убѣжать) Постой! мнѣ пришла мысль. Зачѣмъ оставлять дѣло неконченнымъ? Я хочу, чтобъ онъ нашелъ тебя въ моихъ объятіяхъ, чтобъ онъ насладился пріятной картиной... Это было бы божественно... какъ ты думаешь? (Обнимаетъ ее)

Вѣра. — Мнѣ все равно, — дѣлай, что хочешь. У меня нѣтъ силъ противиться.

Александръ. — Слышишь? вотъ его шаги... Послѣдній замокъ сейчасъ разлетится... Бѣшенство удваиваетъ его силы. (Молчаніе) Нѣтъ, я вижу, это ужъ слишкомъ много для тебя — обморокъ?... Пустое, я хочу, чтобъ ты съ нимъ говорила; останься здѣсь, скажи ему, что ты его не любишь, не любишь нисколько... Я отойду въ сторону... Слышишь ли, отвергни его ласки такъ же холодно, какъ мои; иначе я стану между вами, и тогда горе вамъ обоимъ. (Отходитъ и прячется; дверь съ трескомъ отворилась, и входитъ Юрій)

Юрій. — А! меня заперли... это не даромъ, это съ умысломъ сдѣлано. Но кто же? Братъ? — Зачѣмъ ему?... О, если я опоздалъ... Вѣра!... Ничего не слышно... Чу! шорохъ платья... Она здѣсь, здѣсь!... Вѣра! (Подходитъ и видитъ) О, какъ я счастливъ! (Беретъ ее за руку) Вѣра, княгиня, простите меня!

Вѣра (слабо). — Васъ... я прощаю...

Юрій. — Это былъ мигъ сумасшествія... Но я хотѣлъ васъ видѣть передъ тѣмъ, чтобъ разстаться

снова — и, можетъ-быть, навсегда... Я хотѣлъ... о, я самъ не знаю чего... Да, только васъ видѣть, только... Я надѣялся, я полагалъ, что вы не можете любить вашего мужа, потому что онъ не стоитъ васъ... Я хотѣлъ найти вамъ въ умѣ своемъ извиненіе... Я даже мечталъ, что вы меня еще любите...

Вѣра. — Вы совершенно ошиблись.

Юрій. — Однако, вы здѣсь... Вы не хотѣли огорчить меня, — вы здѣсь, ваша рука горитъ въ рукѣ моей... Женщина, не любя, не сдѣлаетъ этой жертвы...

Вѣра. — Вы правы, я пожертвовала собой изъ любви, — но не къ вамъ.

Юрій. — Вы хотѣли спасти мужа?

Вѣра. — Да.

Юрій (обидясь). — Если такъ, то прошу отъ меня его поздравить.

Вѣра (послѣ молчанія). — Забудьте меня.

Юрій. — Я не ожидалъ такого привѣтствія.

Вѣра. — Чего-жъ вы ожидали?

Юрій. — Въ васъ нѣтъ и тѣни той женщины, которая нѣкогда любила меня такъ нѣжно, которой обязанъ я лучшими минутами въ жизни... Отчего-жъ бы, кажется, имъ не воскреснуть... зачѣмъ дарить сокровище тому, кто ему не знаетъ цѣны?... А я, я, такъ долго жившій одной надеждой обладать имъ, — я брошенъ въ сторону... со мной поступаютъ какъ съ игрушкой: то кидаютъ огненный взоръ, то ледяное слово...

Вѣра. — Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрій. — Боже! какъ вы перемѣнились... Бывало, вамъ стоило подумать, и я ужъ зналъ эту

мысль; пожелать — и я невольно желалъ того же; бывало, намъ почти не нужно было словъ для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я васъ не понимаю.

Вѣра. — О! слава Богу.

Юрій. — Слава Богу... Ужель вы хитростью хотѣли избавиться отъ моей любви, обманомъ испугать меня? — этому не бывать... Вы теперь въ моей власти... Я не упущу этого случая... Теперь или никогда!... Вы моя, вы будете моею... Судьба этого хочетъ...

Вѣра. — Юрій, Юрій! одна минута восторга и вѣки раскаянія.

Юрій. — Я не буду раскаиваться.

Вѣра. — А я?

Юрій. — Вы меня любите.

Вѣра. — Я слабая женщина... я имѣю обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Юрій. — Ты о немъ забудешь въ моихъ объятіяхъ.

Вѣра. — Пощадите!...

Юрій. — Не доводи меня до крайности... Я за себя не ручаюсь.

Вѣра. — Шорохъ... насъ подслушиваютъ... здѣсь кто-то есть...

Юрій. — Шорохъ... Кто же смѣетъ?... (Осматривается)

Вѣра (убѣгаетъ). — Прощай, Юрій!... Прощай!

Юрій (бѣжитъ за нею). — Нѣтъ, я васъ не пущу... Невозможно... Я не хочу такъ разстаться. (Въ двери хватаетъ ее за руку и упадаетъ на колѣна. Александръ является)

Вѣра (указывая пальцемъ на Александра). — Уйдите, уйдите! это онъ... опять онъ! (Убѣгаетъ)

Юрій (оборачивается). — А! что такое?...

Александръ. — Свидѣтель твоихъ глупостей!...

Юрій. — Этого свидѣтеля можно достойно наградить за труды.

Александръ. — Его награжденіе... здѣсь... (Указываетъ на сердце)

Юрій. — Братъ... съ этой минуты я разрываю узы родства и дружбы. Ты мнѣ сдѣлалъ зло, неотвратимое зло, — и я отомщу!...

Александръ (холодно). — Какимъ образомъ?...

Юрій. — Ты мнѣ заплатишь.

Александръ (улыбаясь). — Съ удовольствіемъ, только чѣмъ?

Юрій (въ бѣшенствѣ). — Цѣною крови...

Александръ. — Въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь.

Юрій. — Подслушивать!... такъ коварно отравлять чужое счастіе... Знаешь ли, что это дѣло подлецовъ...

Александръ. — А обольщать жену другого?...

Юрій. — Она меня любитъ.

Александръ. — Неправда!... Развѣ это видно изъ ея поступковъ?...

Юрій. — Я знаю, что она меня любитъ... любила меня одного.

Александръ. — А я знаю кое-что другое.

Юрій. — Что ты знаешь? Говори, сейчасъ говори!...

Александръ. — Я знаю, что въ твоемъ отсутствіи она имѣла любовника.

Юрій. — Клевета, низкая клевета!

Александръ. — Я тебѣ покажу письма...

Юрій. — Кто же онъ?... Назови его мнѣ...

Александръ (подумавъ). — Изволь, я тебѣ его назову.

Юрій. — Сейчасъ... сію минуту...

Александръ. — Завтра... когда она уѣдетъ. (Уходитъ)

Юрій (задумчиво). — Что, если онъ говоритъ правду?

(Конецъ четвертаго акта)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Сцена I

Комната князя. Онъ сидитъ; передъ нимъ управитель съ бумагами

Управитель. — Ваше сіятельство, честь имѣю рабски донести, что все въ подмосковной готово для принятія вашего сіятельства; и домъ отопленъ, и обозъ долженъ сегодня туда пріѣхать.

Князь. — Хорошо... Ты останешься здѣсь и сдашь квартиру... Нынче, часа черезъ два, мы ѣдемъ; вели укладывать карету.

Управитель. — Слушаю-съ! Да что, ваше сіятельство, изволили такъ на Москву прогнѣваться?...

Князь. — Не твое дѣло разсуждать, дурачина...

Управитель. — Слушаю-съ, ваше сіятельство! (Вѣра входитъ) Княгиня изволила пожаловать.

Князь. — Пошелъ вонъ. (Управитель уходитъ. Женѣ) Я очень радъ, сударыня, что вы пришли — сдѣлали мнѣ эту честь; очень радъ, въ восторгѣ... Я долженъ съ вами поговорить... сдѣлайте милость, садитесь.

Вѣра. — Что вамъ угодно?

Князь. — Если-бъ вы всегда мнѣ дѣлали этотъ вопросъ, то было-бъ лучше.

Вѣра. — Вы этого не требовали...

Князь. — Тогда было другое; тогда я былъ вашъ покорный слуга, вашъ прислужникъ, ваша постельная собачка, — только вы не умѣли цѣнить этого, сударыня... Чего я не дѣлалъ?... Надобны брилліанты — и брилліанты являются; балъ — и балъ готовъ; коляски, кареты, шали, шляпы... Я для васъ разорялся, сударыня.

Вѣра. — Я всегда была благодарна.

Князь. — И изъ благодарности сами хотѣли мнѣ подарить головной уборъ въ новомъ вкусѣ. (Вѣра хочетъ встать) Сидите, останьтесь... Я вашъ мужъ — и теперь попробую приказывать; однимъ словомъ, мы нынче ѣдемъ въ подмосковную, а какъ только будетъ можно, то оттуда въ симбирскую деревню...

Вѣра. — Я пришла васъ просить не откладывать отъѣзда.

Князь. — Сами просите? вотъ новость!... Знаете ли, что это очень хитро, тутъ что-нибудь кроется... И я, право, изъ любопытства въ состояніи остаться.

Вѣра. — Нѣтъ! вы этого не сдѣлаете... это невозможно!... Мы должны ѣхать сегодня же... сейчасъ... я васъ умоляю.

Князь (про себя). — Хоть убей, не понимаю... (Ей) Я хочу узнать, сударыня, отчего вы желаете ѣхать такъ скоро?

Вѣра. — Я не могу вамъ этого объяснить...

Князь. — Не можете, — и не надо: я самъ догадываюсь... Вы желаете доказать мнѣ, что вы добродѣтельная супруга, которая избѣгаетъ своего любовника; а мнѣ, сударыня, извѣстно, что вы любите сами Юрія Дмитрича, мнѣ извѣстно...

Вѣра. — Нѣтъ, нѣтъ!... я его не люблю... но боюсь...

Князь. — Полюбить его?

Вѣра. — Женское сердце такъ слабо...

Князь. — И такъ обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кромѣ меня...

Вѣра. — Я всегда старалась не подать вамъ повода думать...

Князь. — Теперь я буду стараться... Запру васъ въ степной деревнѣ, и тамъ извольте себѣ вздыхать, глядя на прудъ, садъ, поле и прочія сельскія красоты, а подобныхъ франтиковъ за версту отъ дому буду встрѣчать плетьми и собаками... Ваша любовь мнѣ не нужна, сударыня! я, слава Богу, не такъ глупъ, но ваша честь — моя честь! О, я отнынѣ буду ее стеречь неусыпно!

Вѣра. — Я рѣшилась искупить вину свою безпредѣльной покорностью.

Князь. — Образумиться надо было немного раньше.

Вѣра. — Конечно, это было не въ моей власти.

Князь. — Что же! судьба! во всемъ виновата судьба! Вотъ модные романы! вотъ свободныя женщины!... философія, чортъ ее возьми, сударыня! Вы слишкомъ учены для меня, отъ этого все зло!... Отнынѣ не дамъ вамъ ни одной книги въ руки, — извольте заниматься хозяйствомъ.

Вѣра. — Я сказала, что буду покорна во всемъ; только прошу одного: ради Бога, никогда не напоминайте мнѣ о прошедшемъ... Я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будетъ принадлежать вамъ... Только не упрекайте меня.

Князь. — Вотъ мило! вотъ хорошо! Нѣтъ, сударыня, отнынѣ дѣлаю все вамъ напротивъ: вы

хотите обѣдать — я велю подавать завтракъ, хотите ѣхать — я сижу дома, хотите сидѣть дома — везу васъ на балъ... Я вамъ отплачу, вы узнаете, что значитъ кокетничать, можетъ-быть, вѣрно, больше... съ петербургскими франтиками, имѣя такого мужа, какъ я! (Уходитъ)

Вѣра. — И вотъ мнѣ раскрылась цѣлая жизнь страданій; но я рѣшилась терпѣть и буду терпѣть до конца! (Входитъ слуга)

Слуга. — Князь приказалъ вамъ доложить, ваше сіятельство, что извольте, дескать, одѣваться, — возокъ закладываютъ.

Вѣра. — Скажи, что я иду. (Уходитъ)

Сцена II

Комнаты у Дмитрія Петровича. Дмитрія Петровича несутъ на креслахъ. Александръ входитъ

Дмитрій Петровичъ. — Такъ, такъ, остановитесь здѣсь, я хочу, чтобъ свѣтлый лучъ солнца озарилъ мои послѣднія минуты; въ той комнатѣ темно, страшно, какъ во гробѣ... здѣсь тепло... здѣсь, можетъ-быть, снова жизнь проснется во мнѣ... Дѣти! Юрій!... гдѣ вы?... Ушли... никого...

Александръ. — Я возлѣ васъ, батюшка!

Дмитрій Петровичъ. — Другъ мой, я умираю... Я замѣтилъ, какъ докторъ нынче покачалъ головой и уѣхалъ, не сказавъ ни слова. Ты говорилъ съ докторомъ?

Александръ. — Нѣтъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Ты боялся спросить... Ты былъ всегда добрый сынъ; не правда ли, ты любилъ меня?... Гдѣ Юрій?...

Александръ. — Его здѣсь нѣтъ. (Уходитъ за Юріемъ по знаку Александра)

Дмитрій Петровичъ. — Ради неба, позовите его, моего милаго Юрія... Я умираю... Хочу его благословить... Онъ, вѣрно, не знаетъ, что я такъ дуренъ; вѣрно, ты не сказалъ ему?

Александръ. — Я боялся его огорчить.

Дмитрій Петровичъ. — Такъ, сталобыть, я въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ смерти?

Александръ (отвернувшись). — Не знаю, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — О! ты камень! когда ты будешь умирать, то узнаешь, какъ тяжело не встрѣчать утѣшенія.

Александръ. — О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрій Петровичъ. — Тебѣ не жаль меня, ты даже не просишь моего благословенія. (Юрій входитъ въ волненіи)

Александръ. — Батюшка, вотъ пришелъ братъ...

Юрій (подходитъ; про себя). — Боже мой! какъ онъ перемѣнился со вчерашняго дня...

Александръ (Юрію). — Онъ умираетъ... и ты убилъ его...

Юрій (закрывъ лицо). — О! говорить это... и въ такую минуту!...

Дмитрій Петровичъ. — Юрій!

Юрій. — Я у вашихъ ногъ (стоя на колѣняхъ подлѣ него).

Дмитрій Петровичъ. — Я тебя прощаю и благословляю отцовскимъ благословеніемъ.

Александръ (отходя къ окну). — А мнѣ простить нечего, надо мной нельзя показать великодушія... и потому нѣтъ благословенія!... (Стоитъ у окна)

Юрій (встаетъ). — Батюшка, я передъ вами злодѣй! я недостоинъ.

Дмитрій Петровичъ. — Полно, полно! пылкость, ребячество... я это понимаю, но мнѣ было больно...

Федосей (за столомъ Юрію). — Уговорите его, баринъ, лечь въ постель; ему такъ сидѣть трудно; посмотрите, лишается чувствъ, ослабѣваетъ.

Юрій. — Погоди, надо дать успокоиться.

Дмитрій Петровичъ (слабо). — Я ничего не вижу... Здѣсь ли ты, Юрій?... Свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ... Пошлите за священникомъ.

Юрій. — Онъ безъ чувствъ, руки холодны.

Федосей (Юрію). — Вотъ ужъ дней съ пять, сударь, какъ съ ними это часто бываетъ.

Юрій. — Боже, сколько мученій!... Здѣсь умирающій отецъ, тамъ...

Александръ (хватаетъ брата за руку и тащитъ къ окошку). — Посмотри... посмотри: вотъ она выходитъ на крыльцо, даже сюда не смотритъ... блѣдна!... Но что за диво — ночь, проведенная безъ сна!... Садится... улыбается мужу, а тотъ и не замѣчаетъ... Посмотри... еще разъ выглянула въ окно и опустилась въ карету! Вѣра! Вѣра! чего ищутъ глаза твои? (Слышенъ стукъ кареты)

Юрій. — Все кончено.

Александръ. — Вздыхай, терзайся, воображай ея слезы и мысли, что вы никогда не увидитесь; воображай, какая ужасная борьба происходила въ душѣ ея, когда она рѣшилась противиться твоей страсти!... О великій, святой примѣръ добродѣтели... чистая душа... Ха, ха, ха!... Это былъ страхъ, страхъ: она знала, что я тутъ за дверью.

Юрій. — Замолчи, замолчи!... видишь, здѣсь умирающій отецъ...

Александръ. — Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ? — Я потерялъ все, послѣднее родство погибло, послѣднее чувство умерло... На что мнѣ жизнь?... Хочешь взять ее? Возьми, и хорошо сдѣлаешь — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебѣ наскажу такихъ вещей, отъ которыхъ и у тебя засохнетъ сердце, и у тебя въ душѣ родится сомнѣніе и ненависть... Глупецъ! глупецъ!.. Ты думалъ, что когда разъ понравился 17-лѣтней дѣвушкѣ, то она твоя на вѣки, что она не можетъ любить другого, видѣвши разъ такое совершенство, какъ ты... А я тебѣ скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человѣка, для котораго она забыла мужа, долгъ, законъ, честь, даже самолюбіе; человѣка, для котораго она была готова отдать жизнь, служить ему рабой; человѣка, который тысячу разъ долженъ бы былъ задушить ее въ своихъ объятіяхъ, если-бъ отгадалъ будущее...

Юрій. — Наконецъ, ты долженъ мнѣ сказать: кто онъ? Я вырву у тебя изъ горла это проклятое имя...

Дмитрій Петровичъ (слабо). — Федосей... что они дѣлаютъ? позови ихъ, я хочу проститься...

Федосей. — Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрій. — А, ты молчишь! Такъ я тебя принужу... (Хватаетъ на столѣ саблю)

Дмитрій Петровичъ. — Дѣти, дѣти! Убійство... остановите ихъ... братъ на брата... Господи, возьми меня скорѣй! (Упадаетъ)

Федосей. — Помогите!... холоденъ! (Упадаетъ на колѣна и цѣлуетъ руку старика)

Александръ (вырываетъ саблю и бросаетъ на полъ) — Дитя! и ты думаешь, что силой, страхомъ изъ меня можно что-нибудь выпытать?... Ты грозишь смертью... кому?... Брату! Что, если-бъ я позволилъ тебѣ убить себя? Но я не такъ жестокъ, я самъ скажу все... Твой соперникъ, счастливый соперникъ — я!

Юрій. — Ты?

Александръ. — Теперь продолжай вѣрить женщинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели! Твой ангелъ лежалъ здѣсь, на этой груди, слѣды твоихъ поцѣлуевъ выжжены моими... Я выжалъ изъ сердца Вѣры все, что въ немъ было похожаго на добродѣтель, и на твою долю не осталось ничего.

(Юрій закрылъ лицо руками)

Дмитрій Петровичъ (умирая). — Дѣти... Юрій... Юрій!...

Юрій. — Мое имя... отецъ... онъ умираетъ... (Бросается къ нему)

Федосей. — Скончался.

Юрій. — Не можетъ быть... (Хватаетъ руку) О!...

(Юрій упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Александръ стоитъ надъ нимъ и качаетъ головою)

Александръ. — Слабая душа... И этого не могъ перенести!

КОНЕЦЪ

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.

Оглавленіе

Драматическія произведенія М. Ю. Лермонтова

		Стр.
1830.	1. Испанцы	7
	2. Menschen und Leidenschaften	110
1831.	3. Странный человѣкъ	188
1834—1835.	4. Маскарадъ	274
	5. Маскарадъ (вторая редакція) . . .	363
1836.	6. Два брата	415

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

1 9 2 1

ВАДИМЪ

(Повѣсть)

1832 г.

Глава I

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантіи съ шорохомъ обметали пыль вслѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладана трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сѣрыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ. Это были люди, отвергнутые природой и обществомъ (только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природою); это

были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки Провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющія ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ колѣнахъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: нищета! Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или улыбкѣ!

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ, онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на расписанныя святыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ, какъ лобъ ученаго, мраченъ, какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы, тонкія, блѣдныя, были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда, они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе, демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію,

уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную, его душа еще не жила по-настоящему, но собирала всѣ свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ сложа руки и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками на св. вратахъ, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: „если-бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!... Другое дѣло — человѣкъ: чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти".

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами; все было согласно въ чертахъ нищаго: одна страсть владѣла его сердцемъ, или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью, — но зато совершенно!

„Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Христа ради копѣечку!" — раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, обернулся, и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына — не больше.

Глава II

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запрятанныя въ огромные сапоги, производили непріят-

ный звукъ, ступая на пыльные камни; онъ шелъ съ важностью, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, оттолкнувъ нищихъ, воскликнулъ: „Прочь, вы, лѣнтяи! экіе молодцы, а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію, — только чуръ, не перекусайтесь за него“.

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ окаменѣвшая молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать ему тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнетизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнетизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. „Что тебѣ надобно?“

„Очень мало. Я хочу работы...“

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ ни мало не смутился и остался хладнокровнымъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца, — нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

„Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенесть труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ.“ —

Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

„Хочешь ли быть моимъ слугою?“

Нищій нагнулся въ одну минуту, принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя; изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ, — ужели даромъ? И какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

„Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность,“ — воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

„Твое имя?“

„Вадимъ.“

„Прелестное имя для такого урода!“

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

„Слѣдуй за мной!“ — сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ оттѣнокъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

Глава III

Поздно, поздно вечеромъ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ, и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ, шумя, качалъ ветелки, насажденныя вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ быть что-нибудь получше. Палицынъ взошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусѣ XVIII вѣка: разноцвѣтные обои, три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печьми, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I въ Москву послѣ Полтавы, эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ. Добрая женщина!... жирѣть, зѣвать, бранить служанокъ, приказчика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ... какая завидная жизнь!... и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ оплакивать ея кончину, и будутъ помнить ее, и хвалить ея ангельскій нравъ, и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнишь съ нею наши бури, поглощающія цѣлые годы и, что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человѣка, какъ листы съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны (такъ я назову жену Палицына) сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница. Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза; иногда выходила на свѣтъ бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ взошелъ; обѣ встали. — „Я привезъ новаго холопа, — сказалъ онъ. — Кладъ!... нищій, который захотѣлъ работать! Онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ, — это видно по лицу, но зато будетъ послушенъ! Вотъ ты увидишь сама. Эй, Вадимка, живо!“ — Взошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... „Какой уродъ!“ воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ — его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ, и вовсе забыли о нищемъ: онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? Онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ онъ простоялъ; никто не замѣтилъ. Наталья Сер-

гѣевна ушла въ свою комнату, и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

„Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?“

„Уродъ! — отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то похожее на скрежетъ зубовъ. — Охота приводить такихъ пугалъ, — продолжала она, — намъ бѣднымъ плѣннымъ птичкамъ и безъ нихъ худо...“

„Отъ того и худо, что ты не хочешь согласиться,“ — возразилъ Борисъ Петровичъ, и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

„Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна; развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ? — А было бы тебѣ хорошо!... если бы... выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки, у меня есть деньги, деньги, деньги...“

„У васъ нѣтъ стыда!“ — отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее и вспыхнулъ, но, услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

„Боже!...“ — Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ, на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть, первая слеза — и слеза отчаянія... Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту милліонъ сладкихъ надеждъ! Онѣ для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для

вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

„Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга?“ — сказалъ Вадимъ.

„Странный вопросъ...“ — отвѣчала она.

„Знаешь ли ты ихъ?“ — повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ будто припоминая нѣчто давнее, давно прошедшее.

„Я сирота, и мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ, и отправился Богъ знаетъ куда, вѣрно, очень далеко, потому что онъ не возвращался.“ — Чело Вадима омрачилось, и горькая, язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчой, что-то демонское.

„Хочешь ли знать, куда?“

„Хочу,“ — и влажные глаза ея ярко заблистали.

„Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханьемъ счастье другихъ; все, что ихъ любитъ и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другого, — узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не сумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ, онъ изомнетъ его...“

„Хочу знать непремѣнно!...“ — воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ, — нищаго уже не было въ комнатѣ.

Глава IV

Прошло двое сутокъ, — Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной, пустой комнатѣ Вадима. И странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти, и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными разсказами, — но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства, и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; не мудрено: власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

„Не правда ли, я очень безобразенъ?“ — воскликнулъ Вадимъ. Она пустила его руку. „Да, — продолжалъ онъ, — я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь; на что мнѣ беречь тебя? О, еслибъ... Не укоряй за долгое молчанье... быть можетъ, настанетъ время и ты подумаешь: зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ, — если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?“

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я

объясню его, сколько можно, слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой молодой, лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

„Замѣть, Ѳедька, что, кто изъ грязи вышелъ, тотъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился, — этакій уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ приказчикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ онъ подольститься, словно щенокъ! — Экій вѣкъ сталъ нехристіанской...“

„Не скажу, дядя Ипатъ!... онъ всегда со мной ласковъ, парень лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпитъ; вонъ, напримѣръ, вчера...“

„Что вчера?...“

„Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Алешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Алешку на конюшню, самъ приказчикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говоритъ: это за барина, а вотъ за меня — и занесъ руку. Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу; брови его сходились и расходились; въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ приказчику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ. На губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить — и не могъ.“

„Жаль! — возразилъ старикъ, — не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ.“ — Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣ-

сто нихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія, высокія дерева и щадитъ пни столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ? — На это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевскаго.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею, и тогда горе побѣжденнымъ!...

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII-мъ столѣтіи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведенія своего: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ!

Глава V

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Оки, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по бе-

регу построены избы, дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ двѣ линіи по краямъ дороги, какъ нищіе, кланяющіеся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи, и еще далѣе лѣсистые холмы съ чернѣющимися елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатостью, и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенныя рѣзныя ставни, колеблемыя вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходитъ деревянная рѣзной работы галдарейка, служащая вмѣсто балкона; здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ — и новыя надежды! Пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе: кто ѣдетъ? купецъ, баринъ, почта?... но на что ей!... не все ли равно?... а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галдарейку. — Чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка? Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена въ монастырь, слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей на встрѣчу? Это Вадимъ. Она

вздрогнула, она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

„Что съ тобою?“ — сказалъ онъ.

„Ничего...“

„А! понимаю, — онъ закусилъ губы, — ты меня испугалась.“

„Зачѣмъ мнѣ бояться тебя?“ — отвѣчала гордо Ольга.

„Тѣмъ лучше, — продолжалъ онъ... — Это уже много значитъ. Такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... О, мой Создатель! вотъ великое блаженство! право, мнѣ кажется, это первое...“ — Онъ остановился.

„Послушай, что если душа моя хуже моей наружности? но развѣ я виноватъ?... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба — они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшки... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга!“

„Для чего мы здѣсь?“ — спросила она съ нетерпѣніемъ.

„Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.“

„А я совсѣмъ не для того...“

„Опять, опять! — воскликнулъ Вадимъ. — Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня.“ — Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: этотъ человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе, чѣмъ онъ, беззащитной, сожалѣ-

нія, или нѣтъ... меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе. — „Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?“

Онъ задумался.

„Обѣщай никогда не укорять меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну.“

„Никогда.“

„Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ и, подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...“

„О, если это ничего, то не продолжай!“

„Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его, — сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою — что-жъ... развѣ этого не довольно для погибели человѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ; съ этой минуты началась непримиримая вражда, — пять лѣтъ спустя твой отецъ ужъ не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!... Другъ твоего отца открылъ старинную тяжбу о земляхъ, выигралъ ее и отнялъ у него все имѣніе. Я видѣлъ отца твоего передъ кончиной; его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она осталась въ

наслѣдство, и его проклятіе живо, живо и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... Я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... Но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ? Какъ, небо!... въ продолженіе 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови — твоей, его, крови! — и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія, безъ уродливаго нищаго это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.“

„Вадимъ, что сказалъ ты?“

„Благодарность! — продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ, — благодарность! Слово, изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово, превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, кидающую мнѣ остатки пира... о, благодарность!...“

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки, — и, казалось, забылъ, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и, казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страхъ неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его, и глаза, если-бъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели

бы дѣйствіе глазъ василиска; но они были обращены вверхъ!...

„Я отгадала! — воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостію къ Вадиму,—я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...“

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однѣмъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее, какъ рабу, и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ! столько страданій за то, что одна собака обогнала другую... Какъ ничтожны люди!... какъ вѣрить общему мнѣнію? Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, и точно, — онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами, и лучъ ея сливался съ лучемъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и каменьями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга

на колѣна; спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ ея лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземного существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

„Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я невиновна!... Ты, Ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой!... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе, Боже! если-бъ Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ, я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежитъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хочешь, но сердце въ моей власти...“

Слезы покатились изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

„Я твой братъ!“ — воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удержали дыханіе.

„Я твой братъ!“ — повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя за голову и вышелъ, но выходя остановился у двери... и въ продолженіи одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову объ косякъ...

Но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

„Братъ! — сказала Ольга, смотря ему во слѣдъ, — братъ!“

И безъ силъ она упала на стулъ.

Глава VI

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачемъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ вездѣ почти слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства — всѣ, кромѣ одного любимаго, — сокровища, хранимаго на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ; а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполняемъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе дворни, — взглядомъ, движеньями помогалъ имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его — къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позвать; искали горбача — не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасно, и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки

была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины, около нея валялись груды кирпичей, между коими выростала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотясь на свои колѣна и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользнувъ мимо соломенной крыши, упадалъ на его колѣнку, и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ, онъ нашелъ ее, онъ встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, наконецъ!... О! чудна природа... далеко ли отъ брата до сестры? А какое различіе! Эти ангельскія черты, эта демонская наружность... Впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ одного начала?...

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сходство съ его душой, которое обѣщало ему много... обѣщало современемъ и любовь ея... Эта надежда была для него нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно мгновеніе, — и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ плескъ волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что, слишкомъ привязавшись къ мечтѣ, мы теряемъ существенность; а въ его существенности было одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе, и

онъ полусонный легъ на траву, и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки: одна сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всѣми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою-нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ относилъ его прочь; наконецъ, разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима былъ прутикъ въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣту и убилъ счастливое насѣкомое и съ какимъ-то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепетъ!...

И Богъ знаетъ отчего, въ эту минуту онъ вспомнилъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова: „отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденымъ кускомъ...“ И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый гробъ, поставленный на телѣгѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ, дьячокъ и священникъ сзади; они пѣли дрожащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... вотъ

стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... Но сестра!... если... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало; странно! онъ любилъ ее... или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапника, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскочилъ Вадимъ... Передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланяясь, слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

Глава VII

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свѣжими. Геннадій Васильичъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго росту, бѣлокуръ и

вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка, и это потому, быть-можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25-ти лѣтъ вышедъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще, если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали, что̀ начать, зѣвали въ руку, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

„Малый! Египетскаго!“ — закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки; начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись, и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

„Потѣшить ли тебя, сосѣдъ любезный?“ — воскликнулъ Палицынъ.

„А что?“

„Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?... а у меня есть дѣвочка — чудо... а какъ пляшетъ! жжетъ, а не пляшетъ. Я не монахъ, и ты не монахъ, Васильичъ...“

„Избави, Христосъ...“

„И точно такъ!“

„Ну, что же?“

„Да ужъ то!... мать моя, женушка, Наталья Сергѣевна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святошный сарафанъ да выйти поплясать; а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо...“ — Онъ захохоталъ,

самъ, вѣрно, не зная чему, и началъ потирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки; этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣевна приказала сбираться пѣсельникамъ, а сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала; она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... Но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день итти къ нему, сказать, что она достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчей въ рукѣ вошла Наталья Сергѣевна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшанныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекла половина жизни молодой дѣвушки, прекрасной, пылкой... здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые; снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла метелица, и снѣгъ бѣлыми клоками упадалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшанныя инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ; и тайныя неизъяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ сем-

надцать лѣтъ, волновали кровь ея; и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ.

„Вставай, Ольга!“ — закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

„Что̀, спала, лѣнивая?...“

„У меня голова болитъ.“

„Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣетъ голова болѣть!... Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... Отвѣчай: спала, лѣнтяйка?“

„Я никогда не лгу.“

„Какъ! еще смѣетъ отвѣчать, когда я говорю!... спорить!... ахъ, грубіянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ, этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодѣяній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожъ, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись, — ты забываешь, кто я!“

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющейся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

„Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! Да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!... вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...“ — Ольга молчала, но вся вспыхнула... и если-бъ

Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы далѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ! и въ чемъ?.. о!... гдѣ ея братъ? пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву помогать ему во всемъ, что дышитъ местію и разрушеніемъ; пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство, — она готова!...

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости; эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное; она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ въ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ, она взошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упадала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны; а маленькая ножка, показываясь по временамъ, обѣщала тайныя совершенства, которыхъ ищутъ молодые люди, глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если бы не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она взошла... и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести; но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала

совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. „Начинай же, Оленька! — закричалъ Палицынъ, — не стыдись!“ Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго; и всѣ обиды, всѣ несправедливости, униженія рабства, — однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если-бъ можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она не лишилась разсудка!... потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатыя дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха. „Что же! красота моя, начинай! не бойсь! ты такъ хороша сегодня!“ — кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтили ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней, — они завидовали! Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуту вдохновеннаго страданія

бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась... махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленныя щеки его обнаруживали преступное желаніе, и съ дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ, и крючекъ разскочился. Она стояла на колѣнахъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала, какъ онъ взошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: „отецъ мой! не вини меня...“

„Теперь ты не вывернешься! — воскликнулъ захохотавши Борисъ Петровичъ. — Я человѣкъ добрый, и ты человѣкъ добрый... слѣдовательно...“

Она вскочила и, устремивъ на него мутный взоръ, казалось, не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не могла; сѣвъ на постель, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ, — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ, и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ, все утихло, и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце, и чувствовала странную боль въ шеѣ... Бѣдная дѣвушка!... немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!... Всталъ мѣсяцъ; скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности, и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ пріемной пробило одиннадцать.

Глава VIII

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?... На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ кверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность; ему снилось наяву давно желанное блаженство — свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась,

хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра. Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно, и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломенокъ, упадалъ на противоположную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочекъ моха, высунувшійся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни... Наконецъ, они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... О! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

„Братъ!“ — сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣнахъ.

„Все понимаю,“ — воскликнулъ онъ, прочитавши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

„Точно? — отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ, — точно? Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!“

„Другъ мой!“ Впервые существо земное такъ называло Вадима. Онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ, не сновидѣніе; улыбка остановилась на устахъ его, и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко, — вотъ мой отвѣтъ: любовь — вездѣ любовь, т. е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, — его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному! — По какой-то чудной противуположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ, — и божество падаетъ передъ смертнымъ...

„Братъ! слушай! — продолжала Ольга, — я все обдумала и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ, ни мнѣ не возвратиться... Все

равно... они всѣ ведутъ къ смерти; но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы.. если ты ее отвергнешь, то берегись; я сказала, что не перенесу этого... Ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое, станешь лелѣять его, пока оно выростетъ и созрѣетъ и смоетъ мой позоръ страданьями и кровью... Да, позоръ... Онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... Не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь.“

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенье на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

„Клянусь этимъ Богомъ, который создалъ насъ несчастными, клянусь Его святыми таинствами, Его крестомъ спасительнымъ, во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться. Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... О! ты великій человѣкъ!“

„Да, теперь, потóму что ты меня любишь.“

Она ничего не отвѣчала.

„Успокойся, опомнись, — сказалъ Вадимъ, — ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе, и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

Помню, какъ послѣ смерти отца я покидалъ тебя, ребенка, въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра,

ни зла, ни заботы, — а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; ты протянула ко мнѣ свои ручонки, улыбалась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія кормили, потому что я былъ не собака, и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!... у меня въ сердцѣ были одни проклятія! Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ — смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупыя отъ рожденья или отъ старости, неспособныя ни къ чему, кромѣ

соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ...

Можно придти въ отчаянье!

Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень; и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ: „Ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.“

„Я безъ ногъ,“ — отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы. — „Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?“

„Нищій! — отвѣчалъ онъ, — рожденъ нищимъ и умру нищимъ; только разница въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногій.“

„Отчего же?“

„Отчего!... — тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно: — я былъ проводникомъ одного слѣпого; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на телѣжкѣ, — и даютъ деньги...“

„Зналъ ли ты своихъ родителей?“ — спросилъ я поспѣшно.

„Какъ же!“

„А кто были они?“

„Нищіе!“ — Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

Итакъ есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порокъ, подумалъ я.

На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ“.

Вадимъ остановился.

„Понимаю тебя!“ — воскликнула Ольга и пожала ему руку.

„Я это зналъ!... развѣ ты не сестра мнѣ?“ — возразилъ Вадимъ.

„Послушай, вѣрно, само Небо хочетъ, чтобы мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли...

„Небо или адъ... а можетъ быть и не они; твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ поселился въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви, онъ странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи, но, чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

Долго я бродилъ безъ крова и пристанища, преданный зимнимъ метелямъ, какъ южная птица,

отставшая отъ подругъ своихъ; долго жить было цѣлью моей жизни.

Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ. Это меня взорвало!... Я не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ счастливъ — и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе — чума для счастливцевъ, чума!... Сестра! ты мнѣ простишь... О! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность... теперь все кончено, отъ моего прикосновенія увяли твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога...“

„Какъ! — воскликнула Ольга, — неужели ты раскаиваешься? Правда, я женщина; но развѣ всякая женщина промѣняетъ печали и безпокойства на блистательный позоръ... Блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желалъ этого, Вадимъ, неправда ли?“

„Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.“

„А теперь кто мѣшаетъ?“

„Теперь? теперь...“ — Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданье было видно въ слѣдующихъ словахъ: „Теперь убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣнахъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!... Нѣтъ, я еще не такъ дуренъ, какъ ты полагаешь; человѣкъ, для котораго видѣть тебя

есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ."

„Меня убить, значитъ, — сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ," — отвѣчала Ольга улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

„А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?"

„Я удивляюсь тебѣ, другъ мой!"

„Не хочу! люби меня".

Она закрыла лицо обѣими руками.

Глава IX

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ, собственнымъ блескомъ? Читатель! не онѣ ли были свидѣтелями твоего счастія или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ?... Но нѣтъ! волна, окропленная слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва расшиблась объ утесъ гранитный. Она потеряла дор гой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; сдѣлавшись могилой какого-нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей прелести, живого, безпокойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синимъ, холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густой липой, и упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно; и отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы: она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокойствіемъ разсматривалъ рѣчныя травы и густой хмѣль, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловыя, березовыя рощи казались опрокинутыми въ водѣ, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ, и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ, и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится неизъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ и гдѣ дорога, желтѣя, терялась за холмами; тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... „Не къ намъ ли? — подумалъ

Вадимъ; — но этого не можетъ быть! кому?...“ Его тревожилъ колокольчикъ, и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу. Онъ побрелъ вдоль по рѣкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ? — Тамъ также слышали колокольчикъ, но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія. Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ; вѣрно, это онъ!...

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или, лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ; родные посылали ходока къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ, вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель. Она моя — говорилъ онъ — и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа съ крестомъ и святой водою и выгнали опоздавшаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его. Ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, а супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего

Юриньки! Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ... кибитка въѣхала въ ворота... Вся дворня столпилась... Это онъ... въ военномъ мундирѣ... выскочилъ и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... Это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя рѣчи и догадался. Съ досадой смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упреки... и потомъ, обратившись къ дому, сказалъ: „такъ точно! слухъ этотъ не ложивъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь — и больше; почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья? Для чего о н и любимцы неба, а не я? — О! Создатель! если-бъ Ты меня любилъ, какъ сына... нѣтъ, какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... — но Ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну Твое владычество въ часъ моей кончины..."

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало, смѣялось...

„Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ!" — воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

Глава X

Смерклось; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала, какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ, у дверей на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія, — и больше, нежели пустое любопытство, понудило ее къ этому, — Юрій былъ такъ хорошъ!... Именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ „матушкой“, и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья...

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. „Если бы обо мнѣ такъ говорили, еслибъ и на мнѣ такъ блистали кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливѣе!...“ — Всякой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли

бы въ голову. Наряды необходимы счастью женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства; маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однако-жъ какъ уйти! Юрій говоритъ такъ пріятно, въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что если-бъ даже невозможно было разобрать словъ его, то, ей казалось, она поняла бы смыслъ разговора!...

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... Оно существуетъ, должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? — Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О, какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни, невинной, обѣщающей жизни, было въ стѣсненномъ дыханьѣ этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упадала на губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой; все кругомъ покрывала темнота — этого было ей довольно, чтобы тотчасъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

Онъ приблизился: отъ него вѣяло холодомъ.

„Поздравляю, Ольга...“

„Съ чѣмъ?“

„Не правда ли, какъ хорошъ собою молодой твой господинъ!...“

„И твой!“ — обидѣвшись, возразила Ольга.

„Ни мало... я добровольно сталъ слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты, о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!“

Она вздохнула.

„И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни... — продолжалъ шопотомъ Вадимъ, — эти мягкіе, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... Ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась?... О, мой отецъ! мой отецъ!... Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ, скоро, скоро...“

„Скоро!...“

„Я вижу твое восхищеніе! — холодно возразилъ ей братъ, — скоро! мы довольно ждали... но зато не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разскажу... слушай и благодари.

На Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ какъ мужикъ, обратился къ нему... дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ!... вино безъ крови для нихъ стало слабо... Ты дрожишь отъ радости, Ольга?...“

Она молча поникла головой и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего; хотѣла молиться, — ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ напраснаго раскаянья. „Какой красавецъ сынъ моего злодѣя“, — думала Ольга; и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлой пеленой; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, зато кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодого Палицына и такъ забылся, что не слыхалъ, какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ: „Эй, малый... Вадимка!“ Опомнясь, онъ взошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

„Какъ тебѣ нравится мой горбачъ? — сказалъ Борисъ Петровичъ, — преуморительный!“

„Каждый человѣкъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій, — имѣетъ недостатки... онъ не виноватъ, что изувѣченъ природой.

Если ты будешь хорошо мнѣ служить, — продолжалъ онъ, обратясь къ мрачному Вадиму, — то будь увѣренъ въ моей милости... Теперь ступай.“

„Пошелъ вонъ!“ — воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его; и зависть возвратилась въ его душу только тогда, когда онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь — мучительное чувство!... Какъ бѣшеный онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собою огромнаго волка: блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножомъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима, даже господа вышли подивиться его отважности. Наконецъ и онъ насладился минутой торжества! „Ты будешь моимъ стремяннымъ“, — сказалъ Борисъ Петровичъ.

Глава XI

Борисъ Петровичъ отправился въ отъѣзжее поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно и спѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцемъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными; онъ остался дома, бродитъ по комнатамъ, ищетъ разсѣянія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ, вѣрно, пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ въ себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди; этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета.

„А, это ты, Ольга! — сказалъ засмѣявшись молодой Палицынъ; — вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью, — и какъ обманутъ!...“

„Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить, какъ тѣнь, то-есть, очень мало... и потомъ...“

„Ради Бога, не мало, любезная Ольга! я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ... ради Неба, говори, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!...“

„Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! думайте объ нихъ, это васъ займетъ.“

„Думать объ нихъ и говорить съ тобою, Ольга? это нейдетъ вмѣстѣ.“

„А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лѣкарствомъ отъ скуки; всякое лѣкарство, со всей своей пользой, очень непріятно...“

„Ты не въ духѣ сегодня, — воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть; — ты сердишься на меня или на матушку... Если тебя кто-нибудь обидѣлъ, — скажи мнѣ: клянусь честію, этому человѣку худо будетъ!...“

„Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку!... Вы хотите забавляться? — призовите другихъ, болѣе покорныхъ, чѣмъ я, болѣе способныхъ настраивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... итакъ...“

„Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота, но умна, прекрасна, — въ моихъ словахъ нѣтъ лести, они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжалься... я здѣсь одинъ среди получеловѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ и хочетъ, чтобъ я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему! Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!...“

„Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ; я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому ни мало не расположенную

забавлять васъ... Повѣрьте слову: гибель вокругъ меня..."

„Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!..."

„Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ... но..."

„Ты мила по-своему..."

„Что за похвалы!" — съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

„Не сердись!" — возразилъ Юрій; и, улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взялъ въ руки ея длинную темную косу, упадавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; взглянулъ на нее пристально, и этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

„Перестаньте, — сказала Ольга съ важностью, — мнѣ надо быть одной."

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки — помучить; ему не удалось!

„Ты довольна будешь мною," — сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе почти всегда было одно и то же; и если-бъ они читали эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX-го вѣка, то заснули бы отъ скуки; но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много, и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочетъ пробудить погаснувшія силы. Этотъ

гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга стараніемъ утаить свою любовь еще болѣе ее обнаруживала. Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ, и, выученъ привычкой, читалъ въ глазахъ ея больше, чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ. Она думала о немъ и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ ея сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужасъ Макбета, когда, готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти; но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участью этой женщины.

Когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его; но, приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя, и благословлялъ свой плѣнъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты.

— Пожалѣйте о немъ.

Глава XII

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству; но чаще по недовѣрчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать у нея полнаго признанья... или получить совершенный отказъ.

Какое ребячество! скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви: она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны, какъ игрушки, и разбивать эти игрушки въ минуту досады доставляетъ не мало удовольствія, особливо, когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ взошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ шитья своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

„Ольга, — сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ, — я люблю тебя.“

„Знаю,“ — отвѣчала она.

„Знаю, знаю! только-то? и я больше отъ тебя не услышу?“

„Что же вамъ больше?... я слушаю... молчу...“

„О, разумѣется, этого слишкомъ много! я недостоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я-бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто споритъ; но развѣ это даетъ право не имѣть сердца?“

„Я у Бога ни того, ни другого не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.“

„Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ! — Все на свѣтѣ можетъ поправиться!... Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь!... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... Отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь? какихъ жертвъ?“

„Забыть меня!“ — воскликнула Ольга съ удивительною твердостію.

„Нѣтъ! никогда!... я совершу невозможное, чтобы обладать тобою, — но забыть... нѣтъ власти...“

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрылъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ обернулся и сказалъ: „Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно, я ошибался... Ахъ! это была минута, но райская минута, это былъ сонъ, но сонъ божественный; о, теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра въ любовь и счастье... Ольга, прощай! ты меня обманывала... обманъ — всегда обманъ, не все ли равно: глаза или языкъ? Чего желала ты? не знаю... можетъ быть... О, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...“

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобы выйти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми, кажется, стѣны должны бы были

рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и, рыдая, упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднялъ онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ усердіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, упоеніе неопредѣленное, какое не всякій испыталъ, и никто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ безпорядкѣ отрывались отъ ихъ трепещущихъ губъ, и каждое слово стоило поэмы... Само по себѣ незначущее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ, каждое слово было цѣлое блаженство.

„Я любимъ, любимъ, любимъ, — говорилъ Юрій, — я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ...“

„Пускай же ангелы, только не люди.“

„Отчего же, мой ангелъ?“

„Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...“

„Ты прекрасна! что за пустой страхъ!... ты моя, моя...“

„Не раба, надѣюсь!“

„Больше, — сокровище!“

„О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупого... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... Я счастлива! не правда ли?“

„Ты счастлива! позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...“

„Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ-нибудь.“

„Это волосы... прочь ихъ! вотъ такъ... чтобы твой поцѣлуй и мой слились въ одинъ.“

„Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!...“

Глава XIII

„Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье...“

„Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ!“ — отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья горной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ, и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ, и потомъ уступала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезли въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ, и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ разсердить, испугать свою подругу; но она умѣла отомстить за это невинное коварство, непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ его усилія дѣлались тщетны, и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опа-

сенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если бы демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный, кровавый день... и Небо должно было заплатить ей за будущее въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ и по крайней мѣрѣ хотѣла жить, пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

„Будетъ ли конецъ нашей любви? — сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову, — нѣтъ, о, нѣтъ! — она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если-бъ наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанья, дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?“

Вмѣсто отвѣта она запѣла вполголоса слѣдующую пѣсню:

Воетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ;
Дѣвушка плачетъ,
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ;
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

„Прочь эту пѣсню, — воскликнулъ Юрій, — кто тебя ей выучилъ?“

„Никто, сама.“

„Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?“

„Нѣтъ; однако ты слишкомъ обѣщаешь: мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...“

„О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...“

„Три мѣсяца! Боже!“ — Она содрогнулась, ея сердце облилось холодомъ.

„А потомъ, — сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого „Боже“, — потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... Тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!.. онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь милліономъ жизней въ каждой улыбкѣ.“

„Три мѣсяца, три мѣсяца, и нѣсколько дней“, — повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ останавливался на этой пагубной, неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и поперемѣнно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и, поровнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса. „Посмотримъ, что такое...“ — шепнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

„Да скоро ли?“ — спросилъ первый голосъ.

„На-днях; ужъ въ округѣ начинается кутерьма. Да будетъ ли у васъ готово?“ — сказалъ другой.

„Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...“

„Ну, пожалуй...“

„Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ?...“

„Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...“

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслушалъ.

„Да, Вадимъ былъ у насъ,“ — сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

„Куда ты? — сказалъ онъ съ удивленіемъ, — что съ тобою?“

„Скорѣй, скорѣй!“ — больше она не могла выговорить.

„Это должно быть воры!“ — подумалъ Юрій и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкою намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ: теперь мужъ ея, вѣрно, не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она, — молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову, знаетъ Царь Небесный!

„Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка, — сказала она вошедшему сыну, — Борисъ Петро-

вичъ еще долго пропорскаетъ... куда я рада, что ты не въ него!..."

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной — иные нравы!

Глава XIV

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка, бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ-сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ виденъ издалека, и солнце утра золотило ея соломенныя крыши прежде, нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ, и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленныя по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ, и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котелъ съ кашей, чтобъ нагайками подымать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ;

сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба, и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ, слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ, — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ и сожалѣнію, къ большой приверженности; вино, буйство, охота, ихъ единственныя занятія, не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей; и если между ними и былъ одинъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича. „Вздоръ, — сказалъ онъ, — какъ это можетъ быть?“ — Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ, они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

„Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ разсказывали, что какой-то удалецъ, котораго козаки величаютъ Красной Шапкой, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха!... что будто самъ батюшка хотѣлъ с нимъ посовѣтоваться... видно хватъ!“ — Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

„Я его знаю, — отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой, — и вы его скоро увидите!“ Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что поневолѣ старый ловчій вздрогнулъ.

„Ты чортъ или Гуммель“, — сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

„Когда?“ — воскликнули многіе; и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ, и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ? — О, если-бъ разсказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей.

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные, и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... Пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная —
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ этой груди

Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена,
Вольность-волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.

Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья:
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое,
А братья мои въ лѣсахъ —
Березы да сосны.

Скачу ли я на конѣ —
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли я поздней порой —
Небо свѣтитъ луной;

Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Кивають мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

Такъ пѣлъ козакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ повода и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія, и молодой козакъ на свободѣ предавался мечтамъ

своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ козака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

„Стой,“ — сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подъѣхавшаго козака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но козакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю. „Не нужно, — продолжалъ Вадимъ, — поѣзжай, скажи Бѣлбородкѣ, что послѣзавтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить третью... Итакъ, послѣзавтра... Скажи, что Красная Шапка ему кланяется. Ступай!“

При имени Красной Шапки, козакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ головой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускакалъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобъ такъ играть жизнью и смертью... Однимъ словомъ Вадимъ убилъ семейство! И что онъ такое? Вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество? Какая слава, если-бъ онъ избралъ другое поприще, если бы то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бы это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ!... Какая слава, если бы, напримѣръ, онъ родился въ Греціи,

когда турки угнетали потомковъ Леонида!... А теперь? имѣя въ виду одну цѣль — смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился для ихъ казни? Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (былъ ли то случай?) непримѣтно подъѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услуги Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда, видя близкій конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенесть тягость одной насмѣшки самолюбія; спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко, и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ; — кто же здѣсь? вѣрно, Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ

въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало: одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово — и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи, и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упадала на нихъ, и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распуша радужный хвостъ, неподвиженъ, какъ новый памятникъ. Не знаю, съ какою цѣлью, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе — прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя, подобно червямъ, ползаютъ у ногъ богатства, которыя, безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!... Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? можетъ быть, чувства святѣйшія — одна привычка, и если-бъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро, а послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько мѣдныхъ грошей, онъ каждому бросалъ по одному; они благодарили нараспѣвъ

давно затверженными словами и даже не поднявъ глаза, чтобы разсмотрѣть подателя милостыни... Это равнодушіе напоминало Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ идти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плечи. „Постой, постой, кормилецъ“, пропищалъ хриплый, женскій голосъ сзади его; а рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся — и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ-сказать, повисла на немъ; ея засученные рукава обнажили двѣ руки, похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какой-то неизъяснимой низостью, какой-то гнилостью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки! Вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами, ни рѣсницъ, ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготѣющій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное стѣсненіе! Вадимъ не былъ суевѣръ, но волосы у него встали дыбомъ; онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ ея чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаянье; не мудрено, если онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя на высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней — жить!

„Ты позабылъ меня, дорогой, позабылъ, дай

копѣечку — не для Бога, для чорта... дай копѣечку... али позабылъ меня?! Не гордись, что ты холопъ боярскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ."

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

„Проклятъ! проклятъ! проклятъ! — кричала въ бѣшенствѣ старуха, — чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черви твой языкъ подточили, чтобъ вороны глаза проклевали, чтобъ тебѣ ходить — спотыкаться, пить — захлебнуться, горбатый уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!..."

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слыхалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче! И они, крестясь и кланяясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина, и готовы были растерзать на мѣстѣ, но еще не смѣли: еще ни одинъ козакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ, и огромныя паникадила, висящія посреди церкви, бросали сквозь дымъ ладона таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія тѣни; у стѣны едва можно было разли-

чить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если-бъ голова порою не наклонялась, и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали смѣшеніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣй, чѣмъ исчислить; и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину передъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ при-

нятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ; и, озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному, живому, вѣчно-движущемуся, существу; однимъ словомъ, это была толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна, и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими вратами и боковыми дверьми, былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на висящемъ паникадилѣ, кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка, — это была милость у ногъ Спасителя, — и надъ ней внизу образа было написано выпуклыми буквами: пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы.

Многіе приближались къ образу и, приложившись, послѣ земного поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упадая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, — и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. Не мудрено, что

завтра, подумалъ Вадимъ, эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ. И, отвернувшись, онъ хотѣлъ итти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ, и... онъ зналъ эту женщину...

Ея кровь была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье не было его счастьемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворное, искреннее л ю б л ю, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумиръ — свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью... потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и, угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя, это была ея единственная молитва, и если-бъ Богъ былъ человѣкъ, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханія. И

когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность; это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула какъ алмазъ и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобы удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ; его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы, каждая жила ея сердца вздрогнула, дыханье остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяньемъ. (Все это время дьячекъ читалъ козлинымъ голосомъ посланіе апостола Павла, и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... Что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?).

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы. Что дѣлать! онъ вѣ илъ въ Бога, но также и въ дьявола!

И, выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно, чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизъяснимой муки... Можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ, и любовь потеряла надежду...

„Итакъ, она точно его любитъ," — шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движенію такъ глубоко врѣзались въ

тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ какъ безумный посмотрѣлъ на нихъ молча, стряхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди ихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

„Какой-то проходящій толкнулъ ее... мы думали, что онъ шутитъ... она упала, да и окачурилась... чортъ ее зналъ! вольно-жъ было не закричать!“ — Такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что о н ъ толкнулъ старуху.

„Итакъ, она его любитъ! — бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на нетерпѣливаго коня. — Итакъ, она его любитъ!“

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

Глава XV

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-гдѣ показывались козацкія шапки, блистали копья и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышащія мятежомъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту — поцѣлуй Іуды. Что-то

ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи, и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро и въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; понемногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные — такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдемъ; потому что... какъ не посмотрѣть... что̀ тамъ дѣлается.

Народъ, столпившійся предъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный безпрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что́ такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но несмотря на то сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ, невѣжественный и не чувствующій себя, хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ неблагопристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія, грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ, приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета — душа порока и преступленій; теперь насталъ часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣхаться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи; это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ; чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было обида, — одинъ, но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла, и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ, и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ мятежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ. И неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подалъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ, не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барынѣ, получилъ

отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно; толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначущій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобъ совершенно обнаружить свою ненависть! Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостью своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово, — и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ. Чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся; онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другою отодвинулъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова... Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой, засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась: странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея; они постепенно возрастали.

„Что-то ужасное происходитъ у монастыря, — воскликнула Ольга, — моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій!... если-бъ ты зналъ... Мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви и замѣтилъ ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились... О, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются."

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери, или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ, съ помощью толстыхъ сучьевъ, взобрался почти на самый верхъ.

„Что видишь ты?" — спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвется, но рука Юрія какъ бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ, онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками. „Что видѣлъ ты, — говорила дѣвушка, — отчего твои руки такъ холодны и лицо такъ влажно?" — „Это роса", — отвѣчалъ Юрій, отирая хладный потъ съ чела и вставая съ земли.

„Все кончено... Напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... О, Провидѣніе, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій!" — воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе, и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разно-

симымъ по полю возрастающимъ вѣтромъ. Вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались на дорогѣ; они постепенно приближались, и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ, онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую-то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ пріостановилъ свою буланую лошадь. „Что, бояринъ, — сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду, — аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; семъ-ка довезу!...“

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы. „Что ты, что ты, бояринъ! — закричалъ грубо мужикъ, — ужъ не впрямь ли хочешь со мною съѣздить?... экъ всполошился,“ — продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвистнувъ; добрый конь рванулся... Но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ возжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергнулъ его на землю, и сильная рука вырвала возжи... „Разбой!“ заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать; „разбой!“ — Колесо переѣхало ему черезъ грудь, и онъ замолкъ, вѣроятно, навѣки.

Ужасна была эта ночь. Толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшные огни встрѣтили

первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялось на полянѣ; иные изъ нихъ ужъ собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣсто угасшаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три, не болѣе... Одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но, обезображенный, онъ едва походилъ на бренные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

Глава XVI

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ съ своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стремянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка, вдова-солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, — и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, несмотря на серебристую оттѣнку волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужъ давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хло-

пая крыльями, сбирался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса, и въ избѣ на полатяхъ, рядомъ съ полногрудою хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ непомилованно; вѣроятно, утомленный трудами дня, и (вѣроятнѣе) упоенный сладкой водочкой и поцѣлуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, если бы вдругъ, среди глубокой тишины, сильная, невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота, такъ что они затрещали; собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: „Господи Боже мой! да кто это тамъ?... наше мѣсто свято!... да что это какъ стучатъ!...“ Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую, потную грудь, и она, съ досадой высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлеѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. „Отопри проворнѣе“, закричалъ онъ громовымъ голосомъ. — „Экой скорый! — пробормотала солдатка, захлопнувъ окно, — подождешь, не замерзнешь!... Не спится, видно, тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый“. Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника, и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, браня пріѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался на дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

„Батюшка! — сказалъ Юрій, котораго вы, вѣроятно, узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы, — проснитесь, гдѣ вы? проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти!... Послушай, — продолжалъ онъ шопотомъ, обратясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло, — гдѣ мой отецъ? что̀ вы съ нимъ сдѣлали?“ — Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся, што ли... я закричу... да пусти... пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на полатяхъ-то храпитъ...“ И задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

„Что за шумъ! кто тамъ развозился? Петрушка, Терешка, Фотька! эй, вы!...“ — закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая, подобно лютому звѣрю.

„Батюшка! — говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину, — сойдите скорѣе... жизнь и смерть, говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада...“

„Да что ты за человѣкъ?“ — бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

„Я! вашъ сынъ... Юрій...“

„Юрій... что это значитъ?... объясни... зачѣмъ ты здѣсь?... и въ это время!...“

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ.

„Батюшка! мы погибли!... народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ деревни толпились кучи народа... и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня,

показываютъ, что они ждутъ если не самого Пугачева... то козаковъ его... Спасайтесь!...“

„А Наталья Сергѣевна?... а вещи мои?...“

„Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь!“ — сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала, какъ искра, на щеку старика и обожгла ее...

„О!... — завопилъ онъ, — кто-бъ могъ подумать, повѣрить! кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ! О, Господи, Господи! куда мнѣ дѣваться? всѣ противъ насъ... Богъ и люди... И кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ губить... кого же? — русское дворянство! простой козакъ... Боже мой! святые отцы!“

„Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться?“ — сказалъ быстро Юрій.

„Нѣтъ! нѣтъ! никого нѣтъ!“

„Фотька Атуевъ?“

„Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!“

„Терешка?“...

„Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники, антихристы!... О, спаси меня, сынъ мой!“

„Мы погибли! — молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу. — Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!... Молитесь Ему, если можете.“

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣна, и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца и унесетъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: я спасу тебя.

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: Москва сгорѣла отъ копѣечной свѣчки.

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стремянной Палицына и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони, или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали амбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдькой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ клади, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посерединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно, одного изъ пробудившихся псарей. „Кто тамъ?“ — спросилъ онъ. — „Развѣ не видишь, что хозяева,“ — отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ

репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

„А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ?“ — сказалъ почесывая бока пьяный псарь и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

„И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работки-то не больно разжирѣешь!“

„Ужъ не ломайся, знаемъ мы!... экая гладкая! У барина, видно, губа не дура... Экъ ты прижила себѣ стараго чорта... да небось! не сдобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слезки... дай срокъ!... батюшка Пугачевъ ему рыло-то обтешетъ... пусть себѣ не вѣритъ... А ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...“

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась, и нашъ проворный рыцарь съ-пьяна наткнулся на оглоблю телѣги, спотыкнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ, — не знаю, по крайней мѣрѣ, не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой непріятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги. Сильно бились сердца ихъ, стѣсненныя непонятнымъ предчувствіемъ; они шли, удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, продираясь между коноплей и вязкихъ грядъ, зацѣпляя поминутно ногами или за кирпичъ, или за хворостъ; вороньи пугала казались имъ людьми, и каждый разъ, когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали; Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за шпагу... Но къ счастію, всѣ ихъ страхи были напрасны, и они

благополучно приблизились къ темному овину, хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находилось два сусѣка — одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломой.

„Полѣзай сюда, баринъ, — сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенько съ головой въ солому, и кто бы ни приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылѣзай безъ меня, а я, коли жива буду, тебя не выдамъ; что бы ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.“

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій, вмѣсто того, чтобы слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: „прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословеніе! можетъ-быть, мы больше не увидимся“. Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; войдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различать мѣрный топотъ скачущаго коня, — онъ постепенно становился тише и тише, и, наконецъ, совершенно слился съ шопотомъ листьевъ дубравы.

„Куда этотъ верченый пустился? — подумала удивленная хозяйка, — видно, голова крѣпка на плечахъ, а то, кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на козаковъ, — и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!... спрятала-то я стараго, спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить... Ну, ужъ коли

на то пошла, такъ берегись, баба!... не давши слова, держись, а давши — крѣпись... только-бы онъ самъ не оплошалъ!...“

Глава XVII

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу; но конь, уставъ продираться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицына.

Задумавшись, ѣхалъ мрачный горбачъ, сложа руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лукѣ козацкаго сѣдла, и добрый степной конь его, горячій, щекотливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать... Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его, и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

„Куда торопишься? чему обрадовался, лихой товарищъ? — сказалъ Вадимъ, — но тебя ждетъ покой и теплое стойло; ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданіяхъ... О, если-бъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ!“ И онъ, наклонясь, вырвалъ изъ земли высокій стебель полыни. „Но нѣтъ! — продолжалъ онъ, — одной капли яда довольно, чтобы отравить чашу, полную чистѣйшей

влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ"... Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются, два раза шапка чуть-чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка подталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкнутъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ... Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни — все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго празднества, и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена „Дидо и Ладо" могли бы ввести въ это заблужденіе неопытнаго чужестранца.

„Ну, Вадимка! — сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной, — какъ слышно?... скоро ли нашъ батюшка-то пожалуетъ?..."

„Завтра въ обѣдъ", — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

„Ой-ли, — подхватилъ другой, — такъ стало быть не нонче, а завтра... такъ, такъ! А что, какъ слышно? чай, много съ нимъ рати военной... чай, козаковъ-то видимо-невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то?..."

„Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка, — сказалъ третій, покачивая головой, — эко диво серебряный... чай не только кафтанъ, да и сапоги-то золотые..."

„Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью? чай все старики...“

„Вѣстимо. Послушай, братъ Вадимъ, — продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами, — гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчевалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ...“

„Нѣтъ, нѣтъ! — подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ, — это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія, кромѣ меня... Онъ мой, — я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіе коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможныя чувства, чтобы подъ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ... подлые рабы!“

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто, на противной сторонѣ возвышался, позади небольшого сада, господскій домъ съ многочисленными службами; онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу... Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами... Ему

показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ.

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противу всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если-бъ среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: „спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!... Но къ чему теперь! — развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори...“ И онъ, задержавъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай, мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ, если-бъ на этомъ порогѣ было написано судьбою: смерть, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя? что такое?... храмъ безъ божества... Зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ Провидѣніе не настигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть?...

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... Послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!... прощай... черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли, и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ, перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ, и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее, защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... Кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ взошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился; на полу стоялъ фонарь, и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ... Ольга.

Убійственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ, и сжатыя губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ Провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки; ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ

нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положеніи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

„Чего ты отъ меня еще хочешь?...“

„Еще?... а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?... говори, Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя произнести клятву... ты помнишь?... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?...“

„О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!“

„Ольга... твой отецъ былъ мой отецъ...“

„Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ погибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... Нѣтъ! ты не братъ мой!... Прочь! я ненавижу, презираю тебя!“

„Ненавидишь, такъ... а презирать не можешь...“

„Презираю...“

„Ты боишься меня...“ Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

„Вадимъ!... ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣетъ смертнымъ холодомъ...“

„Нѣтъ, Ольга!... я останусь здѣсь цѣлую ночь...“

„Боже!“ — прошептала, вздрогнувъ, несчастная дѣвушка; сердце ея сжалось, и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣна...

„Послушай! — сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру; посадивъ ее на лавку, онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ: — Послушай, было время, когда я думалъ твоей любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты

обманула меня — тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ... какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ, тебя не любить невозможно... я это знаю... О, да посмотри на меня!... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!... Да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долей твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О, да, это невозможно тебѣ постигнуть... Если бы я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣна... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя умирая!..“

„Проклинай!“ — отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

„Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... Это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай: между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ, мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно! довольно! Послушай: если-бъ бѣдная собака,

изсохшая, полуживая отъ холода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя былъ бы кусокъ хлѣба, одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?..“

„Сердце — не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...“

„А! не въ твоей власти!... А! но развѣ я это у тебя спрашивалъ?“

„Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...“

„Въ тебѣ нѣтъ жалости!...“

„А въ тебѣ есть жалость?“

„Такъ ты его очень, очень любишь?“

„Больше всего на свѣтѣ...“

„А!... больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!“

„Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ“.

„Ошибаешься, — воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ,— онъ непремѣнно долженъ умереть... и очень скоро!...

„Я умру вмѣстѣ съ нимъ...“

„О, нѣтъ! ты не умрешь... не надѣйся!...“

„Я надѣюсь на Бога... Онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ Себѣ или спасетъ его, не смотря на всю твою злобу...“

„Не говори мнѣ про Бога!... Онъ меня не знаетъ; Онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву — Ему все равно... И не думаешь ли ты смягчить Его слезами и просьбами?... Ха, ха, ха!... Ольга, Ольга!... Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ, ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да! — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — и

если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову...“

Онъ отвернулся, хотѣлъ, повидимому, что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его; онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе...

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери...

Глава XVIII

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ кромѣ какъ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына.

Народъ далъ ей прозваніе „Чортова Логовища“, и суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ итти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высокимъ камышемъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманывала неопытнаго путника, и высокій тростникъ скрывалъ ямы и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и, спустясь съ него, поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ; на опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось, простирали огромныя вѣтви, чтобъ заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: „lasciate ogni speranza voi ch'entrate!“ Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ; наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо, и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый трудолюбіемъ какого-нибудь бѣднаго мужика; грозномолчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ея свѣжести, будто намѣре-

ваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до „Чертова Логовища“, но тропинки уже нѣтъ нигдѣ, и должно итти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія; лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмѣль и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; иногда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющемъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, не привыкшій къ степной жизни, воспитанный на булеварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ. Тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокій оврагъ; его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться, придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро

катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣлѣе пуха лебяжьяго останавливается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины и, наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна, уставленная нѣсколькими высокими дубами; посерединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ-нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но, войдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галлереи; отверстія такъ малы, что едва на колѣнахъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе, и, наконецъ, три человѣка могутъ итти рядомъ безъ труда, не задѣвая почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ, повидимому, въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галлерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько саженъ она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачиваетъ направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію: — она оканчивается обрывомъ или, лучше сказать, поворачи-

ваетъ вертикально внизъ; должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобъ спрыгнуть туда; какъ ни говори, — двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искусственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикальной плоскости, потомъ склоняется налѣво и впадаетъ въ широкую круглую залу, куда также примыкаютъ двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посерединѣ одинъ четыреугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ, служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленькій ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго, вѣроятно, съ намѣреніемъ, въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и, наконецъ, скрывается въ другомъ отверстіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ; немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсня узника оживляетъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля — все поросло мохомъ; при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ скромныхъ звѣрьковъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два

изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подъѣзжалъ къ нему, хотя ни разу не осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то „Чертово Логовище“, не смотря на это адское прозваніе, представилось его мысли, какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, милые слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти. Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ, — но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизиціей упасть въ колючія объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, богохульнаго, страшнаго изображенія святѣйшей святыни... О, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверьми шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти, Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ, — слово смерть, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ; но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая, съ распростертыми руками, какъ висѣлица, то неожиданная, внезапная,

какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга. Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?... молитвой!... Но напрасно!... уста его шептали затверженныя слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было, самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостію большой крысы или другого, столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастіе — женщина: коли полюбитъ вдругъ сначала, такъ разлюбитъ подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понялъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; онѣ пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы, сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ — и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листья!...

Между тѣмъ дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?... гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей? — никого, рѣшительно никого!... Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводитъ? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились?... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?...

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывной звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса, наконецъ, все умолко; прошло еще полчаса, — вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ: „баринъ! баринъ! вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?“

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба, и вылѣзъ изъ сусѣка.

„Это ты, хозяйка?“ — пролепеталъ онъ невнятно.

„Я, я!... да не бойсь... они всѣ уѣхали; поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...“

„Хозяйка, — прервалъ Палицынъ, — ужъ свѣтаетъ... Послушай... я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ, недоброе... да это все равно... ты знаешь „Чортово Логовище“?...“

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась... и

посмотрѣла пристально на Палицына. „Охъ, кормилецъ! бѣда, сатанинское это гнѣздо...“

„Нѣтъ другого!“ — возразилъ онъ въ отчаяніи.

„Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кончу: ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье; скинь-ка свой балахонъ, а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенекъ, да зато не болтливъ, и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ...“

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малый лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь; онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо. Почесывая затылокъ и кивая головой, онъ зѣвалъ безпощадно, и только по временамъ отвѣчалъ: „хорошо, мачька!“ Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужъ былъ готовъ. „Съ Богомъ!“ — прошептала имъ вслѣдъ хозяйка. Они вышли въ поле черезъ заднія ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному „Чортову Логовищу“, обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ — опасаясь погони, другой — боясь духовъ и привидѣній; оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

Глава XIX

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ

рысью; тысячи предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснились въ умѣ его, но спасти Ольгу или, по крайней мѣрѣ, погибнуть возлѣ нея — было первымъ чувствомъ, господствующею мыслію его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслужившая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возросла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь о бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодыя нивы, — какъ молодой народъ, онѣ волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими очами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій... Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночного сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часового. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ, который неимовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла: онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дому на всякій случай, осмотрѣлъ кремень, взвелъ

курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль, и, наконецъ, показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

„Стой! — закричалъ Юрій, — не приближайся! или я размозжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?“

„Или ты не узналъ меня, баринъ, — отвѣчалъ хриплый голосъ, — неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?“

„Какъ? Это ты Ѳедосей? — воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его, — но зачѣмъ ты здѣсь? — продолжалъ онъ строго, — мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?... Говори“...

„Эхъ, баринъ, баринъ!... ты грѣшишь; я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ, и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка!... Времена тяжкія... да ужъ Ѳедосей тебя не оставитъ: гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; Онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: „служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ“... А кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать?... Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, да я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной, и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужъ таково дѣло холопское, ты меня поилъ и кормилъ до сей поры, теперь пришла моя очередь... сгибну, а господъ не выдамъ...“

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

„Если ты говоришь правду, Ѳедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою... но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...“

„Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ-одинехонекъ?...“

„Ѳедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ ему скрыться... и ѣду. — Юрій призадумался, и, наконецъ, отворотясь, молвилъ отрывисто: „я хочу видѣться съ Ольгой.“

„Вотъ что! — подумалъ Ѳедосей, поглаживая усы, — время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ“. „Эй, баринъ, — молвилъ онъ, осмѣлившись, — брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...“

„Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...“

„Плохо,“ — пробормоталъ Ѳедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ, ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ, и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

„Баринъ, — воскликнулъ вдругъ Ѳедосей, — посмотри-ка, кажись, наши гумна виднѣются... Такъ, такъ!... остановись-ка, баринъ... Послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу, — я пойду и приведу ее,

а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... береженаго Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...“

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. „Какъ! — думалъ онъ, — и я для нея побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью!...“ Но скоро, съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился!... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Ѳедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я... противъ правды словъ нѣтъ. Я уже прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга онъ былъ человѣкъ, какъ и другой — просто добрый, умный юноша. — Что дѣлать?...

Когда Ѳедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю. Напрасно онъ думалъ, что хладный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладятъ кровь, успокоятъ волнующуюся грудь... Всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь зловреднаго генія, заводитъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ

картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее; такъ, врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства, — но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ: „Ужели ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ?“ И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ, по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянныя имъ на дорогѣ жизни; но увы! эти чувства не принесли плода: одни, какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны странниками, иныя упали на камень и сгнили отъ дождей безполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колѣнахъ няни, трепещущимъ при словѣ „бука“; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы, и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ насталъ возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдаютъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. Анютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣща-

ній, какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! — Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны и какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ корридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и подъ конецъ преступные поцѣлуи; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста его впивались въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорятъ, что пора служить... онъ спрашиваетъ: зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15-ти лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16. Итакъ... итакъ... заложили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости воля, и рощи, и поля, прости счастье, прости Анюта!... Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за дверей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щечки, онъ, какъ вихрь, промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... „О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня!“ — думалъ онъ тогда... но что же? Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась дюжей толстой

бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... Очарованіе разлетѣлось, какъ дымъ; настоящее отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и принесъ эту жертву своему самолюбію почти безо всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли, побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава — вотъ его кумиръ!... Война — вотъ его наслажденіе!... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя, низверженныя чалмы поклонниковъ корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ: „Молодецъ! хватъ! лучше меня... Помилуй Богъ!“ О, Суворовъ, вѣрно, ему скажетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, сквозь огонь и градъ пуль турецкихъ, на окровавленный валъ, и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя безцѣльной раны, водрузитъ въ чуждую землю первое знамя съ двуглавымъ орломъ. — О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!...

Но войска перешли черезъ границу русскую, пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится черезъ дикія поляны... О! какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный

воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо!... Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и нескромныхъ? Кто она? — О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ, если Богу есть какое-нибудь дѣло до сердца человѣческаго.

Онъ нашелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его, и онъ поднялъ Зару, и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ, незрима и прекрасна, какъ ангелъ. Въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была или чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ эти волосы, разсыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій и предался прекрасной мусульманкѣ, предался и тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не

былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... о, какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу, и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно развѣшанныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ; но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился: на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытно лобзалъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя; но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно всѣ упреки, всѣ обиды... О, въ ней точно кипѣла южная кровь!

„Неблагодарная, змѣя! — воскликнулъ Юрій, — говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на всѣ мои ласки ты не знала другого отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже! Создатель! такая наружность — и такая душа! О, если всѣ Твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адомъ и раемъ? Нѣтъ, Зара!... нѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори, чего ты хочешь?“

„Я хочу свободы!“ — отвѣчала Зара.

„Свободы! а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ, но они

сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!... Божій міръ великъ... найди себѣ домъ, друзей... ты видишь: и безъ моей смерти можно получить свободу..."

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое, какъ бѣлый туманъ, обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула — и снова скрылась... Прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только-что начинало разгораться и проникать одежду... Вдругъ, въ одномъ шатрѣ, Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!... онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителенъ; не злоба, но глубокая печаль проникала въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть — и не умеръ, рѣшился забыть Зару — и, друзья мои, забылъ ее!

Наконецъ, кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной — чрезвычайно покойная и умная выдумка!... Не одна

30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій со злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ, и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли... О! какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что̀ ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факелъ, окропленный водою, съ усиліемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножемъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплесть, перерубитъ, подобно Александру.

Глава XX

Ѳедосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и, наконецъ, спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери, и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту

онъ остался неподвиженъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь и взошелъ; но переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся, и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить ея формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что это или злой духъ, или злой человѣкъ. Когда Ѳедосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія. На полу сидѣла или, лучше сказать, лежала Ольга, преклонивъ голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ; можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневатой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо, а сердце 18-лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманитъ его, какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья; ручей — это надежда: покуда она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены; но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужда до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда взошелъ Ѳедосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ, и дрожавшій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое, гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и хладные, какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались, какъ прежде: взоръ мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, и ни малѣйшая краска не пробѣгала ни по шеѣ, ни по ланитамъ. Женщина, только потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ ней стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ, онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

„Вставай, вставай — время дорого.“

„Ты опять здѣсь!...“ — простонала она, не приподнимая головы.

„Какой чортъ, опять! да ты меня не узнала, што-ли? Вставай! время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня съ нимъ что случится...“

„О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... О, Вадимъ,

дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ..."

„Что ты, матушка, бредишь? Помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Ѳедосей, чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное..."

Какъ пробужденная отъ сна, вскочила Ольга, не вѣруя глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдого ловчаго и, наконецъ, воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ: „Такъ онъ меня не забылъ? такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною далеко, далеко..." — И она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника, и смѣялась и плакала... — „Нѣтъ, — продолжала она, немного успокоившись, — нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили; нѣтъ, онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ, вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня; нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки..."

„Я этого ничего не знаю, — прервалъ хладнокровно Ѳедосей, — ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не поздно..."

„Но куда? какъ?"

„Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?"

„Ѳедосей, если ты обманываешь, оборони Боже..."

„Что я за бусурманъ!... да скорѣе!... Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ, чай, глазыньки проглядѣлъ!..."

„Я готова..."

Ѳедосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все-ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, вытянулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать — не могла... Передъ нею Ѳедосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и скребъ ее ногтями, а надъ нимъ, съ топоромъ въ рукѣ, на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій. Онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ, побѣдившій змѣя; улыбка, ядовито сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе — да, сожалѣніе палача, который не изъ собственной воли, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

„Ты видишь, — сказалъ, наконецъ, Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ, — я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженныя черты нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!... тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать, для кого и ты бы ихъ покинула, если-бъ имѣла... Это онъ! бѣдный, глупый юноша, который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мун-

диръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ льстецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія. Да! что же онъ теперь? окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды..." И Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: „Какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга; я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ: посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Творецъ небесный!... кто же все это сдѣлалъ? кто превратилъ прекрасное созданье Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый, чистый мозгъ? кто? я, я, я, ха! ха! ха! ха! — презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ!... да! да! неужели это такъ удивительно?... Я говорилъ тебѣ, Ольга: не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія... Ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастіе, мечту; а я обѣщалъ месть — и вѣрную месть! Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнутъ Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи!... Я твой братъ, Ольга, братъ, господинъ, повелитель, царь твой; насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства, мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей..." — Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ

уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала въ воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и, принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ: „Свершилось первое мое желаніе! онъ палъ, — вотъ онъ, убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, губитель моего перваго блаженства, ненавижу тебя и въ могилѣ, и берегись, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга, ты ступай, куда хочешь, — между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ; живи, умри — мнѣ все равно. Прощай, сестра! прощай и ты, бѣдный юноша!“

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо, вздрогнулъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе, вдругъ закричалъ и отскочилъ, какъ бѣшеный. Голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю, какъ камень; это было мгновеніе, но въ семъ мгновеніи заключалась цѣлая и ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ держаться на ногахъ; блѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью и, — какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ! — да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами!

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертваго. Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что, закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ, казалось, понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ Провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого ку-

питъ побѣду. Но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ, то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить; и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка? Воля заключаетъ въ себѣ всю душу; хотѣть — значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если бы волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ — какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытьи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры. Свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго, и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой, такъ высоко взвивались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой, полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно, и розовый

блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большого, сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крыльями, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ, и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые, на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто, а въ груди Вадима какая буря!

Глава XXI

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ, и гибкіе верхи деревъ едва колебались, перешептываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка напѣвали странствующія птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные частосплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина, ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями, и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую, отъ росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадаю-

щіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса... По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умѣ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза, и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучемъ солнца.

„Ты задумчивъ! — сказала она, — но отчего? Опасность прошла, я съ тобою... ничто не противится нашей любви. Небо ясно, Богъ милостивъ!... зачѣмъ грустить, Юрій? — Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но зато, какъ они, свободны; пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы — нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...“

„Да, — отвѣчалъ Юрій, — счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!...“

„Развѣ лучше, если я буду плакать?...“

„Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О, если бы ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей!... И какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ? Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? А теперь! — русскіе дворяне гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простого козака, подлаго самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ — о, змѣи! змѣи! Если бы я зналъ, я бы раздавилъ васъ... И вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать,

отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холодъ, жизнь нищаго, а тамъ — висѣлица, пытки, позоръ... Боже, что́ мы сдѣлали? О, казни меня Самъ, но зачѣмъ поручить орудіе казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?"

„Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ, и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царицѣ, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери..." — При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею; дѣвственныя груди облились румянцемъ и заволновались, стараясь вырваться изъ-подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

„Ты права! — говорилъ онъ, — чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ! чего болѣе для меня?... я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно умереть, я умру, не

вздрогнувъ, не простонавъ... Клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣна передъ низкими палачами!..."

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листахъ, коими усѣяна была земля.

„Пойдемъ по этому слѣду, Ольга, — сказалъ онъ, подумавъ немного, — онъ приведетъ насъ куда-нибудь... быть-можетъ, къ мѣсту спасенія... Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ..."

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и забросанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій, они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревами воззышались три намъ уже знакомые кургана.

„Что это значитъ?" — воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіеся выходы пещеръ.

„Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари Провидѣніе — мы спасены!..."

„Но что такое? я не понимаю тебя"!

„Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались. Но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема."

„Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Юрій, осматривая

мѣсто, — если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь или другой негостепріимный пустынникъ.“

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову — точно! но что это значитъ? ужъ не занята ли ихъ квартира? — Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула: „Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты!...“

„Итти... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ синяго неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы?... что намъ за дѣло... Если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять, если изгнанники, подобные намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... Къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показать свои лица въ народѣ...“

„Но я боюсь, Юрій, твои убѣжденія ничтожны... я боюсь...“

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и, устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

„Ты ребенокъ! стыдись...“

„Я не знаю ни стыда, ничего... Ради любви моей, не ходи въ пещеру; пойдемъ далѣе: это западня... Какъ тамъ темно, какъ страшно...“

„Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то, не зная окрестностей, забредемъ Богъ знаетъ куда и попа-

демся въ руки козаковъ; тогда я неизбѣжно погибъ, — развѣ ты хочешь моей смерти?“

„Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?“

„Итакъ, пусти меня... или лучше, пойдемъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ, что суждено!“

Съ сими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣнахъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе, и, ощупью подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было итти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь, порою дымъ валилъ ему навстрѣчу; и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи, онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ. Сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвесть какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій взошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четыреугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись

къ землѣ, казалось, не обращалъ на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и, приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

„Кто здѣсь?... вставай!... что ты за человѣкъ?... другъ или недругъ?... отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!“

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и, схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся, не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы, и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался, вѣроятно, несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь, красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во всѣ стороны.

„Остановись, — сказалъ Юрій, — или я тебя пронжу насквозь.“

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: „Кто ты?“

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: „Сынъ мой! сынъ мой!“

Они упали другъ другу въ объятія, они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то-есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, — по

крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы... а эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы, грѣшные, наши утреннія и вечернія молитвы, — сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо, имъ совершенно чуждое, существо забытое, но прекрасное, нѣжное, женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой, какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, — но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ, съ помощью бѣдной, но гостепріимной солдатки, онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: „Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ, — это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобы посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?... Адъ и проклятіе! кто-бы ожидалъ!..“

„Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!“

„Слухи! слухи! а кто имъ вѣрилъ? — напасть Божія на насъ грѣшныхъ, да и только... Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ, и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь,

пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня поутру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ... чай, солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?“

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась; какъ восковая кукла, неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки? милліонъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ, и нерѣдко и лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма — наоборотъ!

„Здравствуй, Оленька, — сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ, — ты въ пору зачванилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...“

„Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе?“ — отвѣчала она отрывисто.

„А развѣ нѣтъ?... Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.“

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ; но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца и, отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

„Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставитъ вѣчныя пятна... Вы меня поняли?... простите меня... моя кровь кипитъ при одной мысли... я не мѣряю слова на аршинъ приличій... вы согласитесь на мое предложеніе... въ противномъ случаѣ все, все забыто... уваженіе имѣетъ границы, а любовь — никакихъ."

Глава XXII

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду — вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлеѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора... И вдругъ взоръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!... точно!... онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! Она бѣжала, — это ясно, но съ кѣмъ, съ кѣмъ? развѣ нужно спрашивать! О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превращается въ желчь. „Нечего дѣлать! — думалъ горбачъ, скрежеща зубами, — тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ рукъ моихъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливымъ

нищимъ, дерзкій безумецъ, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!“ Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе. Въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти козаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмѣльного напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ, по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни; а молодые парни, слѣдуя за ними, перешептывались и порою громко отпускали лихія шутки на счетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распоряжали ихъ словами и мыслями; они примѣтно позволяли себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодежь и послушаемъ. Объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобородыми старшинами — отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали. Увы! къ несчастью, козаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія! они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже поднималъ свою толстую плеть надъ головою старосты, и его товарищи ужъ произносили слово „пытка“. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща приказчика на

арканѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усастый, съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго приказчика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣнахъ, съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябого козака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

„Что это за птица, Грицко? — сказалъ урядникъ маленькому козаку, — что это за кликуша?... отчего реветъ, какъ волъ? ужъ не онъ ли здѣшній господинъ?“

„А бисъ его знаетъ! — отвѣчалъ Грицко, — говоритъ, што приказчикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не добьешься... Я его нашелъ подъ лавкой на кухнѣ и насилу выкурилъ оттуда головешкой.“

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ козака прочесть свой приговоръ.

„Такъ ты приказчикъ?“ — спросилъ Орленко, обратясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить и заикнулся.

„Что-жъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ кинжаломъ расцѣплю зубы...“

„Виноватъ! я приказчикъ...“

„А! ты виноватъ! — сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться: — въ чемъ

же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь!" — Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

„Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! вашежъ благородіе, помилуй!..."

„Ты у меня запираться!..."

„Виноватъ! — опять заревѣлъ приказчикъ, — сжальтесь... я отъ страху не знаю, что говорю... я приказчикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу... я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ..."

„Будто-бы! точно ли?"

„Да убей меня Богъ! если я бы хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!"

„Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?"

„Борода?... да такъ... а что, родимый?"

„Эй, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки..."

„Ваше превосходительство! — сказалъ приказчикъ, привставъ съ большею увѣренностью, — извольте спросить у всѣхъ мірянъ: любилъ я господъ своихъ?..."

„Эй, вы! правду ли онъ говоритъ?"

Мужики переминались, почесывали затылокъ, кашляли.

„Видишь, молчатъ! — сказалъ насмѣшливо Орленко. — Да я подозрѣваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ?... борода-то мнѣ подозрительна!... Эй, мужички! какъ вы думаете? ха, ха, ха!"

Увы! народъ молчалъ.

Приказчикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ и, не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу; и, не зная, что дѣлать, закричалъ: „Ахъ, вы

нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не приказчикъ Матвѣй Соколовъ? развѣ въ первый разъ вы меня видите?... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы канальи! — развѣ вы забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется?...“

Лукавые мужики покашливали; наконецъ, одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ: „Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... А теперь... не хочешь ли теперь на себѣ примѣрить?“

„Что же? ты его признаешь за барина своего?“ — спросилъ Орленко.

„Баринъ-то онъ не совсѣмъ баринъ, — сказалъ мужикъ, — да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда попъ — туда и попова собака!“

„Что-жъ я буду съ нимъ дѣлать?“

„А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь...“ — заговорило нѣсколько голосовъ.

Приказчикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ: „Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряный... что я тебѣ сдѣлалъ?... неужто нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ?...“

„А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты? вашей братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть, дѣлайте изъ него, что хотите!...“

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: „смерть“, „висѣлица“, отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались,

всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею!

Вдругъ толпа раздалась, разхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту, съ изорванными одеждами, явился предъ козаками. Когда урядникъ его увидалъ, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому; но Вадимъ — ибо это былъ онъ — не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ: „Отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...“ — Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чьемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

„Здравствуй, Орленко, — сказалъ онъ отрывисто, — звѣря я сослѣдилъ, а поймать ваше дѣло.“

„Ужъ ты молодецъ, Красная Шапка... знаемъ мы тебя...“ — Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли еще однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

„Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...“

„Только укажи слѣдъ, — сказалъ улыбаясь Орленко, — а ужъ за наградой дѣло не станетъ;

сколько бы денегъ на немъ ни нашли, — вотъ тебѣ крестъ, — десятую долю тебѣ.“

„Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...“

„Чего-жъ ты хочешь... крови?...“

„Да, крови!“ — съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

„Что-жъ, и за этимъ дѣло не станетъ!...“

„О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть... Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова; чтобъ я насытился его мученіями, — одинъ, слышите ли, одинъ; чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства!... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка!... слышите ли?“

Нѣкоторые козаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, на которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей. Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

„Ахъ, ты уродъ, — сказалъ урядникъ; — ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть! ха, ха, ха!“

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на козака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнулъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся, чтобы не могли прочитать его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

„Коня! — закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна, — дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ — вся честь и слава... мнѣ же...“ Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ козаковъ, и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ;

мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась... и слѣдъ простылъ...

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный приказчикъ на удаляющуюся толпу козаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его, или засѣчь, или уморить съ голоду въ холодномъ амбарѣ. Послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому амбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сіи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобы описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на заваленкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада, съ топотомъ, пылью и блеяньемъ возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ, и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

Глава XXIII

Вадимъ ѣхалъ передъ козаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ безмолвствовалъ; онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ... онъ прощался съ этими мечтами навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми козаками; они также молчали; иногда вырывалось

шутливое замѣчаніе, за нимъ появлялись три-четыре улыбки — и только! Вдругъ одинъ изъ козаковъ закричалъ: „Стой братцы! Кто это намъ ѣдетъ навстрѣчу? слышите топотъ... видите пыль тамъ, за изволокомъ! Ужъ не наши ли это изъ села Краснаго? то-то, я думаю, была пожива, — не то, что мы, чай, пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э!... да посмотрите... вѣдь точно видно — они! Ахъ, разбойники... черти ихъ душу возьми!... Экъ сколько телѣгъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!“

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ навстрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала. Впереди ѣхало человѣкъ 50 козаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ, сѣдымъ наѣзникомъ на сѣрой, борзой лошади; за ними шло человѣкъ десять мужиковъ со связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однѣхъ рубашкахъ; потомъ слѣдовало нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами, и, наконецъ, двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ козаковъ окружало сіи кибитки. Когда Орленко съ своими козаками приблизился къ нимъ саженъ на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, пріударилъ коня нагайкой и подскакалъ къ каравану. „Здравствуй, молодецъ, — сказалъ ему сѣдой наѣзникъ съ привѣтливой улыбкой, — откуда и куда путь держишь?“

„А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородкѣ! онъ имъ совьетъ пеньковое ожерелье, — не будутъ въ другой разъ бунтовать!...“

„Я отгадалъ, старый, что ты, вѣрно, въ Красномъ пировалъ.... да, кажется, и теперь не съ пустыми руками..."

„Да, нельзя пожаловаться на судьбу!... бочки три вина веземъ къ Бѣлбородкѣ."

„Къ Бѣлбородкѣ! Все ему! А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ козачковъ не попотчевать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына, и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся!..."

Старый обратился къ своимъ и молвилъ: „Эй, ребята, какъ вы думаете? вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать привалъ... своихъ обдѣлять не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... а тамъ, что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе..."

„Стой!" — раздалось по всему каравану.

Стой! — Скрипучія колеса замолкли, пыль улеглась; козаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телѣги, съ завистью слушали разсказы послѣднихъ про богатыя добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность. Между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгалъ небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала. Вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телѣги и кибитки и, наконецъ, остальные козаки, ведя въ поводу лошадей своихъ.

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія невѣрной добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ миловидныя бочки вина, то,

подъѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ: „Итакъ, сегодня нѣтъ надежды?“

„Да, братъ, наврядъ; да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ; скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня.“

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отъѣхалъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ толстой березѣ и сѣлъ на землю; прислонясь къ березѣ, сложа руки на груди, онъ смотрѣлъ на приготовленія козаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, если-бъ вы знали, что онъ увидѣлъ! Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности... Но рокъ измѣнилъ. Онъ уже перешагнулъ двѣ ступени гибели: сопротивленіе, плѣнъ, теперь осталась третья — висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченныя когтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе

удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, осѣненные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть — ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойнаго, всепроникающаго взгляда; но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, — и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова: женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозою и стопами прохожаго; и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнокъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасеніе балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта, и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на колѣнахъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ козаковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... Они, однако, не

смѣли подойти къ старику: его строгій, пронзительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ козаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку, — началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разсказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать, возрастать, какъ грозное крещендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя, вольныя, какія разноцвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ, согласно съ догорающимъ западомъ, озаряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

„За здравіе пана Бѣлбородки! — говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ, — онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!“

„Чортъ его побери! — отвѣчалъ другой, покачиваясь: — славный малый! пьетъ, какъ бочка, дерется, какъ звѣрь, и умнѣе монаха.“

„Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣлѣ зарубкой, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!...“

„Ахъ, ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за амбаромъ... ха, ха, ха!“

„А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признавайся, когда старикъ-то заперся въ свѣтелкѣ да началъ отстрѣливаться?“

„Я? а гдѣ бишь?... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я, подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна?“

„Да это было прежде... Ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалый повалилъ его сына?“

„Что? ничего.“

„Такъ врешь! онъ положилъ его поперекъ окна и, прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго... вотъ повалилъ-то! какъ снопъ! Ужъ я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружья... по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ.“

„А много вашихъ легло?“

„Да человѣкъ десятокъ есть!... Зато ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покрошили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умереть немолодецкой смертью.“

„Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...“

„Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!“

„Эхъ, кабы я былъ старшина!“

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе, и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

„Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить? — развѣ боитесь своихъ старшинъ?“ — сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха. — „Кто мѣшаетъ? — заревѣли пьяные козаки, — кто смѣетъ намъ мѣшать?... Мы дѣлаемъ, что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми... Убить, да, убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте, ребята!...“ — И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несча-

стный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понялъ.

„Чего вы хотите?“ — сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

„А, старый воронъ! старый филинъ!... мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда!... Да выходи же!...“ — сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпившись обѣими руками за его платье. — „Не бойся, — шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой, — не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же...“ — Онъ отвернулся... О, какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки!... сколько прелестей, сколько отчаянія!...

„Разнимите ихъ! — закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю, — что они лижутся!“

Ихъ хотѣли растащить... но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку. „Перестань, — сказалъ отецъ твердымъ голосомъ, — ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману...“ — „Не можетъ быть! не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь...“ — „Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ... молись!...“ — Она отрывисто качнула головой и заплакала... Боже! какія слезы!

Несмотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ козаковъ, прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

„Теперь пойдемте“, — сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... Ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ, и раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился кверху; мученикъ сорвался, ударился о-земь, и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. „Убійцы, — прохрипѣлъ онъ, — вотъ вамъ мое проклятье, проклятье!“ — „Заткни ему горло,“ — сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика, — и онъ умолкъ.

Когда козаки хотѣли увѣриться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно!... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ, — и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить изотлѣвшая, разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей, рѣзвой, чистой, какъ радужный мотылекъ, невинной, какъ первый вздохъ младенца... Грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! Какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака, дымныя, багряныя, лиловыя, гурьбой собираются на западѣ, сливаются въ столпы огненные, спле-

таются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный, какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ — и разлетѣлись облака и упадаютъ росою на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты! да ангелъ твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощанья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ, — онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ, и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка, и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенести никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына, увидать его у ногъ своихъ, грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха, — надежда усладительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала, и многіе уже спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

„Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ сердитъ, задумчивъ, горбачъ?“ — сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

„Ты видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ?“ — отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

„Вижу.“

„Ну, а какъ ты думаешь, что̀ таится въ глубинѣ его?“

„Что? по̀-моему, громъ и молнія... вишь, какъ насупилось...“

„И ты спрашиваешь, зачѣмъ я угрюмъ и молчаливъ?...“

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Глава XXIV

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу козаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенныя кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина, и по временамъ раздавался рѣзкій, грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый, — и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту непріятную, пошлую сцену, если-бъ она не слу-

жила необходимымъ изъясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не почитаю за необходимость долѣе извиняться.

„Ахъ ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть... собачій сынъ!“ — говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

„Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду! — ревѣлъ длинный балбесъ, утирая глаза кулаками. — Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, я шелъ... шелъ... да меня лѣшій и обошелъ... а я усталъ да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...“

„Ахъ ты разбойникъ!... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти.“ — И удары снова градомъ посыпались ему на голову. — „Чай онъ, мой голубчикъ, — продолжала солдатка, — тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался въ руки душегубамъ... а ты, нечесаная голова, и не подумалъ объ этомъ! Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живого зажарятъ... Вотъ родила я какого негодяя на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы твоему отцу отъ меня ни к...а!“ — И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! бѣдные изгнанники по милости негодяя болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души. И въ самомъ дѣлѣ, какъ выйти, гдѣ искать помощи, когда

по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы?

Между тѣмъ, пока солдатка била своего парня, кто-то перелѣзъ черезъ частоколъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровнями и колодами, и взошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и, узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь и взошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее лицо; не говоря ни слова, онъ въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незваннаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно, узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

„Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ, Матерь Божія! да какъ ты зашелъ сюда... слава Богу! Я думала, что тебя злодѣи-то давнымъ-давно извели!...“

„Случайно я нашелъ батюшку въ, Чортовомъ Логовищѣ, — отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ, — ты его спасла! благодарю... Я пришелъ за хлѣбомъ...“

„Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный, — закричала она, обратясь къ сыну, — все это по твоей милости!... собачій сынъ...“ — И снова удары посыпались на бѣдняка.

„Дай мнѣ чего-нибудь!“ — сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ

горшокъ снятого молока, и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу... Въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба; если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца, — онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоцѣнный часъ. Востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выйти изъ гостепріимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ, и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку... Она подбѣжала къ окну, всплеснула руками, и простодушное, загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

„Дѣлать нечего, — сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость, — не правда ли, я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности!...“

Но хозяйка не отвѣчала; она приподняла половицу возлѣ печи и указала на отверстіе пальцемъ; Юрій понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

„Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили со мной, баринъ, не выходи отсюда прежде двухъ денъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть

молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станетъ!...“ — И тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ-будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ, и вошли козаки, предводительствуемые Вадимомъ.

„Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками? — спросилъ Вадимъ у солдатки, — гдѣ они?“

„На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!“

„Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.“

„И, помилуйте, отцы родные, да что мнѣ его прятать!... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...“

„Въ томъ-то и сила, что не твой,“ — подхватилъ Орленко и, ударивъ ее плетью, продолжалъ:

„Ну, живо поворачивайся, укажи, гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...“

„Дѣлайте со мною, что угодно, — сказала хозяйка, повѣсивъ голову, — а я знать не знаю. Вотъ вамъ Христосъ и Святая Богородица! Ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную.“

Нѣсколько козаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя: „Онъ здѣсь, непремѣнно здѣсь...“

„Отчего же ты въ томъ увѣренъ?“ — спросилъ Орленко.

„Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь, — я это чувствую... я отдамъ вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!..“

„Хорошъ подарокъ!“ — замѣтилъ кто-то сзади.

„Но какія доказательства? и какъ его найти?“ — спросилъ Орленко.

Грицко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: „пытка“ она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ, быть можетъ, новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

„Пытать, такъ пытать,“ — подхватили козаки, и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними, и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку и, перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу, и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились, и съ улыбкой взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

„Что, разбойница, — сказалъ Орленко, — теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?“

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

„Хоть зарѣжьте, не знаю,“ — отвѣчала несчастная женщина.

„Тащи выше“ — было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ... Глаза ея налились кровью: стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... Палачи

опять остановились, и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ: отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги, и она громко застонала, моля о пощадѣ.

„Ага! такъ, наконецъ, разжала зубы, проклятая.. Не бойсь, какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки заговорятъ... Ну, отвѣчай же, скорѣе, гдѣ онъ?“

„Да гдѣ онъ?“ — повторилъ горбачъ.

„Охъ!... охъ!... батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... отпустите на землю...“

„Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...“

„Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ!... охъ, Господи... спаси... батюшки...“

„Спустите ее,“ — сказалъ Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то козакъ повторилъ прежніе вопросы.

„Онъ убѣжалъ! — сказала она, — въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... Больше, вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю.“

Въ эту минуту два козака ввели въ избу рыжаго, замасленнаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

„Кто ты таковъ?“ — спросилъ Орленко.

„Петруха,“ — отвѣчалъ парень.

„Да, дурачина, кто ты таковъ?“

„А почемъ я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ...“

„Хорошъ! — сказалъ захохотавъ Орленко, — да гдѣ вы его нашли?“

„Зарылся въ соломѣ по уши около амбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы...

Вотъ мы его оттуда за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отмели."

„Послушай, Орленко, — прервалъ Вадимъ, — мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы, его матери!"

Козакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

„Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ."

„И то правда. Выведите-ка его на дворъ, — сказалъ Орленко, — а эту чертовку мы запремъ здѣсь."

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула, глаза ея засверкали.

„Послушай, Петруха, — закричала она звонкимъ голосомъ, — если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью!..."

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ столькихъ незнакомыхъ лицъ еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ козаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздались на дворѣ удары плети, ругательства козаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ... Она и молилась, и плакала, и бѣгала по избѣ въ нерѣшимости, что ей дѣлать; даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ сперва утихли крики, потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ козаки выходили одинъ за однимъ за ворота и на улицѣ, собравшись въ кру-

жокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой, остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать, содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ!...

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ

(Романъ)

1836 г.

Глава I

„Поди! поди!“ раздался крикъ.
Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народу, и между прочимъ шелъ одинъ молодой чиновникъ. Замѣтьте день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе, отъ котораго тянется цѣпь различныхъ приключеній, постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ, по Вознесенской шелъ одинъ молодой чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента, утомленный однообразною работой и мечтая о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузъ неопредѣленной формы и синяя ваточная шинель съ старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось, онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи

свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ магазиновъ и кондитерскихъ. Порою, поднявъ глаза кверху съ истинно-поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и, смутившись, извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извиненія. Напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!... Но еще чаще онъ останавливался, чтобы поглазѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотою; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы и, опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики, и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ. — „Баринъ! куда изволите?“ — „прикажите подавать!“ — „подавать-съ?“ Это была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: „Берегись, поди!...“ Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ, и развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ его груди, и паръ, вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна, обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю, и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: „Задавилъ, задавилъ!“ Извозчики погнались за

нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами, и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ; но колѣна у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь прійти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ, и съ этой минуты перенесъ онъ всю ненависть, къ какой только его душа была способна, съ извозчиковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ, бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль по канавѣ, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семіоновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стекляными дверьми съ мѣдною блестящею обдѣлкой.

„Ну, сударь, — сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистой, рыжей бородой, — Васька нынче показалъ себя!“

Надобно замѣтить, что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не „Ахелъ“ и не „Некторъ“, а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снялъ шинель, закиданную снѣгомъ, и взошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастью, вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ, вообще нескладенъ

и казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты. Хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ, но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты: когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, — и въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу, что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю, чтобы немного скрасить его наружность во мнѣніи строгихъ

читателей. Виноватъ, забылъ включить, что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменьки (папеньки ужъ не было на свѣтѣ), не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощію Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей взошелъ и доложилъ ему, что, дескать, барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволила ужъ откушать. „Я обѣдать не буду, — былъ отвѣтъ: — я завтракалъ.“ — Потомъ взошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, быстроглазый, бѣленькій, и съ виду большой плутъ, и подалъ, не говоря ни слова, визитную карточку. Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто принесъ.

„Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ, — отвѣчалъ Ѳедька, — и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ“ (такъ называлась мать Печорина).

„Что-же ты принесъ ее ко мнѣ?“

„Да я думалъ, что это все равно-съ!... Можетъ быть, вамъ угодно прочесть?“

„То-есть, тебѣ хочется узнать, что тутъ написано?“

„Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.“

„Я тебя слишкомъ избаловалъ, — сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ. — Набей мнѣ трубку.“

Но эта визитная карточка, видно, имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчъ — она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и разстроить очаровательный эффектъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло: онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано готическими буквами: Князь Степанъ Степанычъ Лиговской, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ, онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня. Увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать: Степанъ Степ... Печоринъ положилъ эти бренные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ лицо руками; и хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физіономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ, на

что подумать, — такъ далеко были его мысли, если не отъ міра, то, по крайней мѣрѣ, отъ этой комнаты.

„Кто это?“ — спросилъ онъ.

„Я!“ — отвѣчалъ принужденный контральто, — и раздался звонкій женскій хохотъ.

„Варенька! какая ты шалунья.“

„А ты спалъ! ужасно весело!...“

„Я бы желалъ спать — оно покойнѣе!“

„Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ такъ скучно? — вы всѣ ищете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!“

„А позвольте спросить, — возразилъ Жоржъ, зѣвая, — изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?...“

„Оттого, что мы дамы.“

„Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...“

„Я почему знаю! И что мы станемъ говорить между собою?“

„Моды, новости, развѣ мало? Повѣряйте другъ другу ваши тайны.“

„Какія тайны? — у меня нѣтъ тайнъ... Всѣ молодые люди такъ несносны...“

„Большая часть изъ нихъ не привыкли къ женскому обществу.“

„Пускай привыкаютъ, — они и этого не хотятъ попробовать!...“

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливою улыбкой:

„Варвара Александровна, я замѣчаю, что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.“

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ея преспокойно опять опустился въ свои

кресла. Между тѣмъ подали свѣчи, и пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ и гостиная, и соединялась корридоромъ съ другою частью дома. Свѣтло-голубые французскіе обои покрывали ея стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя сторы, — противуположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую-то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый кипою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей; по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткой зеленаго плюща, по другую — кресла, на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ, разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ, находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшены были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы — подарки сослуживцевъ, погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя каррикатурки Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя, кругомъ и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны, обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, — она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писан-

ное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ, не знавшимъ своего генія, и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо; казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и, казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ, когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ; Варенька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала, чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руку полусгорѣвшая визитная карточка.

„Что это такое? Степанъ Степ... А! это, вѣрно,

у насъ нынче былъ князь Лиговской!... какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ! Она была такая добрая... Я вчера слышала, что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!“

„Кажется, я, — отвѣчалъ Жоржъ: — раскуривалъ трубку.“

„Прекрасно! я бы желала, чтобы Вѣрочка это узнала... ей было бы очень пріятно! Такъ-то, сударь, ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу непремѣнно! Впрочемъ, нѣтъ... теперь ей должно быть все равно, она вѣдь замужемъ...“

„Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ!“ — отвѣчалъ ей братъ, и зѣвнулъ, не зная, что прибавить.

„Для моихъ лѣтъ! что я за ребенокъ? маменька говоритъ, что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна, какъ мужчина въ двадцать пять.“

„Ты очень хорошо дѣлаешь, что слушаешься маменьки.“

Эта фраза, повидимому похожая на похвалу, показалась насмѣшкой; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось, и они замолчали. Мальчикъ взошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

„Какая тоска! — воскликнулъ Жоржъ. — Надо ѣхать.“

„Тамъ будетъ madmoiselle Negouroff... — возразила ироническимъ тономъ Варенька. — Она еще вчера объ тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза! прелесть!...

„Какъ уголь, въ горнилѣ раскаленный...“

„Однако, сознайся, что глаза чудесные!“

„Когда хвалятъ глаза, то это значитъ, что остальное никуда не годится.“

„Смѣйся!... а самъ неравнодушенъ.“

„Положимъ.“

„Я и это разскажу Вѣрочкѣ.“

„Давно ли ты увѣряла, что я для нея — все равно.“

„Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски, — я не монастырка.“

„О! совсѣмъ нѣтъ! очень далеко...“

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить, что это былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самою нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы ее называть впослѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ, неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ, самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку, который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ конвертъ и надписалъ: „Милостивой государынѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Негуровой въ собственныя руки“, потомъ кликнулъ Ѳедьку и велѣлъ ему отнесть на городскую почту, — да чтобъ никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великой довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и черезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако, въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

Глава II

Давали Фенеллу (4-е представленіе). Въ узкой лазейкѣ, ведущей къ кассѣ, толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю, продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ лѣвой стороны и съ краю: важное преимущество для тѣхъ, которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще съѣхались. Между прочимъ, прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ была пустая ложа; возлѣ пустой ложи сидѣли Негуровы: отецъ, мать и дочь. Дочка была бы недурна, если-бъ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмевали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушивали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

Видно, еще письмо не дошло по адресу! — подумалъ онъ и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество бальныхъ знакомыхъ, съ которыми иногда кланялся, иногда нѣтъ, смотря по тому, замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ: ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ,

гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, — въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому, что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ, что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ, гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но увы, друзья мои, зато какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ съ своей невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими-то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе — сатира. Стоя внѣ круга мазурки, онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его.

Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно, и даже ему показалось, что его начали принимать съ бо́льшимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что, по кореннымъ законамъ общества, въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается.

Загремѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень, наконецъ, увидать людей, которые пропустили увертюру Фенеллы.

Занавѣсъ взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только пунцовый беретъ и круглую, бѣлую, божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной, чтобъ разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ, что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ея лица. У него заболѣла шея; онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Фениксъ — ресторація весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало, когда неуклюжіе рыдваны, влеко-

мые парою хромыхъ клячъ, тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юныя нимфы, окутанныя грубыми казенными платками, прыгали на скрипучія подножки, толпа усастыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни; и тамъ, гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно прогуливаются треугольныя шляпы безъ султановъ: великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой!

Печоринъ взошелъ къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣлъ Печоринъ, сидѣлъ также какой-то молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя пахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе, томные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ, разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать, что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и, казалось, не слушая разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разсказывали анекдоты, запивая дымъ трубки скверномъ

чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ. Печоринъ à propos разсказалъ, какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описанъ, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ и, протянувъ руку, чтобъ взять шляпу со стола, сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное; всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали исторію. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя. — „Что стоитъ посуда?“ — Ему сказали цѣну втрое дороже.

„Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ, что разбилъ ее, — продолжалъ Жоржъ холодно, — вотъ деньги.“

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

„Скажи ему, что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно.“

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику, что онъ все получилъ, и просилъ на водку; но тотъ, ничего не отвѣчая, скрылся. Толпа хохотала ему вослѣдъ; офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника, не запутавшись между тѣмъ въ исторію. О! исторія у насъ вещь ужасная! благородно или низко вы поступили, правы или

нѣтъ, могли избѣжать или не могли, — но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все: расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію! ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась! Частная извѣстность ужъ есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ, однако, у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкротство — безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю: въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній, чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Объявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо; его оправдываютъ фразою: „и! кто этого не дѣлаетъ!...“ Трусъ обласканъ вездѣ, потому что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію... — о! ему нѣтъ пощады! Маменьки говорятъ объ немъ: „Богъ его знаетъ, какой онъ человѣкъ,“ — а папеньки прибавляютъ: „мерзавецъ!...“

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку, примолвивъ: „Я имѣю съ вами поговорить!“ — По трепету руки онъ отгадалъ, что это его давешній противникъ. Нечего дѣлать: не миновать исторіи.

„Извольте говорить, — отвѣчалъ онъ небрежно. — Только не здѣсь, на морозѣ.“

„Пойдемте въ корридоръ театра,“ — возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, корридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекой лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ перилламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

„Я васъ слушаю!...“

„Милостивый государь, — голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись, и губы поблѣднѣли, — милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.“

„Это для меня не секретъ, — отвѣчалъ Жоржъ, — и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда-жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадалъ ваше намѣреніе; по крайней мѣрѣ, разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать... и начали очень остроумно,“ — прибавилъ онъ, насмѣшливо поклонившись.

„Милостивый государь, — отвѣчалъ онъ задыхаясь, — вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь, вамъ весело! А по какому праву? Потому, что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотыя эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ, какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!... вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости, потому что у меня нѣтъ денегъ, которыя бы я могъ бросить на столъ!...

Нѣтъ, никогда! никогда, никогда я вамъ этого не прощу."

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно, какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и, наконецъ, сказалъ:

„Ваши разсужденія немножко длинны; назначьте часъ — и разойдемтесь; вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ."

И точно, нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ салопахъ въ корридорѣ перваго яруса, начали подымать головы.

„Какое дѣло мнѣ до нихъ! пускай весь міръ меня слушаетъ!..."

„Я не этого мнѣнія... Если угодно, завтра, въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ."

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

„Драться! я васъ понимаю, — на смерть драться!.. И вы думаете, что я буду достаточно вознагражденъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ!.. Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я-бъ желалъ, чтобы вы жили вѣчно, и чтобъ я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться! нѣтъ!... тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ..."

„Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать," — возразилъ Печоринъ, пожавъ плечами, и хотѣлъ итти.

„Нѣтъ, постойте, — сказалъ чиновникъ, придя нѣсколько въ себя, — и выслушайте меня!... Вы думаете, что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрьте, что я меньше дорожу жизнью и будущностью, чѣмъ вы. Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ... я бѣденъ, такъ

бѣденъ, что хожу въ стулья. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія; я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать, старушка... Я все для нея: я ея провидѣніе и подпора; она для меня и друзья и семейство. Съ тѣхъ поръ, какъ живу, я еще никого не любилъ, кромѣ ея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду ...“

Онъ остановился, глаза его налились слезами и кровью...

„И вы думали, что я съ вами буду драться?...“

„Чего-жъ, наконецъ, вы отъ меня хотите?“ — сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

„Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.“

„Вы, кажется, забыли, что не я началъ ссору.“

„А развѣ задавить человѣка ничего? — шутка, потѣха?“

„Я вамъ обѣщаюсь высѣчь моего кучера...“

„О! вы меня выведете изъ терпѣнія...“

„Что-жъ, мы тогда будемъ стрѣляться!...“

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ и, наконецъ, онъ воскликнулъ:

„Нѣтъ, не могу, не погублю ее!...“ — и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ Фенеллы ужъ подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другого края, не замѣтили его отсутствія.

Глава III

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ Фенеллу, вы всѣ съ громомъ вызывали Новиц-

кую и Голланда, и поэтому я перескочу черезъ остальные три акта и подыму свой занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался пьесой, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ, и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и папенекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холоду и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали — одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы, смѣялись, говорили громко и наводили золотыя лорнетки на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ. И однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя — красотѣ обыкновенныхъ, обыкновенныя — увы! — гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры: у первыхъ почтительные и важные, у вторыхъ услужливые и порой неловкіе. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми, ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы же и простой народъ проходили другими дверями. Это была миніатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу, старался пробраться къ дверямъ.

Онъ поровнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

„Отчего вы такъ серіозны, monsieur Georges? вы недовольны спектаклемъ?“

„Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.“

„Неправда ли, что Новицкая очень мила?“

„Ваша правда.“

„Вы отъ нея въ восторгѣ?...“

„Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.“

„Вы этимъ никого не ободряете!“ — сказала она съ досадою и стараясь иронически улыбнуться.

„Я не знаю никого, кто бы нуждался въ моемъ ободреніи... — отвѣчалъ Печоринъ небрежно. — И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...“

„Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?“

„Право...“

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось, что тамъ, за колонною, мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ, и долговязый лакей повторилъ за нимъ: „Карета князя Лиговскова.“

Съ отчаянными усиліями расталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ, человѣка за четыре, мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящій купе, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. „На Морскую! пошелъ!“ — Интересную карету замѣнила другая, можетъ-быть, не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вко-

панный. Мучительная мысль сверлила его мозгъ. Эта ложа, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней, ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ; ея глаза, можетъ-быть, часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнетическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О, бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ! Раздосадованный, онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сани, разбудилъ толчкомъ кучера, который лежалъ, свернувшись, покрытый медвѣжьею полостью, и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за ней.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацію насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

„Вотъ, напримѣръ, Печоринъ, — говорилъ онъ, — нѣтъ того, чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ (Катенька его жена, пятидесяти пяти лѣтъ). Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ!... Какъ бывало въ наше время? влюбится молодой человѣкъ, — старается угодить родителямъ, всей роднѣ... а не то, чтобъ все по угламъ съ дочкой перешептываться да глазки дѣлать... Что это нынче — срамъ смотрѣть! И дѣвушки не тѣ стали!... Бывало, слово лишнее услышатъ — покраснѣютъ, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта... А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься... Замужъ захотѣлось!...“

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ, и она не могла произнесть ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась:

„Ужъ ты всегда на нее нападаешь понапрасну! Что-жъ дѣлать, когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; — чѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... славу Богу... что мнѣ ея наряды-то стоятъ!... А ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь... Да кабы замужъ не выходили, такъ что было бы..."

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... Дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты, одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Прежнія понятія, полузабытыя, полустертыя новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады или во время спора; они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнилъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ, служившихъ въ канцеляріи ея мужа; женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ; добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька — для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія. И если выйдетъ портретъ похожъ, то обѣщаюсь итти пѣшкомъ въ Невскій монастырь — слушать пѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она взошла въ свою спальню и кликнула горничную Марѳушу — толстую, рябую дѣвицу... Дурной знакъ!... Я бы не желалъ, чтобъ у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!... Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой, вымазанной чухонскимъ масломъ или приглаженной квасомъ, отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками шероховатыми какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами, хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и (что всего хуже) четвероугольной таліей, облѣпленною пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже, чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома, подобна крокодилу на днѣ свѣтлаго американскаго колодца; такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мое мнѣніе, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки и расшнуровать корсетъ, а сама, сѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на плечи... Но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавой ножкой, жилистой шеею и сухими плечами, на которыхъ обозначились красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій, вѣроятно, на подобныя

вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Марѳуша вышла. Тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размышленіямъ.

Конечно, ни одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушала съ притворной холодностію, притворной улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли никакихъ для нея другихъ слѣдствій, кромѣ лишнихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно: классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобъ легче угадать, о чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, разсказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе, что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія

не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанимать ея родители были не въ силахъ, — англичанки дороги. Нѣмку взять было также неловко: Богъ знаетъ какая попадется — здѣсь такъ много всякихъ... Лизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-французски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей, потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она играла... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады, и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто, и стали жить открытѣе... Пятнадцати лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резиновыя помочи. Лизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что француженки блѣдны, а англичанки худощавы... Надобно замѣтить, что прелесть блѣдности и худобы существуетъ только въ дамскомъ воображеніи, и что здѣшніе мужчины только изъ угожденія потакаютъ ихъ мнѣнію, чтобъ чѣмъ-нибудь отклонить упреки

въ невѣжливости и такъ-называемой „казармности".

При первомъ вступленіи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ, у нея нашлись поклонники... Это все были люди, всегда аплодирующіе новому водевилю, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею, чтобъ возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобы кольнуть самолюбіе жестокой красоты. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобъ пріятно провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна пріобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюбились не на шутку и требовали ея руки, но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... Къ тому же они всѣ были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытной и бойкой дѣвою: смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ нея стали увиваться розовые юноши, пробующіе свои силы въ словесной перестрѣлкѣ и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и вмѣстѣ тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливала ѣдкой насмѣшкой разливы краснорѣчія, — и вскорѣ они увѣрились, что она непобѣдимая и чудная женщина. Вздыхающій рой разлетался въ разныя стороны... И, наконецъ, для Лизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый

мучительный и опасный сердцу отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный или безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять, шутя, въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ, для смѣху, скомпрометировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ, что она отъ него безъ памяти, и стараться показать, что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ, какъ отъ нея отдѣлаться... говорить ей нѣжности шепотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя, что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно! она болѣе и болѣе запутывается. Наконецъ... увы... за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты.

Лизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ; но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобы себя поддержать, пріобрѣсти то, что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то-есть прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставши на который онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометировать дѣвушку молодую и невинную

онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть?... Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій — значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально и замѣтилъ, что никто ее не пригласилъ на мазурку. Знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями, устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную, чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дожидался ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

„Гдѣ вы скрывались? — сказалъ онъ, — я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья: такъ я сильно надѣялся, что вы мнѣ не откажете.“

„Какъ вы самоувѣренны.“

И неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

„Однако-жъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность?“

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца, блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что, наконецъ, онъ чуть-чуть ей не сказалъ, что обожаетъ ее до

безумія (разумѣется, двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой, довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль кряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется, онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постоянное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но зато дѣйствовалъ весьма открыто. Лизавета Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потомъ, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ, безо всякихъ видовъ, пригласили однако же его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣиваться, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона ***. Печоринъ по обыкновенію танцовалъ первую кадриль съ Елизаветою Николаевною.

„Какъ хороша сегодня меньшая Р.," — замѣтила Елизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча, и, наконецъ, отвѣчалъ:

„Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунцовые цвѣты въ ея густыхъ, русыхъ локонахъ. Я непремѣнно даю себѣ слово танцовать съ нею сегодня, именно только потому, что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе."

„О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны," — отвѣчала она, вспыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р., или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала; но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила, что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ иронической улыбкой:

„Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?"

„Il est très aimable," — отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего послѣдняго кавалера, ибо остальные молодые люди, видя, что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности, которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался о ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она напротивъ, вслѣдствіе плохого

расчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно! Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало-по-малу сама увѣрилась, что его точно любитъ. Родители ея, болѣе проницательные въ качествѣ безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: „Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда, что онъ старъ и въ параличѣ, — да что нынѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали, что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволитъ ему жениться! Что-жъ вышло! Онъ же надъ тобой и насмѣхается."

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для ней не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться, а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну, пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постели съ книжкой въ рукахъ и съ мыслями, бродящими въ минувшемъ и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло; конвертъ сорванъ дрожащими

руками, свѣча придвинута, и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись, что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Вмѣсто подписи имени, внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимыя въ лунѣ, которымъ многіе простолюдины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

„Милостивая Государыня. Вы меня не знаете, я васъ знаю, мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни такъ же мнѣ знакома, какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слыхали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому, что вы никогда на меня не обращали вниманія, и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно, что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова возжечь въ немъ чувства, которыя ему никогда не снились. Онъ съ вами пошутилъ. Онъ недостоинъ васъ; онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совсѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, то я клянусь вамъ, что вы никогда не узнаете моего имени.

Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга

Каракуля.“

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Елизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы; она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо

и сдула на полъ легкій его пепелъ. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось, она плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что если-бъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу, ей встрѣтился лакей.

„Куда ты идешь?“ — спросила она.

„Доложить-съ.“

„О комъ?“

„Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...“

„Гдѣ онъ?“

„У крыльца остановился.“

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

„Скажи ему, что дома никого нѣтъ. И когда онъ еще пріѣдетъ, — прибавила она, какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу, — то не принимать.“

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

Глава IV

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ея. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петер-

бурга, проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиною которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замираніе, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя, подобно тяжелымъ облакамъ, осаждали умъ его, предвѣщали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани его остановились передъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но прежде, чѣмъ онъ отворилъ ее, минувшее, какъ сонъ, проскользнуло въ его воображеніи, и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго біенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночного набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, — извѣстно только Богу, но, повидимому, онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ,

верь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ: „Дома ли княгиня Вѣра Дмитріевна?“

„Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.“

„А княгиня?“ — повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

„Княгиня также-съ.“

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нибудь, по убранству комнатъ, угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но, увы! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою, какъ всѣ улыбки и всѣ привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны; но кабинетъ такъ же непроницаемъ для постороннихъ посѣтителей, какъ сердце. Однако же краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину, что главное лицо въ домѣ былъ князь. „Странно, — подумалъ онъ, — она вышла замужъ за стараго, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно, для того, чтобъ дѣлать свою волю. И что же, если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?... Но нѣтъ, любить она его не можетъ, — за это я ручаюсь головой.“

Въ эту минуту швейцаръ взошелъ и торжественно произнесъ:

„Пожалуйте, князь въ гостиной.“

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу; онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда

перешелъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея, на креслахъ, въ мундирномъ фракѣ, сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ, съ огромными глазами, налитыми кровью, и безконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами, обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся, когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень неяснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

„Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ моего мужа.“

Князь бросилъ газеты на окно, раскланялся, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

„Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ.. ваша матушка такая почтенная дама, — я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой.“

„Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.“

Печоринъ самъ не зналъ, что говорилъ. Опомнившись и думая, что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгинѣ показалось, вѣроятно, что этой фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ, какъ будто-бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось при-

нужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: „о, да!“ Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитріевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть и такимъ образомъ, рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ, уничтожало сравненія, которыя, можетъ-быть, были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттическій и прозрачность кожи необыкновенна. Безпрерывная измѣнчивость ея физіономіи, повидимому, несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но зато человѣкъ, привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны, могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принесть счастіе въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавши же ее въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое или, скорѣе, не знали бы вовсе, что сказать.

Нѣсколько минуть Печоринъ и она сидѣли другъ

противъ друга въ молчаніи, затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою, а Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно, что она не въ своей тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали, губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли поперемѣнно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ-быть, домашняя сцена, до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть, радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему; можетъ-быть, непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и, можетъ-быть, готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать, что, подобно ей, забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, то княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверстымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

„Княгиня, — сказалъ Жоржъ, — извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!... Повѣрьте, однако, что я съ этимъ намѣреніемъ спѣ-

шилъ имѣть честь васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемѣна такъ меня поразила, что признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...“

„Я постарѣла, не правда ли?“ — отвѣчала Вѣра, наклонивъ головку къ правому плечу.

„О, вы шутите! Развѣ въ счастіи старѣютъ... напротивъ, вы пополнѣли, вы...“

„О, конечно, я очень счастлива“, — прервала его княгиня.

„Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ, вы такъ благоразумны, что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностію, умомъ и талантами вашего супруга...“ (Баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой). Княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

„Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также перемѣнились къ лучшему.“

„Какъ быть! время всесильно... даже наши одежды, подобно намъ самимъ, подвержены чуднымъ измѣненіямъ: вы теперь носите блондовый чепчикъ, я, вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука, ношу мундиръ съ эполетами... Вѣроятно, отъ этого я имѣю счастіе вамъ нравиться больше, чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!“

Княгиня хотѣла отомстить за эпиграмму.

„Прекрасно! — воскликнула она. — Вы отгадали... и точно... намъ, бѣднымъ москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!“

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣсился.

„У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, — сказалъ онъ, — что я долженъ признаться побѣжденнымъ. Я увѣренъ, что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всей своей тяжестью.“

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая, что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастію князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты:

„Вотъ это до тебя касается, — сказалъ онъ женѣ, — новый магазинъ на-дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, — петербургскій гостинецъ, который я вчера купилъ женѣ; всѣ говорятъ, что серьги самыя модныя, а жена говоритъ, что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?“

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ сафьяную коробочку. Часто повторяемое княземъ слово „жена“ какъ-то грубо и непріятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка недалекаго, а теперь убѣдился, что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

„А какъ вы думаете, — спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукою вытаскивая накрахмаленный воротничекъ, — сколько я за нихъ заплатилъ? отгадайте.“

Серьги по большей мѣрѣ стоили 80 рублей, а были заплачены 75, Печоринъ нарочно сказалъ 150. Это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ размѣномъ городскихъ новостей, московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ очень откровенно, что если бы не тяжебное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и англійскаго клуба, прибавляя, что здѣшній англійскій клубъ ничто передъ московскимъ. Наконецъ, Печоринъ всталъ, раскланялся, и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила со своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вареньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить, что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему той, ничего не выражающей улыбкою, которая разливается на устахъ танцовщицы, оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, онъ обернулся; княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему вослѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

„Странно, — подумалъ Печоринъ, садясь въ сани, — было время, когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли такъ же безошибочно, какъ собственную рукопись; а теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю.“

Глава V

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ

одного пансіона въ другой и, наконецъ, увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если бы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ, всѣ его путешествія ограничились поѣздками съ толпою такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ, чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывши глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство, которое помѣшало

ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослыя барышни и переспѣлыя дѣвы, жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большіе. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь ко всенощной молиться, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ караваномъ. Солнце склонялось къ Воробьевымъ Горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкою. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными признаками холодности и черезчуръ приторной сердечной невинности. Кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался, очертя голову, вослѣдъ отцвѣтающимъ кокеткамъ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній, и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ — блескъ очаровательный, внутри — смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился со своей сосѣдкою.

Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ, стыдилась этого, какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны, какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія постоянно развивать свои мысли.

Наконецъ, пріѣхали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую, откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія, и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было-бы уйти, не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ, когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то, послѣ этихъ минутъ, разгоряченное воображеніе и чувства, взволнованныя звуками, давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли, и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ, чтобъ поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продожительнѣе. По короткости обоихъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе

безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была очень богатая тетушка, которая въ той же степени была родня и Р — вымъ. Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ подмосковную недѣли на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ, всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ-то всегда находили средство быть вдвоемъ, — средство впрочемъ очень легкое, если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда не явился. Разумѣется, онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился, и увѣрилъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли, и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ рокового дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ уста и руки въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но честь невинной дѣвушки была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись попрежнему, очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла, и глаза блистали.

Обманъ Жоржа открылся, какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Дмитріевны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все, какъ стоикъ. Но

гроза невидимая сбиралась надъ нимъ: въ комитетѣ дядюшекъ и тетушекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другого спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ то время открылась Польская кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2-го класса не должны были итти въ походъ. Онъ почти на колѣнахъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н..... гусарскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Москвы. Послѣ многаго плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душою, что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однако-жъ она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря, чтобъ какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Чрезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ, чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ чрезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: „Я никогда не буду принадлежать другому.“ Бѣдная, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Эти ощущенія были для нея такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ

челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Дмитріевнѣ просить склянку съ какими-то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли, что любовь моихъ гороевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но зато впослѣдствіи... о! впослѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ, дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ; любезничалъ со многими паннами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ (что почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ). Впрочемъ, Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія, сначала легкія, постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности — священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества.

Послѣ взятія Варшавы онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрою переѣхали жить въ Петербургъ. Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла, — ничего больше, какъ поклонъ. Печорина это огорчило: онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная

досада была одна изъ причинъ, по которымъ онъ сталъ волочиться за Лизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ, вѣроятно, дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ, что она вышла замужъ; черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская и князь Степанъ Степановичъ.

Тутъ, кажется, мы остановились въ предыдущей главѣ.

Глава VI

Дня черезъ три послѣ того, какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Дмитріевна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ супругою былъ, разумѣется, въ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться, чтобъ выйти въ гостиную, когда взошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

„А, Браницкій, — воскликнулъ Печоринъ, — я очень радъ, что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непремѣнно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе, останься обѣдать!“

„Ты такъ убѣдительно просишь, — отвѣчалъ Браницкій, — какъ будто предчувствуешь отказъ.“

„Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться,“ — сказалъ Печоринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пустъ, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать.

И въ самомъ дѣлѣ, скажите, о чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей скоро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ пускаться, о службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вокругъ небольшого столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ. Браницкій искусно оживилъ непринужденною болтовней ихъ небольшой кружокъ; Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ, что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру нескромными вопросами. Варенькѣ казалось очень пріятно, что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выѣзжаетъ.

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговской и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варенька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшанная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противуположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все, что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ — одни полу-

нагія, другія живописно завернутыя въ греческія мантіи или одѣтыя въ испанскіе костюмы, въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенныя на этотъ холстъ рукою художника въ самыя блестящія минуты ихъ миѳологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотнею свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ съѣхавшихся на пышный обѣдъ: одни не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличія или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола, уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, такъ же, какъ въ ихъ понятіяхъ, были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самой послѣдней выдумкой парижской модистки, греческія прически, увитыя гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы, вздернутые къ верху à la chinoise или букли à la Sévigné, пышныя платья, на подобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мужчинъ прически à la jeune France, à la russe, à la moyen âge, à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньолки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: „Какая смѣсь одеждъ и лицъ!“ Понятія же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую

руку былъ какой-то рыжій господинъ, увѣшенный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токѣ съ перьями, и съ гордымъ видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ, что Печоринъ, какъ хозяинъ, избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка, разряженная, какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными пуклями; по другую — дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la mise и говорившій по-русски хуже всякаго француза. Послѣ второго блюда разговоръ началъ оживляться.

„Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ, — говорилъ дипломатъ княгинѣ, — то, вѣроятно, не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ, какъ все великое, со временемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе, и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть лучшаго въ русской молодежи, какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды.“

Такъ высокопарно и мудрено говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патріотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно:

„Можетъ-быть, со временемъ я полюблю и Петер-

бургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ, къ сожалѣнію, о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаніемъ объ ней связана память объ такомъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе; это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ, что въѣхавши въ петербургскую заставу, люди мѣняются совершенно...“

Эти слова она сказала, улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

„Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ, — воскликнулъ онъ, — а все это старая сплетница Москва, которая изъ зависти клевещетъ на молодую свою соперницу.“

При словѣ „старая сплетница“ разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

„Чтобъ рѣшить нашъ споръ. — продолжалъ дипломатъ, — выберемте посредника, княгиня, вотъ хоть Григорія Александровича: онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?“

„Вы выбрали судью довольно строгаго,“ — отвѣчала она.

„Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды, — возразилъ дипломатъ съ самодовольной улыбкой. — Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшать.“

„Мнѣ очень жаль, — сказалъ Печоринъ, — что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изо всего вашего спора я слышалъ только то, что сказала княгиня.“

Лицо дипломата вытянулось.

„Однако-жъ, — сказалъ онъ, — Москвѣ или Петербургу отдадите вы преимущества?“

„Москва моя родина,“ — отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

„Однако-жъ, которая?“ — Дипломатъ настаивалъ съ упорствомъ.

„Я думаю, — прервалъ его Печоринъ, — что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастіе и веселость. А мѣняются люди за петербургской заставой и за московскимъ шлагбаумомъ потому, что, если-бъ люди не мѣнялись, было бы очень скучно.“

„Послѣ такого рѣшенія, княгиня, — сказалъ дипломатъ, — я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта, какъ Талейранъ или Меттернихъ.“

„Григорій Александровичъ, — возразила княгиня, — не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку.“

„Это правда, — отвѣчалъ Печоринъ, — я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей, и кто не раскаивался! Теперь, по чести, я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушной любовью для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты! Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?“

Этотъ неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусочекъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ, она открыла уста и важно молвила:

„Ко мнѣ-ли вашъ вопросъ относится?“

„Если вы позволите,“ — отвѣчалъ Печоринъ.

„Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?“

„Я бъ желалъ вамъ передать ее совсѣмъ!“

„Ахъ, избавьте!“

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо; она положила себѣ на тарелку, и продолжала:

„Вотъ, адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или объ княжескомъ титулѣ.“

„Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе, — сказалъ Печоринъ, — и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ.“

„Вы не первые, и вамъ это не удастся, — сказала она съ презрительной улыбкой. — Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.“

„Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины.“

Добродѣтель обидѣлась.

„То-есть, я слишкомъ стара,“ — воскликнула она, покраснѣвъ.

„Напротивъ, я хотѣлъ сказать, что вы еще такъ молоды.“

„Слава Богу, я ужъ не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно.“

„Что дѣлать! Я вижу, что увеличилъ единицею несмѣтное число несчастныхъ, которые вамъ напрасно стараются понравиться...“

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

„Кто это дама?“ — шепотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

„Баронесса Штраль,“ — отвѣчалъ Печоринъ.

„А-а!“ — сдѣлалъ рыжій господинъ.

„Вы, конечно, объ ней много слыхали?“

„Нѣтъ-съ, ничего формально.“

„Она уморила двухъ мужей, — продолжалъ Печоринъ, — теперь за третьимъ, который, къ счастію его, нѣмецъ и поэтому, вѣрно, ее переживетъ.“

„Ого!“ — сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ, унизанный трюфелями.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

„Если вы любите искусства, — сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ, — то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова *Послѣдній день Помпеи* ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италія, французы ее разбранили. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика: на сторону истиннаго вкуса или на сторону моды.“

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово „картина“ только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того, что краски ея полиняли, и лакъ растрескался. На ней были изобра-

жены три фигуры: старый и сѣдой мужчина, сидя на бархатныхъ креслахъ, обнималъ одною рукою молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины и проливалъ вино ей на платье. Она, какъ бы нехотя повинуясь его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку креселъ и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и, наконецъ, попросила дипломата объяснить ей ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ, что это должна быть копія съ Рембранта или Мурильо.

„Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — хозяинъ ея долженъ лучше знать, что она изображаетъ.“

„Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ,“ — сказала Вѣра Дмитріевна и опять устремила глаза на картину.

„Сюжетъ ея очень простъ, — сказалъ Печоринъ, не дожидаясь, чтобы его просили. — Здѣсь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту она, кажется, что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все, что ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ хладнокровною свидѣтельницею убійства.“

„Ахъ, это ужасно!“ — воскликнула княгиня.

„Можетъ-быть, я ошибаюсь, давъ такой смыслъ этому изображенію, — продолжалъ Печоринъ, — мое истолкованіе совершенно произвольное.“

„Неужели вы думаете, что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?“

„Княгиня, — отвѣчалъ Печоринъ сухо, — я прежде имѣлъ глупость думать, что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ.“

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что-то чертить вилкою на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ, слыша такіе ужасы, и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфеля разомъ.

Остальное время обѣда дипломатъ и Печоринъ молчали; княгиня завела разговоръ со старушкою, добродѣтель горячо объ чемъ-то спорила со своей сосѣдкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За дессертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ, поднявъ бокалъ, обратился къ княгинѣ:

„Такъ какъ я не имѣлъ счастія быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.“

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ, столь измѣнчивомъ, рука, державшая стаканъ съ водою, дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ груди его: за что онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принесть это мелочное мщеніе?... Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета.

Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изъ-за стола и пошли въ пріемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мужчины, не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степанычъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня, подъ предлогомъ, что у нея развились локоны, удалилась въ комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Неизъяснимыя чувства стѣснили ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло въ мысль, что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами, которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ скляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала, и грудь ея подымалась, высоко, но это были послѣднія волны, забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

Объ чемъ же она плакала? спрашиваете вы; и я васъ спрошу: объ чемъ женщины не плачутъ? слезы ихъ оружіе нападательное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не могла дать отчета, какое изъ этихъ чувствъ было главною причиною ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили; но странно, она его за это не возненавидѣла. Можетъ быть, если бы въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему колкой насмѣшкой и равнодушіемъ; но, казалось, въ немъ было оскорблено одно само-

любіе, а не сердце, — самая слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахиллеса, — и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызывалъ на бой ея ненависть, чтобы увѣриться, такъ же ли она будетъ недолговременна, какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное; онъ это зналъ, и зналъ также, что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную, какъ вдругъ дверь легонько скрипнула, и взошла Варенька.

„Я тебя искала, chère amie, — воскликнула она, — ты, кажется, нездорова?...“

Вѣра Дмитріевна томно улыбнулась ей и сказала:

„У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко...“

„Я за столомъ часто на тебя взглядывала, — продолжала Варенька, — ты все время молчала. Мнѣ досадно было, что я не сѣла возлѣ тебя, тогда, можетъ-быть, тебѣ не было бы такъ скучно.“

„Мнѣ вовсе не было скучно, — отвѣчала княгиня, горько улыбнувшись, — Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.“

„Послушай, мой ангелъ, я не хочу, чтобы ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ — это такъ важно: точно вы будто вчерась только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, — онъ такой добрый.“

„О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила: онъ мнѣ нынѣ наговорилъ такихъ вещей, которыя-бъ другая ему никогда не простила.“

Вѣра Дмитріевна почувствовала, что проговорилась, но успокоилась тѣмъ, что Варенька, вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитріевна, къ несчастію ея, была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно осторожнѣе и скромнѣе другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны передъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку, и обѣ возвратились въ гостиную; а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей, и гдѣ князь Степанъ Степанычъ съ сигаркою въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги и, какъ пріѣзжій изъ другого города, не могъ разсказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщинѣ, онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему — ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ, которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрываться, убилъ свое здоровье на службѣ, потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени,онъ, однако, слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги; женился же онъ потому, что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина, куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ

людей, стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ послѣдній былъ одно изъ характеристическихъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его, какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстіе, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его, впалыя и смугловатыя, мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода à la St.-Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь, получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошюру, которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучею дѣлъ и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобъ докончить портретъ, скажу, что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

„Что вы ко мнѣ никогда не заѣдете?“ — говорилъ ему Браницкій.

„Повѣрите ли, я такъ занятъ, — отвѣчалъ Горшенко, — вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру, потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тьма, не знаешь, какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N., всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ, пожертвую этой зимой, а лѣтомъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.“

Браницкій улыбнулся и, насвистывая арію изъ Ф е н е л л ы , удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человѣкомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинъ лѣсу. Наконецъ, князь спросилъ у Горшенка, не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбираются его дѣла.

„Да, да, — отвѣчалъ Горшенко, — знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать; адресуйтесь къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.“

Такой отвѣтъ поставилъ втупикъ князя Степана Степановича. Ему показалось, что передъ нимъ въ лицѣ Горшенко стоитъ весь комитетъ министровъ.

„Да, — сказалъ онъ, — нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.“

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя, въ какомъ департаментѣ его дѣло, обѣщался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степанычъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

Глава VII

На другой день поутру Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ. Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ, здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій. — „Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ,“ — былъ отвѣтъ. — „А гдѣ входъ?“ — „Со двора-съ.“ — Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! Этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ, который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отыскиваньи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и угловатый дворъ по глубокому снѣгу или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ; тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе; собаки ворчатъ при вашемъ появленіи; блѣдныя лица, хранящія на себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ

многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую, какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ, вы летите двѣ ступеньки внизъ и попадаете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться наверхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четыреугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы! — ни на одной нѣтъ нумера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальной свѣчей, а изъ-за нея раздается брань или плачъ дѣтей.

„Кого вамъ угодно?“ — „Сорокъ девятый нумеръ.“ — „Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.“ — „Кто-жъ здѣсь живетъ?“ — Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: „Какое вамъ дѣло, ступайте выше.“ Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ; чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что человѣкъ, приближаясь къ небу, уподобляется растенію, которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часу, вы, наконецъ, находите желанный сорокъ девятый нумеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу, и т. д. Печоринъ претерпѣлъ всѣ эти мученія и, наконецъ, вскарабкавшись на четвертый этажъ, постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: „здѣсь“. Онъ взошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ и хотѣлъ итти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что госпо-

динъ Красинскій не воротился еще изъ департамента. „Я подожду,“ — отвѣчалъ онъ, и взошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были, повидимому, явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четыреугольную комнату, украшенную единственнымъ столомъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, — низенькая и опрятная старушка встала съ своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

„Я ищу господина Красинскаго; можетъ — быть, я ошибся.“

„Это мой сынъ, — отвѣчала старушка, — онъ скоро будетъ.“

„Если вы мнѣ позволите подождать...“ — продолжалъ Печоринъ.

„Сдѣлайте одолженіе,“ — прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окинувъ взоромъ комнату и все въ ней находящееся, ему стало какъ-то неловко: если-бъ судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, онъ бы скорѣй нашелся, нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ; хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но раннія печали сгорбили ея станъ, изсушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ, казалось, сосредоточивались всѣ ея жизненныя силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелатель-

ность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ не зналъ, какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ. Сочиненіе Н. П. Москва. Въ тип. И. Глазунова. Цѣна 25 копѣекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка, какъ пустой лотерейный билетъ, была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить себѣ въ лучшемъ видѣ печальную существенность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

„Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ."

„Я думаю, — возразилъ Печоринъ, — что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, если-бъ счастіе было наука, — дѣло другое!"

„Разумѣется, — возразила старуха, — утопающій за щепку хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи, какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однако-же, я надѣюсь, скоро все поправится. Мой сынъ, — продолжала она съ нѣкоторою гордостію, — имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье."

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

„Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу? Можетъ быть, вамъ скучно будетъ дожи-

даться, такъ не угодно-ли сказать мнѣ, я ему передамъ."

„Мнѣ препоручилъ, — отвѣчалъ Печоринъ, — князь Лиговской попросить вашего сына, чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе, заѣхалъ къ нему. У князя есть тяжба, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ; я тамъ буду."

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ, Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, сказалъ почти шепотомъ:

„Милостивый государь, вспомните, что я не зналъ, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастія встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ причину моего посѣщенія."

Они разошлись, не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этой встрѣчей, сѣлъ противу своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался. Когда мать передала ему порученіе Печорина, стараясь объяснить, какъ выгодно было бы взяться

за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объяснился самъ, тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста, свѣтлая мысль озарила лицо его, и онъ воскликнулъ, ударивъ рукой по столу: „Да, я пойду къ этому князю!“ — Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому, привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ, онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобъ только начать разговоръ. Она его угадала.

„Ну, что, Станиславъ, — сказала она, — скоро-ль тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало.“

„Не знаю,“ — отвѣчалъ онъ отрывисто.

„Ты, вѣрно, не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, — продолжала она, — ну, что̀ за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ... придетъ и твое время; а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ.“

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

„Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.“

Она подняла къ небу глаза, полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ параграфа, гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастія:

„Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?“

„Не знаю, а что?“

„Мой смертельный врагъ,“ — отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло, сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

„Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?“

„Вѣроятно, онъ мнѣ не желаетъ зла, но зато я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть? О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно, какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю, какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.“

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разсказывать, какъ будто боялся, что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одной постоянной мыслію, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ-быть, въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобъ выучиться подвязывать галстукъ и запомнить, сколько пуговицъ у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге, который безсовѣстно взбилъ его мягкія и волнистыя кудри въ жесткій и неуклюжій

хохолъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

Глава VIII

У князя Лиговскова были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій взошелъ въ лакейскую.

„Князь принимаетъ?“ — спросилъ онъ нерѣшительно, взглядывая то на того, то на другого лакея.

„Мы не здѣшніе,“ — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

„Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?“

„Онъ, вѣрно, сейчасъ самъ выйдетъ, — былъ отвѣтъ, — а намъ нельзя!“

Наконецъ, явился швейцаръ.

„Князь Лиговской дома?“

„Пожалуйте-съ.“

„Доложи, что пришелъ Красинскій, — онъ меня знаетъ.“

Швейцаръ отправился въ гостиную и, подойдя къ Степанъ Степанычу, сказалъ ему тихо:

„Господинъ Красинскій пріѣхалъ-съ; онъ говоритъ, что вы изволите его знать.“

„Какой Красинскій?... Что ты врешь?“ — воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

„Это тотъ самый чиновникъ, — сказалъ онъ, — у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ.“

„А! очень обязанъ,“ — отвѣчалъ Степанъ Степанычъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человѣкъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канапе возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свои кресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разсказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденій во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степанычъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто, чтобъ находиться ближе къ княгинѣ.

„Итакъ, вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню...“ — сказала молодая дама (которую Вѣра называла кузиною), продолжая прерванный разговоръ.

„И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, — сказалъ Печоринъ. — Мнѣ велѣно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнѣты, и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собою деревню, съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціею. — „А есть ли у вашего пана жена или дочери?“ — спросилъ я. — „Есть, пане капитане.“ — „А какъ ихъ зовутъ, графиню, жену вашего Острожскаго?“ — „Графиня Рожа.“ — Должно быть, красавица, подумалъ я наморщась. — „Ну, а дочки ея такія же рожи, какъ ихъ маменька?“ — „Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалія и меньшая Евелина.“ — „Это еще ничего не доказываетъ,“ — подумалъ я. Графиня Рожа

меня мучила, я продолжалъ разспросы: — „А что сама графиня Рожа старуха?“ — „Ни, пане, ей всего тридцать три года.“ — „Какое несчастіе!“ — Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть, и въ сопровожденіи унтеръ-офицера взошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и, между прочимъ, предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей. — „Помилуйте, — отвѣчалъ я, — что за церемонія...“ — Я, признаться, боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и, повидимому, сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отнѣкивался, какъ вдругъ дверь отворилась, и взошла женщина высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ польку и красавицу польку, въ ту минуту, какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія, или Роза, по простонародному Рожа.“

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

„Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу!“ — воскликнула, наконецъ, молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиною.

„Это бы случилось, — отвѣчалъ Печоринъ, — если-бъ я уже не любилъ другую.“

„Ого! постоянство, — сказала молодая дама. — Знаете, что этою добродѣтелью не хвастаются?“

„Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.“

„Вы, однако же, вылѣчились?“

„По крайней мѣрѣ лѣчусь,“ — отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался неоконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ, подали чай, и взошелъ князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Если-бъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р., если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ или шумный раутъ, потолкаться между разнаго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и никакимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

„Мы очень благодарны, — сказала она, наконецъ, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.“

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга, и послѣдній отвѣчалъ скоро:

„Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу.“

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующею фразою: „ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплименты.“ Понялъ ли Красинскій эту улыбку, или же самъ испугался своей смѣлости, потому что, вѣроятно, это былъ его первый комплиментъ, сказанный женщинѣ, такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ, — не знаю; но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувѣреннымъ голосомъ:

„Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя позволили вы мнѣ провесть въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться: я исполню все, что будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно правое.“

„Скажите, — спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ, которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ, что сказать незнакомому человѣку, — скажите, вы, я думаю, ужасно замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги, — это нестерпимо. Повѣрите ли, что мой мужъ каждый день въ продолженіе года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю.“

„Какой любезный и занимательный супругъ,“ — подумалъ Печоринъ.

„Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? — сказалъ Красинскій. — Вашъ удѣлъ — забавы, роскошь, а нашъ — трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: если-бъ не мы, кто бы сталъ трудиться?“

Наконецъ, и этотъ разговоръ истощился. Кра-

синскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, то кузина княгини замѣтила, что онъ вовсе не такъ неловокъ, какъ бы можно ожидать отъ чиновника, и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: „Et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..." Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту; онъ увѣрялъ, что никогда не видывалъ такихъ темноголубыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ, и увѣрялъ, что Красинскій, судя по его глубокимъ замѣчаніямъ, непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. „Я непремѣнно узнаю, — прибавилъ онъ очень серіозно, — есть ли у него университетскій аттестатъ." Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то, выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородной красотою лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе, для него убійственное, и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки, и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться, что самая чистѣйшая любовь наполовину перемѣшана съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружной красотою и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по соб-

ственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью. То, что казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, пренебрегалъ онъ часто, какъ примѣты обманчивыя, слова, сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки, брошенныя на вѣтеръ, первому, кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружаясь несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому-то закону природы, доселѣ необъясненному. Можно было навѣрное сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ, какъ буря, однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и стараній. Но это е с л и, это ужасное е с л и, почти похожее на „если“ Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора...

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлался разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степанычъ разсказывалъ длинную исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкою зѣвали.

„Отчего вы сдѣлались такъ печальны?“ — спросила, наконецъ, у Печорина кузина Вѣры Дмитріевны.

„Причину даже совѣстно объявить," — отвѣчалъ Печоринъ.

„Однако-жъ?"

„Зависть!"

„Кому-жъ вы завидуете, напримѣръ?..."

„Не мнѣ ли?" — сказалъ князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль, что княгиня разсказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней, какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непримѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшки для супруговъ или жертвою коварнаго заговора. Я удивляюсь, какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ, что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и между тѣмъ отвѣчалъ:

„Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ, и всякій долженъ вамъ завидовать, но признаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый даръ этого Красинскаго — нравиться всѣмъ съ перваго взгляда."

„Повѣрьте, — отвѣчала княгиня, — кто скоро нравится, объ томъ скоро и забываютъ".

„Боже мой! что на свѣтѣ не забывается? И если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства, — глядишь: смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія, — и всѣ труды пропали!... А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Если-бъ меня спросили, чего я хочу: минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить

всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или же печали."

„Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того, что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести..." — сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало, блистая, вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща перекатывается по его краямъ, покуда новый порывъ вѣтра не умчитъ его Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! но онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти! Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ-быть и ей измѣнилъ который-нибудь изъ нихъ, — какъ знать!

Кто объяснитъ, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобы уѣзжать, княгиня его спросила, будетъ ли онъ послѣ завтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

„Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, — прибавила она, — я почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣрена, что мнѣ тамъ будетъ скучно."

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

„Теперь я понимаю, — подумалъ онъ, садясь въ сани, — ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня не звали: тамъ, вѣрно, будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да, кажется, онѣ съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится..." Тутъ сани его остановились, и мысли также. Взойдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ на столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы...

Глава IX

Баронесса Р*** была русская, но замужемъ за курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11-го часа вечера кареты одна за одною стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе, остановленные любопытствомъ и опасностію быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ, онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей, небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. „Чѣмъ я хуже ихъ? — думалъ онъ. — Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ, которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и однѣ деньги... На что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непремѣнно, во что бы то ни стало, и

тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость."

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ что для этого общества, кромѣ кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), имя, столько уже знакомо лакейскимъ, чтобъ швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ, когда его произнесутъ, какая нибудь важная дама, законодательница и судія гостиныхъ, спросила бы: „Который это? не родня ли онъ князю В. или графу К.?" Итакъ, Красинскій стоялъ у подъѣзда, закутанный въ шинель. Вот подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брилліанты ярко сверкали между ея локонами. За нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ медвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговской съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился какъ знакомымъ; но увы! его не замѣтили или не узнали, что еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ, видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу, слѣдующему на балъ за хорошенькою женою, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ, мерзнущихъ у подъѣзда. Но Красинскій приписалъ гордости и умышленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная непріязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. „Хорошо, — подумалъ онъ, удаляясь, — будетъ и на нашей улицѣ праздникъ", — жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка, и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все, что есть

лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитою, составленною изъ людей, говорящихъ очень хорошо по-французски (что, впрочемъ, вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествующій изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. Зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая къ классу b'ue stockings и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности, чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморощенныхъ дипломатовъ, путешествовавшихъ на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждавшихъ рѣзко, что Россія — государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому, такъ безпечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены, что эти люди, затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ, неспособны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ, причесанныхъ à la russe, скромныхъ подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ большею частію дамъ и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или

на мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ, ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце, какъ у больного при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящія кадрили и ѣли мороженое, ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ, ни языка, танцовали безъ устали, садились на край стула, обратившись лицомъ къ своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ выраженіемъ лица, скользили небрежно по паркету, какъ бы изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамою своего vis-à-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но зато дамы... о, дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!... Сколько блестящихъ глазъ и брилліантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ — чудеса природы, и чудеса модной лавки!... Волшебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлила, звучныя фразы, заимствованныя изъ моднаго романа, брилліанты, взятые на прокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ съ своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то, что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины, протанцовавъ съ нею мазурку, все равно, что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста, прочитавъ одну его статью

У двери, ведущей изъ залы въ гостиную, сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми, не танцующими. Одна изъ нихъ была Елизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ея блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни, и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣчала на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошёлъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама дурно одѣтая обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе, — это, впрочемъ, вовсе не значитъ, что онѣ должны дурно одѣваться). Печоринъ сталъ возлѣ Елизаветы Николаевны, ожидая, чтобъ она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и, наконецъ, она принуждена была сорвать съ своихъ устъ печать молчанія.

„Отчего вы не танцуете?“ — спросила она его.

„Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.“

„Развѣ съ нынѣшняго дня?“

„Что-жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Не правда ли?“

„Иногда бываетъ слишкомъ поздно.“

„Боже мой! какое трагическое выраженіе!“

Елизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

„Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.“

„А нельзя-ль узнать, кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?“

„О, это тайна," — сказала она, взглянувъ на него пристально и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворной нѣжностію шепнулъ ей на ухо:

„Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили; ужели другая важнѣе первой?"

Она покраснѣла, при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминаній, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить со временемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли, и отъ такихъ удовольствій, когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серіозный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкою:

„Вы мнѣ напоминаете вещи, объ которыхъ я хочу забыть."

„Но еще не забыли?" — сказалъ онъ съ нѣжностію.

„О, не продолжайте, я ничему не повѣрю болѣе; вы мнѣ дали такой урокъ..."

„Я?!"

Въ этомъ я было больше удивленія, чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ, поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

„Да, — сказалъ онъ, — теперь я начинаю понимать: кто-нибудь меня оклеветалъ предъ вами, — у меня столько враговъ и особенно друзей; теперь понимаю, отчего намедни, когда я заѣзжалъ къ вамъ, — это было поутру, и я знаю, что у васъ были гости, — но меня не приняли. О, конечно, я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія."

„Но вы не знаете, что́ этому причиною, — сказала поспѣшно Елизавета Николаевна, — я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ...“

„Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону, — отвѣчалъ, горько улыбаясь, Печоринъ. — О, я догадываюсь, кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однако-жъ, прошу васъ, вѣрьте, вѣрьте всему, что тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.“

Онъ засмѣялся, и хотѣлъ отойти прочь.

„Но если я не вѣрю?“ — воскликнула, испугавшись, Елизавета Николаевна.

„Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему... одинъ противъ двадцати, что...“

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Елизаветы Николаевны обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская, а за нею князь Степанъ Степанычъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію, что на ней было слишкомъ много брилліантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшуюся передъ нею. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ, озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу, вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выраженію лица, что настала минута, для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора, всходящаго въ первый разъ по ступенямъ каѳедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ

модномъ свѣтѣ... Некстати пришитый бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ, если съ перваго взгляда скажутъ: „Elle a l'air bourgeois..." Это выраженіе, такъ некстати вкравшееся въ наше чистодворянское общество, имѣетъ, однако же, ужасную власть надъ умами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности:

„Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера..."

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетной улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея безпокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мужчинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать Вѣру, когда она изъ Москвы, и проч. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣй, такъ что можно почти держать пари, что если-бъ она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце... Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобъ возобновить прерванный разговоръ; но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

„Появленіе этой дамы, — сказала она, наконецъ, ему, — сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!... Вы давно ее знаете?"

„Съ дѣтства,“ — отвѣчалъ Печоринъ.

„Я также ее когда-то знала... За кѣмъ она замужемъ?“

Печоринъ сказалъ.

„Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ?... Если-бъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ.“

„По крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать!...“

„Однако, она счастлива...“

„Развѣ вы не замѣтили, сколько на ней брилліантовъ...“

„Богатство не есть счастіе!...“

„Все-таки оно ближе къ нему, нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольну своей судьбою въ скромной хижинѣ... за чашкою гречневой каши.“

„Кто-жъ вамъ говоритъ о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...“

„Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ.“

Онъ отошелъ. Кадрили кончались, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканье сапоговъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія; немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая, что они лишніе, и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговоръ...

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(1839—1841)

ПРЕДИСЛОВІЕ

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь: оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ иронiи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ Герой нашего времени; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?...

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ... Извините. Довольно людей кормили сластями; у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже

его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ!

I

Бэла

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Бо́льшая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна; а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко-высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я дол-

женъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

„Мы съ вами попутчики, кажется?“

Онъ молча опять поклонился.

„Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?“

„Такъ-съ точно... съ казенными вещами.“

„Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?“

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

„Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?“

„Съ годъ,“ — отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

„А что-жъ?“

„Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ! Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!“

„А вы давно здѣсь служите?“

„Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ*), — отвѣчалъ онъ пріосанившись. — Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ, — прибавилъ онъ, — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.“

„А теперь вы?...“

„Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...“

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча итти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и

*) Ермоловѣ.

ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку, но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.

„Вѣдь этакій народъ! — сказалъ онъ, — и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!“ Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...“

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и, странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъподъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

„Завтра будетъ славная погода!“ — сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

„Что-жъ это?“ — спросилъ я.

„Гудъ-Гора.“

„Ну, такъ что-жъ?“

„Посмотрите, какъ курится.“

И въ самомъ дѣлѣ, Гудъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на

вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

„Намъ придется здѣсь ночевать, — сказалъ онъ съ досадою: — въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что? были-ль обвалы на Крестовой?“— спросилъ онъ извозчика.

„Не было, господинъ, — отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ, — а виситъ много, много.“

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посерединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ; и дымъ, выталкиваемый обратно изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой

густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

„Жалкіе люди!“ — сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

„Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. — Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!“

„А вы долго были въ Чечнѣ?“

„Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою у Каменнаго Брода, — знаете?“

„Слыхалъ.“

„Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...“

„А, чай, много съ вами бывало приключеній?“ — сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

„Какъ не бывать! бывало...“

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову, призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку, — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ, чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика,

налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ будто про себя: „да, бывало!“ Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается; другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: здравствуйте (потому что фельдфебель говоритъ: здравія желаю). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

„Не хотите ли подбавить рому? — сказалъ я моему собесѣднику, — у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.“

„Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.“

„Что такъ?“

„Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ; да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!“

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

„Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ, — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнòва князя былъ въ гостяхъ.“

„Какъ же это случилось?“

„Вотъ — (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), — вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. „Вы, вѣрно, — спросилъ я его, — переведены сюда изъ Россіи?“ — „Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ“, — отвѣчалъ онъ. — Я взялъ его за руку и сказалъ: „Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня Максимъ Максимычъ, и пожалуйста, къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.“ Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.“

„А какъ его звали?“ — спросилъ я Максима Максимыча.

„Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими стран-

ностями и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...“

„А долго онъ съ вами жилъ?“ — спросилъ я опять.

„Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!... Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!“

„Необыкновенныя?“ — воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

„А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ мирной князь. Сынишка его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно, избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь; шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ не хорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что жъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. „Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы, — говорилъ я ему: — яманъ будетъ твоя башка!“

Разъ пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки, — такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, кото-

рыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. „Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ," — сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ. — „Погодите!" — отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіатовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я однако-жъ не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, — знаете, для непредвидимаго случая."

„Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу?" — спросилъ я штабсъ-капитана.

„Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу; потомъ начинается джигитовка, и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной, хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печориномъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ, и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать... въ родѣ комплимента..."

„А что-жъ она пропѣла, не помните ли?“

„Да, кажется, вотъ такъ: Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними, только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду. Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю поихнему и перевелъ его отвѣтъ.

Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорью Александровичу: „Ну что, какова?“ — „Прелесть! — отвѣчалъ онъ, — а какъ ее зовутъ?“ — „Ее зовутъ Бэлою,“ — отвѣчалъ я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирно̀й, не то чтобъ не мирно̀й. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ ихъ дешево, только никогда не торговался: что запроситъ, давай, — хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ

заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣзники и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. Недаромъ на немъ эта кольчуга, — подумалъ я, — ужъ онъ, вѣрно, что-нибудь замышляетъ.

Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: якши тхе, чекъ якши!

Пробираюсь вдоль забора и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. О чемъ они тутъ толкуютъ? — подумалъ я, — ужъ не о моей ли лошадкѣ? Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ

пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

„Славная у тебя лошадь! — говорилъ Азаматъ; — если-бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!“

„А! Казбичъ!“ — подумалъ я и вспомнилъ кольчугу.

„Да, — отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: — въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ, — это было за Терекомъ, — я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались, кто куда. За мной неслись четыре козака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ, и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица, нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться, — и Пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся козаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался — и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ, я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Козаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они, вѣрно, думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня.

Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу, смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько козаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагезъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ и вижу: мой Карагезъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутсо по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! эта правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что-жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагеза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались."

И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названія.

„Если-бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ, — сказалъ Азаматъ, — то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагеза."

„Йокъ, не хочу," — отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

„Послушай, Казбичъ, — говорилъ, ласкаясь къ нему, Азаматъ, — ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь: украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи лез-

веемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется, а кольчуга, такая, какъ твоя, нипочемъ.“

Казбичъ молчалъ.

„Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, — продолжалъ Азаматъ, — когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!“ — сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

„Послушай, — сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ, — видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью тамъ, въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ, — и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?“

Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса*):

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ — завидная доля,
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, — и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ, Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

„Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.“

„Меня!“ — крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и онъ ударился о плетень такъ, что плетень зашатался. Будетъ потѣха! подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья — и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь

*) Я прошу прощенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется, прозой; но привычка — вторая натура.

шашкой. — „Плохое дѣло въ чужомъ пиру похмѣлье, — сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку, — не лучше ли намъ поскорѣй убраться?“

„Да погодите, чѣмъ кончится.“

„Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіатовъ все такъ: натянулись бузы, и пошла рѣзня!“ — Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.“

„А что Казбичъ?“ — спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

„Да что этому народу дѣлается! — отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая, — вѣдь ускользнулъ!“

„И не раненъ?“ — спросилъ я.

„А Богъ его знаетъ! Живучи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.“ — Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

„Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что.“

„А что такое? Разскажите, пожалуйста.“

„Ну, ужъ нечего дѣлать! началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорью Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна, — ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

Засверкали глазенки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Что за диво?...

Вотъ, видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ, онъ ему и скажи: — „Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, что̀ бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?“

„Все, что онъ захочетъ,“ — отвѣчалъ Азаматъ.

„Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...“

„Клянусь... Клянись и ты!“

„Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагезъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.“

Азаматъ молчалъ.

„Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...“

Азаматъ вспыхнулъ. — „А мой отецъ?“ — сказалъ онъ.

„Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?“

„Правда...“

„Согласенъ?...“

„Согласенъ, — прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть. — Когда же?“

„Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное — мое дѣло. Смотри же, Азаматъ!“

Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ и говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ — разбойникъ, котораго надо было наказать. Сами посудите, что-жъ я могъ отвѣчать противъ этого?... Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привести на другой день. — „Азаматъ! — сказалъ Григорій Александровичъ, — завтра Карагезъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...“

„Хорошо!“ — сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости; какъ они сладили это дѣло — не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперекъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.“

„А лошадь?“ — спросилъ я у штабсъ-капитана.

„Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я потчевалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ*).

*) Кунакъ значитъ пріятель.

Стали мы болтать о томъ, о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье. — „Что съ тобой?“ — спросилъ я.

„Моя лошадь!... лошадь!“ — сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: „Это, вѣрно, какой-нибудь козакъ пріѣхалъ...“

„Нѣтъ! Урусъ — яманъ, яманъ!“ — заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль — Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагезѣ; на-бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его вдребезги, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Вотъ, кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости, онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ; онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, онъ такъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь... Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.“

„Что-жъ отецъ?“

„Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не

нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, если-бъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ или за Кубанью; туда и дорога!...

Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ, только онъ притворялся, будто не слышитъ.

„Господинъ прапорщикъ! — сказалъ я, какъ можно строже, — развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?“

„Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку?“ — отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

„Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.“

„Все равно. Не хотите ли чаю? Если-бъ вы знали, какая мучитъ меня забота!“

„Я все знаю,“ — отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

„Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать.“

„Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...“

„И, полноте! что-жъ за бѣда? Вѣдь у насъ все пополамъ.“

„Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!“

„Митька, шпагу!““

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: „Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что нехорошо.“

„Что̀ нехорошо?“

„Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся,“ — сказалъ я ему.

„Да когда она мнѣ нравится?...“

Ну, что прикажете отвѣчать на это?... Я сталъ втупикъ. Однако-жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

„Вовсе не надо!“

„Да онъ узнаетъ, что она здѣсь...“

„А какъ онъ узнаетъ?“

Я опять сталъ втупикъ. — „Послушайте, Максимъ Максимычъ! — сказалъ Печоринъ, приподнявшись: — вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...“

„Да покажите мнѣ ее“, — сказалъ я.

„Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня!“ — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. —

Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться."

„А что, — спросилъ я у Максима Максимыча: — въ самомъ ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?"

„Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости были видны тѣ же горы, что изъ аула, а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что-нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!... Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ; между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу она пріучилась на него смотрѣть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. — „Послушай, моя пери, — говорилъ онъ, — вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею, отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой." — Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой. — „Или, — продолжалъ онъ, — я тебѣ совершенно ненавистенъ?" — Она вздохнула. — „Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?" — Она поблѣднѣла и молчала. — „Повѣрь мнѣ,

Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?“ — Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслію; въ глазахъ ея выразилась недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

„Послушай, милая, добрая Бэла! — продолжалъ Печоринъ: — ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить: я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?“ — Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: „поджалуста, поджалуста, не нада, не нада.“ — Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала. — „Я твоя плѣнница, — говорила она, — твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить,“ — и опять слезы.

Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему, онъ сложа руки прохаживался, угрюмый, взадъ и впередъ. „Что, батюшка?“ — сказалъ я ему. — „Дьяволъ, а не женщина! — отвѣчалъ онъ — только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...“ — Я покачалъ головою. — „Хотите пари? — сказалъ онъ, — черезъ недѣлю!“ — „Извольте!“ — Мы ударили по рукамъ и разошлись.

На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

„Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, — сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки: — устоитъ ли азіатская красавица противъ такой батареи?“ — „Вы черкешенокъ не знаете, — отвѣчалъ я: — это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки, совсѣмъ не то. У нихъ свои правила, онѣ иначе воспитаны.“ — Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

А вѣдь вышло, что я былъ правъ; подарки подѣйствовали только вполовину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе — да и только; такъ что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней. — „Бэла! — сказалъ онъ, — ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: — прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу, — ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай! Я ѣду... куда? — почему я знаю! Авось недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки: тогда вспомни обо мнѣ и прости меня.“ — Онъ отвернулся и подалъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль — такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ — и, сказать ли вамъ? — я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ,

то-есть, знаете, не то чтобъ заплакалъ, а такъ... глупость!..“

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

„Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы: — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.“

„И продолжительно было ихъ счастіе?“ — спросилъ я.

„Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія. Да, и они были счастливы!“

„Какъ это скучно!“ — воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!.. — „Да неужели, — продолжалъ я, — отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?“

„То-есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ, какъ это случилось...“

Вниманіе мое пробудилось снова.

„Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали, — это было въ сумерки, — онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его наземь, схватилъ его поводья и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка: они бросились догонять, только не догнали.“

„Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ,“ — сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

„Конечно, по-ихнему, — сказалъ штабсъ-капитанъ, — онъ былъ совершенно правъ.“

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ, и одна за другою гасли, по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока,

приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-Гору; мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-Горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитой въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гудъ-Гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханье грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то-есть, я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто-кратъ, чѣмъ въ

насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

„Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?“ — сказалъ я ему.

„Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то-есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.“

„Я слышалъ напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна.“

„Разумѣется, если хотите, оно и пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, — прибавилъ онь, указывая на востокъ, — что за край!“

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую; и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. — „Я говорилъ вамъ, — воскликнулъ онъ, — что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ — закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались, взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ: осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ, а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка. Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые,“ — и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали; и если-бъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ-быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы? — Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки, слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ; только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору (или, какъ называетъ ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гудъ-горы въ Чертову долину... Вотъ роман-

тическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами, — не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова „черта“, а не „чортъ“, ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія м и л ы я мѣста нашего отечества.

„Вотъ и Крестовая!“ — сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ; наши извозчики объявили, что обваловъ еще не было, и, сберегая лошадей, повезли насъ кругóмъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору, — двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ какъ

Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, несмотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли, мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, изгнанница, — думалъ я, — плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть, гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки.“

„Плохо! — говорилъ штабсъ-капитанъ, — посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ: того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки — никакъ нельзя положиться.“

Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на

краснорѣчіе кнутовъ. — „Ваше благородіе, — сказалъ, наконецъ, одинъ,—вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется, вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку," — прибавилъ онъ, указывая на осетина.

„Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! — сказалъ штабсъ-капитанъ: — ужъ эти бестіи рады придраться, чтобы сорвать на водку."

„Признайтесь, однако, — сказалъ я, — что безъ нихъ намъ было бы хуже."

„Все такъ, все такъ, — пробормоталъ онъ, — ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги."

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею. — „Все къ лучшему! — сказалъ я, присѣвъ у огня, — теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось."

„А почему-жъ вы такъ увѣрены?" — отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

„Оттого что это не въ порядкѣ вещей: что началось необыкновеннымъ образомъ, то должно такъ же и кончиться."

„Вѣдь вы угадали...“

„Очень радъ.“

„Хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка эта Бэла! Я къ ней, наконецъ, такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше, такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу! я и радъ былъ, что нашелъ, кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни иль пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, — только куда имъ! совсѣмъ не то!... Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куколку, холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ похорошѣла, что чудо; съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!...“

„А что, когда вы ей объявили о смерти отца?“

„Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла. Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, — я ужъ, кажется, говорилъ, — страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами или козами, — а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ, однако-жъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться, ходитъ по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять, цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и

чаще... ехорошо, подумалъ я: вѣрно между ними черная кошка проскочила. Одно утро захожу къ нимъ, — какъ теперь передъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ, блѣденькая, такая печальная, что я испугался. — „А гдѣ Печоринъ?“ — спросилъ я.

„На охотѣ.“

„Сегодня ушелъ?“ — Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

„Нѣтъ, еще вчера,“ — наконецъ, сказала она, тяжело вздохнувъ.

„Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?“

„Я вчера цѣлый день думала, думала, — отвѣчала она сквозь слезы, — придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.“

„Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!“ — Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

„Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!...“

Я сталъ ее уговаривать. — „Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью, походитъ да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь.“

„Правда, правда! — отвѣчала она, — я буду весела.“ — И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Наконецъ, я ей сказалъ: „Хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ? погода славная!“ — Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ молча; наконецъ, она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками*), оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и, наконецъ, остановился по ту сторону рѣчки, саженяхъ во ста отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою, какъ бѣшеный. Что за притча! — „Посмотри-ка, Бэла, — сказалъ я, — у тебя глаза молодые, что это за джигитъ, кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?...“

Она взглянула и вскрикнула: „это Казбичъ!“

---

*) Овраги.

„Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что-ли пріѣхалъ надъ нами?“ — Всматриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный, какъ всегда. — „Это лошадь отца моего,“ — сказала Бэла, схвативъ меня за руку. Она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали. — Ага! подумалъ я: и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

„Подойди-ка сюда, — сказалъ я часовому, — осмотри ружье, да ссади мнѣ этого молодца, — получишь рубль серебромъ.“ — „Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ...“ — „Прикажи!“ — сказалъ я, смѣясь... — „Эй, любезный! — закричалъ часовой, махая ему рукой, — подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?“ — Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно, думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры, — какъ не такъ!... Мой гренадеръ приложился... бацъ!... мимо; — только-что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачекъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что-то по-своему, погрозилъ нагайкой — и былъ таковъ.

„Какъ тебѣ не стыдно!“ — сказалъ я часовому.

„Ваше высокоблагородіе! умирать отправился, — отвѣчалъ онъ, — такой проклятый народъ, сразу не убьешь.“

Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился. — „Помилуйте, — говорилъ я, — вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкой Казбичъ, и мы по немъ стрѣляли; ну, долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный: вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію

помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что годъ тому назадъ, она ему больно нравилась, — онъ мнѣ самъ говорилъ, — и если-бъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то, вѣрно бы, посватался..." — Тутъ Печоринъ задумался. — „Да, — отвѣчалъ онъ, — надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ."

Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе; мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало, спросишь: „О чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна?" — „Нѣтъ." — „Тебѣ чего-нибудь хочется?" — „Нѣтъ." — „Ты тоскуешь по роднымъ?" — „У меня нѣтъ родныхъ." — Случалось, по цѣлымъ днямъ, кромѣ „да" да „нѣтъ", отъ нея ничего больше не добьешься.

Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить. — „Послушайте, Максимъ Максимычъ, — отвѣчалъ онъ, — у меня несчастный характеръ; воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ — не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшенно всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ

также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями, — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, — и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй — не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ-быть, больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь, — только не въ

Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, — авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ.“ — Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипятилѣтняго человѣка и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что̀ за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ, — вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?“

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ. — Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

„А все, чай, французы ввели моду скучать?“

„Нѣтъ, англичане.“

„Ага, вотъ что!... — отвѣчалъ онъ, — да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!...“

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздерживаться отъ вина, онъ, конечно, старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

„Казбичъ не являлся снова. Только, не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

Вотъ разъ, уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался; ну, что мнѣ былъ за диковинка кабанъ! Однако-жъ утащилъ-таки онъ меня съ собою. Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу, — нѣтъ звѣря. „Эй, не воротиться ли? — говорилъ я. — Къ чему упрямиться? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!“ — Только Григорій Александровичъ, несмотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ — подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ, въ полдень отыскали проклятаго кабана — пафъ! пафъ!... не тутъ-то было: ушелъ въ камыши... такой ужъ былъ несчастный день!... Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости: только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ, — смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла — и туда; я за нимъ.

Къ счастію, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла, и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И, наконецъ, я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поравнялся съ Печориномъ и кричу ему: „это Казбичъ!...“ — Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою и ударилъ коня плетью.

Вотъ, наконецъ, мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, несмотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагеза...

Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... „Не стрѣляйте! — кричу я ему, — берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ.“ — Ужъ эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣна. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бѣдная Бэла! — Онъ что-то намъ закричалъ по своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку... Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь, и возлѣ нея Бэла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ; хотѣлось мнѣ его снять оттуда — да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно, и кровь-

лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй: хоть бы въ сердце ударилъ, ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже; напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы, — ничто не могло привести ее въ себя.

Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: — „Послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую.“ — „Правда!“ — сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ. Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лѣкаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...“

„Выздоровѣла?“ — спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

„Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — а ошибся лѣкарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.“

„Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?“

„А вотъ какъ: несмотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался, — цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу! Она, между тѣмъ, успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.“

„Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?“

„Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно-таки нравилась.“

„И Бэла умерла?“

„Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — „Я здѣсь, возлѣ тебя, моя джанечка“ (то-есть, по нашему, душенька) — отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. — „Я умру!“ — сказала она. Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно; она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давала ему разныя нѣжныя названія или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.

Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижно, блѣдная и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышитъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только какъ вы думаете о чемъ?... Этакая мысль придетъ вѣдь

только умирающему!... Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорія Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертію: я ей это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ, отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. — Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе, губы горѣли. Она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней лежало раскаленное желѣзо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только-что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его итти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣна возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ; она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что̀ бы съ ней сталось, если-бъ Григорій Александровичъ ее покинулъ! А это бы случилось рано или поздно...

Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лѣкарь

припарками и микстурой. — „Помилуйте! — говорилъ я ему, — вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты?“ — „Все-таки, лучше, Максимъ Максимычъ, — отвѣчалъ онъ, — чтобъ совѣсть была спокойна.“ — Хороша совѣсть!

Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ, поставили льду около кровати — ничего не помогло. Я зналъ, что это невыносимая жажда — признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину. — „Воды, воды!...“ — говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню, какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ гошпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а, кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И вправду молвить: что-жъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?...

Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ — гладко!... Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя.— Наконецъ, онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для при-

личія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову — и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея же.

На другой день, рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ-было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...“

„А что Печоринъ?“ — спросилъ я.

„Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ же! — Мѣсяца три спустя, его назначили въ Е — й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.“

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже, — вѣроятно, для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; мятель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и о Печоринѣ.

„А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ?“ — спросилъ я.

„Съ Казбичемъ? А право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко; да врядъ ли это тотъ самый!...“

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ: я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ, по причинѣ тяжелой поклажи, не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однако-жъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія!... Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой, можетъ-быть, слишкомъ длинный разсказъ.

II

Максимъ Максимычъ

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостиницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ между тѣмъ некому

велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо „оказія“ изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!... Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей; видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!... А вы, можетъ-быть, не знаете, что такое „оказія“? Это — прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатеринодаръ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!... Мы встрѣтились, какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату. Онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!...

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись: я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?... Онъ

уже разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы, и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой кардинальской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался, мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостиницы, и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина, нѣчто въ родѣ русскаго Фигаро. — „Скажи, любезный, — закричалъ я ему въ окно, — что это, оказія пришла, что ли?“ — Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстукъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно. — „Слава Богу!“ — сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. „Экая чудная коляска! — прибавилъ онъ, — вѣрно, какой-нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно, не знаетъ нашихъ горокъ!

Нѣтъ, шутишь, любезный; онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую! — А кто бы это такое былъ, подойдемте-ка узнать...“ — Мы вышли въ коридоръ. Въ концѣ коридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извозчикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

„Послушай, братецъ, — спросилъ у него штабсъ-капитанъ, — чья эта чудесная коляска?... а?... Прекрасная коляска!...“ — Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился; онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: „Я тебѣ говорю, любезный...“

„Чья коляска?... Моего господина...“

„А кто твой господинъ?“

„Печоринъ...“

„Что ты? что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!... да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?...“ — воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него на глазахъ сверкала радость.

„Служилъ, кажется, — да я у нихъ недавно.“

„Ну, такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ?... Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели,“ — прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

„Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете,“ — сказалъ тотъ, нахмурившись.

„Экой ты, братецъ!... да знаешь ли? мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ-жъ онъ самъ остался?...“

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

„Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда? — сказалъ

Максимъ Максимычъ, — или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...“

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

„Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!... — сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ, — пойду за ворота его дожидаться... Эхъ жалко, что я незнакомъ съ Н...“

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя, по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. — „Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?“ — закричалъ я ему въ окно.

„Благодарствуйте; что-то не хочется.“

„Эй, выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.“

„Ничего; благодарствуйте...“

„Ну, какъ угодно!“ — Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ. — „А вѣдь вы правы; все лучше выпить чайку, — да я все ждалъ... Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да, видно, что-нибудь задержало!“

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небре-

женіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе, онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, если-бъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ, легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

„Не клопы ли васъ кусаютъ?“ — спросилъ я.

„Да, клопы...“ — отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. — „Мнѣ надо сходить къ коменданту, — сказалъ онъ, — такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...“

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ:

мнѣ было не до нихъ, я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

Навстрѣчу Печорину вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать; подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложен е, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками — вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой

станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва или душевнаго безпокойства. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признакъ породы въ человѣкѣ, такъ, какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся. — Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?... Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый оставлялъ по себѣ

непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если-бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ-быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ-быть, на другого видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то поневолѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. — „Если вы захотите еще немного подождать, — сказалъ я, — то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...“

„Ахъ, точно! — быстро отвѣчалъ онъ, — мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?“ — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣна его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбе-

нѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

„Какъ я радъ, дорогóй Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете?“ — сказалъ Печоринъ.

„А... ты?... а вы?... — пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ... — сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...“

„Ѣду въ Персію — и дальше...“

„Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Сколько времени не видались...“

„Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,“ — былъ отвѣтъ.

„Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?... что подѣлывали?...“

„Скучалъ!“ — отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

„А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охоты!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?...“

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

„Да, помню!“ — сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ...

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. — „Мы славно пообѣдаемъ, — говорилъ онъ, — у меня есть два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?...“

„Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако, прощайте, мнѣ пора, я спѣшу... Благодарю, что не забыли...“ — прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть! — проворчалъ онъ, — я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...“

„Ну, полно, полно! — сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески, — неужели я не тотъ же? Что дѣлать?... всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!...“ — Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ ужъ началъ подбирать возжи.

„Постой, постой! — закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски, — совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что мнѣ съ ними дѣлать?...“

„Что хотите! — отвѣчалъ Печоринъ. — Прощайте...“

„Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?...“ — кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли, да и не зачѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

„Да, — сказалъ онъ, наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ, — конечно, мы были пріятели, ну, да что́ пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что́ ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь,

какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи... и лакей какой гордый!...“ — Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. — „Скажите, — продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, — ну, что вы объ этомъ думаете?... ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!... Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ...“ Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

„Максимъ Максимычъ, — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?“

„А Богъ его знаетъ! какія-то записки...“

„Что вы изъ нихъ сдѣлаете?“

„Что? Я велю надѣлать патроновъ.“

„Отдайте ихъ лучше мнѣ.“

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь. Въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

„Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ, — поздравляю васъ съ находкою...“

„И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?“

„Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой или родственникъ?...

Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...“

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду: у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

„А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?“

„Нѣтъ-съ.“

„А что такъ?“

„Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ сдать кой-какія казенныя вещи...“

„Да вѣдь вы же были у него?“

„Былъ, конечно, — сказалъ онъ, заминаясь, — да его дома не было... а я не дождался.“

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ перый разъ отъ роду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы д л я с о б с т в е н н о й н а д о б н о с т и, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ!

„Очень жаль, — сказалъ я ему, — очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.“

„Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... Вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату...“

„Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.“

„Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.“

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флеръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе преходящими, но зато не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ, и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ.

ЖУРНАЛЪ ПЕЧОРИНА

ПРЕДИСЛОВІЕ

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни, на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственные слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно, когда она слѣдствіе наблюденій ума

зрѣлаго надъ самимъ собою и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ; и, можетъ-быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. „Да это злая иронія!“ — скажутъ они. — Не знаю.

I

Тамань

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще вдобавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной телѣжкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку

у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій козакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ спросонья дикимъ голосомъ: „Кто идетъ?“ — Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ — занята. Было холодно, я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться. „Веди меня куданибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту“, — закричалъ я. — „Есть еще одна фатера, — отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ, — только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!“ — Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему итти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышу и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла избочась другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темносинія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея далеко отъ берега два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. „Суда въ пристани есть, — подумалъ я, — завтра отправлюсь въ Геленджикъ.“

При мнѣ исправлялъ должность денщика линейскій козакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и

отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина — молчатъ; стучу — молчатъ... что это? Наконецъ, изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

„Гдѣ хозяинъ?“ — „Нема.“ — „Какъ, совсѣмъ нѣту?“ — „Совсимъ.“ — „А хозяйка?“ — „Побигла въ слободку.“ — „Кто же мнѣ отопретъ дверь?“ — сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно, и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою: какъ будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ, я началъ разсматривать лицо слѣпого; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?... Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

„Ты хозяйскій сынъ?“ — спросилъ я его, наконецъ. — „Ни.“ — „Кто же ты?“ — „Сирота убо-

гій.“ — „А у хозяйки есть дѣти?“ — „Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ.“ — Съ какимъ татариномъ?“ — „А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.“

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа — дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи: поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, козакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ, на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно; кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; навстрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. „Въ тотъ день нѣмые возопіютъ, и слѣпые прозрятъ,“ — подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не потерять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начала одѣваться тучами, и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился

фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ, онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

„Что, слѣпой? — сказалъ женскій голосъ, — буря сильна; Янко не будетъ.“ — „Янко не боится бури,“ — отвѣчалъ тотъ. — „Туманъ густѣетъ,“ — возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали. — „Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ,“ — былъ отвѣтъ. — „А если онъ утонетъ?“ — „Ну, что-жъ! въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты!“

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

„Видишь, я правъ, — сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши, — Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь, — это его длинныя весла.“

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

„Ты бредишь, слѣпой! — сказала она, — я ничего не вижу.“

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять, и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься черезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая! Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ, быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится вдребезги; но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою, и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Козакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему однако-жъ не сказалъ причины. Полюбовавшись

нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но, увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоявшія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться. „Можетъ-быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно, — сказалъ комендантъ, — и тогда мы увидимъ.“ Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ козакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

„Плохо, ваше благородіе!“ — сказалъ онъ мнѣ.

„Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!“ — Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь мнѣ, сказалъ шопотомъ: „Здѣсь нечисто! я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ, былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: „Здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!...“ Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой! ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ за хлѣбомъ, и за водой... ужъ, видно, здѣсь къ этому привыкли.“

„Да что-жъ? по крайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?...“

„Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.“

„Какая дочь? у нея нѣтъ дочери.“ — „А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.“

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ, довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. „Ну-ка, слѣпой чертенокъ, — сказалъ я, взявъ его за ухо, — говори, куда ты ночью таскался съ узломъ, а?“ — Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: „Куды я ходивъ?... никуды не ходивъ... съ узломъ?... якимъ узломъ?“ — Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: „Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! за что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?“ — мнѣ это надоѣло, и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мною тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа, можетъ-быть, и болѣе... Вдругъ, что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно, это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ, — но откуда?... Прислушиваюсь — напѣвъ стройный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова — звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, — настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ

далъ, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ,
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики,
Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка неснащеная,
Двухвесельная.
Буря-ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
„Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка.“

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто

удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностію останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и насчетъ красоты. Въ ней было много породы... Порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло; это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ, казалось, не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ и особенно правильный носъ, — все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума, — я вообразилъ, что нашелъ Гётеву Миньону, это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ вели-

чайшаго безпокойства къ полной неподвижности тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

„Скажи-ка мнѣ, красавица, — спросилъ я, — что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?“ — „А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.“ — „Зачѣмъ тебѣ?“ — „Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье.“ — „Что же? развѣ ты пѣснею зазывала счастье?“ — „Гдѣ поется, тамъ и счастливится.“ — „А какъ неравно напоешь себѣ горе?“ — „Ну, что-жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко.“ — „Кто-жъ тебя выучилъ этой пѣснѣ?“ — „Никто не выучилъ; вздумается — запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ.“ — „А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?“ — „Кто крестилъ, тотъ знаетъ.“ — „А кто крестилъ?“ — „Почему я знаю.“ — „Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ (она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло). Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ.“ — И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло. — „Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ.“ — „А если-бъ я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту?“ — и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не у мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ козаку нагрѣть

чайникъ по-походному, засвѣтилъ свѣчу и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся, — то была она, моя ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ: онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса; но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія мнѣ начинала надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то-есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: „Нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ,“ — и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу. — „Экой бѣсъ-дѣвка!“ закричалъ козакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего козака. „Если я выстрѣлю изъ

пистолета, — сказалъ я ему, — то бѣги на берегъ.“ Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: „Слушаю, ваше благородіе.“ — Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

„Идите за мной!“ — сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ, и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темносинемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. — „Войдемъ въ лодку,“ — сказала моя спутница. Я колебался: я не охотникъ до сентиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. „Что это значитъ?“ — сказалъ я сердито. — „Это значитъ, — отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками, — это значитъ, что я тебя люблю...“ — И щека ея прижалась къ моей, и я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду: я хвать за поясъ, — пистолета нѣтъ. О, тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь, — мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя, — она какъ кошка вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная

борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости... „Чего ты хочешь?“ — закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

„Ты видѣлъ, — отвѣчала она, — ты донесешь!“ — и сверхъ-естественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ былъ по-козацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ.

„Янко, — сказала она, — все пропало!“ Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать. — „А гдѣ же слѣпой?“ — сказалъ, наконецъ, Янко, возвыся голосъ. — „Я его послала,“ — былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

„Послушай, слѣпой! — сказалъ Янко, — ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи (имени я не разслушалъ), что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорóга, гдѣ только вѣтеръ дуетъ, и море шумитъ!“ — Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: — „Она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо и честь знать. Насъ же больше не увидитъ.“

„А я?“ — сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

„На что мнѣ тебя?“ — былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукою; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: „На, купи себѣ пряниковъ.“ — „Только?“ — сказалъ слѣпой. — „Ну, вотъ тебѣ еще,“ — и упавшая монета зазвенѣла, ударяясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыда-

ніе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и козакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ, подарокъ пріятеля, — все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ козака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восемнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось со старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ — не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!...

II

Княжна Мери

11 мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ

спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури"; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине— чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако, пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору; то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ: объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся в о д я н а я молодежь была уже на перечетѣ, потому что

они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ: петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскія эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать, хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты, онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ, онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ-быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ, однако, не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ; они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтлоголубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ, вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлей надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли, — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между

ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпа любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лѣчиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

„Печоринъ! давно ли здѣсь?“

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ на службѣ, носитъ, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно: онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производитъ эффектъ

— ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами, — иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только-что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому, имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остеръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль — сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо, не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого-то онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!...

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ, — и одному изъ насъ не сдобровать.

Пріѣздъ его на Кавказъ — также слѣдствіе его

романтическаго фанатизма; я увѣренъ, что, наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: „нѣтъ, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете ли вы меня?..“ и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

„Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, — сказалъ онъ, вздохнувъ: — пьющіе утромъ воду — вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру — несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ. Моя солдатская шинель — какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня.“

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лицъ за шляпками я не разглядѣлъ,

но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье gris de perles; легкая шелковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки couleur puce стягивали у щиколки ея сухощавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышитъ иногда записка милой женщины.

„Вотъ княгиня Лиговская, — сказалъ Грушницкій, — и съ нею дочь ея, Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.“

„Однако, ты ужъ знаешь ея имя?“

„Да, я случайно слышалъ, — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ, — признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть-ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?“

„Бѣдная шинель! — сказалъ я, усмѣхаясь. — А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?“

„О! это московскій франтъ Раевичъ! Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ. Да и борода кстати, и прическа à la moujik.“

„Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго.“

„И есть за что.“

„О! право?“

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по-французски:

„Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.“

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

„Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказалъ я ему. — У нея такіе бархатные глаза, именно бархатные; я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ: нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго!... А что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.“

„Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади,“ — сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

„Mon cher, — отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ, — je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.“

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по виноградным аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между ними кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остано-

вился у крытой галлереи, чтобы вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ въ крытой галлереѣ, и оба были заняты, кажется, серьезнымъ разговоромъ; княжна, вѣроятно, допивъ уже послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца; Грушницкій стоялъ у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галлереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобы его поднять: больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все лучше меня.

Легче птички, она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести: потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галлерею и, убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галлереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный, даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу; она вбѣжала въ ворота одного

изъ лучшихъ домовъ Пятигорска. За нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

„Ты видѣлъ? — сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку, — это просто ангелъ!“

„Отчего?“ — спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

„Развѣ ты не видалъ?“

„Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Еслибъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу.“

„И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?“

„Нѣтъ.“

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу: это чувство было зависть: я говорю смѣло „зависть“, потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другого, ей равно незнакомаго, — врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ (разу-

мѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе), который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча, съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару, мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?...

13-го мая.

Нынче поутру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ поэтъ — и не нашутку: поэтъ на дѣлѣ всегда и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки! Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага; онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе

врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ; больные взбѣленились, почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то-есть, всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упадшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ; надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной; оттого-то, можетъ-быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красова-

лись въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстукъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердится за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ — трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да притомъ у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ; каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

„Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ...“ — сказалъ докторъ.

„Въ чемъ это?“ — спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

„Въ томъ, — отвѣчалъ онъ, — что рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.“

„Я богаче васъ! — сказалъ я, — у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе — именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.“

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а, право, изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьезно, пока не замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу

въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи, — и мы оба замолчали.

„Замѣтьте, любезный докторъ, — сказалъ я, — что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово — для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать, и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите же мнѣ какую-нибудь новость.“

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ.

Онъ отвѣчалъ, подумавши: „Въ вашей галиматьѣ, однако-жъ, есть идея.“

„Двѣ,“ — отвѣчалъ я.

„Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую.“

„Хорошо, начинайте!“ — сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

„Вамъ хочется знать какія-нибудь подробности

насчетъ кого-нибудь изъ пріѣхавшихъ на воды, и я ужъ догадываюсь, о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали."

„Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга."

„Теперь другая..."

„Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что-нибудь; во-первыхъ, потому, что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ-четвертыхъ, потому, что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ разсказчиковъ. Теперь къ дѣлу: что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?"

„Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?..."

„Совершенно убѣжденъ."

„Почему?"

„Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ."

„У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль.."

„Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи."

„Разумѣется..."

„Завязка есть! — закричалъ я въ восхищеніи, — объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно, судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно."

„Я предчувствую, — сказалъ докторъ, — что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой..."

„Дальше, докторъ."

„Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо.

Я ей замѣтилъ, что, вѣрно, она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шума... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя, вѣроятно, къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ."

„Достойный другъ!" — сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

„Если вы хотите, я васъ представлю..."

„Помилуйте! — сказалъ я, всплеснувъ руками, — развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную."

„И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?..."

„Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!... Докторъ, наконецъ, я торжествую: вы меня не понимаете!... Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ, — продолжалъ я послѣ минуты молчанія: — я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу при случаѣ отъ нихъ отпереться. Однако-жъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?"

„Во-первыхъ, княгиня — женщина сорока-пяти лѣтъ, — отвѣчалъ Вернеръ, — у нея прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ, и тутъ на покоѣ растолстѣла. Она

любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?... Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лѣчится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего; я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать; она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ нелюбезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ — московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками."

„А вы были въ Москвѣ, докторъ?"

„Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику."

„Продолжайте."

„Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч... она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли."

„Вы никого у нихъ не видали сегодня?"

„Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужу, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили-ль вы ее у колодца? — она средняго роста,

блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью."

„Родинка? — пробормоталъ я сквозь зубы. — Неужели?"

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: — „Она вамъ знакома!..." — Мое сердце билось сильнѣе обыкновеннаго.

„Теперь ваша очередь торжествовать! — сказалъ я, — только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ въ старину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнеситесь обо мнѣ дурно."

„Пожалуй!" — сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?... и какъ мы встрѣтимся?... и потомъ, она ли это?... Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю — ничего!

Послѣ обѣда, часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ: тамъ была толпа; княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ и началъ имъ

что-то разсказывать; видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать, какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало-по-малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ-ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

„Что онъ вамъ разсказывалъ? — спросила она у одного изъ молодыхъ людей, возвратившихся къ ней изъ вѣжливости, — вѣрно, очень занимательную исторію — свои подвиги въ сраженіяхъ?...“ — Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня. — „А-га! — подумалъ я, — вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то-ли еще будетъ!“

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ. Бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто-нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ

ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца, на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ, — и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ — и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ.

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!... Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжка хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ; ходитъ закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла; онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкою.

„Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими?“ — сказалъ онъ мнѣ вчера.

„Рѣшительно.“

„Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...“

„Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?“

„Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...“

„Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты просто не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ...“

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

„Какой вздоръ!“ — сказалъ онъ.

„Я увѣренъ, — продолжалъ я, — что княжна въ тебя ужъ влюблена.“

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!...

„У тебя все шутки, — сказалъ онъ, показывая, будто сердится, — во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...“

„Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.“

„Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться; я просто хочу познакомиться съ пріятнымъ домомъ, и было бы очень смѣшно, если-бъ я имѣлъ какія-нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло! — вы, побѣдители петербургскіе: только, посмотрите, такъ женщины таютъ... А, знаешь ли, Печоринъ, что̀ княжна о тебѣ говорила?...“

„Какъ? Она тебѣ ужъ говорила обо мнѣ?...“

„Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было: „Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный, тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда..." Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку. — „Вамъ не нужно сказывать дня, — отвѣчалъ я ей: — онъ вѣчно будетъ мнѣ памятенъ..." — Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!..."

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее моя Мери, моя Sophie, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серьезный видъ и отвѣчалъ ему:

„Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно, ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ — никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и, чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить, — а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобой накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ

за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой, сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...“

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы: оно мнѣ показалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя М е р и было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные, — и тутъ-то я буду наслаждаться!...

. . . . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу — никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя, мохнатыя тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ,

про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ? Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ? — Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ, сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрывала ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

„Вѣра!“ — вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

„Я знала, что вы здѣсь,“ — сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами: въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

„Мы давно не видались,“ — сказалъ я.

„Давно, и перемѣнились оба во многомъ!“

„Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?...“

„Я замужемъ!...“ — сказала она.

„Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...“

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

„Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?...“

Она не отвѣчала и отвернулась.

„Или онъ очень ревнивъ?“

Молчаніе.

„Что-жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься...“ — Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

„Скажи мнѣ, — наконецъ, прошептала она, — тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій...“ — Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

„Можетъ-быть, — подумалъ я, — ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...“

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ, губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мелькомъ на бульварѣ: она вышла за него для сына. Онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ, какъ отца — и будетъ обманывать, какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ; Вѣра часто бываетъ у княгини; я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и воло-

читься за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ мои планы ни мало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!... Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь: теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!...

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины; напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это? — Оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это — магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я точно не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!...

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами, — и то, можетъ-быть, если-бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки или той болѣзни, которую называютъ fièvre lente — болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставляла меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью, — и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ-быть, навѣки; оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей — я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ, мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ, — на память?... А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая-бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое-бы безпокойство ни томило мысль, — все въ минуту разсѣется, на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ

женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, козаки, зѣвающіе на своихъ в ы ш к а х ъ, видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо, вѣрно, по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго, оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій, ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью, бешметъ бѣлый, черкеска темнобурая. Я долго изучалъ горскую посадку; ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ — и никогда со мной не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать; лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ en piquenique. Дорога идетъ, извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругóмъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ враговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи

балками, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь черкесскаго съ нижегородскимъ; впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ: онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрывалъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сентиментальный. Наконецъ, они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

„И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?“ — говорила княжна.

„Что для меня Россія? — отвѣчалъ ея кавалеръ. — Страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь, — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...“

„Напротивъ...“ — сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

„Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если-бъ Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ, подобный тому...“

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

„Mon Dieu, un circassien!...“ — вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклоняясь:

„Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier...“

Она смутилась; но отчего? отъ своей ошибки или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ-бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т. е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ, только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался. Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?... Что дѣлаетъ теперь Вѣра? — думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно, Грушницкій... Такъ и есть!

„Откуда?“

„Отъ княгини Лиговской, — сказалъ онъ очень важно. — Какъ Мери поетъ!...“

„Знаешь ли что? — сказалъ я ему, — я пари

держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...“

„Можетъ быть! Какое мнѣ дѣло!...“ — сказалъ онъ разсѣянно.

„Нѣтъ, я только такъ это говорю...“

„А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самаго высокаго мнѣнія.“

„Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?“

„Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...“

„Ого! — подумалъ я, — у него, видно, есть уже надежды...“

„Впрочемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій. — Теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, — а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...“

Я внутренно улыбнулся.

„Самый пріятный домъ для меня теперь мой,“ — сказалъ я зѣвая, и всталъ, чтобъ итти.

„Однако, признайся, ты раскаиваешься?...“

„Какой вздоръ! Если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...“

„Посмотримъ...“

„Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной...“

„Да, если она захочетъ говорить съ тобой...“

„Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...“

„А я пойду шататься, я ни за что теперь не засну...

Послушай, пойдемъ лучше въ рестораціо, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...“

„Желаю тебѣ проиграться...“

Я пошелъ домой.

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій, какъ тѣнь, слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда же онъ ей наскучитъ?... Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ н е ж е н и х ъ. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два, три нѣжныхъ взгляда, — надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ появилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы, и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

„Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?... Мы только тамъ можемъ видѣться...“

Упрекъ!... скучно! но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ рестораціи, и я буду танцовать мазурку съ княжной.

29-го мая.

Зала рестораціи превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явились изъ послѣднихъ; многія дамы посмотрѣли на нее съ завистью и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократами, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество жен-

щинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкій, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская съ глазъ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула головой. Онъ просіялъ, какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи — счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

„Эта княжна Лиговская пренесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... C'est in payab' ... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо-бы проучить..."

„За этимъ дѣло не станетъ!" — отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на-бокъ, и мы пустились. Я не знаю таліи болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ

своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура (она вальсируетъ удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое: mercі, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

„Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... неужели это правда?“

„И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи?“ — отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

„Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ-нибудъ оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще бо́льшую дерзость: просить у васъ прощенья... И, право, я бы очень желалъ доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...“

„Вамъ это будетъ довольно трудно...“

„Отчего же?...“

„Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы, вѣроятно, не часто будутъ повторяться.“

„Это значитъ, — подумалъ я, — что ихъ двери для меня навѣки закрыты.“

„Знаете, княжна, — сказалъ я съ нѣкоторой досадой, — никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...“

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъ-

явившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ, потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руку за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

„Пермете... ну, да что тутъ!... просто, ангажирую васъ на мазурку...“

„Что вамъ угодно?“ — произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

„Что-же? — сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками. — Развѣ вамъ не угодно?... Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!... Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...“

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться, потому, — прибавилъ я, — что княжна давно ужъ обѣщалась танцовать мазурку со мною.

„Ну, нечего дѣлать!... въ другой разъ!“ — сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ при-

стыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

„Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, — прибавила она. — Но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что̀ не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда ли?“

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ, съ хоръ загремѣла мазурка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало-по-малу разсѣялось; личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

„Вы странный человѣкъ!“ — сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

„Я не хотѣлъ съ вами знакомиться, — продолжалъ я, — потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.“

„Вы напрасно боялись! Они всѣ прескучные...“

„Всѣ! Неужели всѣ?“

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и, наконецъ, произнесла рѣшительно: „в с ѣ!“

„Даже мой другъ Грушницкій?“

„А онъ вашъ другъ?“ — сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

„Да.“

„Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...“

„Но въ разрядъ несчастныхъ,“ — сказалъ я, смѣясь.

„Конечно! А вамъ смѣшно? Я-бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...“

„Что-жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ, и, право, это самое лучшее время моей жизни!“

„А развѣ онъ юнкеръ?... — сказала она быстро и потомъ прибавила: — а я думала...“

„Что вы думали?...“

„Ничего!... Кто эта дама?“

Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались — до свиданія. Дамы разъѣхались... Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

„А-га! — сказалъ онъ, — такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.“

„Я сдѣлалъ лучше, — отвѣчалъ я ему, — спасъ ее отъ обморока на балѣ...“

„Какъ это? Разскажите!“

„Нѣтъ, отгадайте, — о, вы, отгадывающій все на свѣтѣ!“

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ: какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

„Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?...“

„Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стоитъ благодарности,“ — отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

„Какъ? А вчера? ты развѣ забылъ?... Мери мнѣ все разсказала...“

„А что? развѣ у васъ ужъ нынче все общее? и благодарность?...“

„Послушай, — сказалъ Грушницкій очень важно, — пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю... я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ

намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны...“

„Это, можетъ-быть, слѣдствіе дѣйствія водъ,“ — отвѣчалъ я.

„Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ! — прибавилъ онъ презрительно. — Впрочемъ, перемѣнимъ матерію“... — и довольный плохимъ каламбуромъ онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ. Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. — Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли: она находитъ, что томность къ ней идетъ — и, можетъ-быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

„Довольна ли ты моимъ послушаніемъ, Вѣра?“ — сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ, но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; всѣ просили ее спѣть что-нибудь; я молчалъ и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло — вздоръ...

Между тѣмъ, княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!

Она запѣла: ея голосъ былъ недуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. Зато Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: „charmant! délicieux!“

„Послушай, — говорила мнѣ Вѣра, — я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ мужемъ, но ты долженъ непремѣнно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...“

„Только?...“

Она покраснѣла и продолжала: — „Ты знаешь, что я твоя раба, я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя, — ты это знаешь очень хорошо!... О, я прошу тебя: не мучь ты меня попрежнему пустыми сомнѣньями и притворной холодностью: я, можетъ-быть, скоро умру, я чувствую, что слабѣю со дня на день... и несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.“

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ

ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то насчетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

„Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно, — сказала она, — что вы меня не слушали; но вы, можетъ-быть, не любите музыки?...“

„Напротивъ... послѣ обѣда особенно.“

„Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.“

„Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ; у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово, слѣдовательно, — я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно, или слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ, грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...“

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сентиментальный разговоръ: кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе, — вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой, наконецъ, удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!... Какъ быть? у меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и досыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ, право, не знаю! тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?...

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и, послѣ долгаго молчанія, сказалъ:

„Ну, что?“

„Ты глупъ,“ — хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечомъ.

6-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами, — это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сентиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю сми-

ренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій — на Грушницкаго.

„У васъ очень мало самолюбія! — сказала она мнѣ вчера. — Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?“

— Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

„И моимъ,“ — прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива, нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой; но только что завидѣла меня, она стала хохотать (очень не кстати), показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней: она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ. — Еще два дня не буду съ ней говорить.

11-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? — Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если-бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ничуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ

мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство — истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности — только въ невозможности достигнуть цѣли, то-есть конца.

Изъ чего же я хлопочу? — Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

„Мой другъ, со мной было то же самое, и ты видишь, однако, что я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!“

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до-сыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ

жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если-бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если-бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь имп волноваться; многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаютъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во

всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью — лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?... Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя, и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ современемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

. . . . . .

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею, — онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

„Я васъ не поздравляю," — сказалъ онъ Грушницкому.

„Отчего?"

„Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ; и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ, сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь пойдете подъ общее правило."

„Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться. Онъ не знаетъ, — прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо, — сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О, эполеты, эполеты! ваши звѣздочки — путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ, я теперь совершенно счастливъ."

„Ты идешь съ нами гулять къ провалу?" — спросилъ я его.

„Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ.“

„Прикажешь ей объявить о твоей радости?“

„Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...“

„Скажи мнѣ, однако, какъ твои дѣла съ нею?“

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать, — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

„Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?...“

„Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!... какъ можно такъ скоро?... Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...“

„Хорошо! И, вѣроятно, по-твоему порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...“

„Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...“

„Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...“

„Она?... — отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись. — Мнѣ жаль тебя, Печоринъ!...“

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ, сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя, и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

„Вы опасный человѣкъ! — сказала она мнѣ, — я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычокъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня, — я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно."

„Развѣ я похожъ на убійцу?..."

„Вы хуже..."

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко тронутый видъ:

„Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ, — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду, — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ

жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ; — тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины. Но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно, когда вспомню о томъ, что́ подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало."

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза, — въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали: ей было жаль меня! Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала, — а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу; дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего

печальнаго разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

„Любили ли вы?“ — спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала, съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня, а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

„Не правда ли, я была очень любезна сегодня?“ — сказала мнѣ княжна, съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой; она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно.

12-го іюня.

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

„Я отгадываю, къ чему все это клонится, — говорила мнѣ Вѣра, — лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.“

„Но если я ее не люблю?“

„То зачѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, вол-

новать ея воображеніе?... О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ; мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ, внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?...“

Я обѣщалъ и въ тотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

„Наконецъ, я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь!“ — прибавилъ онъ.

„Когда же балъ?“

„Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить..“

„Пойдемъ на бульваръ...“

„Ни за что, въ этой гадкой шинели...“

„Какъ, ты ее разлюбилъ?...“

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

„Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ,“ — сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

„Вы будете завтра пріятно удивлены,“ — сказалъ я ей.

„Чѣмъ?...“

„Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.“

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ!...

Вѣра все это замѣтила: на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви, — разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты неимовѣрной величины были загнуты кверху, въ видѣ крылышекъ амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а правою взбивалъ ежеми-

нутно въ мелкія кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если-бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстушникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху до ушей; отъ этой трудной работы, — ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ, — лицо его налилось кровью.

„Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моей княжной?“ — сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

„Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!“ — отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

„Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?... Охъ, проклятый жидъ!... какъ подъ мышками рѣжетъ!... Нѣтъ ли у тебя духовъ?“

„Помилуй, чего тебѣ еще; отъ тебя и такъ ужъ несетъ розовой помадой.“

„Ничего. Дай-ка сюда...“

Онъ налилъ себѣ полсклянки за галстухъ, въ носовой платокъ, на рукава.

„Ты будешь танцовать?“ — спросилъ онъ.

„Не думаю.“

„Я боюсь, что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку, я не знаю почти ни одной фигуры...“

„А ты звалъ ее на мазурку?“

„Нѣтъ еще...“

„Смотри, чтобъ тебя не предупредили...“

„Въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. — Прощай... пойду дожидаться ея у подъѣзда.“ — Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба? Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія“?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ; она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кру-

гомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

„Вы меня мучите, княжна! — говорилъ Грушницкій. — Вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ...“

„Вы также перемѣнились,“ — отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

„Я? я перемѣнился?... О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ...“

„Перестаньте...“

„Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?...“

„Потому что я не люблю повтореній,“ — отвѣчала она, смѣясь.

„О, я горько ошибся!... Я думалъ, безумный, что, по крайней мѣрѣ, эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...“

„Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...“

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ; она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

„Не правда ли, мсье Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсье Грушницкому?...“

„Я съ вами не согласенъ, — отвѣчалъ я, — въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.“

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчишки, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды стра-

стей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

„А признайтесь, — сказалъ я княжнѣ, — что, хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интересенъ... въ сѣрой шинели?...“

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

„Я этого не ожидалъ отъ тебя,“ — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

„Чего?“

„Ты съ нею танцуешь мазурку? — спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Она мнѣ призналась...“

„Ну, такъ что-жъ? а развѣ это секретъ?“

„Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!“

„Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?...“

„Зачѣмъ же подавать надежды?“

„Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто-жъ надѣется?“

„Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ,“ — сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня. Тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ, — ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ея руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

„Я дурно буду спать эту ночь,“ — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

„Этому виноватъ Грушницкій.“

„О, нѣтъ!“ — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ замолчали: видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ, а теперь, кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ, однимъ толчкомъ, опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ, — вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шептался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ

княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой; во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто-жъ виноватъ? зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь, — безъ пищи гаснетъ. Авось ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла, — больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла, въ самомъ дѣлѣ, грозный видъ. — Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ; онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!...

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра — часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ, — я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю; людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку креселъ; эта рука чуть-чуть дрожала; я тихо подошелъ къ ней и сказалъ

„Вы на меня сердитесь?...“

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала головой; ея губы хотѣли проговорить что то и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

„Что съ вами?“ — сказалъ я, взявъ ея руку.

„Вы меня не уважаете!... О, оставьте меня!...“

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ, глаза ея засверкали...

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

„Простите меня, княжна! Я поступилъ, какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится, я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете, и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте!“

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

„Правда ли, — спросилъ онъ, — что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?“

„А что?“

„Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью, а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!“

„Это штуки Грушницкаго!“ — подумалъ я.

„Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...“

„И княжна также?...“

„Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...“

„Такъ вы не женитесь?...“

„Докторъ, докторъ! посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на что-нибудь подобное?“

„Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи... — прибавилъ онъ, хитро улыбаясь, — въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя, по крайней мѣрѣ, не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь на водахъ преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе — пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.“

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распущены въ городѣ разные дурные слухи; это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

18-го іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Недаромъ Нар-

занъ называется богатырскимъ ключомъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышитъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно: и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами; и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны; и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи; и постоянный, сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно взапуски и, наконецъ, кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ, — а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ рестораціи, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ — я не изъ ихъ числа.

Грушницкій со своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну; рѣшительно — несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

22-го іюня.

Наконецъ, онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты; у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?... Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать.

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно и не отходитъ отъ дочери... плохо! — Зато Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ: добился же я этого благополучія! Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь, надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами; порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

Этотъ человѣкъ любитъ меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ, слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ уже ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется.

Что́ если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ? — Клевета!“ — закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ, и женщины ихъ читаютъ (за что имъ глубочайшая благодарность), ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ...

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, — мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, — мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати, Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ „Освобожденномъ Іерусалимѣ.“ „Только приступи, — говорилъ онъ, — на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а итти прямо; мало-по-малу чудовища исчезаютъ, и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. Зато бѣда,

если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ, и обернешься назадъ!“

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельѣ, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала, называемая Кольцомъ; это — ворота, образованныя природой; они подымаются на высокомъ холмѣ, и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній, пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки, самыя мелкія, опасны, особенно тѣмъ, что дно ихъ — совершенный калейдоскопъ; каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется: гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что, переѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на серединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. „Мнѣ дурно!“ — проговорила она слабымъ голосомъ... Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

„Смотрите наверхъ! — шепнулъ я ей, — это ничего, только не бойтесь; я съ вами.“

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки; отъ нея вѣяло пламенемъ.

„Что вы со мною дѣлаете?... Боже мой!..“

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ѣхали сзади; никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова — изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

„Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она, наконецъ, голосомъ, въ которомъ были слезы. — Можетъ-быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли, — прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности, — не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!...“ — Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

„Вы молчите? — продолжала она, — вы, можетъ-быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...“

Я молчалъ.

„Хотите ли этого?“ — продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное.

„Зачѣмъ?“ — отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку, а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и козаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались.

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ

и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

„Господа! — сказалъ онъ, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскіе слѣтки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги.“

„И что за недменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ, — да, трусъ!“

„Я думаю то же, — сказалъ Грушницкій. — Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...“

„Грушницкій на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну,“ — сказалъ кто-то.

„Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.“

„Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то-есть Печоринъ, а не Грушницкій, — а Грушницкій молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ! — сказалъ опять драгунскій капитанъ. — Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? тѣмъ лучше! Хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...“

„Хотимъ; только какъ?“

„А вотъ слушайте: Грушницкій на него особенно сердитъ — ему первая роль! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ-то и штука... Вызоветъ на дуэль... хорошо! Все это: вызовъ, приготовленія, условія — будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе; я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ — на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?“

„Славно придумано!... Согласны!... Почему же нѣтъ?...“ — раздалось со всѣхъ сторонъ.

„А ты, Грушницкій?“

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что еслибъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если-бъ Грушницкій не согласился, я бросился-бъ ему на шею. Но, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ со своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „Хорошо, я согласенъ!“

Трудно описать восторгъ всей честно́й компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. „За что они всѣ меня ненавидятъ? — думалъ я. — За что? Обидѣлъ ли я кого-нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?“ И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало-по-малу наполняла мою душу. „Берегитесь, господинъ Грушницкій! — говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, — со мной этакъ не шутятъ. Вы

дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!“

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ.

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

„Вы больны?“ — сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

„Я не спалъ всю ночь.“

„И я также... я васъ обвиняла... можетъ-быть, напрасно? — Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...“

„Все ли?...“

„Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего... когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?“

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

„Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжнѣ — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ. Я васъ не люблю.“

Ея губы слегка поблѣднѣли.

„Оставьте меня,“ — сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и другихъ?... Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы на моемъ мѣстѣ предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово ж е н и т ь с я имѣетъ какую-то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?... Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли?... Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ с м е р т ь о т ъ з л о й ж е н ы; это меня тогда глубоко поразило; въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ, что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ, буду стараться, чтобъ оно сбылóсь какъ можно позже.

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ А п ф е л ь б а у м ъ. На дверяхъ ресторація явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть

честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія (иначе — въ рестораціи); билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются итти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

„Сегодня, въ десятомъ часу вечера, приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ: мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ: я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини. — Я жду тебя; приходи непремѣнно."

„А-га! — подумалъ я, — наконецъ-таки вышло по-моему."

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинѣ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ

шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ рестораціо; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако, я изъ осторожности обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою: человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако, я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась, маленькая ручка схватила мою руку...

„Никто тебя не видалъ?“ — сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

„Никто.“

„Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О, я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.“

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

„Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?... А она думаетъ... знаешь ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!...“

. . . . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло

къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣна руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо. — „А-га! — сказалъ грубый голосъ, — попался!... будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!“

„Держи его крѣпче!“ — закричалъ другой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

„Воры! караулъ!...“ — кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

„Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?...“ — закричалъ капитанъ.

„Сплю,“ — отвѣчалъ я сердито.

„Вставайте! — воры... черкесы...“

„У меня насморкъ, — отвѣчалъ я, — боюсь простудиться.“

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они-бъ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога между тѣмъ сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ козакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если-бъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. „Какъ она перепугалась нынче ночью! — говорилъ онъ: — вѣдь надобно-жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи.“ Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ, и, слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла, но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

„Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы? — сказалъ кто-то, — видѣлъ ли ихъ кто-нибудь?“

„Я вамъ разскажу всю истину, — отвѣчалъ Грушницкій, — только, пожалуйста, не выдавайте меня; вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца.“

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, если-бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но, ослѣпленный ревностью, онъ и не подозрѣвалъ ея.

„Вотъ видите ли, — продолжалъ Грушницкій, — мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ, ужъ Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что́ за колонной, — наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто-то съ балкона... Какова княжна? а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.“

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

„Вы не вѣрите? — продолжалъ онъ, — даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая

правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина."

„Скажи, скажи, кто-жъ онъ!" — раздалось со всѣхъ сторонъ.

„Печоринъ," — отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза: я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

„Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости."

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

„Прошу васъ, — продолжалъ я тѣмъ же тономъ, — прошу васъ сейчасъ же отказаться отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блеѣтящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка и рискуете жизнію."

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

„Милостивый государь, когда я что говорю, такъ я это думаю и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все."

„Послѣднее вы ужъ доказали," — отвѣчалъ я ему холодно и, взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

„Что вамъ угодно?“ — спросилъ капитанъ.

„Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?“

Капитанъ поклонился очень важно.

„Вы отгадали, — отвѣчалъ онъ, — я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью,“ — прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

„А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?...“

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

„Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта,“ — прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторація я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

„Благородный молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, съ слезами на глазахъ. — Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!... Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры до времени, — продолжалъ онъ. — Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.“

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и разсказалъ ему все — отношенія мои къ Вѣрѣ и

княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но нимало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

„Противъ васъ, точно, есть заговоръ, — сказалъ онъ. — Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ... — „Ни за что не соглашусь! — говорилъ Грушницкій: — онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...“ — „Какое тебѣ дѣло? — отвѣчалъ капитанъ: — я все беру на себя. Я былъ секундантомъ въ пяти дуэляхъ и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Пострашать не худо. А зачѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?...“ — Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ, мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полчаса послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ — этого требовалъ самъ Грушницкій.

Убитаго — на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то-есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіатской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете? должны ли мы показать имъ, что догадались?"

„Ни за что на свѣтѣ докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся."

„Что же вы хотите дѣлать?"

„Это моя тайна."

„Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ!"

„Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте."

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей звать меня къ княгинѣ, — я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать въ вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій!... и тогда... тогда... что если его счастье перетянетъ? если моя звѣзда, наконецъ, мнѣ измѣнитъ?... И

немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что-жъ? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!...

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья, — и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ-быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло

меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе — мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь — изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно.

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!... Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно! — Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

А помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго: тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ; потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были „Шотландскіе Пуритане“; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ, разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою

тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!...

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ его маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой; у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

„Отчего вы такъ печальны, докторъ? — сказалъ я ему. — Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня, какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?“

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ; Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились, — мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было

переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубого и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню — въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился у́же, утесы синѣе и страшнѣе, и, наконецъ, они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

„Написали ли вы свое завѣщаніе?“ — вдругъ спросилъ Вернеръ.

„Нѣтъ.“

„А если будете убиты?“

„Наслѣдники отыщутся сами.“

„Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?...“

Я покачалъ головой.

„Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?...“

„Хотите ли, докторъ, — отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли, я

выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй... Посмотрите, докторъ: видите ли вы на скалѣ направо чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники...“

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

„Мы давно ужъ васъ ожидаемъ“, — сказалъ драгунскій капитанъ съ иронической улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ, докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому:

„Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно.“

„Я готовъ,“ — сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ его было какое-то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

„Объясните ваши условія, — сказалъ онъ, — и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены...“

„Вотъ мои условія: вы нынче же публично откажетесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія...“

„Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?...“

„Что-жъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?...“

„Мы будемъ стрѣляться.“

Я пожалъ плечами. — „Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ.“

„Я желаю, чтобы это были вы...“

„А я такъ увѣренъ въ противномъ...“

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ

довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

„Послушайте, — сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ, — вы, вѣрно, забыли про ихъ заговоръ?... Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе, и они не посмѣютъ... Что́ за охота! подстрѣлятъ васъ, какъ птицу..."

„Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться..."

„Господа, это становится скучно! — сказалъ я имъ громко. — Драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться..."

„Мы готовы, — отвѣчалъ капитанъ. — Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ..."

„Становитесь!" — повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

„Позвольте! — сказалъ я, — еще одно условіе; такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною, и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?..."

„Совершенно согласны."

„Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто

будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться."

„Пожалуй!" — сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или, наконецъ, оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали; но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой. — „Ты дуракъ! — сказалъ онъ Грушницкому довольно громко, — ничего не понимаешь!... Отправимтесь же, господа."

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

„Я вамъ удивляюсь, — сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку. — Дайте пощупать пульсъ!... Ого! лихорадочный!... но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго."

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, если-бъ его секунданты не поддержали.

„Берегитесь! — закричалъ я ему. — Не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря!“

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыхъ ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ; голова чуть-чуть у меня не закружилась: тамъ внизу казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣрили шесть шаговъ и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія, и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы

судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

„Бросьте жребій, докторъ!“ — сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

„Рѣшетка!“ — закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

„Орелъ!“ — сказалъ я.

Монета взвилась и упала звеня; всѣ бросились къ ней.

„Вы счастливы, — сказалъ я Грушницкому: — вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь, даю вамъ честное слово.“

Онъ покраснѣлъ: ему было стыдно убить человѣка безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?... Ему оставалось одно средство — выстрѣлить на воздухъ; я былъ увѣренъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ! Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

„Пора, — шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ: — если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...“

„Ни за что на свѣтѣ, докторъ! — отвѣчалъ я, удерживая его за руку. — Вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитъ...“

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

„О, это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...“

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнулъ ему что-то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣна его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ...

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

„Не могу,“ — сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

„Трусъ!“ — отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣй удалиться отъ края.

„Ну, братъ, Грушницкій, жаль, что промахнулся! — сказалъ капитанъ, — теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужъ не увидимся!“ Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха. „Не бойся! — прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго: — все вздоръ на свѣтѣ!... Натура — дура, судьба — индѣйка, а жизнь — копѣйка!“

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто; Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня.

Я до сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить какъ собаку, ибо, раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

„Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу," — сказалъ я ему тогда.

„Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ прошу: стрѣляйте скорѣе."

„И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?... Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего-нибудь совѣсть?"

„Господинъ Печоринъ! — закричалъ драгунскій капитанъ — вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе; неравно кто-нибудь проѣдетъ по ущелью и насъ увидятъ."

„Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ."

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ.

„Докторъ, эти господа, вѣроятно, второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова — и хорошенько!“

„Не можетъ быть! — кричалъ капитанъ — не можетъ быть! я зарядилъ оба пистолета; развѣ что изъ вашего выкатилась... Это не моя вина! — А вы не имѣете права переряжать... никакого права... это совершенно противъ правилъ; я не позволяю...“

„Хорошо! — сказалъ я капитану, — если такъ, то мы будемъ съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ...“

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

„Оставь ихъ! — сказалъ онъ, наконецъ, капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора. — Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.“

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки, — Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ. Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой:

„Дуракъ же ты, братецъ! — сказалъ онъ, — пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... Подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ, какъ муха...“ — Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ: — „А все -таки это совершенно противъ правилъ.“

„Грушницкій! — сказалъ я, — еще есть время; откажись отъ своей клеветы, и я тебѣ прощу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено; вспомни, — мы были когда-то друзьями...“

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

„Стрѣляйте! — отвѣчалъ онъ. — Я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...“

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю обрыва.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

„Finita la comedia!“ — сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза...

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой. У меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло, лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая до слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ: я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ, очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный, на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

„Все устроено какъ можно лучше: тѣло привезено обезображенное; пуля изъ груди вынута. Всѣ

увѣрены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...“

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?... Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

„Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда съ тобой не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: я обязана сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя: ты поступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчина; ты любилъ меня какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени, я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было!

Но моя любовь срослась съ душой моей; она потемнѣла, но не угасла.

Мы разстаемся навѣки; однако, ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего поспѣшнаго отъѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про твою ссору съ Грушницкимъ. Видно, я очень перемѣнилась въ лицѣ, потому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза; я едва не упала безъ памяти при мысли, что ты нынче долженъ драться, и что я этому причиной; мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Но теперь, когда я могу разсуждать, я увѣрена, что ты останешься живъ: невозможно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой мужъ долго ходилъ по комнатѣ; я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно, я ему сказала, что я тебя люблю...

Помню только, что, подъ конецъ нашего разговора, онъ оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала, какъ онъ велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужъ три часа, какъ я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь умереть!... Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда? Если-бъ я могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю ужъ любить, — нѣтъ, только помнить... Прощай; идутъ... я должна спрятать письмо...

Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? — Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...“

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!... При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ — дороже жизни, чести, счастія! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ

головѣ моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно. — И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два ужъ споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ — казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если-бъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ. Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергая за поводъ — напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; чрезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ итти пѣшкомъ — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и, какъ ребенокъ, заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и если-бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ-бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову, и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно? — ее видѣть? — зачѣмъ? — не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ, однако, пріятно, что я могу плакать. Впро-

чемъ, можетъ-быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты прот и ъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! Это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, еслибъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, растегнулъ архалукъ, и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеньяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо; въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ, лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ противъ обыкновенія не протянулъ мнѣ руки.

„Откуда вы, докторъ?“

„Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна — разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако, я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичекъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ ресторацiи. Я пришелъ васъ предупредить. — Прощайте. Можетъ-быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда-нибудь.“

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и если-бъ я показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился бы мнѣ на шею; но я остался холоденъ какъ камень, — и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другого средства, — а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тягость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я сказать что-нибудь особенно важное? я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой, и проч.

„А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьезно.“

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала, съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ, она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

„Послушайте, мсье Печоринъ; я думаю, что вы благородный человѣкъ.“

Я поклонился.

„Я даже въ этомъ увѣрена, — продолжала она, — хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно; но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ-то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее, — слѣдственно, рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь.

потому что Грушницкій убитъ (она перекрестилась). Богъ ему проститъ — и, надѣюсь, вамъ также!... Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей (тутъ княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она не признается, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ-быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства, — разувѣрьтесь; я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться; вы имѣете состояніе; васъ любитъ дочь моя, она воспитана такъ, что составитъ счастіе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?... Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните, у меня одна дочь... одна...“

Она заплакала.

„Княгиня, — сказалъ я, — мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...“

„Никогда!“ — воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

„Какъ хотите,“ — отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее, — а давно ли!

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣнахъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

„Княжна, — сказалъ я, — вы знаете, что я надъ вами смѣялся?... Вы должны презирать меня.“

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: „Слѣдственно, вы меня любить не можете...“

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

„Боже мой!“ — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, — и я бы упалъ къ ногамъ ея.

„Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою, — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если-бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи; вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе

обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..“

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

„Я васъ ненавижу...“ — сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ, я узналъ близъ дороги трупъ моего лихого коня; сѣдло было снято — вѣроятно, проѣзжимъ козакомъ, — и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни манитъ его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

III

Фаталистъ

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

„Все это, господа, ничего не доказываетъ, — сказалъ старый майоръ, — вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?“

„Конечно, никто, — сказали многіе, — но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...“

„Все это вздоръ! — сказалъ кто-то. — Гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?... И если, точно, есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?“

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ

его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный носъ — принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его, — все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми козачками, — которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ, — онъ никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ — страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. „Поставь ва-банкъ!“ — кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтеровъ. — „Идетъ семерка,“ — отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтера.

„Семерка дана!“ — закричалъ онъ, увидѣвъ его, наконецъ, въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля; и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ и отдалъ ихъ счастливцу, несмотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

„Господа! — сказалъ онъ (голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго), — господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ; я вамъ предлагаю испробовать на себѣ, можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?“

„Не мнѣ, не мнѣ! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!...“

„Предлагаю пари,“ — сказалъ я шутя.

„Какое?“

„Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія,“ — сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ — все, что было у меня въ карманѣ.

„Держу, — отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ. — Майоръ, вы будете судьею; вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу — прибавить ихъ къ этимъ.“

„Хорошо, — сказалъ майоръ, — только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?...“

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за

нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и наудачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

„Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе!“ — закричали ему.

„Господа, — сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку, — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?“

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ, и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе, что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

„Вы нынче умрете!“ — сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

„Можетъ быть, — да, можетъ быть, — нѣтъ...“ — Потомъ, обратясь къ майору, спросилъ, заряженъ ли пистолетъ? Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

„Да полно, Вуличъ! — закричалъ кто-то, — ужъ, вѣрно, заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!...“

„Глупая шутка!“ — подхватилъ другой.

„Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ!“ — закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія. „Послушайте, — сказалъ я, — или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать.“

„Разумѣется, — воскликнули многіе, — пойдемте спать.“

„Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста!“ — сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли. — „Господинъ Печоринъ, — прибавилъ онъ, — возьмите карту и бросьте вверхъ.“

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно: въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... осѣчка!

„Слава Богу! — вскрикнули многіе, — не заряженъ...“

„Посмотримъ, однако-жъ,“ — сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ: выстрѣлъ раздался, дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ, и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что, вѣроятно, полка была засорена: другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой, и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

„Вы счастливы въ игрѣ!“ — сказалъ я Вуличу...

„Въ первый разъ отъ роду, — отвѣчалъ онъ самодовольно улыбаясь, — это лучше банка и штосса.“

„Зато немножко опаснѣе.“

„А что? вы начали вѣрить предопредѣленію?“

„Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...“

Этотъ же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

„Однако-жъ, довольно! — сказалъ онъ, вставая, — пари наше кончилось, и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...“ — Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ — и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темноголубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія-нибудь вымышленныя права. И что-жъ? эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!... А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, — мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвле-

ченной мысли; и къ чему это ведетъ?... Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось? — одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь предопредѣленію или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею; но я остановилъ себя вовремя на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не ввѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чутъ-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но, повидимому, не живое. Наклоняюсь — мѣсяцъ уже свѣтилъ прямо на дорогу — и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два козака бѣжали изъ переулка; одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго козака, который гнался за свиньей. Я объявилъ

имъ, что не встрѣчалъ козака, и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

„Экій разбойникъ! — сказалъ второй козакъ. — Какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ, Еремеичъ; надо его связать, а то...“

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ бо́льшей осторожностью и, наконецъ, счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. „Прощай, Настя!“ — сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?... — „Вставай, одѣвайся!“ — кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ.

„Знаешь, что случилось?“ — сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть. — „Что?“ — „Вуличъ убитъ.“ — Я остолбенѣлъ. — „Да, убитъ! — продолжали они. — Пойдемъ скорѣе.“ — „Да куда же?“ — „Доро́гой узнаешь.“

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный козакъ, изрубившій свинью, и, можетъ-быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если-бъ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказалъ: — „Кого ты, братецъ, ищешь?“ — „Т е б я!“ — отвѣчалъ козакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два козака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи и сказалъ только два слова: „Онъ правъ!“ — Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы; мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по-временамъ опоздавшій козакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и козаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди ихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по-време-

намъ шевелились... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ, надо было на что-нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня; блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда козакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

„Согрѣшилъ, братъ, Ефимычъ, — сказалъ есаулъ, — такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!“

„Не покорюсь!“ — отвѣчалъ козакъ.

„Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!“

„Не покорюсь,“ — закричалъ козакъ грозно, и слышно было, какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

„Эй, тетка! — сказалъ есаулъ старухѣ, — поговори сыну; авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются.“

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

„Василій Петровичъ, — сказалъ есаулъ, подойдя къ майору, — онъ не сдастся — я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? въ ставнѣ есть щель широкая."

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

„Погодите, — сказалъ я майору, — я его возьму живого." Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ козаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

„Ахъ, ты, окаянный! — кричалъ есаулъ. — Что ты надъ нами смѣешься, что ли? али думаешь, что мы съ тобою не совладаемъ?" — Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями козака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія, — и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ. Но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; козаки ворвались, и не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся, офицеры меня поздравляли, — и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?... И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ или промахъ разсудка!... Я люблю сомнѣваться во

всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

„Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!... Впрочемъ, эти азіатскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны или не довольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ; онѣ какъ-то нашему брату неприличны: прикладъ маленькій — того и гляди, носъ обожжетъ... Зато ужъ шашки у нихъ — просто мое почтеніе!“

Потомъ онъ промолвилъ, нѣсколько подумавъ:

„Да, жаль бѣднягу... Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!. Впрочемъ, видно, ужъ такъ у него на роду было написано!...“

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

АШИКЪ-КЕРИБЪ

Турецкая сказка

Давно тому назадъ, въ городѣ Тифлисѣ, жилъ одинъ богатый турокъ. Много Аллахъ далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ; играя на саазѣ* и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидалъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и, наконецъ, заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидавъ спящаго ашика**, отстала и подошла къ нему. — „Что ты спишь подъ виноградникомъ, — запѣла она, — вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо.“ — Онъ проснулся, дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слы-

---

* балалайка. ** балалаечникъ.

шала ея пѣсню и стала ее бранить. — „Если-бъ ты знала, — отвѣчала та, — кому я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила; это твой Ашикъ-Керибъ.“ — „Веди меня къ нему!“ — сказала Магуль-Мегери, и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — „Какъ мнѣ не грустить, — отвѣчалъ Ашикъ Керибъ, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею!“ — „Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ.“ — „Хорошо, — отвѣчалъ онъ, — положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ; если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею.“ — Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который давно уже за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. — „Добрый путь! — кричалъ ему бекъ, — куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ.“ — Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ; наконецъ, завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста,

ни брода. — „Плыви впередъ, — сказалъ Куршудъ-бекъ, — я за тобою послѣдую.“ — Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршудъ-бекъ, взявъ его одежды, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ; только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. — „Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ, — говоритъ онъ, — вотъ его одежды.“ — Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери. „Мой сынъ утонулъ, — сказала она ей, — Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна.“ — Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала: „Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека; прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ.“ — Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ, странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ, переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ, наконецъ, въ Халафъ. По обыкновенію, взошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили, — ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ. Они туда. — „Иди съ нами къ великому пашѣ, — закричали они, — или ты отвѣ-

чаешь намъ головою.“ — „Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса, — говоритъ Ашикъ-Керибъ: — хочу — пойду, хочу — нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ.“ Однако, несмотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. — „Пой!“ — сказалъ паша; и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ нравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблистали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ, — не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ и не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ то время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. — „Возьми ты это блюдо, — говоритъ она, — и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его и, вдобавокъ, вѣсъ его золотомъ.“ — Отправился купецъ, вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери; но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца. — „Это мое!“ — сказалъ онъ, схвативъ его рукою. — „Точно, твое, — сказалъ купецъ: — я узналъ

тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай же скорѣе въ Тифлисъ; твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другого.“ — Въ отчаяніи Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако, онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ, измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня. — „Аллахъ всемогущій! — воскликнулъ онъ, — если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!“ — И хочетъ онъ броситься съ высокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ и слышитъ громкій голосъ: „Огланъ *, что ты хочешь дѣлать?“ — „Хочу умереть,“ — отвѣчалъ ашикъ. — „Слѣзай же сюда, если такъ, я тебя убью.“ — Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса. — „Ступай за мной,“ — сказалъ грозно всадникъ. — „Какъ я могу за тобою слѣдовать — отвѣчалъ ашикъ, — твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою.“ — „Правда; повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй.“ — Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать. — „Что-жъ ты отстаешь?“ — спросилъ всадникъ. — „Какъ же я могу за тобою слѣдовать: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ.“ — „Правда; садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?“ — „Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче,“ отвѣчалъ ашикъ. — „Закрой же глаза.“ — Онъ закрылъ. —

---

* юноша.

„Теперь открой.“ — Смотритъ ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны, и блещутъ минареты Арзерума. — „Виноватъ, Ага, — сказалъ ашикъ, — я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо въ Карсъ.“ — „То-то же! — отвѣчалъ всадникъ, — я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой.“ — Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣна и сказалъ: „Виноватъ, Ага, трижды виноватъ твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ, по настоящему, надо въ Тифлисъ.“ — „Экой ты невѣрный! — сказалъ сердито всадникъ, — но нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой,“ — прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: „Ага, конечно, благодѣяніе твое велико, но сдѣлай еще больше; если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое-нибудь доказательство.“ — „Наклонись, — сказалъ тотъ, улыбнувшись, — возьми изъ подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху; и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза, — и она увидитъ.“ — Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову, — всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель былъ не кто иной, какъ Хадериліазъ *.

* св. Георгій.

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря: „Ана, ана*, отвори! я Божій гость, и холоденъ и голоденъ; прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня.“ — Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: „Для ночлега путниковъ есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы; ступай туда! тамъ можешь провести ночь въ удовольствіи.“ — „Ана, — отвѣчалъ онъ, — я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына, впусти меня!“ — Тогда сестра его говоритъ матери: „Мать, я встану и отворю ему двери.“ — „Негодная! — отвѣчала старуха, — ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе.“ — Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила двери и впустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: „Что виситъ у тебя на стѣнѣ?“ — „Любопытный ты гость, — отвѣчала она, — будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ.“ — „Я ужъ сказалъ тебѣ, — возразилъ онъ, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?“ — „Это саазъ, саазъ,“ — отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему. — „А что значитъ саазъ?“ — „Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни.“ — И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. — „Нельзя, — отвѣчала

* мать.

старуха: — это саазъ моего несчастнаго сына; вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ, и ничья живая рука до нея не дотрогивалась.“ — Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву: „О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ такъ же стройна, какъ и въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней!“ — И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ, и струны согласно заговорили, и онъ началъ пѣть: „Я бѣдный керибъ *, и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутого утеса. Хотя я бѣденъ, и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника.“ — Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: „Какъ тебя зовутъ?“ — „Рашидъ“**, отвѣчалъ онъ. — „Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ, — сказала она, — своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ уже семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ; скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?“ — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: „Позвольте, матушка, взять саазъ и итти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба, сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами.“ — Не позволю, — отвѣчала старуха. — Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому.“ — Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны. — „А если хоть

* странникъ. ** простодушный.

одна струна порвется, — продолжалъ ашикъ, — то отвѣчаю моимъ имуществомъ.“ — Старуха ощупала его суму и, узнавъ, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой * со своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: „Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ позвольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами; и за то я спою вамъ пѣсню.“ — Почему же нѣтъ, — сказалъ Куршудъ-бекъ. — Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, потому что здѣсь свадьба: спой же что-нибудь, ашикъ **, и я отпущу тебя съ полной горстью золота.“

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его: „А какъ тебя зовутъ, путникъ?“ — „Шинди-герурсезъ ***.“ — „Что это за имя! — воскликнулъ тотъ со смѣхомъ, — я въ первый разъ такое слышу.“ — „Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали; „шинди-герурсесъ.“ И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя.“ — Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

---

* занавѣсъ. ** пѣвецъ. *** скоро узнаете.

„Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья, и я прилетѣлъ сюда въ три дня.“

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ кинжалъ, воскликнулъ: „Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня!“

„За что-жъ ты меня хочешь убить, — сказалъ ашикъ, — пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, — вѣрьте мнѣ или не вѣрьте.“

„Пускай продолжаетъ,“ — сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

„Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской долинѣ, полуденный намазъ въ городѣ Арзерумѣ, предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ и вечерній намазъ — въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья, и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ * далъ ашику крылья, и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери.“

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую. — „Такъ-то ты сдержала свою клятву, — сказала ея подруга, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?“ — „Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ,“ — отвѣчала Магуль-Мегери, и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею, и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь зако-

* Господь нашъ.

лоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, промолвивъ: „Успокойся и знай: что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ.“

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

„Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ, — сказалъ женихъ.— Но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?“ — „Въ доказательство истины, — отвѣчалъ ашикъ, — сабля моя перерубитъ камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видала свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе.“ Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери. — „Матушка! — закричала она, — это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ!“ — И, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя: — „Знайте, всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадериліазъ!“ — И мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашикъ-Керибъ сказалъ ему: „Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу! Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя — и будьте такъ же счастливы, какъ я съ моей дорогою Магуль-Мегери.“

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ

(1841 г.)

I

У граф. В*** былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три модныя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ и одинъ гвардейскій офицеръ. Около десятка доморощенныхъ львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ, было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ, пришпиленный къ голубому банту, сверкалъ брилліантовый вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на этомъ лицѣ сіяла печать мысли.

„Здравствуйте, мсье Лугинъ, — сказала Минская кому-то. — Я устала... Скажите что-нибудь.“ — И

она опустилась въ широкое пате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало ясно, что онъ не принадлежалъ къ числу ея обожателей.

„Скучно! — сказала Минская и снова зѣвнула. — Вы видите, я съ вами не церемонюсь," — прибавила она.

„И у меня сплинъ!..." — отвѣчалъ Лугинъ.

Вамъ опять хочется въ Италію, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, — не правда ли?" — Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

„Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи! Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми, — и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галлереѣ испанской школы, такъ нѣтъ! все остальное какъ и прежде; одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны."

Минская улыбнулась.

„Призовите доктора," — сказала она.

„Доктора не помогутъ: это сплинъ!"

„Влюбитесь!"

(Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить).

„Въ кого?"

„Хоть въ меня!"

„Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно; и потомъ скажу вамъ откровенно, ни одна женщина не можетъ любить меня."

„А эта... какъ бишь ее, итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?..."

„Вотъ видите, — отвѣчалъ задумчиво Лугинъ, — я сужу другихъ по себѣ и, въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ, точно, случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти; но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло — нѣтъ; я дуренъ, и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ. Это ясно. Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости; все это грустно, а правда!..."

„Какой вздоръ!" — сказала Минская; но, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ничуть не привлекательна. Несмотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія, во всемъ его существѣ вы бы не встрѣтили ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ

человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ; говорилъ рѣзко и отрывисто; больные и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица — признаки постояннаго и тайнаго недуга — дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лечился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылечился, но, по крайней мѣрѣ, нашелъ средство развлекаться съ пользой: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ иногда изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской: ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился, и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гёте: „Лѣсной царь.“ Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

„Куда вы?“ — спросила Минская.

„Прощайте.“

„Еще рано.“

Онъ опять сѣлъ.

„Знаете ли, — сказалъ онъ съ какою-то важностью, — что я начинаю сходить съ ума?“

„Право?“

„Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ: кто-то мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и — какъ вы думаете, что? — адресъ. Вотъ и теперь слышу: въ Столярномъ переулкѣ, у Кокушкина моста, домъ титулярнаго совѣтника Штосса, квартира нумеръ 27, — и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!...“

Онъ поблѣднѣлъ; но Минская этого не замѣтила.

„Вы, однако, не видите того, кто говоритъ?“ — спросила она разсѣянно.

„Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ.“

„Когда же это началось?“

„Признаться ли? я не могу сказать навѣрное... не знаю... Вотъ что, право, презабавно!“ — сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

„У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ушахъ звенитъ.“

„Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться?“

„Самое лучшее средство, — сказала Минская, подумавъ съ минуту, — итти къ Кокушкину мосту, отыскать этотъ нумеръ и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой-нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то, для приличія, закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... Вы, въ самомъ дѣлѣ, нездоровы...“ — прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

„Вы правы, — отвѣчалъ угрюмо Лугинъ, — я непремѣнно пойду.“ Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему вослѣдъ съ удивленіемъ.

II

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; дома казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извозчики на биржахъ дремали подъ рыжими полостями своихъ саней; мокрая, длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ какой-то сѣролиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ напримѣръ, у Кокушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто и, вообще, одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство. „Гдѣ Столярный пере-

улокъ?“ — спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извозчика, который въ эту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извозчикъ посмотрѣлъ на него, хлестнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. „Ужъ, полно, есть ли Столярный переулокъ?“ Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

„Столярный? — сказалъ мальчикъ, — а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо: первый переулокъ и будетъ Столярный.“

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидалъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ: „Гдѣ домъ Шгосса?“

„Шгосса? Не знаю, баринъ, здѣсь эдакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...“

„Да мнѣ надо Шгосса...“

„Ну, не знаю... Шгосса, — сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ; и потомъ прибавилъ: — нѣтъ, не слыхать-съ!“

Лугинъ пошелъ самъ смотрѣть надписи; что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка, и ни одна надпись ничѣмъ не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи; онъ подбѣ-

жалъ къ этимъ воротамъ и, сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи: доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно не бритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

„Эй, дворникъ!“ — закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

„Чей это домъ?“

„Проданъ!“ — отвѣчалъ грубо дворникъ.

„Да чей онъ былъ?“

„Чей? — Кифейкина, купца.“

„Не можетъ быть! вѣрно, Штосса!“ — воскликнулъ невольно Лугинъ.

„Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса,“ — отвѣчалъ дворникъ, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ будто предчувствуя несчастіе. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои изслѣдованія? Не лучше ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя видимъ насъ ожидающую бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами; наконецъ, обратился къ дворнику съ вопросомъ:

„Новый хозяинъ здѣсь живетъ?“

„Нѣтъ.“

„А гдѣ же?“

„А чортъ его знаетъ!“

„Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?“

„Давно.“

„А есть въ этомъ домѣ жильцы?“

„Есть.“

„Скажи, пожалуйста, — сказалъ Лугинъ, послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый, — кто живетъ въ 27 нумерѣ?“

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

„Въ 27 нумерѣ?... Да кому тамъ жить! онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.“

„Развѣ его не нанимали?“

„Какъ не нанимать, сударь, нанимали!“

„Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...“

„А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.“

„Ну, а кто его послѣдній нанималъ?“

„Полковникъ, изъ анжинеровъ, что ли.“

„Отчего же онъ не жилъ?“

„Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его послали въ Вятку, — такъ нумеръ пустой за нимъ и остался.“

„А прежде полковника?“

„Прежде его было нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣхалъ: слышно, умеръ.“

„А прежде барона?“

„Нанималъ купецъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...“

„Странно!“ — подумалъ Лугинъ.

„А можно посмотрѣть нумеръ?“

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

„Какъ нельзя? можно!“ — отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ, по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленнемъ замкѣ, и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно, въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще, комнаты имѣли какую-то странную, несовременную наружность. Она, не знаю почему, понравилась Лугину.

„Я беру эту квартиру, — сказалъ онъ. — Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри, сколько паутины... да надо хорошенько вытопить.“ Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перстни — все было очень плохо сдѣлано; зато въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно,

начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое, попеременно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ-нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу, — вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашемъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій, — и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе — и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то н е и з ъ я с н и м о е, возможное только генію или случаю.

„Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру!“ — подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресла, опустилъ голову на руку и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

„Что-жъ, баринъ?“ — проговорилъ онъ, наконецъ.

„А?“

„Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.“

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостиницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

„Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить! — думалъ Лугинъ. — Моимъ предшественникамъ, видно, не суждено было въ нее перебраться; это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!... Что-жъ? — ничего.“

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... Надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, чтобъ лечь въ постель, онъ подошелъ со свѣчей къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: с е р е д а.

„Какой нынче день?“ — спросилъ онъ Никиту.

„Понедѣльникъ, сударь...“

„Послѣ-завтра середа“ — сказалъ разсѣянно Лугинъ...

„Точно такъ-съ.“

Богъ знаетъ почему, Лугинъ на него разсердился.

„Пошелъ вонъ!“ — закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головой и вышелъ. Послѣ этого Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частію маленькихъ, была одна размѣра довольно значительнаго. Посреди холста, исчерченнаго углемъ, мѣломъ, и загрунтованнаго зелено-коричневой краской, эскизъ женской головки остановилъ бы вниманіе знатока; но, несмотря на прелесть

рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ — женщину-ангела, — причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько-нибудь испыталъ жизнь. Однако, есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ жалкихъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ, — это правда, однако, въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили даже выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ; но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастиче-

скую любовь къ воздушному идеалу — любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, съ Лугинымъ ничего особеннаго не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда-то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ рисовать — кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать — взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и въ холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчъ и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой-то старинный нѣмецкій вальсъ. Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ; небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки. И онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной и истинной, — и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что-то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и

когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ кѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него, — сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери. „Кто тамъ?“ — вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто хлопали туфли; известка посыпалась съ печи на полъ. „Кто это?“ — повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежь, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сгорбленный старичекъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ Лугина, другую передъ собой и улыбнулся.

„Что вамъ надобно?“ — сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались, и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незванаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

„Это несносно!“ — сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичекъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура

измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съеживался; наконецъ, принялъ прежній видъ.

„Хорошо, — подумалъ Лугинъ, — если это привидѣніе, то я ему не поддамся.“

„Не угодно ли, я вамъ промечу штоссъ?“ — сказалъ старичекъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

„А на что же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе). А если хотите, — продолжалъ онъ, — я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ.“

Старика эта шутка ни мало не сконфузила.

„У меня въ банкѣ вотъ это!“ — отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

„Это? — сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво. — Что̀ это?“

Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

„Мечите! — сказалъ онъ потомъ, оправившись; и, вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту. — Идетъ, темная.“

Старичекъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она съ оника была убита; старичекъ протянулъ руку и взялъ золотой.

„Еще талью!“ — сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

„Что же это значитъ?“

„Въ середу,“ — сказалъ старичекъ.

„А, въ середу! — вскрикнулъ въ бѣшенствѣ

Лугинъ. — Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу! — завтра или никогда! Слышишь ли?“

Глаза страннаго гостя пронзительно засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

„Хорошо!“ — наконецъ, сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась; въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли, и мало-по-малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молоткомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. „Однако-жъ я не поддался ему! — говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить. — Переупрямилъ! Въ середу! какъ-бы не такъ! что я за сумасшедшій! Это хорошо, очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается. А какъ похожъ на этотъ портретъ!... ужасно, ужасно похожъ!... А! теперь я понимаю!...“

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера. „Однако, я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ! — думалъ онъ. — Вѣрно, что-нибудь необыкновенное!“ Когда наступила полночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичекъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому не ожидая отъ Лугина ника-

кого сопротивленія; въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнетическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

„Позвольте!...“ — сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду.

Старичекъ сидѣлъ неподвиженъ.

„Что бишь я хотѣлъ сказать?... Позвольте... да!...“

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

„Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?“

Старичекъ улыбнулся.

„Я иначе не играю,“ — проговорилъ Лугинъ; а межъ тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

„Что-съ?“ — проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

„Штоссъ? — это...“ У Лугина руки опустились; онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее, ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновеніе. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобъ заставить его проиграть

душу. То было чудное и божественное видѣнье: склонясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнаты, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства; то не былъ также пустой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда; то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ на колѣнахъ, и плачемъ, и молимъ, и радуемся Богъ знаетъ чему, — одно изъ тѣхъ божественныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ для себя новую природу, лучше и полнѣе той, къ которой она прикована.

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичекъ сталъ метать; карта Лугина была бита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

„Завтра!“ — сказалъ Лугинъ.

Старичекъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена

повторялась. Всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ: онъ былъ увѣренъ, что, наконецъ, хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ свиданія, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она — не знаю какъ назвать ее — она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ; казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: „Смѣлѣе, не упадай духомъ, подожди: я буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю!“ — и жестокая, молчаливая печаль покрывала своею тѣнью ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что-нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился...

ДРУГОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видали, и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большого свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли, — и слава Богу! потому что иначе я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая; пріятельницы — что она преглупенькая; соперницы — что она предобрая; молодыя женщины — что она кокетка; а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ недостаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. Притомъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой

женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются, и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными; но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень, — да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на-дняхъ, тогда какъ съ бо̀льшею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни и забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволнованну сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже, вѣрно, другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя

важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ — возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса

барокъ, и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской; а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ, и порой двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать, — и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора — признакъ отечески-добраго правленія, а, между тѣмъ, вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!...

Мужики Арбенина, большею частью, занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго

барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если-бъ не пришла на помощь корь — болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи; и если-бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и

странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но увы! никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а, между тѣмъ, онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію...

Оглавленіе

Стр.

Вадимъ 5
Княгиня Лиговская 157
Герой нашего времени 246
Предисловіе 246
Бэла 249
Максимъ Максимычъ 296
Журналъ Печорина 310
Тамань 311
Княжна Мери 326
Фаталистъ 428
Ашикъ-Кериб 441
Отрывокъ изъ начатой повѣсти 452
Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти 472

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET